

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Для служебного пользования

Экз.

ГСВ4В

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ПРАВОСУДИЯ
И
ПРОБЛЕМА УСТРАНЕНИЯ
СУДЕБНЫХ ОШИБОК**

2 ЧАСТЬ

} с

МЮСРВА 1975

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ ОШИБКИ СУДОВ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Глава VII

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СУДЕБНЫХ ОШИБОК И ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ СУДЕЙ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

- М. И. АВДЕЕВ, член-корреспондент АМН СССР, доктор медицинских наук, профессор (гл. IX, § 3)
Н. В. АЛЕКСЕЕВ, кандидат юридических наук (гл. X, XII)
Г. З. АНАШКИН, доктор юридических наук, профессор (гл. VII, § 4, 6)
А. Д. БОЙКОВ, кандидат юридических наук (гл. IX, § 1, 2; гл. XI)
Ю. А. ЛУКАШОВ, член Верховного суда РСФСР (гл. IX, § 4)
К. С. МАКУХИН, старший консультант Президиума Верховного Совета СССР (гл. VIII, § 5).
Т. Г. МОРЩАКОВА, кандидат юридических наук (гл. V; VI; VII, § 1—5; гл. VIII, § 1—4; приложение).
Н. Л. ПЕТРУХИН, кандидат юридических наук (руководитель авторского коллектива) (введение; гл. I; II; III; IV; VIII, § 1—4; заключение)

Научно-техническую работу по теме вели младшие научные сотрудники
М. М. КУЗОВА и Т. И. МИНАЕВА.

Обсчет данных социологических исследований проведен в лаборатории кибернетических методов исследования ВНИИСЭ (Д. Л. ГЛАДИЛИН; кандидат юридических наук О. А. ГАВРИЛОВ; кандидат юридических наук Д. О. ХАН-МАГОМЕДОВ; Н. В. СОЛОВОВА), расчеты корреляционных зависимостей проведены Н. В. ХРАМЦОВОЙ.

litur, (Hill)

(•) иивнтрг тсудлрства и права Академии наук СССР, 1975 г.

§ 1. Значение психологической науки для изучения причин судебных ошибок

Рассмотрение психологических истоков ошибочных решений в судопроизводстве по уголовным делам требует обращения к широкому кругу /проблем общей и (прикладной) психологии. При выяснении логических истоков судебных ошибок изучаются закономерности логического анализа в процессе мышления. В сравнении с этим область (психологического) изучения причин ошибочных судебных приговоров имеет значительно большие пределы. Действительно, в качестве объекта исследования здесь выступают далеко не только психологические закономерности процесса мышления, но и психические явления, изучаемые общей психологией, в том числе психологией личности, а также психологией труда, социальной психологией и, наконец, такой отраслью психологической науки, как судебная психология.

Такой широкий фронт психологического анализа причин судебных ошибок не является случайным.

С первого взгляда было бы, пожалуй, достаточным рассматривать процесс формирования неправильного решения по делу только в пределах, изучаемых судебной психологией, которая приобретает в настоящее время все большее научное и практическое значение. Именно судебная психология должна заниматься выявлением психических закономерностей в судебной деятельности и, разрабатывая практические меры, активно помогать приспособлению психики человека к ее специфическим условиям¹. Справедливо, что судебная психология как самостоятельная прикладная психологическая наука появляется только там, где общие психологические знания не могут быть

¹ А. В. Дулов. Введение в судебную психологию. М., 1970, стр. 35—36.

применены непосредственно² к специфическим условиям судебной деятельности. Но в то же время общие психологические закономерности и знания могут привести к пониманию ряда причин и послужить разработке практических путей предотвращения судебных ошибок.

Психологические исследования судебной деятельности вообще и неправильных судебных решений в частности должны проводиться по крайней мере в трех аспектах. Во-первых, должна быть исследована роль общих психических закономерностей и явлений, относящихся к познавательной, волевой и эмоциональной сторонам в деятельности суда как субъекта познания. Это требует применения данных психологии личности, психологии мышления к изучению психических процессов, состояний и свойств, влияющих на выработку и принятие решения по делу в суде.

Во-вторых, необходимо подвергнуть рассмотрению с позиций социальной психологии социально-психологические явления, характерные для вынесения судебного приговора составом суда как социальной группой, для взаимодействия судей внутри нее и взаимосвязи суда — судьи и народных заседателей — с социальной средой, непосредственно и опосредованно (через участие общественности в судопроизводстве и общественное мнение, через руководство со стороны вышестоящих судебных органов и уголовную политику и т. д.).

И, наконец, в-третьих, речь должна идти о непосредственном предмете прикладной судебной психологии, изучающей особенности психических явлений, связанные со специфической уголовно-процессуальной деятельностью суда: психологические особенности деятельности отдельных участников судебного процесса, психологические основы судебного доказывания и проведения отдельных процессуальных действий, психологическое значение процессуальной формы вообще.

Все специфические особенности психологических явлений в суде изучаются судебной психологией именно потому, что они несомненно связаны с достижением целей правосудия, с установлением объективной истины³, а их понимание является важным условием вынесения законных и обоснованных приговоров и выяснения причин судебных ошибок.

Представление о необходимости и большом значении непосредственного использования общих психологических знаний при изучении причин судебных ошибок объясняет и последующую систему изложения: от отдельных психологических закономерностей и психических явлений — к процессуальным действиям, решениям, отношениям. Этот способ приложения дан-

ных психологии к уголовно-процессуальной деятельности, как правило, не используется в советской литературе по судебной психологии и характеризуется в судебной психологии в целом как «мало продуктивный»⁴. Однако при изучении отдельных явлений в уголовно-процессуальной деятельности, в частности возможных психологических факторов, способствующих вынесению неправосудных приговоров, он дает даже определенные преимущества.

1.-Указанный способ соответствует логике вещей, поскольку в любой сфере человек выступает как личность, а потом уже и на этой основе как «функционер». Поэтому если ставится вопрос о том, какие психологические закономерности делают возможным вынесение неправильного решения по делу, то следует, видимо, в первую очередь рассмотреть те психические явления, которые могут иметь отрицательный эффект для отправления правосудия, а не исходить только из положительного процессуального и построенного на нем психологического статуса, по закону предписанного судьей, беспристрастно воспринимаемому, чуждому эмоциональных элементов, «как бы оторванному от той общественной настроенности, которая сгущается вокруг каждого судебного дела, способному на путях логического анализа открыть объективную истину по делу»⁵.

2. Причины судебных ошибок могут быть связаны со всеми вопросами процессуальной деятельности суда. Поэтому желание идти от процессуальных институтов к психологическим явлениям потребовало бы позитивного изложения всех психологических основ и требований, на которых должны строиться уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная деятельность, т. е. привело бы к необходимости изложить в положительном плане весь раздел судебной психологии, посвященный судебному разбирательству.

3. Представляется важным, чтобы практические работники суда могли бы извлечь из анализа психологических истоков судебных ошибок не только и, может быть, не столько данные о том, какие психологические требования к ним предъявляются (хотя это безусловно важно и заслуживает специального рассмотрения в плане профессионального отбора и подготовки судебных кадров), сколько хотя бы некоторые напоминания о тех общих психологических «опасностях», которых они должны постараться избежать на пути судебного познания. В этом смысле, может быть, следует признать необходимой разработку как судебной психологии, так и психологии для судей, которая могла бы содержать в себе наряду с тем, что почитается у нас

² А. И. Дулин. Введение в судебную психологию, стр. 48—49.

³ А. Конопалов. Познавательная функция судебной психологии.— «Социалистическая законность», 1969, № 3, стр. 25.

⁴ Л. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. Учебное пособие. М., 1967, стр. 14.

⁵ А. Е. Брусилковский. Судебно-психологическая экспертиза. Харьков, Ш29, стр. 34.

теперь как прикладная психология, еще и общепсихологическое знание, конкретно увязанные «с судебной деятельностью».

4. Рассмотрение общих психологических и социально-психологических явлений /применительно к деятельности суда, а не наоборот, при исследовании судебных ошибок предопределяется еще и тем обстоятельством, что судебная психология как разновидность профессиональной психологии имеет сферу (Приложения и рпшых органах судопроизводства. В отличие от деятельности органов предварительного расследования, которая, в большей своей части с психологической стороны разрабатывается прикладной судебной психологией как (профессиональная психология следователя, правосудие не может рассматриваться как область применения только профессиональной психологии. Участие в осуществлении правосудия народных заседателей, построение его на таких основах, как принципы выборности судей, гласности, участия общественности, определяют то непосредственное значение, которое имеют здесь общепсихологические и социальнопсихологические явления.

5. Система изложения материала — от психических явлений к процессуальным — способствует тому, чтобы применительно к истокам судебных ошибок можно было выделить значение всех основных психических явлений: психических процессов, психических состояний, психических свойств. Уголовно-процессуальное законодательство, имеющее, несомненно, и психологическую основу, учитывает главным образом психические процессы: восприятие, память, внимание, мышление. Психические свойства личности учитываются при разработке профессиограмм⁷, определяющих необходимые профессиональные качества следователя. Криминалистическая тактика проведения отдельных следственных действий в своей психологической основе строится на анализе психических состояний и свойств свидетелей и потерпевших, подозреваемого и обвиняемого, управлении состояниями и использовании свойств указанных лиц. Поскольку криминалистическая тактика во многом неприменима в деятельности суда, а профессиограмма судьи еще только начинает разрабатываться в судебной психологии, то ни психические свойства, ни психические состояния, имеющие такое большое значение в деятельности суда, до сих

⁶ Л. В. Ярмоленко, К. К. Платонов, В. Л. Васильев считают более плодотворной для «развития общей психологии разработку судебной психологии и отличие от психологии для судей (Судебная психология для следователей, — «Вопросы психологии», 1958, № 6, стр. М).

⁷ А. // (U)TOIUUL Психограмма судебного следователя.— «Изучение профессии» интеллигентного труда. Исследование интеллекта». М., 1925, гтр. ГИ 04; />. М. Васильев. Психологическая характеристика деятельности ivie/mn;m\jw. Лвтореф. канд. дисс. Л., 1970; Г. Г. Шиханцов. Профессеепж.ч.пын) важные психические качества следователя. М., Ш69.

пор не исследовались. Это в определенном смысле результат не только начального этапа в развитии психологии судебного разбирательства, но и издержки рассмотрения-вопросов судебной психологии без непосредственного применения общих психологических данных, к исследованию деятельности по осуществлению правосудия.

Представляется, что все вышеизложенное в достаточной степени обосновывает возможность и значение непосредственного приложения и преломления отдельных общепсихологических категорий и общепсихологических исследований при анализе причин судебных ошибок.

§ 2. Психологическая (направленность процессуальной регламентации на предупреждение судебных ошибок

В качестве одной из черт, определяющих специфику психических явлений в уголовном судопроизводстве, всегда называется строгая нормативная регламентация /процессуальной деятельности⁸.

Поэтому заслуживает внимания рассмотрение психологического смысла правового регулирования в уголовном судопроизводстве в связи с вопросом о причинах судебных ошибок и путях их предотвращения.

Психологические закономерности учитываются в уголовно-процессуальном законодательстве с основной определенной целью: устранять влияние психологических факторов, способствующих вынесению ошибочных решений три рассмотрении уголовных дел, и прежде всего нейтрализовать возможные психологические источники искажений при установлении фактических обстоятельств дела.

Анализ уголовно-процессуальных норм, относящихся к судебному разбирательству, показывает, что они имеют в психологическом плане два аспекта регулирования: психологические требования, обеспечивающие доброкачественность судебного познания и всех используемых в нем доказательств как средств познания, и одновременно правила, устраняющие возможное негативное влияние психологических факторов в процессе принятия решения по делу. Можно проследить в подтверждение этого характер психических явлений, которые лежат в основе целого ряда уголовно-процессуальных предписаний.

Принципы независимости судей (ст. 16 УПК РСФСР), устности, непрерывности судебного разбирательства (ст. 240

⁸ Ю. И. Ильченко. Психологический аспект особых условий оперативно-розыскной и следственной работы.—«Вопросы криминалистики и судебной экспертизы». Сб. 5. Душанбе, 1966, стр. 78; Г. Г. Шиханцов. Методы психологического изучения следственной деятельности.—«Вопросы государства и права». Вып. 1. Минск, 1969, стр. Ш2.

УПК), состязательности и отделения функций обвинения и защиты от функций разрешения дела преследуют в качестве одной из целей необходимость создания максимально благоприятных условий, менее всего искажающих течение психических процессов восприятия, запоминания, мышления. Эти принципы способствуют фиксации у судей, рассматривающих дело, таких психических состояний, как сосредоточенность, активность, решительность, уверенность, непредубежденность, ограничивают влияние ряда социально-психологических факторов, например внушения, влияния авторитета, общественного мнения. Указанные процессуальные принципы призваны, следовательно, обеспечить и с психологической стороны необходимые качества судебного познания и процесса принятия решения.

На ограничение возможных ошибок в познавательных процессах в судебном разбирательстве направлены предписания об отводе судей и других участников судопроизводства, если они лично, прямо или косвенно заинтересованы в деле (ст. 23, 59, 60, 64, 66 УПК). Закон имеет в виду не только устранение условий для злоупотребления со стороны участников процесса в этом случае, но и учитывает возможное влияние психического состояния заинтересованности на результаты познания, что подтверждается установлением аналогичных оснований и для самоотвода (ст. 61 УПК). В требовании устранения судьи от рассмотрения уголовного дела, если он участвовал в нем ранее как судья в любой судебной инстанции или в качестве любого другого участника процесса (ст. 59, 60 УПК), учитывается такое психическое явление, как установка, определяемая уже сложившимся в предыдущей ситуации мнением по делу, психической склонностью к стереотипному выводу в повторяющихся условиях, что может помешать принять правильное, но иное решение.

Условия рассмотрения уголовных дел судьями, которые независимы и подчиняются только закону, должны исключать постороннее воздействие на них (ст. 16, абз. 2 УПК). Это обеспечивается и обязательным соблюдением тайны совещания судей (ст. 302 УПК). Председательствующий при рассмотрении дела судья высказывает свое мнение при решении всех вопросов в момент вынесения приговора в совещательной комнате после народных заседателей (ст. 306 УПК). Это служит цели нейтрализации подчинения последних в выводах авторитету судьи, обеспечению благоприятных психологических условий формирования мнения каждого судьи по данному делу.

Правила об использовании отдельных видов доказательств тоже направлены на ослабление различных отрицательных явлений в познавательных психических процессах, на которых основываются выводы самого суда или лиц, сообщающих ему необходимую информацию в качестве обвиняемых, свидетелей, потерпевших. Закон запрещает основывать обвинение на при-

знании обвиняемым своей вины, не подтвержденном другими доказательствами (ст. 77 УПК), стремясь максимально устранить (психологическое воздействие признания, которое может создать у суда неверную установку при оценке обстоятельств дела.

Психологическое значение установки учтено в правилах, предписывающих отвод эксперта, если он производил по делу ревизию, материалы которой послужили основанием к возбуждению уголовного дела, или участвовал в деле в качестве специалиста (ст. 67, п. 3 УПК).

Не может быть свидетелем лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильное показание (ст. 72 УПК), а для проверки сомнений относительно этих (способностей обязательно проведение экспертизы (ст. 79, п. 3 УПК).

Обязательное выяснение взаимоотношений свидетелей и потерпевших с обвиняемым (ст. 74, 75 УПК), допрос свидетелей порознь и предупреждение возможного общения уже допрошенных и недопрошенных свидетелей (ст. 158, 280 УПК), присутствие педагога при допросе несовершеннолетних свидетелей (ст. 169 УПК), деление допроса на две части — свободный рассказ свидетеля и последующие ответы на вопросы (ст. 158, 159, 283 УПК), возможность проведения закрытого судебного разбирательства по делам о преступлениях несовершеннолетних (ст. 18, абз. 2 УПК), запрет домогаться показаний обвиняемого (ст. 20 УПК), правило о возможном допросе одного подсудимого в отсутствие другого (ст. 280 УПК) и о допросе несовершеннолетнего свидетеля в отсутствие подсудимого (ст. 285 УПК), порядок, установленный для опознания (ст. 165 УПК), запрет оглашать прежние показания лица на очной ставке до его допроса (ст. 163 УПК) или в судебном заседании до проведения судебного допроса (ст. 281, 286 УПК)— вот совокупность процессуальных правил, призванных контролировать и устранять отрицательное влияние таких психологических явлений, как заинтересованность, внушение, ложная установка, создающих или искажающих определенные представления и убеждение в отношении обстоятельств дела.

В перечисленных процессуальных правилах учтено влияние таких психологических факторов, связь которых с ошибками в судебном познании опосредуется наличием определенных очевидных фактов: например, нарушение тайны совещания, общение свидетелей между собой, прежнее участие в рассмотрении дела, родственные связи участников процесса и т. д.

Устранение таких фактов, создающих объективно существующую и выраженную во вне возможность для появления причин судебных ошибок психологического характера, не представляет особой трудности.

■

Во-первых, они легко устанавливаются.

Во-вторых, их наличие свидетельствует о нарушении процессуального закона, а это в свою очередь ведет к аннулированию всех процессуальных действий и отношений, связанных с данным нарушением. В-третьих, существует и процессуальная, следовательно, строго регламентированная форма ликвидации этих нарушений, а, значит, и появляющихся' благодаря им психологических истоков ошибочных решений.

Нельзя, конечно, считать, что все психологические факторы такого рода уже полностью учтены процессуальным законом. Но дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства проще всего может обеспечивать осуществление дополнительных мер в этом направлении. Например, введение обязательной фиксации в протоколе судебного заседания не только существа показаний, но и вопросов, которые им предшествовали, помогло бы определять психологически формирующее значение вопросов и характеризовало бы в большей степени атмосферу допроса, что важно для оценки как показаний, так и всего судебного процесса при проверке приговора во второй инстанции. Дополнительные вспомогательные средства фиксации хода судебного разбирательства (стенограмма, магнитофонная запись) нейтрализовали бы существенное влияние, которое оказывают на содержание протокола судебного заседания психические качества лица, составляющего протокол. А расширение прав вышестоящих судебных инстанций по непосредственному исследованию доказательств помогало бы преодолению «гипноза документов дела»⁹.

Однако психологические основы процессуальной деятельности не ограничиваются лишь теми, которые отражены в указанных правилах действующего или возможного в будущем регулирования. Большая их часть не может быть регламентирована законом. В то же время каждый процессуальный принцип и вся процессуальная деятельность связаны с психологическими явлениями, имеющими для достижения цели уголовного судопроизводства не только положительное, но и отрицательное значение. Заслуживают специального исследования психологические проблемы судебной памяти, восприятия на слух, пределов восприятия, установки в связи с процессуальными принципами устности, непосредственности, оценки доказательств по внутреннему убеждению, состязательности и многие другие¹⁰.

⁹ А. Е. Брусиловский. Судебно-психологическая экспертиза, стр. 38.

¹⁰ А. Е. Брусиловский. Судебно-психологическая экспертиза, стр. 35—36; Г. М. Резник. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Канд. дисс. М., 1969, стр. 336, 345, 354 и др.

§ 3. Психическая установка, психические состояния и общая активность личности как факторы, влияющие (на судебные ошибки)

Поскольку одна из целей данной работы — выявление причин ошибочных решений, то должны быть прежде всего рассмотрены те психические явления, которые в наибольшей степени с ними связаны.

Как уже говорилось, процессуальный закон учитывает некоторые из них как бы в двух аспектах — с точки зрения качества познания в суде и характера принятия самого решения. Это вполне соответствует тому положению, что в качестве психических компонентов любой деятельности всегда выделяются в первую очередь познавательная и мотивационная или волевая сфера, а также эмоциональная, отражающаяся как в первой, так и во второй¹¹. Названные компоненты получают свое реальное воплощение в любой деятельности через соответствующие им психические процессы (ощущение, запоминание, мышление и т. д.), протекающие на фоне и под воздействием психических состояний (заинтересованность, внимание, сосредоточенность, рассеянность, умственное напряжение, сомнение и т. д.). (Причем как психические процессы, так и психические состояния репродуцируют в себе устойчивые свойства личности (темперамент, характер, направленность, способности, чувства, мировоззрение и т. д.). Практически любое из названных психических явлений может играть в зависимости от его соответствия цели судебной деятельности положительную или отрицательную роль в судебном познании и вынесении судебного приговора. Представляется, однако, важным выделить из них наиболее значимые для исследования причин судебных ошибок.

В связи с этим кажется необходимым, исходя из общего принципиального положения психологии о том, что результат внешнего воздействия зависит от внутреннего состояния субъекта, рассмотреть применительно к психологическим истокам судебных ошибок «эффект психологической установки», обнаруживающейся в самых различных психических процессах¹². Значение этого явления определяется тем, что установка предшествует всем, в том числе и познавательным, психическим процессам, влияет на их течение, направляет мышление субъекта в соответствии с определенными условиями, представляя собой готовность к определенной форме реагирования в раз-

¹¹ С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования. М., Ш58, стр. 58; А. Г. Ковалев. Психология личности, М., 1970.

¹² А. С. Прангишвили. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967, стр. 21.

личных видах деятельности¹³. При этом установка играет часто благоприятную роль, ускоряет использование прошлого опыта. Она служит как бы психической гарантией максимальной мобилизации накопленных знаний, поскольку ее возникновение и фиксация являются результатом необходимости решать аналогичные задачи в одних и тех же или сходных условиях. Многократное повторение таких ситуаций, делая установку фиксированной, приводит к тому, что с каждой следующей задачей она проявляется быстрее и легче. Она может возникать и в силу этого и в несоответствующих условиях, провоцируя появление, неадекватное конкретному случаю. Это приводит в рамках разных видов деятельности к иллюзиям, ошибкам.

Изучая проблему ошибок в деятельности по осуществлению правосудия, исследователь не может не обратить внимания на такие случаи вынесения ошибочных приговоров, которые не объяснимы с позиций процессуальной теории, не являются результатом каких-то пробелов в законодательстве и не связаны с нарушением принципов научной организации труда¹⁴.

Можно коротко назвать такие случаи в общем виде.

1. Суд правильно устанавливает обстоятельства дела, являющиеся основанием для вынесения оправдательного приговора, однако не может оценить их как таковые и выносит обвинительный приговор.

2. В случаях, когда нет достаточных оснований для вынесения обвинительного приговора, суд возвращает дело для производства дополнительного расследования, между тем очевидно: а) дополнительные доказательства получить невозможно и поэтому подсудимый должен быть оправдан или б) для суда является доступным и целесообразным самостоятельное проведение необходимого дополнительного исследования.

3. При недостаточной обоснованности обвинения, которая подтвердилась в судебном разбирательстве, суд выносит обвинительный приговор, причем определяет такую низкую меру наказания, что она явно не соответствует мере наказания, назначенной которой являлось бы необходимым в случае доказанности обвинения.

Вышестоящие судебные органы, как правило, констатируют в таких случаях нарушение закона и отменяют неправильное

¹³ И. Л. Элиава. Мыслительная деятельность и установка.— «Исследования мышления в советской психологии». М., 1966, стр. 279—280; А. С. Францшвилл. Исследования по психологии установки, стр. 52. Речь здесь идет о понятии установки, изучаемой в экспериментальной психологии, в отличие от понятия установки в социальной и профессиональной психологии. Значение последнего и по отношению к судебной деятельности имеет другой смысл и иные пределы действия, чем общепсихологическое понятие установки.

¹⁴ Под последними имеются в виду прежде всего условия работы и уровень профессиональной пригодности и профессиональной подготовки судей.

решение, требуя от нижестоящих судов строжайшего соблюдения процессуальных норм. Однако при обобщениях судебной практики не всегда удается определить, в чем причина такой неправильной, а между тем повторяющейся позиции, встречающейся не только у судей со слабой профессиональной подготовкой, но и у знающих судей¹⁵.

В определенной степени это помогают выяснить исследования по психологии установки. Их экспериментальные данные позволяют сделать ряд важных выводов, действие которых разумно предположить и для области уголовного судопроизводства. Трудности, обусловленные возникновением определенной установки на предшествующих этапах работы, выражаются в том, что мышление субъекта в любой сфере деятельности приобретает избирательную направленность. При возникновении в мыслительной и практической деятельности какой-то новой задачи некоторое время продолжает действовать возникшая раньше установка, которая иногда подавляет способность увидеть появление новой задачи, принять ее как подлежащую решению каким-то другим способом и, наконец, правильно решить. Характер возникшей первоначально установки зависит от психических качеств субъекта деятельности он влияет на возможность правильного решения новой задачи. Установка может быть статичной, негибкой, и тогда перестройка на новое решение не удастся. Но может быть и тип гибкой, динамичной установки, обеспечивающей быструю перестройку¹⁶. В экспериментальной психологии при исследовании этих черт и значения установки в решении мыслительных задач выявлено, что после изменения характера задачи испытуемые разделяются по своему поведению на три группы. Одна группа вовсе не замечает новой задачи и решает ее по старому образцу. Другая группа, обнаружив новую задачу, проблемную ситуацию, не пытается, однако, ее решить. Только третья группа принимает новую задачу как подлежащую решению и решает ее, но и это бывает не всегда успешным. Такое положение объясняется тем, что и в новом материале на первый план выступает все то, что увязано с прежними принципами решения¹⁷.

В познавательном компоненте судебной деятельности (рассматриваемой с психологической стороны) не может не отражаться установка судьи, выступающего в качестве носителя определенных мыслительных свойств, установка, характеризующая своеобразие его подхода к решению практических и теоретических задач, особенности выбираемых им путей и способов решения. То, что деятельность судьи процессуально регла-

В. Шубин. Судья и закон.— «Советская юстиция», Ш70, Мб 15, стр. 28—24.
Я. Л. Элиава. Мыслительная деятельность и установка, стр. 290—311.
Там же, стр. 3110—318.

мантирована, не лишает его определенных психических особенностей, хотя и действует на эти особенности в какой-то степени нейтрализующе, поэтому можно предположить, что та перестройка, которая необходима при появлении новых фактов и обстоятельств в судебном (разбирательстве, будет несложна для одного судьи и представляется трудной задачей для другого. В то же время процессуальный закон, так же как и процессуальная деятельность, содержит целый ряд положений, которые по своему обязательному характеру и реальной широкой распространённости способствуют созданию определенной установки, ориентирующей на стереотипное (в смысле согласованности с уже состоявшимися по делу до судебного разбирательства) решение. Существование таких положений в законе и на практике, а следовательно, и возникновение на их основе определенной установки не может признаваться аномалией, и требует лишь внимания к проблеме нейтрализации отрицательного значения этого явления для конкретных случаев ошибочных решений.

Пели закон требует от органов расследования, чтобы расследование было проведено полно, всесторонне и объективно, с соблюдением всех общих принципов уголовного процесса, если предусмотрены определенные требования и формы контроля по отношению к ИВССМ процессуальным действиям и решениям до передачи дела в суд (практика органов судопроизводства подтверждает, что такая передача имеет место, как правило, на законных основаниях и в законной форме), то тем самым создается и определенная основа для установки у судей, затрудняющей выявление ими, в каждом деле новой задачи по сравнению с поставленной органами расследования, тем более что на практике появление такой задачи подтверждается лишь для небольшого процента дел.

Проблема установки судьи связана и с общим вопросом психологической значимости предыдущих решений, состоявшихся по делу. Уголовно-процессуальная теория и законодательство создают реальный внешний противовес отрицательному влиянию таких решений, на это направлены презумпция невиновности¹⁸, признание возможности формирования окончательного внутреннего убеждения судьи по делу только в совещательной комнате и правила о повторном рассмотрении дела судом первой инстанции непременно в новом составе. Но эти положения теории и требования закона обеспечивают контроль только в том случае, если существуют внешние факторы, в которых может проявляться определенная установка судьи при решении того или иного дела. И, кроме того, они учитывают только те (возможные проявления этого психического фактора,

¹⁸ Л. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. Учебное пособие, стр. 48.

которые связаны со спецификой деятельности по осуществлению правосудия. Учесть же в подобных правилах значение установки и ее качества как общего психического явления, характеризующего внутреннюю мыслительную деятельность судьи в качестве субъекта познания, невозможно.

Между тем ее значение как вероятного психологического источника ошибочного решения в познавательной деятельности судьи определяется тем, что: 1) благодаря определенной установке момент формирования внутреннего убеждения судьи предшествует часто моменту удаления суда в совещательную комнату; 2) судья, невольно руководствуясь сложившейся установкой, определяет пределы исследования в уголовном процессе, «самый важный вопрос, от которого зависит максимальное количество судебных ошибок» и который должен быть поставлен как проблема судебской и общественной психологии и 3) установка может влиять не только на определение предмета исследования в суде, но и очерчивать круг тех фактов, которые судья в состоянии реально воспринять (категория «субъективной недоступности»)²⁰, объясняя часто, почему некоторые из них, очевидные для вышестоящего суда, не привлекли должного внимания добросовестно действовавшего судьи первой инстанции.

Рассматривая значение психического эффекта установки для момента формирования внутреннего судебного убеждения, необходимо отметить, что установка судьи по своим качествам должна являться образцом гибкой, подвижной установки. Какой-то толчок для ее образования дает уже ознакомление с материалами дела. Причем здесь в качестве установки часто выступает не присоединение к уже высказанному органами расследования убеждению, а образование собственного, хотя, естественно, не окончательного мнения.

Характер же установки должен быть таким, чтобы она под влиянием определенных новых обстоятельств, обнаруживающихся в процессе судебного исследования, могла своевременно меняться. Это требование, обращенное к внутренним психическим процессам, каждый судья должен предъявлять самому себе. Реальность его соблюдения во многом зависит и от природных психических качеств судьи, и от их сознательного формирования в процессе профессиональной подготовки и практической судебной деятельности. Однако установка судьи не всегда является настолько подвижной, чтобы она могла воспрепятствовать восприятию судьей собственного априорного мнения по делу как окончательного.

¹⁹ Л. Е. Брусиловский. Судебно-психологическая экспертиза, стр. 36. Материалы об отмене судебных приговоров в связи с неполнотой предварительного или судебного следствия см. в гл. VIII.

²⁰ Ю. В. Идашкин. Криминалистика и психология.— «Вопросы криминалистики», М., ИШ1, № 11-2, стр. 4)1,

монтирована, не лишает его определенных психических особенностей, хотя и действует «на эти особенности в какой-то степени нейтрализующе», поэтому можно предположить, что та перестройка, которая необходима при появлении новых фактов и обстоятельств в судебном /разбирательстве, будет несложна для одного судьи и представляется трудной задачей для другого.. В то же время процессуальный закон, так же как и процессуальная деятельность, содержит целый ряд положений, которые по своему обязательному характеру и реальной широкой распространённости способствуют созданию определенной установки, ориентирующей на стереотипное (в смысле согласованности с уже состоявшимися по делу до судебного разбирательства) решение. Существование таких положений в законе и в практике, а следовательно, и возникновение на их основе определенной установки не может признаваться аномалией и требует лишь внимания к проблеме нейтрализации отрицательного значения этого явления для конкретных случаев ошибочных решений.

Закон требует от органов расследования, чтобы расследование было проведено полно, всесторонне и объективно, с соблюдением всех общих принципов уголовного процесса, если предусмотрены определенные требования и формы контроля по отношению ко всем процессуальным действиям и решениям до передачи дела в суд (практика органов судопроизводства подтверждает, что такая передача имеет место, как правило, на законных основаниях и в законной форме), то тем самым создается и определенная основа для установки у судей, затрудняющей выявление ими в каждом деле новой задачи по сравнению с поставленной органами расследования, тем более что на практике появление такой задачи подтверждается лишь для небольшого процента дел.

Проблем?! установки судьи связана и с общим вопросом психологической значимости предыдущих решений, состоявших по делу. Уголовно-процессуальная теория и законодательство спадают реальный внешний противовес отрицательному влиянию таких решений, на это направлены презумпция невиновности¹⁸, признание возможности формирования окончательного внутреннего убеждения судьи по делу только в совещательной комнате и правила о повторном рассмотрении дела судом первой инстанции непременно в новом составе. Но эти положения теории и требования закона обеспечивают контроль только в том случае, если существуют внешние факторы, в которых может проявляться определенная установка судьи при решении того или иного дела. И, кроме того, они учитывают только те (возможные проявления этого психического фактора,

¹⁸ А. И. Ритшов. Судебная психология для следователей. Учебное пособие., стр. «18

которые связаны со спецификой деятельности по осуществлению правосудия. Учесть же в подобных правилах значение установки и ее качество как общего психического явления, характеризующего внутреннюю мыслительную деятельность судьи в качестве субъекта познания, невозможно.

Между тем ее значение как вероятного психологического источника ошибочного решения из познавательной деятельности судьи определяется тем, что: 1) благодаря определенной установке момент формирования внутреннего убеждения судьи предшествует часто моменту удаления суда в совещательную комнату; 2) судья, невольно руководствуясь сложившейся установкой, определяет пределы исследования в уголовном процессе, «самый важный вопрос, от которого зависит максимальное количество судебных ошибок» и который должен быть поставлен как проблема судебной и общественной психологии¹⁹ и 3) установка может влиять не только на определение предмета исследования в суде, но и очерчивать круг тех фактов, которые судья в состоянии реально воспринять (категория «субъективной недоступности»)²⁰, объясняя часто, почему некоторые из них, очевидные для вышестоящего суда, не привлекли должного внимания добросовестно действовавшего судьи первой инстанции.

Рассматривая значение психического эффекта установки для момента формирования внутреннего судебного убеждения, необходимо отметить, что установка судьи по своим качествам должна являться образцом гибкой, подвижной установки. Какой-то толчок для ее образования дает уже ознакомление с материалами дела. Причем здесь в качестве установки часто выступает не присоединение к уже высказанному органами (расследования) убеждению, а образование собственного, хотя, естественно, не окончательного мнения.

Характер же установки должен быть таким, чтобы она под влиянием определенных новых обстоятельств, обнаруживающихся в процессе судебного исследования, могла своевременно меняться. Это требование, обращенное к внутренним психическим процессам, каждый судья должен предъявлять самому себе. Реальность его соблюдения во многом зависит и от природных психических качеств судьи, и от их сознательного формирования в процессе профессиональной подготовки и практической судебной деятельности. Однако установка судьи не всегда является настолько подвижной, чтобы она могла воспрепятствовать восприятию судьей собственного априорного мнения по делу как окончательного.

А. Е. Брусиловский. Судебно-психологическая экспертиза, стр. 36. Материалы об отмене судебных приговоров в связи с неполнотой предварительного или судебного следствия см. в гл. VIII.

Ю. В. Идашкин. Криминалистика и психология.— «Вопросы криминалистики», М., 1861, № 11-2, стр. 4)к

Теоретически позволительно предположить определенное влияние установки (наряду с другими возможными факторами логического, процессуального, организационного порядка) на принятие неправильного решения. Учет удельного веса различных оснований отмены приговора по изученным делам²¹ дает возможность сделать и более точные выводы.

Каждое основание отмены приговора, предусмотренное УПК, может быть в определенной степени причинно связано с психическим эффектом установки. Ею могут быть продиктована и неполнота судебного следствия, и существенное нарушение уголовно-процессуального закона, выражающееся в том, что дело не прекращено при наличии оснований для его прекращения²², и др.

Однако более всего вывод о существенной роли установки как одного из психологических истоков ошибки подтверждается анализом такого основания отмены приговоров, как несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Конкретные проявления этого основания, как правило, сочетающие в себе психологические и логические факторы, вызвавшие ошибочные решения, позволяют выделить еще более узкий круг случаев, когда ошибочный вывод, не соответствующий данным посылкам и свидетельствующий об отступлении от каких-то логических принципов, сделан вследствие действия психического фактора установки.

Частные проявления несоответствия вывода суда фактическим обстоятельствам дела, а именно случаи, когда в основу приговора положены не относящиеся к делу материалы, когда выводы суда основаны на предположениях или на противоречивых доказательствах или выводы сами содержат существенные противоречия, могут в равной степени вызываться как логическими, так и психологическими факторами, действующими в процессе судебного познания.

Можно выделить, однако, и такие формы несоответствия выводов суда обстоятельствам дела, в которых на первый план, как представляется, выступает психический фактор установки. Это случаи, когда: 1) собранных доказательств недостаточно для вывода о виновности, а вынесен обвинительный приговор; 2) собранных доказательств достаточно для вывода о виновности, а вынесен оправдательный приговор и 3) суд не учел обстоятельств, отраженных в материалах дела, которые могли существенно повлиять на его выводы²³.

²¹ См. приложение.

²² См. гл. VIII.

²³ Представляются несомненными психологические истоки ошибки в таких выводах. Наряду с влиянием установки здесь могло бы проявиться и определенное внешнее влияние, оказываемое на суд через общественное мнение, печать или незаконные меры вмешательства в судебную деятельность. Но, во-первых, психический эффект установки так или иначе про-

Из 1803 дел с отмененными приговорами, обобщенных анкетным методом, в 903 случаях имели место названные основания отмены. С указанными оговорками это подтверждает отрицательное влияние установки на судебное решение в 50% случаев отмены приговоров²⁴.

Примеры из судебной практики и некоторые статистические данные, определяющие характер неправильных судебных решений, позволяют предположить также, что влияние установки в области судебной деятельности дифференцируется в соответствии с тем ее эффектом, который обнаружен в экспериментальной психологии: а) при появлении новых обстоятельств в судебном исследовании суд может не оценить новую ситуацию и решать ее исходя из старых посылок; б) правильно оценивая обстоятельства дела, суд старается избежать самостоятельного решения новой задачи и, наконец, в) усмотрев определенные новые обстоятельства, суд находит определенное новое решение, но неверное.

В судебной статистике все случаи, когда суд должен был усмотреть в процессе судебного разбирательства наличие иной ситуации в сравнении с тем, как она охарактеризована органами расследования, будут охватываться данными о возвращении дела на дополнительное расследование из распорядительного и судебного заседания, количеством оправдательных приговоров и дел, которые после отмены приговоров вышестоящими судебными инстанциями были прекращены или направлены на дополнительное расследование. Причем отмена приговоров с прекращением дела или направлением на дополнительное расследование — это именно те случаи, когда суд не увидел или не оценил правильно новые обстоятельства, меняющие задачу и создающие новую проблемную ситуацию. Из данной совокупности уголовных дел, подлежащих иному решению, суды первой инстанции не смогли принять его в 1967 г. более чем в 26%, в 1968 г. — более чем в 23% и в 1969 г. — более чем в 21,5% случаев. Это подтверждает то значение, которое должно придаваться изучению действия психического фак-

является или преодолевается при принятии каждого решения, а распространение этих факторов имеет, видимо, меньшие пределы. И, во-вторых, даже наличие такой внешней обусловленности несоответствующих обстоятельств выводов суда не лишает истоки ошибок психологической окраски, потому что в этих случаях внешних влияний речь идет о действии социально-психологических факторов (см. данную главу, § 6).

Этот процент в действительности является даже несколько заниженным, поскольку он не учитывает те случаи, когда установка может действовать в сочетании с факторами другого порядка. В нем принимается во внимание лишь такой вариант, при котором, хотя бы умозрительно, возможен вывод о довлеющем действии установки. Фактически же в судебном познании, как и во всяком другом, не может быть такого разделения «сфер влияния» различных психологических и иных моментов.

тора установки и нейтрализующих его мер, которые могли бы нупользоваться в уголовном судопроизводстве²⁵.

Важно также подчеркнуть, что в случаях, когда меняющие или не подтверждающие ситуацию обстоятельства остаются за пределами судейского восприятия, хотя они и находят отражение в судебном разбирательстве, речь не всегда идет о том, что судья воспринимает лишь то, что соответствует решению, предлагаемому органами расследования. Установка в судебном познании может появиться независимо от выводов органов расследования и является результатом не только фиксации обычного соотношения досудебной и судебной ступеней познания, а проявляет своеобразие (подхода к решению задачи, который мог сформироваться и формируется и после передачи дела в суд. Это обнаруживается в следующих данных. Выводы суда, не соответствующие фактическим обстоятельствам дела, могут быть разной направленности. По результатам анкетного обобщения таких случаев большая их часть характеризуется тем, что по делу вынесен обвинительный приговор, когда собранных доказательств недостаточно для вывода о виновности (583 случая из 650, или 89,7%).

Для изучения действия психологических факторов большой интерес представляет то обстоятельство, что по 10,3% изученных дел, где основанием отмены приговора была неподтвержденность выводов суда рассмотренными в судебном заседании обстоятельствами, это конкретно выражалось в наличии достаточных доказательств для вывода о виновности, но суд вынес оправдательный приговор.

Такое положение, (когда суд может вообще не заметить ничего нового в судебном материале, является менее характерным, чем ситуация, когда суд, установив обстоятельства дела в ином виде, не решает, однако, эту новую задачу. При обобщениях судебной практики подобные случаи часто характеризуются как «необъяснимые» и «непонятные»²⁶.

Примером может служить дело В. по обвинению в нарушении правил движения (ст. 211 УК РСФСР), рассмотренное Алагирюким районным народным судом Оверо-Осетинской АССР²⁷. Согласно обвинительному заключению И. обвинялся в том, что управлял грузовой автомашиной, груженой се-

²⁵ С точки зрения «психологической превенции» интересен тот факт, что в ГДР после принятия первого УПК 1952 г. уголовно-процессуальная теория выдвинула не закрепленный специальными нормами в законе, но представлявшийся плодотворным «принцип критики» как один из основных принципов уголовного процесса. Согласно этому принципу задачей каждого органа судопроизводства должна была быть тщательная критика всей предыдущей уголовно-процессуальной деятельности, т. е. этот принцип ориентировал не просто на проверку решений, а на проверку их опровержимости, оставляя возможность присоединения к уже высказанной оценке только тогда, когда ее нельзя опровергнуть.

²⁶ /> Ил/тJiifi, Судьи и закон, стр. 05.

²⁷ Там >м\

ном, в нетрезвом состоянии, посадит в кузов поверх сена пассажира, который на ходу упал с машины и разбился. Суд установил в судебном заседании и указал в приговоре «а то, что потерпевший без ведома водителя сел на автомашину и упал по своей вине. Но приговор вынес не оправдательный, а обвинительный, принимая во внимание, что имеются «некоторые признаки состава преступления, предусмотренного ст. 211 УК». Приговор был отменен в порядке надзора.

Позиция, занятая судом, перестает быть «необъяснимой», если сопоставить ее со случаями, когда при исследованиях в экспериментальной психологии целая группа испытуемых (около 73), видя новую задачу, старается решить ее как старую²⁸. И это при том условии, что решение задачи в эксперименте не влечет за собой столь высокой моральной нагрузки и ответственности, как рассмотрение дела, по которому нужно занять новую позицию, оправдать подсудимого несмотря на то, что результатом событий явилось такое тяжелое последствие, как смерть человека.

Такой же уход от необходимого самостоятельного решения представляют собой случаи, когда суд, анализируя обстоятельства по-новому, не решается на оправдание лица, преданного суду, и возвращает дело на доследование или прибегает к такому же решению при условии, что необходимые дополнительные меры могли бы быть приняты самим судом и обеспечили бы возможность вынесения приговора. Такая «робкая» позиция суда, представляющая собой уклонение от самостоятельного нового решения, может быть охарактеризована с достаточной степенью точности и статистически: неосновательное возвращение дел на доследование из судебного разбирательства по первой инстанции по сравнению с общим количеством дел, переданных для дополнительного расследования до вынесения приговора по делу, составляет ежегодно по данным за 1967—1969 гг. более 17—18%²⁹. Это те случаи, когда, будучи скованным определенной собственной установкой, основанной не только на предыдущем ходе процесса, но и на предварительной оценке представленных материалов дела, суд избегает принятия окончательного решения и вынесения приговора при установлении обстоятельств, опровергающих правильность ранее состоявшихся по делу решений.

Представляет интерес применительно к судебной практике и третья разновидность возможного отрицательного влияния

Я. Л. Элиава. Мыслительная деятельность и установка, стр. 290 и сл. Конечно, такое возвращение дел органам расследования может оцениваться не только как факт, обнаруживающий распространение указанных психологических явлений, но и как сознательно используемый регулятор «служебной нагрузки по рассмотрению дел. Но реальное значение этого способа сокращения нагрузки не так велико, чтобы подобное решение суда могло диктоваться только существенным интересом к нему такого рода. И, кроме того, этот дополнительный момент не действует вовсе в случаях, когда возвращение на доследование имеет место при наличии оснований для вынесения оправдательного приговора.

угпшпкл, когда стремление решить задачу яри выявленном ее пдичип от прежней приводит все-таки к неправильному решению. Вынесение обвинительного приговора, если доказательств дшс}попш недостаточно³⁰, обычно характеризуется как неправильное присоединение суда к обвинительному тезису. Одпики эта характеристика не может вскрыть разного психического отношения суда к недостаточности доказательств виновности. Суд может считать достаточной ту неполную совокупность доказательств виновности, которая имеется в деле, восполняя недостающие картиной, созданной благодаря установке. Но может иметь место и другой вариант, когда суд видит отличительные черты сложившейся ситуации, оценивает совокупность доказательств как недостаточную и пытается найти в соответствии с этим новое решение, а не способ устранения от рассмотрения задачи по существу (каким могло бы выступать ногшрлшение дела на дополнительное расследование). Как уже говорилось, суд выносит иногда и в таких случаях обвинительный приговор, а свою оценку недостаточности доказательств нпиошпктн отражает в чрезмерно мягкой (мере наказания)³¹. Уттгпкшка и этих случаях все же препятствует принятию в корне иного решения, оправданию подсудимого, хотя и не мешает суду при ищи к заключению как бы о «второюортности» собственных выводов.

Рассматривая не специфические для суда, а общие во всех видах деятельности психологические причины неправильных решений, необходимо выделить среди них наряду с проблемой установки³² вопрос о роли психических состояний и их связи с ошибками в процессе судебного познания и принятия решения. Это представляется оправданным уже потому, что психическое состояние как определенный функциональный уровень, проявляющийся в повышенной или пониженной психической активности человека, оказывает влияние на течение всех психических процессов³³.

Значение психических состояний в связи с изучением причин, путей предотвращения и постоянного сокращения судебных ошибок объясняется следующими положениями: 1) оптимальные условия психической деятельности, возможности повышения ее эффективности связаны с качеством состояний³⁴, относящихся к познавательной, эмоциональной и волевой сфе-

³⁰ Речь идет о неполноте судебного следствия, а о несоответствии выводов суда обстоятельствам дела.

³¹ См. гл. VIII, § 4.

³² Здесь пока также не были затронуты понятия социальной и профессиональной установки, а изложение вытекало из положений психологии мыслительной деятельности вообще.

³³ Л. /*. Ковалев. Психология личности, стр. 35.

³⁴ Там же.

рам (сосредоточенность и рассеянность, увлеченность и безразличие, умственное напряжение и другие положительные и отрицательные состояния интеллектуальной деятельности, уверенность и неуверенность и т. д.); 2) многообразии психологических задач и соответствующих им психических состояний в судебной деятельности, связанное с необходимостью внешней ориентировки, внутренней ориентировки-оценки и принятия решения, повышает значение психических состояний при осуществлении правосудия³⁵; 3) при наличии самых различных общих свойств личности психическое состояние в каждом конкретном случае непосредственно связано с результатом деятельности, потому что именно оно либо усиливает, либо нивелирует положительное или отрицательное влияние способностей, интересов, чувств лиц, призванных к осуществлению правосудия; 4) поскольку психическое состояние вызывается рефлекторно на определенную обстановку, то это создает широкие возможности регулировать психические состояния судей в необходимом направлении, активно воздействуя на условия их деятельности. Процессуальное законодательство обеспечивает некоторые психические состояния рядом принципов — внимание и сосредоточенность через непрерывность процесса, уверенность — через правило о толковании сомнений и т. д. Закреплению определенных психических состояний должны служить и принципы научной организации труда. Необходимо исследовать ряд процессуальных институтов с точки зрения их значения для обеспечения психических состояний, благоприятствующих судебной деятельности³⁶. Этому же должны служить разумные пределы специализации, внешняя атмосфера и обстановка судебного процесса, максимально исключая нервозность, спешку, рассредоточенность, утомление, безразличие; 5) сохранение психических состояний, благоприятных или неблагоприятных для определенного вида деятельности, детерминированных внешними и внутренними факторами, в большей степени, чем другие психические явления, зависит от сознательного формирования личности в определенном направлении, от воспитания³⁷; 6) регулирование психических состояний в судебной деятельности является реально значимым методом борьбы с профессиональной деформацией судей и пер-

И. К- Шахриманьян. Общая психологическая характеристика деятельности советского следователя (к постановке проблемы).— «Правоведение», 1965, № 2, стр. 147—148.

Например, требует психологического анализа практика выполнения требования о непрерывном пребывании судей в совещательной комнате при вынесении приговора без перерыва даже на ночное время (УПК УССР). Трудности данного порядка, безусловно, влияют на психическое состояние судей и заставляют их искать различные способы для нейтрализации возможных психических перегрузок, связанных с ним и не всегда благоприятствующих атмосфере, которая сопутствует принятию решения.

Н. Д. Левитов. О психических состояниях человека. М., 1964, стр. 30.

полной убежденности и определенными сомнениями в том, каким образом должно быть разрешено рассматриваемое уголовное дело. Так, по данным анкетирования 3103 судей, из 7640 отмененных и измененных приговоров, вынесенных с их участием, • только 880, или 11,6%, были отменены или изменены, по их мнению, необоснованно. А в 88,4% неаннулированных случаев отмены или изменения приговоров судьи считали позицию вышестоящей судебной инстанции, не согласившейся с их решением по делу, правильной.

Это в достаточной степени характеризует соотношение сомнения и уверенности и низкую степень убежденности судей при вынесении приговоров, в которых была обнаружена судебная ошибка. В связи с этим представляется важным не только повышать требования к обоснованности внутреннего убеждения судьи, но и изучать его как продукт психических состояний, как отражение психологически осознанного волевого поиска путей решения по каждому и в особенности вызывающему сомнение делу.

Еще одна проблема психологии личности представляется существенно связанной с эффективностью судебной деятельности — проблема активности личности. Возникая как результат отношения организма к окружающей среде, как реакция на происходящие в ней изменения, активность личности является выражением отношения к выполняемым функциям и определяется общественной и личной значимостью осуществляемой деятельности, отражающей ее объективную необходимость⁴³. Активность личности относится к мотивационному психическому компоненту во всех видах деятельности и прямо сказывается на количественно-качественной характеристике ее эффективности⁴⁴. Высокий уровень волевой активности предполагает постоянство усилий, направленных на достижение цели, планомерный и систематический характер действий, обязательное достижение результата⁴⁵. Это — необходимое психическое качество для лиц, осуществляющих правосудие, и оно объективно обуславливается общественным значением этой деятельности.

Нравственное воспитание личности в обществе, обеспечивающее осознание высокой общественной значимости судебной деятельности, проведение мероприятий и дальнейшая разработка мер по моральному и материальному стимулированию

⁴³ Я. Ф. Добрынин. Проблема активности личности и общественной значимости в психологии.— «Вопросы психологии личности». Под ред. Е. И. Игнатьева. М., 1960, стр. 86—87.

⁴⁴ Л. Г. Ковалев. Психология личности, стр. 97.

⁴⁵ А. Г. Лякас. К вопросу о психологической характеристике основных участников судебного разбирательства.— «Правоведение», 1966, № 4, стр. 116.

судебных работников⁴⁶ реально обуславливают перспективное нарастание личной активности судей при осуществлении правосудия.

В то же время в связи с ошибочным разрешением отдельных уголовных дел проблема повышения активности личности судьи должна выступать как необходимое средство борьбы с судебными ошибками. Во-первых, потому, что для категории дел, (неправильно разрешенных судом первой (инстанции), характерен более низкий уровень активности судей при осуществлении возложенных на них функций. Это отражается и в анализе существа предусмотренных законом оснований отмены приговоров.

Во-вторых, изменение некоторых внешних условий деятельности суда может реально обеспечить прогресс активности в этой деятельности, поскольку в качестве общего внутреннего источника активности личности выступают личные и общественные потребности, а ее стимулом являются моральные и материальные интересы, т. е. речь идет о таких системах психических свойств, которые складываются под влиянием последовательного внедрения принципов научной организации труда, развития форм поощрения и ответственности, под влиянием объективного роста общественной оценки деятельности органов правосудия.

И, в-третьих, высокая степень активности личности является необходимым противоядием по отношению к ряду психических факторов, которые могут служить источником ошибочных решений в судопроизводстве (например, способствует ликвидации ложных установок, обеспечивает появление и сохранение требуемого качества психических состояний).

В свете требований, предъявляемых к приговору суда, ^общая активность личности выражается не только в настойчивом поиске правильного решения, но и в чувстве высокой личной ответственности за судьбу каждого рассмотренного уголовного дела.

Для случаев вынесения ошибочных приговоров можно выделить некоторые особые моменты, характеризующие уровень психической активности лиц, осуществляющих правосудие. Такой материал может быть получен из сопоставления следующих данных: а) количество отмененных приговоров, выражающих мнение народных заседателей, с которыми не согласился народный судья,—наличие особого мнения судьи; б) количество приговоров, неправильно отмененных или измененных по мнению судьи,—принесение представлений в связи с этим в вышестоящую судебную инстанцию.

⁴⁶ Постановление ЦК КПСС ^и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов».

Анкетное обобщение показало, что из 116 уголовных дел отмененными впоследствии приговорами, отражавшими неправильную позицию народных заседателей, народный судья не выразил письменно свое отношение к ошибочному, с его точки зрения, решению и не приложил к делу свое особое мнение в 38% случаев вынесения приговоров большинством голосов народных заседателей. Следует подчеркнуть, что речь идет не о всех фактах несогласия в судейской коллегии, а лишь о тех делах, где народный судья имел объективные основания возражать против мнения большинства, что и подтвердилось впоследствии в решении вышестоящей судебной инстанции об отмене приговора. Значит, даже обоснованная уверенность судьи в том, что допущена судебная ошибка, не привела более чем по 73 таким делам к каким-нибудь активным действиям для ее устранения.

Еще более низкие показатели характеризуют уровень активности судей применительно к принесению ими представлений в связи с убеждением в правильности вынесенного ими приговора и необоснованности определений вышестоящих судов об их изменении или отмене. Из 886 уголовных дел, по которым вышестоящие суды, по мнению судей первой инстанции, необоснованно отменили или изменили приговор, только в 14,2% дел судья, участвовавший в рассмотрении дела и убежденный в правильности первоначального решения по нему в суде первой инстанции, добивался путем внесения представления аннулирования необоснованного определения об отмене или изменении приговора.

При этом важно подчеркнуть, что в этих данных учтены лишь те случаи, по которым определения об отмене или изменении приговора вступили в законную силу, несмотря на принесение представления судьей (14,2%) или при отсутствии представления (75,8%), хотя судья и в этих случаях признавал данные определения необоснованными. Результативность таких представлений определяется тем, что они в 21,8% случаев приводят к отмене состоявшихся решений вышестоящего суда. А значимость представлений среди других способов обнаружения необоснованного изменения и необоснованной отмены приговоров выражается, по материалам анкетного обобщения, в том, что 18,5% от всей последующей отмены определений вышестоящих судов связаны с принесением представлений судьями первой инстанции.

Приведенные данные относительно особых мнений и представлений судей первой инстанции определяют дополнительный резерв для выявления и устранения судебных ошибок, которые могут остаться в ряде случаев скрытыми. Этим объясняется значение уровня активности судей при осуществлении правосудия и значение повышения этого уровня, дальнейшего

стимулирования внутренней ответственности судьи за каждое решение как средства выявления и исправления судебных ошибок.

§ 4. Роль судебной психологии в (изучении причин судебных ошибок и их предупреждении

использование ряда закономерностей, вскрытых отдельными отраслями психологической науки, при анализе некоторых явлений (в судебной деятельности служит определенной оптимизации правовых исследований в этой области, помогает решать задачи типа диагностики, в частности применительно к проблеме судебных ошибок. Психологические знания создают определенную научную основу для понимания проявляющихся при осуществлении судопроизводства психических процессов и их лучшей регуляции с помощью ряда правовых и организационных мер. Уже поэтому судебные работники должны владеть общими психологическими знаниями. Это одно из необходимых условий сокращения ошибок, коренящихся в субъективизме⁴⁷, вытекающих из использования в деятельности судьи только личного опыта без какой-либо теоретической базы⁴⁸, это основа управления собственными психическими процессами для лиц, осуществляющих правосудие.

Еще больший выход на результаты судебной деятельности должна иметь прикладная судебная психология, которая могла бы и должна была бы предложить судьям не только методы психологического анализа, но и методы психологического воздействия⁴⁹, основанные на научно измеренных, проявляющихся в правосудии психологических особенностях и закономерностях и обеспечивающие в рамках законности наиболее эффективное достижение его целей.

В связи с вопросом о том, какое влияние могла бы оказать дальнейшая разработка судебной психологии, находящаяся пока в стадии постановки задач исследования, на эволюцию правосудия в целом и, в частности, на выяснение причин судебных ошибок и их предупреждение, представляется необходимым обратить внимание на ряд моментов.

1. Существуют стихийно формирующиеся, донаучные методы использования психологии в судебной деятельности. Они рождаются как индивидуальные обобщения собственного опыта, психологических наблюдений в процессе рассмотрения и

А. В. Дулов. Введение в судебную психологию, стр. 72—73
А. Р. Лурия. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле.—«Советское право», 1927, № 2(26), стр. 85; *Г. Доспулов.* Некоторые вопросы судебной психологии.—«Ученые труды» (Казахский гос. университет), т. 8, серия юридических наук. Вып. 8. Алма-Ата, 1967, стр. 252.
О. А. Гае рилов. О проблемах советской судебной психологии.— «Вопросы психологии», 1965, № 6, стр. 140—141.

разрешения уголовных дел. Однако решение психологических вопросов в суде на основе «знания людей», с помощью «внеаучной психологической проницательности»⁵⁰ обуславливает неизбежность ошибок. Во-первых, потому, что экспериментально проверенные выводы судебной психологии как научной дисциплины могут не совпадать с обычными взглядами⁵¹. Отсюда необходимость обобщения и проверки с точки зрения научной достоверности действующих представлений практической психологии. Во-вторых, потому, что собственный индивидуальный опыт — это результат длительного процесса поисков «вслепую», и он, как правило, очень не скоро становится «базой для работы всех»⁵². Между тем то, что с большими издержками для результатов деятельности открывает личный опыт, может быть обнаружено объективным психологическим экспериментом в очень короткое время и с достаточной достоверностью⁵³.

2. Специфика судебной психологии прежде всего связана с особым предметом исследования в суде, с различными психологическими аспектами самого преступного деяния. Целый ряд вопросов в общей и особенной частях Уголовного кодекса имеет ярко выраженный психологический характер. Это не только общая проблема исследования личности как субъекта преступления, связанная с принципами индивидуализации уголовной ответственности и наказания, но и многие вопросы субъективной и объективной сторон преступления: формы вины, мотивы, установление корыстных и низменных побуждений, состояния необходимой обороны, крайней необходимости бегства, понятия особой жестокости, насилия, обмана, влияния угрозы, принуждения, зависимости, тяжелого стечения обстоятельств и т. д.

Поэтому психологические истоки судебных ошибок — это и неправильные характеристики отдельных элементов составов преступления. Они связаны с недостатком необходимых психологических знаний у судей, иногда вытекают из самой психологической неопределенности отдельных уголовно-правовых понятий или порождаются отсутствием разработки принципиальной основы и законодательной регламентации судебно-психологической экспертизы, которая помогала бы определить приложимость психологических представлений из области материального уголовного права к оценке качеств и поведения отдельной личности, попавшей в орбиту уголовного процесса.

3. С возможными судебными ошибками связаны и психологические особенности использования в уголовно-процессуальном познании средств доказывания, а также психологические

⁵⁰ А. Е. Брусиловский. Судебно-психологическая экспертиза, стр. 11, li2.

⁵¹ Там же.

⁵² Ю. В. Идашкин. Криминалистика, и психология, стр. 42.

⁵³ Там же.

тенденции, проявляющиеся в деятельности различных участников процесса доказывания⁵⁴.

Отрицательное влияние психических явлений на средства и субъектов судебного доказывания пока почти не исследовано экспериментально⁵⁵. В следственной практике и на ее основе, как правило, обобщаются, разрабатываются и применяются такие психологические рекомендации, которые направлены на обоснование тактики, максимально обеспечивающей собирание и проверку доказательств при проведении отдельных следственных действий⁵⁶. Для предотвращения ошибок в судебном исследовании большее значение имеет знание психологических особенностей оценки отдельных видов доказательств. И здесь, как и при собирании и проверке доказательств, тоже необходимо на первом этапе хотя бы «умозрительные обобщения индивидуального опыта и судебной практики в целом»⁵⁷ и построенные на их основе какие-то психологические рекомендации, которые уже теперь, пока специальные исследования еще не проведены, способствовали бы применению в суде проверенных, общезначимых опытных положений и общепсихологических знаний. Кроме того, такое обобщение выявило бы наиболее важные вопросы психологии оценки доказательств, которые должны быть подвергнуты экспериментальной проверке.

Систематизация накопленных в этой области практических знаний возможна, поскольку все же имеется небольшое количество разрозненной литературы разных лет по отдельным психологическим моментам оценки доказательств. Существует, например, не только психологическая характеристика процесса формирования свидетельских показаний, но и определенная сводка правил, которые психология (в ряде случаев даже экспериментально проверенным путем) создала для оценки свидетельских показаний⁵⁸: сопоставление свободного рассказа

⁵⁴ Здесь не представлялись возможными подробный анализ психологического аспекта ошибок в оценке отдельных видов доказательств и психологическая характеристика деятельности процессуальных сторон в ее связи с ошибочными приговорами, поскольку результаты проведенного социально-правового исследования рассматривались применительно к вопросу об ошибках суда в оценке доказательств и зависимости эффективности судебной деятельности от прокурорского надзора и судебной защиты в специальных главах монографии (см. гл. IX, X, XI).

⁵⁵ Если не считать психологии свидетельских показаний, которой посвящен целый ряд работ, правда, в большей степени принадлежащих зарубежным исследователям.

⁵⁶ А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей, стр. 158—27,2; он же. Наблюдение и наблюдательность в работе следователя.— «Вопросы предупреждения преступности». Вып. 4. М., 1966, стр. 153—1,66; Л. Б. Филонов, В. И. Давыдов. Психологические приемы допроса обвиняемого.— «Вопросы психологии», 1966, № 6, стр. 111—150.

⁵⁷ Г. Г. Шиханцов. Методы психологического изучения следственной деятельности, стр. 213.

⁵⁸ А. Е. Брусиловский. Судебно-психологическая экспертиза, стр. 23, 40, 42, 46, 60, 61, 63.

свидетеля и его ответов на вопросы; сопоставление поведения после первых показаний с последующим их изменением; выяснение связи каких-либо событий после момента совершения преступления с («доформированием» показаний, «мнимым припоминанием» и «расцветиванием» показаний при допросах в судебном заседании, которые, как правило, всегда являются повторными; значение («стереотипного» застывания показаний, анализ внутренних причин изменений показаний и др.⁵⁹

Между тем в судебной деятельности и эти проверенные правила используются случайно, в порядке «личных откровений». Это приводит к тому, что совпадение показаний нескольких лиц иногда принимается как обстоятельство, исключающее возможность сомнения в их достоверности. А в юридической литературе можно, например, встретить выражение удовлетворения по поводу того, что фонограмма свидетельских показаний в период предварительного и судебного следствия резко сокращает случаи последующих изменений в этих показаниях⁶⁰. По своим внутренним психологическим причинам это часто может являться просто выражением дополнительно стимулируемой с помощью магнитофонной записи боязни свидетеля отказаться от неправильных показаний.

Так же как и по отношению к свидетельским показаниям, судебная практика вырабатывает и подтверждает определенные психологические требования по отношению к оценке показаний подсудимого и особенно его признания⁶¹, к анализу особых условий достоверности показаний одних подсудимых против других и показаний потерпевшего. Это относится и к методам судебного использования письменных и вещественных доказательств — документов, при оценке которых необходима восполняющая, конструктивная роль суда, сторон, экспертов уже хотя бы потому, что психологический эффект этих средств доказывания обуславливает восприятие их содержания как более категорического, чем устные заявления, и порождает естественную склонность к чисто логическому толкованию пись-

⁵⁹ М. В. Вельский. В поисках судебной правды. Вятка, 1916; С. Пешехонова, А. Соловьев. Психологические особенности допроса подсудимого в суде.— «Советская юстиция», 1969, № 13, стр. 15—17; Е. Центров. Допрос малолетних потерпевших в суде по делам о половых преступлениях.— «Советская юстиция», 1970, № 14, стр. 10—11.

⁶⁰ Н. Макарова, А. Леей. Звукозапись в Московском областном суде.— «Социалистическая законность», 1971, № 1, стр. 63.

⁶¹ А. Р. Лурия. Психология в определении следов преступления.— «Научное слово», 1928, № 3, стр. 79—104; А. Р. Ратинов. Психологическая характеристика показаний обвиняемого.— «Вопросы предупреждения преступлений». Вып. II. М., 1965, стр. М6—120; И. Л. Петрухин. Самооговор.— «Советская юстиция», 1970, № 18, стр. 110; В. Волков. О значении психологического контакта с подсудимым.— «Советская юстиция», 1971, № 3, стр. 23—25; В. И. Смыслов. Свидетель в советском уголовном процессе. М., 1973, стр. 67—1112; А. Ратинов. Лжесвидетельство и борьба с ним.— «Социалистическая законность», 1974, № 5, стр. 31—36.

менного текста, в котором трудно «прочсть» нередко присутствующую азбучно-алогичную — эмоционально обусловленную сущность⁶².

Психологические аспекты анализа оценки доказательств в суде, апробированные в практической деятельности, должны быть уже теперь обобщены, чтобы такое обобщение практического опыта могли использовать и все судебные работники. Это первейшая задача начального этапа научных исследований в области судебной психологии.

4. При разработке рекомендаций, облегчающих психологический анализ и психологическое воздействие в судебном разбирательстве, важно иметь в виду, что не все методы, которые психологически допустимы в период расследования (применительно к которому они разработаны, кстати сказать, в гораздо большей степени), могут иметь значение для суда. Здесь очень ограничены, а часто и вовсе исключены возможности действовать, например, с помощью передачи информации (особенно если она направлена на создание неправильного представления о доказательственном материале), эмоционального эксперимента или иных способов убеждения и внушения, что может применяться в процессе расследования⁶³.

Конфликтные ситуации, в которых, как правило, возникает необходимость применения таких методов, для следователя представляют собой определенную борьбу, не регламентированную по своей процессуальной (форме так точно, как для судебного разбирательства, в котором все происходящее фиксируется не только присутствующей широкой аудиторией, но и отражается письменно в протоколе судебного заседания. Здесь не может быть таких разнообразных («игровых») средств, а в качестве методов воздействия должны допускаться только те, которые согласуются с авторитетом суда, с условиями, при которых все, происходящее в судебном заседании, должно быть понятно присутствующим.

Для следственной практики являются весьма плодотворными психологический анализ конфликтных ситуаций в процессе расследования и разработка методов принятия следователем в процессе раскрытия преступления решений, учитывающих возможное поведение противодействующего ему лица (например, виновного, стремящегося избежать ответственности, или лица, уклоняющегося по каким-либо причинам от предоставления не-

А. Е. Брусиловский. Немые свидетели (из очерков по судебной психологии).— «Право и жизнь», кн. 2-3, 1928, стр. 51—62;

Л. Б. Филонов, В. И. Давыдов. Психологические приемы допроса обвиняемого, стр. 111—420; А. В. Дулов. Введение в судебную психологию, стр. 137—143; А. Р. Ратинов. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике.— «Правовая кибернетика». М., 1970, стр. 194—196.

обходимого следователю доказательств естественного материала, и др.)⁶⁴.

Проводимые применительно к этим ситуациям психологические исследования с позиций теории рефлексивных игр могут быть использованы с целью предотвращения возможных ошибок и в судебной деятельности, поскольку в ней возможны подобные конфликтные ситуации (например, с такими сторонами: суд — подсудимый, потерпевший, свидетели; обвинитель — подсудимый, потерпевший, свидетели).

Однако в судебном разбирательстве проблема судебных ошибок, напротив, может быть связана и с необоснованным пониманием как конфликтной ситуации состязательного статуса процессуальных сторон — обвинения и защиты. Общее утверждение, что состязательность уголовного процесса является правовой формой внешней стороны конфликта как реального соперничества двух сторон⁶⁵ в уголовном процессе представляется справедливым лишь постольку, поскольку речь идет о «столкновении» тезисов обвинительного и защитительного свойства. Такое утверждение оправдано также для ситуации, когда эти разные тезисы выдвигают, к примеру, следователь и обвиняемый.

Признание же состязательности в судебном разбирательстве, где обвинение и защита представлены прокурором и адвокатом, правовой формой конфликта между ними не соответствует понятию конфликтной ситуации и чревато последствиями, весьма неблагоприятными для результатов судебной деятельности сторон. Само понятие конфликта, основные характеристики которого могут быть приложимы в указанном выше смысле для описания и анализа ситуаций, возникающих в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел, и способствуют поискам правильных выходов из этих ситуаций, совершенно не соответствует положению обвинителя и защитника в судебном разбирательстве. Цель обвинителя и защитника, закрепленная законом, не может быть определена как «противодействие друг другу» (так характеризуется внешняя сторона конфликта). Методы, которые используются сторонами в соответствии с предоставленными им полномочиями, постоянно контролируются судом и могут быть отклонены им как недопустимые. Взаимоотношения сторон не могут характеризоваться и «как соотношение различных информационных систем, как взаимосвязь субъектов, принимающих, сообщающих и исполь-

Л. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей, стр. 37—183; *он же.* Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике, стр. 185 и сл.

Л. Р. Ратинов. Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике, стр. 186.

зующих информацию друг о друге»⁶⁶ (так характеризуется внутренняя сторона конфликта).

В уголовном процессе в качестве носителей информации выступают источники доказательств, а не стороны, Обвинитель и защитник, работая с доказательственным материалом, могут оказаться в состоянии конфликта и борьбы лишь с тем или иным лицом, (выступающим в качестве источника сведений, стремясь получить от него максимум необходимой информации в обвинительном или защитительном плане. Наконец, определяя свою позицию, они руководствуются совокупностью добытых доказательств, а не позицией другой стороны⁶⁷. Иное, безусловно, лишь вредит практике судопроизводства, снижает эффективность деятельности сторон и суда в целом.

Если во взаимоотношениях сторон рассматривается как «необходимый результат не истина, а победа, то решение служит не поискам правды, а урегулированию конфликтов; тогда не требуется для вынесения решения установления фактов»⁶⁸. Определение взаимоотношений процессуальных сторон как конфликта, проникая в практику органов судопроизводства, способно лишь привести к ориентации на обвинение и защиту «во что бы то ни стало», следовательно, может выступать в качестве одного из психологических источников обвинительного уклона прокурора или психологически обуславливать малоэффективную деятельность адвоката в суде, построенную на недобросовестных уловках, фактически лишаящую подсудимого необходимой защиты⁶⁹. И то, и другое может лишь способствовать вынесению неправильного судебного решения, лишению суда возможности получить объективный анализ доказательственного материала с позиций обвинения и защиты.

5. Среди явлений, изучаемых судебной психологией, особое значение для обнаружения причин и предупреждения судебных ошибок имеет психологическая сторона правосознания. К ней относятся те личные оценки и чувства, которые связаны с правовыми явлениями, правовыми знаниями. Конечно, недостаточность или ошибочность правовых знаний — основы правосознания — тоже может являться причиной ошибок в судебной деятельности. Однако справедливо признание того, что в большинстве случаев не эта сторона правосознания является определяющей⁷⁰ для поведения, отклоняющегося от необходимой нормы, касается ли это правонарушений вообще или наруше-

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Кстати, отсутствие в советском уголовном процессе деления доказательств на доказательства обвинения и доказательства защиты соответствует такому положению.

⁶⁸ *S. Ulmer.* Scientific Method and the Judicial Process.— «The american behavioral scientist», 1968, v. VII, N 4, p. 22.

⁶⁹ См.—об этих тенденциях гл. VIII, XI.

⁷⁰ *И. И. Карпец, Л. Р. Ратинов.* Правосознание и причины преступности.— «Советское государство и право», 1968, № 12, стр. 52.

нии в процессе осуществления (правосудия, выливающих в судебную ошибку. На результаты судебной деятельности в большей степени влияют в отрицательном плане правовые оценки, которые могут быть эмоционально окрашены через эмоциональное отношение к правовым требованиям, запретам, правилам и к поведению людей, нарушающих или соблюдающих предписания права⁷¹. Такое влияние неизбежно, поскольку «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»⁷². Это еще больше справедливо для суда потому, что «судебный материал—область взволнованной, а не спокойной психики»⁷³.

Особое влияние правовых эмоций на результаты судебной работы обусловлено и рядом других факторов. Гласность судебного разбирательства, участие в нем общественности невозможны без эмоциональной оценки всего происходящего в связи с рассмотрением уголовного дела, оценки, идущей из зала судебного заседания или выражающей отношение, чувства общественности и за его пределами. Такие правовые чувства могут повлиять на решение суда, естественно, лишь в том случае, если они способствуют проявлению аналогичного эмоционального отношения и внутри судейской коллегии, т. е. действуют опосредованно. Кроме того, непосредственное значение для результатов деятельности по осуществлению правосудия приобретает исходная эмоциональная позиция самих членов состава суда. При этом надо учитывать, что действие ее усиливается благодаря участию народных заседателей, в правовой психологии которых правовые чувства выражены значительно сильнее, чем у юриста-профессионала, и часто выступают в чистом виде как причина того или иного предлагаемого ими решения.

Правовые оценки и эмоции народных заседателей являются выражением их общей социальной установки в отношении к предмету судебной деятельности. Они не могут не (соответствовать общему «миросозерцанию человека в этой области»⁷⁴ независимо от того, адресованы ли они характеру самого преступ-

⁷¹ А. Долгова, Г. Миньковский. Дефекты правового сознания несовершеннолетних.—«Социалистическая законность», ЮТО, № 1, стр. 21-; Е. А. Лукашева. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973, стр. 315—317.

⁷² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 25, стр. 1112.

⁷³ А. Е. Брусиловский. Немые свидетели (из очерков по судебной психологии), стр. 48.

⁷⁴ А. Н. Бобринцев-Пушкин. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896, стр. 508; см. также: А. Р. Ратинов. Правосознание как источник правовой активности и регулятор правового поведения.—«Научная информация по вопросам борьбы с преступностью». М., ЮТО, № 215, стр. 65; В. И. Каминская, И. Б. Михайловская, Н. В. Радуганая. Изучение правосознания граждан и опросы правового воспитания. М., 1972, стр. 19, 44, 48.

ного деяния, личности подсудимого и потерпевшего или отдельным видам доказательств. По отношению к оценке всех этих элементов предмета судебного разбирательства чувства, вызываемые таким явлением правовой жизни, как преступное деяние, могут явиться причиной ошибочных выводов.

Конечно, это явление должно быть изучено и прежде всего «измерено» в специальных судебно-психологических исследованиях, чтобы можно было определить реальную роль различных дефектов правовых чувств при вынесении ошибочных приговоров и выявить необходимые пути устранения искажений в правовой психологии лиц, осуществляющих правосудие.

Пока на основе изучения отдельных уголовных дел можно указать лишь наиболее зримые направления связи правовых эмоций с ошибочными выводами народных заседателей по делу.

1. Наличие физических последствий преступления расценивается как основное мерило виновности. По делам о преступлениях с большой общественной опасностью, но при незначительном итоговом ущербе (злостное хулиганство без телесных повреждений и уничтожения или повреждения имущества, крупное хищение социалистической собственности, когда ущерб возмещен, покушение на убийство без причинения вреда жизни и здоровью и т. д.) ставится под сомнение вопрос о виновности, не говоря уже о предложениях назначить меру наказания либо условно, либо ниже низшего предела.

2. Значительные материальные убытки, сопутствовавшие действиям ряда лиц, оказавшихся на скамье подсудимых, несмотря на их невиновность при условии, что доказана вина одного из подсудимых, влекут за собой требование осудить всех, Прониных гуду, несмотря на наличие оснований для оправдания (пльнпс) приговора в отношении некоторых.

3. Положительное поведение подсудимого в процессе судебного разбирательства по делам о преступлениях против личности, служба в армии непосредственно перед совершением преступления, хорошие характеристики, раскаяние или, напротив, при положительной характеристике личности («стойкое» отношение к вине, несмотря на имеющиеся доказательства об обратном при совершении даже таких тяжких преступлений, как умышленное убийство, порождают предложения о переквалификации действий подсудимого на статью, предусматривающую обвинение в менее тяжком преступлении (например, в неосторожестве при соучастии в убийстве, в убийстве, совершенном в состоянии аффекта или по неосторожности, и т. д.).

4. же вызывает предложения о назначении явно несоответствующего наказания.

5. Факт существования неприязненных отношений с потерпевшим резко отрицательное поведение потерпевшего по отношению к подсудимому или поведение потерпевшего, оцениваемое

мое народными заседателями как безнравственное,— донос на подсудимого до совершения им преступления в органы милиции, участие потерпевшего в предварительном «усмирении» подсудимого— служат основанием для предложения условной меры наказания или передачи на поруки. А по делам об изнасиловании, если потерпевшая выражала свое согласие уехать с подсудимым в отдаленную, безлюдную местность, выпивала вместе с ним, либо, по словам подсудимого, согласилась первоначально на вступление с ним в связь, неоднократно встречаются предложения признать подсудимого невиновным, несмотря на многочисленные телесные повреждения, полученные потерпевшей, и другие доказательства его вины.

5, Отдельные виды доказательств решающе формируют окончательное убеждение народных заседателей по делу. Интервьюирование народных судей и заседателей выявило, например, следующие факты, свидетельствующие о психологических искажениях в оценке народными заседателями доказательственного материала: все доказательства, кроме свидетельских показаний, принимаются народными заседателями как бесспорные; имеются случаи, когда окончательное убеждение в виновности складывалось у них в результате предъявления фотоснимка убитого, признания подсудимого или при появлении в зале судебного заседания потерпевшего на костылях. Это свидетельствует не только об определенном «ценностном» подходе заседателей к отдельным видам доказательств, но, как правило, и о формировании их окончательного мнения по делу еще в процессе, а иногда и в начале судебного следствия. ;.

Конечно, это лишь некоторые примеры отрицательного влияния правовых эмоций, причем в сфере психологии народных заседателей, которая выступает как наиболее уязвимая в общем явлении правовой психологии в судебной деятельности.

Между тем нельзя отрицать роль правовых чувств как искажающих факторов и их воздействие по отношению и к правосознанию судей-профессионалов.

Особенно важным здесь представляется тот факт, что эмоциональные оценки судей относятся не только к непосредственно рассматриваемому конкретному уголовному делу, но и к самим правовым принципам, к нормам процессуальной правды, которыми они обязаны руководствоваться в своей деятельности.

Можно привести ряд позиций судей-профессионалов, выражающих дефектность оценочной психологической стороны правосознания и правовых эмоций судей как в частной, так и в общей сфере их приложения⁷⁵. Например, несмотря на исчер-

Эти данные почерпнуты из изучения отдельных уголовных дел, особых мнений народных судей, а также из обобщения выдвинутых судьями *ици*

рывающий перечень отягчающих обстоятельств в законе, в приговорах очень часто в качестве таковых указываются непризнание подсудимым своей вины, отсутствие раскаяния в «содеянном», противоречивость показаний. При недостаточно доказанной виновности судьи высказываются за вынесение обвинительного приговора в отношении лица, в прошлом неоднократно судимого⁷⁶. Наступление смертельных последствий при авариях на транспорте очень часто предвещает для судьи признание виновности подсудимого, несмотря на наличие вины самих потерпевших при соблюдении подсудимым всех необходимых правил, и т. д.

Искажения в правовой психологии и эмоциях судей сказываются и на их отношении к процессуальным нормам. Вот некоторый перечень предложений судей, характеризующих их правовую психологию в этом плане: «Следует систематически упрощать закон; нормы, введенные в уголовный процесс после 1958 г., только загромождают его; процесс по делам несовершеннолетних следует упростить до обычного порядка; упростить порядок предъявления материалов оконченного расследования; не фиксировать в суде показания свидетелей, потерпевших, подсудимых, если они повторяют свои показания, данные в период расследования; устранить принцип непрерывности в уголовном процессе; упростить судебное следствие, сократить изложение фактических обстоятельств дела в приговоре и определениях суда; допускать защитника с момента предъявления материалов дела лишь по делам несовершеннолетних; упразднить трехдневный срок предъявления обвинения по делам, по которым отсутствует защитник; отменить право на коллективное обжалование по отдельным категориям дел; расширить круг отягчающих обстоятельств; оглашать показания свидетелей, данные в период расследования, во всех случаях в присутствии свидетелей по уважительным причинам» и т. д.

Анализ указанных искажений в правовом сознании, в правовых чувствах судьи позволяет сделать некоторые выводы относительно природы и последствий этого явления в судебной деятельности⁷⁷.

Искажения в правовых оценках и чувствах судьи, проявляющиеся как по поводу конкретного дела, так и в их отно-

отношении к процессуальному совершенствованию судебной деятельности.

Надо отметить, что процессуальная теория и практика высших судов постоянно ориентируют судей на недопустимость такого подхода, однако такая практика и поныне существует («Принцип законности в судебной деятельности». — «Советская юстиция», 1971, № 16, стр. 2. См. также: Г. Я. Борзенков, З. А. Вышинская, Ю. Б. Мельникова. Учет субъективных данных о личности виновного. — «Эффективность применения уголовного закона». М., 1973, стр. 104—105).

Связь стремлений к «упрощенчеству» в уголовном процессе с ориентацией судебной деятельности см. гл. V, § 1, 4.

шении к нормам процессуального права, лежат у истоков их профессиональной деформации, вызывая те психические состояния и свойства, в которых она выражается и закрепляется. Если возможные последствия ошибочных мнений народных заседателей, вытекающие из их правовых чувств, ограничиваются конкретным делом, то неправильные оценки постоянного судьи-профессионала имеют более широкий оперативный базис. Они могут формировать и систему взглядов, и систему действий, вызывая отрицательные последствия, имеющие общее значение для судопроизводства, проявляясь при рассмотрении многих дел, обуславливая целый ряд однотипных ошибок при вынесении приговора.

Сказанное определяет значение воспитания правовых чувств как необходимого психологического элемента правовой психологии и формирования оценочных элементов правосознания в качестве мер по предупреждению судебных ошибок.

§ 5. Социально-психологические факторы при формировании внутреннего убеждения судей

В правосудии, которое в большей степени, чем многие другие виды деятельности, выступает как сфера общения между людьми играют, несомненно, существенную роль, отражающуюся на результатах, на характере принимаемых решений, и социально-психологические явления. Не претендуя на какую-либо законченную, самостоятельную разработку системы социально-психологических факторов, способствующих судебным ошибкам, поскольку это требует обширных специальных исследований социально-психологического плана, необходимо все-таки при изучении причин неправильных судебных (решений) указать некоторые направления таких поисков и рассмотреть отдельные закономерности, которые, по данным социально-психологической науки, не «могут не проявляться в судебной деятельности».

Два предварительных замечания, объясняющие в общем плане возможную (связь социально-психологических явлений с судебными ошибками). 1. Простое перечисление явлений, входящих в предмет социальной психологии, не оставляет сомнений в том, что почти все они постоянно обнаруживаются в судебной деятельности (к таким явлениям относятся структура и эффективность деятельности социальных групп, особенности оценочных суждений в группе, восприятие и понимание людьми друг друга, конформизм и авторитетность, роль и статус личности и т. д.). 2. Одна и та же закономерность социальной психологии может служить и прогрессу, и реакции⁷⁸, и положительному, и отрицательному результату деятельности.

⁷⁸ Б. Ф. Поршнев. Элементы социальной психологии.— «Проблемы общественной психологии». М., 1965, стр. 1/87,

Социально-психологические явления, связанные с вынесением приговора, распадаются на две основные группы (по признаку качества общения между людьми). Одни из них порождаются взаимодействием судей внутри судейской коллегии, каждый из которых в то же время принадлежит и к каким-то особым социальным группам и коллективам, имеет свою социальную установку. Другие вытекают из психологии судебной аудитории в узком и широком смысле, включающей психологию публики в зале суда, общественность, охваченную интересом к делу, роль прессы и всю «атмосферу громких процессов»⁷⁹.

Само существование коллегиального принципа в судопроизводстве, оцениваемое обычно как показатель его демократической организации, отвечает закономерностям социальной психологии. Во-первых, решению сложных задач, а к таким, безусловно, относится большинство уголовных дел, в различных сферах деятельности благоприятствует взаимодействие в этом процессе группы лиц. Во-вторых, в ходе совместной деятельности группы лиц «смягчаются крайности показателей, характеризующие протекание психических процессов», существование группы действует умеряющим, сдерживающим образом по отношению к возможным психическим эксцессам отдельных ее членов, улучшаются результаты деятельности всех членов группы, повышается эффективность мышления⁸⁰, сковывается действие тех субъективных факторов, которые могут привести к ошибочному результату. Уже в силу этого представляется пессимистичным, что коллективная оценка доказательств — это гредничш сделать ее по возможности объективной⁸¹.

Копгчно, поскольку деятельность судейской коллегии вызывает сложную конструкцию взаимодействующих социальных факторов и связана с рядом организационных задач, то эффективное применение принципа коллегиальности в плане его совершенствования, с одной стороны, обуславливает дальнейшее научное обоснование взаимоотношений внутри судейской коллегии и ее расширение по наиболее сложным уголовным делам⁸², а с другой стороны, принципи-

⁷⁹ /1, /; Брушловский. Судебно-психологическая экспертиза, стр. 17; см. ЕК>КС данную главу, § 6.

⁸⁰ /2. С. Кузьмин. Основы социальной психологии. М., 1967, стр. 66, 76, 105.
⁸¹ /3. /; Владимирова. Суд присяжных. Условия действия института присяжных п. метод разработки доказательств. Харьков, 1876, стр. 56.

«Демократические основы советского социалистического правосудия». М. С. Строговича. М., 1966, стр. 18—19; П. Ф. Папкевич. Актуальные вопросы развития советского законодательства о правосудии в свете ленинских идей.— «Ученые записки (ВНИИСЗ)». Вып. 21» М., 1967, пр. 104—106; В. П. Нажимов, С. И. Прокопьева. О формах участия представителей в осуществлении правосудия по уголовным делам в СССР.— «Вопросы организаций суда и осуществления правосудия» « ССДЧ т. 2. Калининград, 1970, стр. 66—85.

ально не исключает единоличное рассмотрение простейших дел. Именно эти два направления были указаны рядом судей при проведении их анкетного опроса в качестве мер, которые могли бы обеспечить дальнейшее совершенствование деятельности судебной системы в области уголовного судопроизводства.

В плане исследования причин судебных ошибок необходимо рассмотреть ряд социально-психологических факторов, которые, действуя для такой специфической группы лиц, как судебная коллегия, могут иметь негативное влияние на формирование коллективного убеждения судей. Одной из важнейших проблем этого плана является проблема влияния группового мнения на мнение личности и как результат этого — конформизм, который в уголовном судопроизводстве может в значительной степени нивелировать реальные преимущества коллегиальности. Исследования в области социальной психологии дают возможность определить пределы объективно неизбежного конформизма и те факторы, которые могут быть использованы для противодействия его отрицательному влиянию и для интересующей нас сферы. Определенная степень конформности присуща всем людям; более того, конформизм не исчезает полностью, даже если он осознается, и если с ним борются⁸³. Конформизм не может не проявляться и при формировании коллективного мнения судей по уголовному делу.

Можно попытаться выделить некоторые показатели распространенности такого явления в судопроизводстве и возможные пути ее уменьшения⁸⁴. Изучение отмены приговоров показало,

А. П. Сопиков. Влияние группы на поведение члена этой группы.— «Проблемы психического развития и социальной психологии» (XVIII Международный психологический конгресс). Тезисы сообщений. М., 1966, стр. 390.

Приводимые далее рассуждения и (некоторые данные, лежащие в их основе, конечно, не обладают качествами безусловно доказанных тезисов и являются в большой степени гипотетическими. Их дальнейшее научное обоснование требует обширных статистических обобщений, основанных на таких способах сбора информации, применяемых социальной психологией, как наблюдение, интервью, анкета, эксперимент. В то же время интервьюирование, анкетирование, изучение результатов судебной деятельности и психологический анализ высказываний как промежуточное звено между самонаблюдением и внешним наблюдением могут применяться в качестве способов сбора информации и при использовании монографического метода с малым количеством объектов изучения, что имеет место и в данном случае. Это неизбежно на ранних стадиях исследования (по отношению к социально-психологическим исследованиям в суде такая характеристика их состояния более чем справедлива) и служит основанием научных гипотез для дальнейшей разработки проблемы (*А. Л. Свенцицкий.* Интервью как метод исследования социально-психологических явлений.— «Проблемы общей, социальной и инженерной психологии. М., 1966, стр. 34—35; *Н. В. Новиков.* Специфика и проблемы интервью как техники исследований.— «Социальные исследования». Вып. 5. Теория и методы. М., 1970, стр. 243!).

«Но то этим неправильно разрешенным судами делам приговор выносился в подавляющем числе случаев «единогласно, а не большинством голосов. Из 1737 отмененных приговоров только 35,3% дел приговор не выражал общего мнения всей судебной коллегии, а кто-либо из состава суда высказывал во время совещания такую же точку зрения по делу, которая легла в основу решения вышестоящей инстанции об отмене приговора. Вынесение приговора по единогласному мнению всех судей чисто логически можно рассматривать применительно к неотменным приговорам как определенную внутреннюю дополнительную гарантию законности и обоснованности. Однако такое единогласие в случаях, представляющих собой судебную ошибку, выступает уже как негативный фактор, в котором проявляется давление неправильного группового мнения на формирование собственного убеждения каждого члена состава суда»⁸⁶. С точки зрения социальной психологии, этому явлению можно препятствовать уже потому, что конформность, характерная для каждого лица, с достижением им определенного возраста может стать постоянной, может быть проверена, зависит от исполняемой им социальной функции и условий деятельности⁸⁶.

Для судебной коллегии все эти факторы имеют специфические характеристики и должны учитываться как величины, влияющие на предупреждение судебных ошибок. Это относится прежде всего к условиям, в которых действует состав суда. Социальная психология указывает на ряд обстоятельств, которые усиливают проявления конформизма в деятельности таких социальных групп, к которым относится и состав суда. Во-первых, это группа, находящаяся под влиянием лидера (судью), положение которого как тащущего г.стосткмпю, поскольку именно через судью проходит наибольшее количество информации, необходимой для деятельности всей группы. Поэтому является закономерным, что сильнее влияние на формирование мнения в судебной коллегии идет по направлению от судьи к народным заседателям, а не наоборот. Во-вторых, увеличивается вообще влияние группы на каждого члена суда в связи с особенностями его состава (Профессионал и непрофессиональные судьи). Это вытекает из установленного социальной психологией принципа формирования группового влияния на мнение личности в таких

⁸³ К «точно, источники такого неправильного мнения могут находиться и за пределами судебной коллегии, они могут быть связаны с деятельностью отдельных участников процесса, со специфическим влиянием отдельных мнений доказательств. Но и эти явления преломляются через мнение каждого члена судебной коллегии, которые при меньшей степени конформности могли бы сформировать его вопреки влиянию таких факторов и были обязаны это сделать.

⁸⁴ *А. П. Сопиков.* Влияние группы на поведение члена этой группы.

коллективах, где существует неравный статус взаимодействующих лиц⁸⁷. Даже ушловш-продаосуальное законодательство, провозглашая равные проадеосуальные права судьи и народных заседателей, закрепляет их разный статус, возлагая на судью обязанности по руководству судебным разбирательством. Еще большие различия в положении судьи и народных заседателей, естественно, вытекают из того, что для судьи его деятельность является должностной обязанностью, что он несет реальную ответственность за качество судопроизводства, что он обладает необходимыми специальными знаниями и большим опытом уголовно-процессуальной деятельности и т. д. Все это закономерно обуславливает нормальную социально-психологическую реакцию подчинения народных заседателей авторитету судьи при формировании убеждения в связи с рассмотрением и разрешением уголовного дела и усиление влияния мнения большинства в судебной коллегии на мнение народного заседателя, оставшегося в меньшинстве⁸⁸.

В связи с изучением причин судебных ошибок в проблеме конформизма и подчинения авторитету в судебной коллегии необходимо выделить случаи формирования недоверия к мнению судьи и большинства членов состава суда, внутреннее неподчинение ему, самостоятельность в суждениях и противопоставление личного убеждения неправильному коллективному, что представляет наибольший интерес и с точки зрения социальной психологии⁸⁹.

Как уже говорилось, на основании анализа ряда отмененных приговоров наличие разных мнений в судебной коллегии — это редкость даже в тех процессах, где решение суда оказалось ошибочным. Для общей массы судебных приговоров это вообще единичные явления, что подтверждает и выборочное интервьюирование народных заседателей. Даже те из них, которые избирались народными заседателями не один раз и исполняли эти обязанности в течение 2 или 4 сроков, а также те, которые в течение срока своих полномочий привлекались к рассмотрению уголовных дел на 20, 25, 30, 65, 85 дней, не отмечают каких-либо расхождений во мнениях внутри судебной коллегии при разрешении уголовных дел. Наиболее

Е. С. Кузьмин. Основы социальной психологии.

Речь идет здесь не о принятии решения по большинству голосов, а о социально-психологическом влиянии коллективного мнения на мнение личности, модифицирующееся в совпадающее с коллективным при исходном положении внутреннего несогласия с ним (*В. Н. Колбановский. Предмет, методы и актуальные проблемы советской общественной психологии. — «Проблемы общественной психологии». М., 1966, стр. 156).*

Б. Ф. Поршнев. Элементы социальной психологии, стр. 31. Однако изучать это явление в судебной деятельности сложно, поскольку процесс формирования внутреннего убеждения суда огражден от любого наблюдения тайной совещания. Это не дает возможности использовать в данном случае статистические характеристики.

показательным в данном отношении представляется изучение особых мнений как единственной формы внешней фиксации расхождений во мнениях в судебной коллегии.

В связи с этим были изучены дела с особыми мнениями, затребованные по итогам работы за год из 76 областных судов РСФСР, УССР, БССР и Ка-з. ССР, рассмотревших указанные дела в качестве первой инстанции. Анализ этой судебной практики показал, что большая часть особых мнений (16 из 22) отражает несогласия по вопросу об определении меры наказания. С точки зрения социальной психологии это не является неожиданным, так как конформизм при решениях, принимаемых группой лиц, обычно выше в сложных вопросах, к каковым в уголовном деле относится вопрос о виновности.

Действительно, самостоятельное, отличающееся от утверждений других членов состава суда мнение по вопросу о виновности, отрицание признаваемой приговором вины лица в совершении преступления или в совершении одного из вменяемых подсудимому, согласно приговору суда, преступных деяний или признание виновности лица в совершении иного преступления, чем то, которое установлено приговором, требует от члена судебной коллегии не только достаточно высокого уровня знаний, позволяющего проанализировать имеющиеся в уголовном деле фактические данные, но и «психологической направленности на самостоятельное решение, активности и осознания собственной высокой ответственности за исход судебного разбирательства. Поэтому особое мнение по вопросу о виновности представляется не только исключительным явлением, но и заслуживающим особого внимания. Основанное на твердом убеждении в неправильности решения других судей⁹⁰ особое мнение, оспаривающее решение о вине, данное в приговоре, не может, как правило, являться только отражением специфических психических качеств личности его автора, только пропущением личной оценки общественной опасности преступления и тяжести причиненного им ущерба (как это возможно при 1);поглап1мх в определении меры наказания).

<)т(<и* мнение относительно виновности всегда вытекает из определенных фактических данных, которые, если и не опровергают вынесенное судом решение, то свидетельствуют о наличии существенного сомнения в его обоснованности, подтвержденного письменно одним из членов судебной коллегии⁹¹.

⁸⁷ *М. Понделков. Приговор суда и убеждение народных заседателей, — «Социалистическая законность», 1970, № 2, стр. 34.*

⁸⁸ I ((обходимо отметить, что по ряду дел, дошедших до верховных судов союзных республик и Верховного Суда СССР с особыми мнениями народных заседателей, проверка показала, что народные заседатели были прилиы, не соглашаясь с принятым по делу решением. При проверке этих /и-л в порядке надз0)ра состоявшиеся решения были отменены, а дела, ш» которым народные заседатели остались при особом мнении, либо бы-

Учитывая тот нелегкий социально-психологический барьер, который приходится преодолеть судье, официально выражающему свое особое мнение по вопросу о виновности, а также исходя из того значения, которое имеет несомненное ее установление для устранения наиболее тяжких судебных ошибок, представляется важным специально урегулировать процессуальные последствия такого особого мнения.

УПК большинства союзных республик (кроме РСФСР и Таджикской ССР) предусматривают обязательное направление дел, не рассматривавшихся в суде второй инстанции, после вступления приговора в законную силу председателю вышестоящего суда, если в деле имеется особое мнение. Конечно, целесообразно, как уже предлагалось⁹², принять аналогичные нормы во всех союзных республиках. Однако изучение названных выше дел с особыми мнениями показало, что и при проверке дел в суде второй инстанции следовало бы уделять больше внимания анализу особого мнения и его мотивов. Важно отметить, что из 22 дел, пересмотренных в кассационном порядке, только по трем вышестоящая инстанция изменила приговор, вынесенный при наличии разногласий в судейской коллегии, и в некоторой степени согласилась с особым мнением.

Однако наиболее характерной является другая картина: по остальным делам приговор оставлен без изменений, а суд второй инстанции, как правило, и не ознакомился с особым мнением одного из членов суда первой инстанции, не вскрывал конверта с этим документом, приложенным к материалам дела. В связи с этим представляется, необходимым судам, пересматривающим в кассационном или надзорном порядке дела с особыми мнениями, прежде всего касающимися вопроса о виновности, предписать в руководящем разъяснении или постановлении Пленума Верховного Суда СССР правило: тщательно анализировать особое мнение, и при несогласии с ним специально опровергать доводы, лежащие в его обосновании, в кассационном или надзорном определении. Ссылаясь на собственный анализ указанных уголовных дел, в которых имелись особые

ли возвращены на новое рассмотрение, либо были прекращены производством. Весьма показательна, что принципиальная позиция народных заседателей содействовала исправлению допущенных судебных ошибок. Каждый народный заседатель, так же как и постоянный судья, должен отстаивать свое мнение, если он уверен, убежден в его справедливости. «Судья, решая дело,— писал А. Ф. Кони,— никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: я так хочу. Он должен говорить: я не могу иначе, не могу потому, что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека» (Л. Ф. Кони. Избранные произведения, т. 1. М., 1956, стр. 34).

М. Понделков. /Приговор суда и убеждение народных заседателей.

мнения относительно виновности, можно признать, что по большинству из них особое мнение, приложенное к обвинительному приговору, отражало наличие достаточных сомнений, которые согласно общему демократическому принципу нашего судопроизводства должны были бы толковаться в пользу подсудимого, если (бы были подтверждены коллективно судом).

В процессе дальнейшего совершенствования законодательства могла бы быть принята и более решительная позиция, предлагавшаяся уже доктором юридических наук С. В. Курылевым: «Если один из судей при вынесении обвинительного приговора остался при особом мнении относительно достоверности какого-либо установленного судом существенного для дела факта, такой приговор подлежит отмене. Особое мнение в данном случае свидетельствует о том, что факт, считающийся достоверно установленным, в действительности, возможно, основан лишь на вероятности»⁹³. Предполагаемый автором этого предложения контрдовод, что такое положение может повести к ослаблению борьбы с преступностью, можно опровергнуть, по-видимому, и с психологической, и с практической, и с чисто процессуальной точки зрения, поскольку наиболее распространенным при принятии решения в группе лиц является конформизм, а не полная независимость и самостоятельность личных суждений, поскольку количество дел с такими особыми мнениями очень невелико и поскольку отмена приговора в таких случаях не предвещала бы результатов следующего судебного разбирательства. Собственно говоря, указанное предложение практически обращалось бы в требование единогласного решения судьями наиболее существенных вопросов. Процессуально это требование могло бы быть оформлено не только через инициативу приговора при наличии особого мнения, но и/через вынесение определения в судебной комнате определения о передаче дела для рассмотрения в ином составе суда, если суд, проводивший по этому делу судебное разбирательство, не может прийти к единому мнению по вопросам, разрешение которых предвещает определение наказания.

Кроме того, представляется целесообразным установить в процессуальном законе перечень фактов, относящихся к отдельным сторонам состава преступления, а не к решению о виновности в целом, с тем чтобы эти факты при различном мнении о них у членов судейской коллегии и невозможности их более точного подтверждения должны были бы толковаться в пользу подсудимого. Такие тенденции, определяющие увеличение процессуальной значимости мнений и оценок по делу, складывающихся у каждого члена состава суда,

С. В. Курылев. О достоверности и вероятности в правосудии.— «Правоведение», 1968, № 1, стр. 70.

представлялись бы тем более обоснованными, что судейская коллегия состоит всего из трех лиц, и «большинство» в ней не может реализоваться в значимых количественных соотношениях: оно всегда минимально. Если же приговор выносится большинством голосов на фоне такой убежденности одного из членов состава суда в необходимости иного решения, которая выражается в его особом мнении по вопросу о виновности, то само понятие коллегиальности кажется в определенной степени искаженным. Это, конечно, должно порождать не призыв добиваться во что бы то ни стало единогласного решения, а дальнейшую разработку мер, обеспечивающих реальную значимость коллегиальности и процессуальных последствий особых мнений при разрешении уголовных дел.

Организация изучения дел, в которых имеются особые мнения, в вышестоящих судах и периодическое обобщение отражающихся в них тенденций практики судов первой инстанции может выступать как определенный способ обнаружения скрытых судебных ошибок, как метод их выявления и как основание для дальнейшего руководства судебной практикой, поскольку в этих случаях могут отражаться наиболее спорные вопросы судопроизводства в том виде, как они толкуются лицами, призванными осуществлять правосудие. Кроме того, удаление большего внимания особым мнениям — это вполне реальный способ воспитания народных заседателей, подтверждающий значимость их прав и ответственности. (В этом смысле был бы важен анализ результатов рассмотрения особых мнений при пересмотре уголовных дел. Он мог бы противодействовать в определенной степени явлениям конформизма внутри судейской коллегии, ориентировать при рассмотрении дел на тщательную собственную индивидуальную оценку фактических данных относительно вопроса о доказанности вины, а не только по поводу размера должного наказания, наконец, служил бы более правильному пониманию своей роли народными заседателями, что является непременным условием усиленного противодействия конформизму.

Роль народных заседателей в судопроизводстве в социальном плане не вызывает сомнений, определяется объективным значением этого института, обеспечивающего привлечение трудящихся к осуществлению правосудия. Однако если развитие правосудия в СССР постоянно направленно к тому, чтобы усилить самостоятельность и повысить активность народных заседателей⁹⁴, то в этом процессе нельзя не придавать значения выяснению и формированию реальной роли народных заседателей в социально-психологическом плане, т. е. их собственному пониманию роли, принятию ее, ответственности в ее исполне-

⁹⁴ Н. В. Радутная. Народный заседатель. М., 1973, стр. 4, 14, 17—22 и др.

нии, пониманию соотношения ролей⁹⁵ внутри состава суда, так же как и соотношения ролей органов *и* лиц, осуществляющих предварительное расследование и правосудие. В этом же плане важна и оценка реальной роли народных заседателей со стороны судей, поскольку она влияет на условия эффективности института привлечения к судопроизводству непрофессионального элемента.

Вот некоторые данные из бесед с народными судьями и народными заседателями, которые могут быть использованы для характеристики самооценки народных заседателей и оценки их роли судьями⁹⁶. Как судьи, так и народные заседатели принципиально правильно характеризуют значение участия последних в судопроизводстве: «при рассмотрении уголовных дел помогают большой опыт и специальные знания народных заседателей» (с позиций судей); «народные заседатели обеспечивают связь с народом, справедливость и объективность», принимают участие в процессе «для полного и правильного рассмотрения дела», «вынесения справедливого приговора», потому что «коллективное мнение всегда правильней и важен практический жизненный опыт народных заседателей»; «народный заседатель делит с судьей нравственную ответственность, вынося приговор, а его участие в судопроизводстве играет важную роль для пропаганды права среди населения» (с позиций народных заседателей).

Исследуя, однако, связь социально-психологических факторов с судебными ошибками, следует, естественно, большее внимание обращать на иные оценки роли народных заседателей, расходящиеся с установленной для них законом целью, чтобы выяснить, что именно в реальной жизни этого института должно быть изменено в целях повышения его эффективности.

Вот эти оценки, разделенные по субъектам высказываний. 1. Народные заседатели: «в работе народного заседателя нет особых трудностей», основная тяжесть работы в суде «лежит на судьбе, народные заседатели в основном прислушиваются к мнению судьи»; «народные заседатели решают в основном вопрос о мере наказания»; «с хорошим председателем нет трудностей в судебном разбирательстве»; («самое сложное — заставить подсудимого сознаться». 2. Народные судьи: «мешает отсутствие у народных заседателей правовых знаний»; «иногда

⁹⁵ В. П. Рожин. Марксистская социология и социальная психология.— «Проблемы общественной психологии». М., 1965, стр. 120.

⁹⁶ Как уже говорилось, этот материал недостаточен для количественного анализа и скорее имеет значение отдельных примеров, хотя в определенной степени, особенно когда речь идет об интервьюировании народных судей, он может рассматриваться как результат «экспертных оценок» в связи с исследуемыми вопросами, тем более что беседы проводились с народными судьями и народными заседателями московских районных народных судов.

они охотно знакомятся с делами, но иногда просто «отсиживают» в суде»; «народные заседатели неправильно оценивают актуальность дел», «учитывают при вынесении приговора только смягчающие обстоятельства»; «иногда помогают при рассмотрении дел, но чаще мешают из-за незнания законов и обычной человеческой жалости»; «приходят в суд, чтобы «сдерживать» судью, который, по их мнению, будет обязательно обвинять подсудимого»; «не могут решать вопрос о квалификации, такое требование нереально для народных заседателей»; «при определении меры наказания обращают внимание только на личность подсудимого, забывая о тяжести, общественной опасности преступления»; («чтобы воздействовать на народных заседателей, судьи «запрашивают» большую меру наказания, чем необходимо назначить»; «низкий уровень образования и юридической грамотности народных заседателей наводит на мысль, что избирают их на предприятиях по принципу наименьшей занятости и наименьшей ценности для производства»; «проще работать с народными заседателями, избранными от промышленных предприятий, они правильно понимают свои задачи, у народных заседателей из интеллигенции много колебаний, сомнений»⁹⁷.

Приведенные оценки характеризуют определенным образом позиции части заседателей под углом зрения социальной психологии: а) в ряде случаев народные заседатели понимают и принимают свою роль недостаточно широко, ограничивая ее решением лишь определенных и даже не наиболее важных вопросов судебного разбирательства; б) они не принимают на себя в полной и равной с судьей мере внутреннюю ответственность за выносимые решения; в) возможная конфликтность их позиции и позиции народного судьи допускается народными заседателями не на основе их стремления к самостоятельной оценке по рассматриваемому делу, а на основе общего противопоставления их ролей в социальном плане — если судья «всегда обвиняет», заседатели его «сдерживают», если судья предлагает меру наказания, то заседатели ее снижают, исходя из того, что судье вообще свойственно «видеть в любом подсудимом неисправимого преступника». Такое неверное понимание некоторыми заседателями возможных и допустимых разногласий с судьей, во-первых, искусственно расширяет сферу конфликтов, создавая для них основу в каждом деле, и, во-вторых, лишает эти разногласия значимого смысла, сосре-

Оценки, данные народными судьями, должны быть признаны значимыми в указанном плане, поскольку, во-первых, в них отражается, как в зеркале, воплощенное в поведении народных заседателей мнение о себе; во-вторых, они показывают как ту роль, которую народные заседатели готовы принять, так и ту роль, которую народные судьи готовы за ними признать и пределы которой именно народные судьи реально определяют.

дотачивая их только на карательной практике, сужая пределы использования личной и профессиональной опытности народных заседателей при рассмотрении существа каждого конкретного дела; г) в большинстве случаев и судьи, и народные заседатели воспринимают как норму отсутствие каких-либо расхождений в судейской коллегии.

Такое понимание распределения ролей в судейской коллегии согласуется в определенной степени с общими характеристиками коммуникативного поведения, выведенными в социальной психологии при исследовании эффективности работы так называемых малых групп. Экспериментально обнаружены следующие типы поведения при решении одной задачи группой лиц⁹⁸: 1) испытуемые решают задачу, только подчинив себе остальных членов группы (для суда это, например, случаи, когда, по мнению судьи, заседатели только мешают); 2) преобладает стремление к индивидуальному решению (примером этого в судебной деятельности могут быть в известной мере суждения судей на излишние сомнения и колебания народных заседателей); 3) преобладает стремление приспособиться к группе (отсутствие у народных заседателей направленности на самостоятельную оценку — это те случаи, когда они, по их собственной характеристике, только «прислушиваются» к мнению судьи); 4) направленность на коллективное решение задачи¹⁰⁰.

В судейской коллегии каждый из первых трех видов поведения таит в себе возможные истоки судебных ошибок. Поэтому важно проанализировать и попытаться нейтрализовать социально-психологические факторы, лежащие в их основе. Согласно исследованиям, проведенным в этой области социаль-

⁹⁸ И. В. Голубева, И. М. Иванюк. Эффективность работы малых групп.— «Проблемы психического развития и социальной психологии» (XVIII Международный психологический конгресс). М., 1966, стр. 383.

⁹⁹ Яркий пример такой позиции судьи см.: Н. В. Рад у тая. Судьи профессионалы и народные заседатели.— «Советская юстиция», 1968, № 7, стр. 16.

¹⁰⁰ Представляется, что применение и се ледов алий деятельности малых групп к анализу судебной деятельности в достаточной степени оправдывается и теми наблюдениями, которые проведены польскими учеными-юристами (С. Завадский, Л. Кубицкий. Народный заседатель в уголовном процессе в Польше.— «Советское государство и право», 1968, № 8, стр. 126—133). При наблюдении за совещаниями судей в уголовном судопроизводстве ПНР исследователи выделили соответствующие указанным выше следующие типы течения и атмосферы совещания: а) совещание при абсолютном господстве судьи; б) совещание с явным преобладанием ВЛИЯНИЯ судьи, который старается, однако, соблюдать некоторые формальные элементы обсуждения; в) совещания, в которых инициатива, предоставляемая судьей народным заседателям, не принимается ими, что вынуждает судью выразить собственный взгляд в решении; г) совещания, когда возникает и развивается подлинная дискуссия (С. Завадский, Л. Кубицкий. Указ. соч.; см. также: Л. Подгурецкий. Очерк социологии права. М., 1974, стр. 191—195).

ной психологии, в качестве таковых могут выступать¹⁰¹: а) недостаточная способность воспринять информацию и указания, поступающие от других членов группы — типы народных заседателей, не прислушивающихся к мнению судьи, и народных судей, у которых высказываемые народными заседателями сомнения вызывают отрицательную реакцию; б) недостаточная способность дать указания — очень серьезный недостаток в деятельности отдельных судей, ориентирующихся на индивидуальное собственное решение и избегающих либо неспособных провести обязательную общую разъяснительную работу с народными заседателями и дать объяснения в связи с рассмотрением конкретного дела таким образом, чтобы пробудить необходимую активность заседателей и использовать все их знания и опыт; в) отсутствие у члена группы установок на решение задачи как результат существования группы лиц, призванной для осуществления этой цели, и в связи с тем, что цель не определяется индивидуально (это без труда обнаруживается во многих случаях пассивности народных заседателей).

Указанные причины различных форм поведения, отрицательно влияющие на эффективность деятельности малых групп как факторы социально-психологического порядка, могут порождаться, усиливаться или уменьшаться в связи с объективными условиями деятельности группы при решении определенной задачи. К таковым относятся прежде всего внешняя обстановка и атмосфера деятельности, способности и личный опыт членов группы и, как частный случай последнего, способности лица, выступающего в деятельности данной группы в качестве лидера¹⁰².

В связи с этим применительно к судебной деятельности справедливо ставились в научной юридической литературе вопросы повышения реального значения коллегальности при рассмотрении уголовных дел с помощью следующих мер¹⁰³:

1. Введение дополнительных процессуальных гарантий, повышения значимости мнения каждого члена судейской коллегии в процессе всего судебного разбирательства и изменение процессуальных и судостроительных правил, способствующих отрицательным проявлениям различных социально-психологи-

И. В. Голубева, И. М. Иванов. Эффективность работы малых групп. *Е. С. Кузьмин.* Основы социальной психологии, стр. III, 104. *Н. В. Радутная.* Народный заседатель. М., 1973; *А. Г. Лякас.* К вопросу о психологической характеристике основных участников судебного разбирательства, стр. 117; Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», — «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970 г.», стр. 296; *В. Ф. Бохан.* Принцип коллегальности и его роль в формировании коллективного судейского убеждения. — «Вопросы государства и права» (Белорусский гос. университет). Вып. 2. Минск, 1970, стр. 166—168.

ческих факторов (введение права на особое мнение в распоряжении заседаний и на особое мнение по поводу и стова- ия доказательств; изменение порядка допроса в судебном заседании с тем, чтобы начинал его прокурор, а не суд, что шмогло бы правильной оценке заседателями его роли; выбор таких форм оценки качества судебной работы, чтобы они нГпобуждали судей оказывать давление на народных заседателей при принятии решения; повышение ответственности на- ^ J ^ p s a c w ^ ^ перед избравшим их коллективно-м; учет Специфики уголовных *ел при вызове народных заседателей особенно по делам несовершеннолетних; развитие принципов независимости и выборности судей в сочетании с мерами по подбору и стабилизации судебных кадров).

2 Обеспечение необходимого уровня организации труда, который позволил бы создать реальные возможности для тща- TPnbSoro изучения народными заседателями материалов каж- Zo ^ тм S дела%^дзиакомления их с планом судебного оазвиоательства и специальной подготовки к судебному засе S^{тм} что могло бы служить основанием преодоления их S S H O C T H ^ В приговоре действительно мнения

в с е П р е ^ ^ Г о ^ н ^ а к П " е с б х о д и « ы » укаеать „ другие напра^рвл^де;Гя вытекающие из закономерностей социальной пси-

^{х0л}Если все более широко ставится вопрос об учете профессиональных, психологических, этических, ^ « ^ ^ ^ I ^ . ваний при подборе, подготовке кадров во всех сферах деятель- S C T J I S P T O не I к е т не показаться странным отсутствие каш- ш бы то ни было критериев для лиц, Ж тм ^ ^ ^ ^ ^ судие в качестве народных заседателей *⁰⁵. К о н е ч т м , н а ^ д ^ заседатели-это прежде всего представители народа, но они ааседатели достойными ею представителями. Поэтому не- 2бходимы не только Правила о порядке выборов народных з^едателе^к, установленные законодательством¹⁰⁸, которые со- Ге , 4 л Т б ь определенные требования к кандидатам (напри- фер минимальный стаж работы на предприятии ил и в орга- низации отсутствие взысканий по административной или обще- ствеГой линии ш др.), порядок неременного обсуждения и Г л о с о в ^ и ^ я и н к Т н д и д ^ подготовки и проведения выборов, которые обеспечивали бы

« г , S ^ ^ - , что «а п р тм » £ ^ избиваются в число народных заседателей лица, которые не имеют Гаже общеобГзо^ательной подготовки. Значительная^ часть народных заседателей не имеет полного среднего образования. Применительно же « отаельныш районам это выглядит еще намного «благополучнее i⁰⁶ «Демократические основы советского социалистического правосудия». М., 1965, стр. 14, !16 и др.

ответственное отношение коллективов трудящихся к избранию народных заседателей¹⁰⁷. Думается, что этим специально следовало бы заниматься союзно-республиканским министерствам юстиции.

И, наконец, учет влияния социального коллектива на индивидуальную психику¹⁰⁸, применительно к формированию судебного убеждения, приводит к признанию особой трудности процесса образования и фиксации индивидуального предварительного по отношению к решению судейской коллегии мнения каждого судьи по делу. Подлинное равноправие судей и подлинная коллегиальность в судопроизводстве должны обеспечиваться и мерами, облегчающими этот процесс, ибо коллективное решение возможно только тогда, когда каждый из членов судейской коллегии имеет, выражает и обосновывает свою собственную позицию по делу. С этой точки зрения целесообразно было бы ввести и вручать народным заседателям (каждому отдельно) письменную форму-вопросник, который уже с самого начала судебного разбирательства ориентировал бы их на совокупность вопросов, подлежащих изучению в судебном разбирательстве и разрешению при вынесении приговора. Это помогло бы народным заседателям уже в процессе рассмотрения дела фиксировать внимание на основном, способствовало бы собственному анализу ими судебного материала и формированию самостоятельного мнения по делу, которое потом могло бы быть предложено для коллективного обсуждения¹⁰⁹. Организационные мероприятия в этом направлении могли бы послужить дополнительной нейтрализации некоторых социально-психологических факторов, негативно отражающихся на деятельности судейской коллегии при осуществлении правосудия и способствующих вынесению ошибочных приговоров.

§ 6. Независимость судей—
гарантия вынесения законного приговора
на основе внутреннего убеждения¹¹⁰

Проблема независимости судей—одна из тех важнейших проблем в судебной деятельности, связь которых с вынесением

¹⁰⁷ «Udział Lawnikow w postepowaniu Karnum». Opinie a rzeczywistosc. Studium prawnoempiryczne pod redakcją S. Zawadzkiego i D. Kubiakiego. Warszawa, 1970, S. 3117—318; Т. Г. Морщакова. Социальная психология и суд.— «Правоведение», 1974, № 2, стр. 69—76.

¹⁰⁸ Б. Ф. Поршнев. Элементы социальной психологии, стр. 176—183.

¹⁰⁹ В ГДР после введения в действие УПК 1968 г, практиковалось предварительное письменное изложение народными заседателями их мнений при решении вопросов, подлежащих рассмотрению в стадии предания суду, что привело к положительным результатам: к повышению активности и более ответственному отношению народных заседателей при выполнении ими функций в судопроизводстве.

¹¹⁰ Вопрос о независимости судей имеет, конечно, не только психологический аспект. Надо сказать, что этот вопрос не изучался в плане «чистой

законных и обоснованных приговоров очевидна. Независимость судей—первое непрременное условие, обеспечивающее возможность поисков истины по любому делу. Ясно, что каждая попытка посягательства на независимость судей в судопроизводстве, в какой бы форме она ни выражалась и какими бы причинами ни была вызвана, всегда, если не ведет, то могла бы привести к принятию неправильного по общим законным критериям решения. Вместе с тем причины, (приводящие к судебным ошибкам из-за нарушения принципа независимости, могут быть чрезвычайно разнообразны, поскольку осуществление принципа независимости судей связано не только с процессуальными и иными правовыми гарантиями, но и с реальным положением суда, отдельных судей в государстве, обществе, в экономической и социальной жизни.

Говоря о независимости судей, выдающийся деятель советской юстиции Н. В. Крыленко писал: «...Мы проповедуем их полную зависимость от государственной политики как ее носителей, но мы хотим одновременно поставить их в такое положение, чтобы, проводя эту политику, а не какую-нибудь иную, они могли быть спокойны, что им будет дано ее проводить в пределах закона и вне зависимости от внесудебных факторов»¹¹¹. Созданию такой обстановки в значительной мере служат судоустройственные и процессуальные правила, а также и порядок организационного руководства судами, справедливо оцениваемые как важные юридические гарантии независимости судей¹¹². В то же время закрепление и реализация гарантий независимости судей необходимо связаны с социальным, экономическим, социально-психологическим и психологическим аспектами, так как сам принцип имеет целью нейтрализацию и «внесудебных» факторов, которые по природе своей могут быть очень разнообразны. Провозглашение независимости судей направлено на обеспечение необходимой внешней атмосферы деятельности по осуществлению правосудия. Благодаря этому принципу должны не только исключаться возможности

психологии», но он, безусловно, связан с целым рядом моментов психологической сферы, особенно с социальной психологией, с психологией общественного мнения и настроения, с психологией внушения, с атмосферой судебной аудитории. Поскольку в данном параграфе рассматриваются вопросы влияния на суд и судебные решения со стороны общественного мнения, выражаемого в печати, значение в судопроизводстве мнений и решений государственных и общественных организаций и отдельных должностных лиц, то представляется допустимым поместить этот материал в главе, касающейся роли психологических факторов при принятии неправильного решения в судопроизводстве по уголовным де-

¹¹¹ Там же.
М. Н. В. Крыленко. Судоустройство РСФСР. Лекции по теории судоустройства, М., 1923, стр. 44.

¹¹² Р. Д. Рахунов. О юридических гарантиях независимости судей в советском уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1968, № 4, стр. 50—56.

прямого вмешательства в судебную деятельность, а также попытки продиктовать то или иное решение по уголовному делу, но и культивироваться у лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, внутренний иммунитет, обеспечивающий сопротивляемость подобного рода влиянием. В то же время принцип независимости ограничивает возможности отрицательного воздействия ряда социально-психологических факторов (например, влияния авторитета, общественного мнения, внушения), ориентирует суд и судей на правильное понимание и ответственное исполнение их социальной роли как лиц, единственно облеченных полномочиями осуществлять правосудие.

Ясно, что любые случаи отклонения от строжайшего соблюдения принципа независимости в судопроизводстве могут быть связаны не только с определенными нарушениями процессуальных правил, но и вызываться некоторыми причинами психологического, социального, даже экономического свойства. От них зависит картина практического осуществления принципа, четко сформулированного законодателем. Поэтому очень важно изучение реальных условий деятельности судей и судов, постоянно привлекающее пристальное внимание партии и правительства. В этом плане приобретают огромное значение мероприятия, проведение которых предусмотрено Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» и Постановлением Совета Министров СССР от 11 августа 1970 г. «О мерах по улучшению условий работы и материально-технического обеспечения судов, органов прокуратуры и нотариальных контор».

По сути дела этими постановлениями существенно развиваются и гарантии независимости судей прежде всего социально-экономического характера. Они обеспечивают дальнейшее идейно-политическое и деловое воспитание кадров судебных работников, повышение материальной обеспеченности судей¹¹³ и улучшение материально-технического снабжения судов.

Эти мероприятия дают возможность и основания еще более повысить требовательность к самим судьям, от которых можно и нужно ожидать нетерпимости к любому незаконному вмешательству в разрешение конкретных дел и последовательной принципиальности в отстаивании своей независимости.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» указывалось, что «многие случаи нарушения законности обусловлены несоблюдением конституционного положения о том, что при отправлении правосудия судьи независимы и подчиняются только закону, и тем, что

О судебных кадрах см. также гл. VI.

среди некоторой части судебных работников до конца не преодолена недооценка... роли суда как органа, которому доверено окончательно решать вопросы о виновности подсудимого и применении меры наказания»¹¹⁴.

В своих определениях Верховный Суд постоянно указывает на недопустимость любого нажима на судью даже со стороны вышестоящих судебных органов в их процессуальной деятельности.

В одном из определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР¹¹⁵ указано: «Несовпадение точки зрения судьи по делу, действовавшего добросовестно на основе внутреннего убеждения, с точкой зрения вышестоящего суда, уполномоченного на отмену решения судьи, даже в случае отмены этого «решения не только не дает основания для привлечения судьи к ответственности, но такое привлечение является противозаконным и грубо нарушающим принцип независимости судей».

Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик последовательно отстаивают независимость судей от всех возможностей процессуального вмешательства кассационных и надзорных инстанций, если последние превышают свои полномочия при пересмотре дел, признают доказанными факты, не установленные или отвергнутые судом первой инстанции, предвещают вопрос о доказанности обвинения при отмене оправдательного приговора. Подобное вмешательство вышестоящих судебных инстанций всегда служит основанием для отмены их решений¹¹⁶.

Однако процессуальные возможности верховных судов, всех судебных органов и органов юстиции вообще противодействовать каждому вмешательству со стороны не могут быть использованы также успешно для предотвращения любого незаконного влияния и вмешательства в процесс рассмотрения дела, тем более до того момента, когда приговор по делу еще не вынесен. И здесь важна постоянная четкая линия, определяющая взаимоотношения судов с общественностью, органами печати, государственными и общественными организациями, наконец, с органами расследования, которая исключала бы попытки незаконно повлиять на суд и обеспечивала бы условия, ограждающие судебные органы от («общественных страстей», разгорающихся зачастую вокруг рассмотрения какого-либо уголов-

¹¹⁴ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 4924—1<973», стр. 279.

¹¹⁵ «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР». М., 1948, стр. 324.

¹¹⁶ «Сборник постановлений Пленума, определений коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946—1962 гг.». М., Юбз, стр. 16; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 6, стр. 43—45; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 6, стр. il|2—d\$.

него дела. Некоторые данные анкетного опроса судей свидетельствуют о том, что определенные мероприятия в этом направлении необходимы.

При решении задачи обеспечения судов помещениями, отвечающими требованиям отправления правосудия, должно постоянно обращаться внимание на создание условий для соблюдения тайны совещания судей, чтобы эта важнейшая процессуальная гарантия независимости судей действительно «работала».

Из почти 3000 судей около 27% считают, что их условия работы в совещательной комнате не вполне удовлетворительны. Для отдельных республик, краев и областей этот процент еще более (значителен. Конечно, это не значит, что у большего количества судей, не имеющих надежно обеспеченной тайны совещания при вынесении приговора, это процессуальное требование постоянно нарушается. Такое положение привело бы к тому, что все выносимые в их совещательных комнатах приговоры отменялись бы ввиду существенных (Процессуальных нарушений).

Однако условия работы, не обеспечивающие тайну совещания, могут отрицательно сказываться на результатах судебной деятельности по крайней мере в нескольких направлениях. Во-первых, это может создавать у судей опасения, что тайна совещания, значит и независимость судей при вынесении решения могут быть нарушены. Во-вторых, заинтересованные должностные и иные лица имеют возможность попытаться повлиять на судей в процессе совещания. В-третьих, вышестоящий суд лишается возможности осуществлять реальный контроль за соблюдением тайны совещания. В-четвертых, это подрывает престиж правосудия, рождает сомнения в независимости судей, в том, что они примут решение в соответствии с их внутренним убеждением.

Наконец, могут сложиться такие ситуации, когда возможность повлиять на судей при нарушенной тайне их совещания становится реальной, что приводит к принятию незаконного решения. Естественно, нельзя утверждать, что существует прямая связь между условиями, не обеспечивающими тайну совещания судей, и вынесением незаконных приговоров. Но такие условия могут выступать в качестве фактора, негативно отражающегося на качестве работы судьи.

Вместе с тем надо иметь в виду, что отсутствие необходимых условий работы в совещательной комнате, с одной стороны, не всегда связано с какими-либо попытками оказать влияние на судей, а с другой — не исчерпывает возможных форм влияния и ограничения независимости судейской коллегии.

То что постановка и рассмотрение такого вопроса в порядке изучения причин судебных ошибок не являются надуманными, подтверждается в определенной степени ответами судей

на поставленный в анкетах вопрос о том, имели ли место какие-либо попытки повлиять на судью в связи с рассмотрением конкретных уголовных дел. Подавляющее большинство судей ответили на этот вопрос отрицательно.

Однако было бы неправильным оставлять без внимания те, пусть нечастые, случаи недопустимого влияния на судей (в 3100 заполненных анкетах указаны 342 случая такого влияния, что составляет 11%), так как подобное влияние могло быть не только причиной ошибочного приговора, но и, не повлияв на приговор, могло повлечь иные отрицательные последствия для судьбы.

По данным упомянутого анкетирования такой реальный отрицательный результат незаконных влияний на судей обнаруживается более чем в 21% случаев. Называются и источники такого влияния. Это в основном представители общественных организаций, отдельные работники органов местной власти, представители печати. В юридической литературе уже указывалось на недопустимость таких формально не запрещенных законом форм влияния на суд, как выступления в печати представителей органов следствия и суда с позиций обвинения до рассмотрения дела, различные обсуждения конкретных дел общественностью и вынесение на основе обсуждения «резольций», «ходатайств», «просьб» о том или ином решении дела и-т. д.¹¹⁷

Вмешательство в судебную деятельность, нарушение принципа независимости судей последовательно отвергались советским законодательством начиная с первых советских законов о суде и судопроизводстве. В 1936 от независимость судей была провозглашена как конституционный принцип. В. И. Ленин всегда придавал принципу независимости значение важной гарантии законности судебной деятельности.

Ленин выступал против всякого давления на судей при разрешении ими конкретных дел. Когда в 1921 г. Оргбюро ЦК РКП (б) подготовило циркуляр, в котором предусматривалось право партийных комитетов давать указания, обязательные для судов и предопределяющие судебные решения, а также обязательность для судебных властей освобождения на поруки привлекаемых к суду коммунистов, В. И. Ленин, считая такие пункты циркуляра вредными, настоял на их пересмотре, исключении положений, расходящихся с принципом независимости судей¹¹⁸.

В. И. Ленин указывал, что давление не только на судей, но и на следственные органы с целью продиктовать им принятие определенного решения несовместимо с принципом законности

¹¹⁷ Р. Д. Рахунов. Независимость судей в советском уголовном процессе. М., 1972, стр. 17В.

¹¹⁸ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 44, стр. 243.

и кн V;ИИИ им*¹¹⁰. В письме в Полибюро ЦК РКП (б) от 18 марта 1920 г. И. В. Ленин писал: «... (подтвердить всем губкомам, чтобы малейшую попытку «влиять» на суды в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК будет исключать из партии»¹²⁰.

Следуя этим ленинским указаниям, ЦК КПСС всегда решительно осуждал какие бы то ни было попытки вмешательства в деятельность судов по рассмотрению конкретных дел (специальное постановление «по этому вопросу было принято ЦК КПСС в 1954 г.). Не раз осуждала и разоблачала подобные факты партийная печать¹³⁰.

Например, в свое время ЦК КПСС сурово осудил факты недопустимого вмешательства Зареченского райкома КПСС г. Тулы в деятельность народного суда. Несмотря на то что законные решения народного суда по нескольким гражданским и уголовным делам были вполне правильными и оставлены в силе областным судом, райком партии в своем постановлении записал, будто бы народный судья игнорировал партийные органы и необъективно подходил к разрешению этих дел. Признав постановление бюро Зареченского райкома партии неправильным, ЦК КПСС указал, что подобное вмешательство местных партийных органов (в разрешение судебных дел подрывает авторитет суда, дезориентирует судей и толкает их на принятие незаконных решений, нарушает установленный Конституцией СССР принцип независимости судей и подчинения их только закону, лишает прокурорские и судебные органы самостоятельности и насаждает в них безответственность¹⁴⁰. Важно, чтобы судьи были ограждены от попыток давления на них не только во время постановления приговора, но и при осуществлении любого процессуального действия, в процессе всего производства по делу.

Партийное руководство судами отнюдь не означает подмену решений суда субъективным мнением того или иного партийного работника, какой бы высокий пост он ни занимал. Связь правосудия с общими задачами, стоящими перед государством, реализуется судами путем правильного применения законов, выражающих политику партии, интересы советского народа.

Особое положение суда в системе органов Советского го-

¹¹⁰ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 53, стр. 108, 109.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 45, стр. 53.

¹³⁰ «Партийная жизнь», 1954, № 6, стр. 16; К. Горшенин. Советский суд и его роль в укреплении социалистической законности.— «Коммунист», 1955, № 5, стр. 67; «Советы и строительство коммунизма».— «Коммунист», КИМ, № 2, стр. 12—13.

¹⁴⁰ //, Миронов. Насущные вопросы дальнейшего укрепления законности.— «Колшуппест», 1963, № 1, стр. 57—58.

сударства, неизменная забота ЦК КПСС о претворении в жизнь ленинских принципов партийного руководства судами составляют важнейшую политическую (гарантию судебской независимости и укрепления законности в осуществлении правосудия).

В последние годы работе суда уделяет постоянно возрастающее внимание советская печать. Это естественно, потому что печать может служить действенным средством создания атмосферы нетерпимости к «преступлениям, усилению воспитательного воздействия судебного приговора, предупреждения новых правонарушений и правовой пропаганды.

По имеющимся у нас данным, в 1969 г. в печати, по радио и телевидению были освещены судебные процессы по 16 тыс. уголовных дел. Сравнительно чаще относительно числа рассмотренных дел судебные процессы освещались в Туркменской, Грузинской, Узбекской, Казахской и Украинской ССР.

По нашим подсчетам, ежегодно в центральных газетах публикуется свыше 150 статей, очерков, заметок, посвященных вопросам права, судопроизводства, различным сторонам деятельности суда, прокуратуры, органов милиции. Большое число сообщений по судебным делам публикуется в республиканской, областной печати и в районных газетах.

Мы обратились в Верховные суды союзных республик и попросили их сообщить свое мнение по вопросу освещения судебной тематики в местной и центральной печати.

Наряду с общей положительной оценкой деятельности печати в этом направлении и пожеланиями ее совершенствования ряд работников Верховных судов союзных республик, работников Верховного Суда СССР, а также отдельные ученые-юристы высказывают некоторые серьезные претензии, существенные критические замечания. В связи с той ролью, которую должна играть печать в создании духа уважения к суду, воспитании к нему доверия граждан, в ограждении судей от любого вмешательства в их деятельность, укажем, что мнение практических работников судебных органов и научных работников-юристов о характере недостатков в материалах о суде и рассмотрении судами конкретных дел, публикуемых в широкой печати, сводится в основном к следующему.

1. Нередко судебные дела тенденциозно освещаются в печати до вынесения приговора, тем самым оказывается давление на судей.

2. В отдельных случаях публикуются статьи, в которых проявляется неуважительное отношение к судьям.

Надо иметь в виду, что высказываемые в печати мнения небезразличны для суда. Председатель Верховного суда Азербайджанской ССР справедливо пишет, что журналисты должны избегать действий, «способных оказать психологическое давление на позиции суда». Всякое афиширование внимания

печати к тому или иному делу вовсе не способствует спокойному и всестороннему его рассмотрению.

Особенно недопустимы случаи опубликования в газетах статей, в которых еще до рассмотрения дела в суде отдельные лица признаются виновными в совершении преступления, зачастую тяжкого, и предрешается вопрос о назначении меры наказания, как правило, максимальной¹⁰¹. Часто вокруг отдельных дел такими выступлениями печати создается нездоровая обстановка, односторонне формируется общественное мнение. Нередко в таких случаях со страниц газет раздаются призывы к обязательному осуждению тех или иных лиц, применению к виновным смертной казни, хотя для этого и нет законных оснований.

Искусственно накалять обстановку вокруг нерассмотренных дел, предопределять приговор или решение суда — значит не только не бороться с ошибками в судебной деятельности, а, наоборот, способствовать совершению этих ошибок, нарушению социалистической законности.

Презумпция невиновности предполагает, в частности, что виновность того или иного лица может быть установлена судом и только судом. В нарушение этого важного принципа газеты иногда преподносят данные предварительного следствия как окончательную и бесспорную истину. Отсюда заранее формируется неправильное общественное мнение по конкретному уголовному делу.

В одном из районов Литвы повесился одиннадцатилетний мальчик, пасынок учителю. Две газеты (одна из них республиканская) и журнал посвятили этому событию статьи. В них проводилась одна и та же мысль: в самоубийстве мальчика виноваты родители, это они довели ребенка своим жестоким обращением до самоубийства. Прокуратура первоначально после тщательного расследования дело прекратила за отсутствием состава преступления. Затем под влиянием выступлений в печати постановление отменила и дело направила в суд. Дело рассматривалось народным судом одного из районов г. Каунаса. Судебный процесс проходил в напряженной атмосфере. По делу был вынесен обвинительный приговор. Затем дело разбиралось в Верховном суде Литовской ССР по первой инстанции. Последовал оправдательный приговор, так как суд установил, что самоубийства не было, а произошел несчастный случай по неосторожности самого мальчика¹⁰².

В литовской газете «Тисса» была опубликована статья «Забывшая вина». Ее автор назвал трех молодых людей насильниками, которых «ожидает уголовное наказание». Между тем суд двух из них оправдал.

Белорусская республиканская газета «Знамя» поместила статью «Преступление без наказания», обвинявшую следователя прокуратуры, по вине которого якобы четыре преступника «увильнули» от наказания. Более того — и статье безапелляционно утверждалось: «Не разобрался в этой истории и Мпешей областной суд, рассматривавший дело в кассационном порядке, — более того, смягчил меру наказания одному из обвиняемых, бесчеловечно издававшемуся над потерпевшим». Между тем суд обоснованно снизил меру

¹⁰¹ Д. Ф. Горкин. О социалистическом правосудии. — «Известия», 1 декабря 1961 г.; П. Михайловская. Вопросы социологии в уголовном процессе. — «Дзгтокан юстиция», 1970, № 19, стр. 12.

наказания — лишение свободы заменил исправительными работами на тот же срок, учитывая, что обвиняемый впервые судим, несовершеннолетний, в совершенном преступлении являлся второстепенным участником, характеризуется положительно. Четверо преступника не «увильнули» от наказания, а дело в отношении их прекращено, так как установлено, что они в избиении не участвовали, а только присутствовали при этом.

Нельзя поощрять практику опубликования статей в отношении обвиняемых до рассмотрения дела в суде. При этом мы исходим из того, что подобные факты служат формой если не прямого, то косвенного давления следственных органов и общественности на судей.

Конечно, необходимо уделять самое тщательное внимание сигналам печати о неправильно разрешенных уголовных и гражданских делах; следует шире и ярче освещать в печати и в выступлениях по радио и телевидению не только судебные процессы, но во многих случаях и, прежде всего, также выводы суда о мерах, которые должны быть предприняты для предупреждения нового (преступления). Невозможно переоценить значение выступлений печати для осуществления предупредительной и воспитательной деятельности.

Но опыт показывает, что преждевременная и односторонняя информация общественности о возникшем уголовном деле, опубликование обвинительных материалов в печати до их проверки и исследования в суде часто отрицательно сказываются на отыскании истины по делу.

Вопрос о виновности или невиновности лица и мере наказания может решить только суд, и всякое преждевременное вмешательство в его тонкую и сложную деятельность, всякая попытка заранее навязать чью бы то ни было точку зрения только вредит правосудию, тем более что до вынесения приговора господствует, как правило, односторонняя, обвинительная точка зрения.

Следует приветствовать усиление внимания печати к деятельности суда, критику суда, его неправильных действий и ошибочных решений, но таким образом, чтобы при этом широком обсуждении не предрешались выводы суда по делу на основе материалов предварительного расследования, что может повлиять только отрицательно на судебскую объективность и беспристрастность. Между тем в некоторых опубликованных в печати материалах, напротив, предьявляется суду требование быть «гневным обличителем» по отношению к преступлению и обвиняемым, когда еще не сделано все возможное для установления истины, когда у суда еще не может, и не должен сложиться окончательный вывод по делу, когда приговор еще не вынесен.

В ряде выступлений печати подвергается критике необходимость строгого объективного подхода судей к исследованию материалов дела.

В ежпедсушише «Литературная Россия» В. Осшшв, аналишпруя дело об умышкшмом убшкшше при отягчающих обстоятельствах, рассмотренное Верховным судом Дагестанской АССР, усмотрел нарушение моральных основ сойотского правосудия в том, что оно разбиралось судом в спокойной обстановке, что вдумчиво и внимательно исследовались доказательства, подсудимому предоставлялась возможность давать объяснения, которые выслушивались судом без проявления какой-либо тенденциозности. Автор вопрошал: «Где же ваш гнев, товарищи судьи! где же ванна гражданская тенденциозность?» И вот уже какие рекомендации не этому составу суда, а всем судам при рассмотрении ими дел об умышленных убийствах давал автор: «Гроб с телом убитого — перед скамьей подсудимых! Пусть смотрят они, идшьшпм: руку па Человека! Пусть смотрят на совершенное ими, пусть запоминают, пусть корчатся от кошмара в перерывах между заседаниями суда и тюремной камере!»

Может быть, не стоило бы полемизировать, но следует вспомнить, что предложение поместить в зале суда при рассмотрении дела об убийствах портрет убитого в траурной рамке уже было осуществлено по известному делу (Петра Кизило-м) ¹³⁴, и процесс этот закончился осуждением к смертной казни невиновного, чему в известной степени способствовала нездоровая обстановка, созданная вокруг дела до рассмотрения его судом.

• Объективность и беспристрастность независимого суда отнюдь не лишают его возможности активно исследовать истину по делу, а, наоборот, способствуют этому процессу. Важно, чтобы была исключена опасность путем непосредственных внешних вмешательств или через воздействие на психическое состояние судей спровоцировать какую-то предвзятую «воинственность» или снисходительность в судейской позиции по делу. Никто не может (заранее требовать от судей ни особой мягкости, ни беспощадности, какими бы общественными или личными интересами это ни было продиктовано.

Не вмешательство в судебную деятельность с целью смягчить или ожесточить судей, а лишь последовательное обеспечение их независимости может гарантировать справедливость суда, выполнение им возложенной на него ответственной задачи по борьбе с преступностью. Следуя этому, надо исходить из того, что истинный гуманизм и подлинная объективность не имеют ничего общего ни с дряблостью воли ев защите общественного правопорядка, ни с черствостью приемов в достижении истины по делу ¹³⁵.

¹³⁴ /1 Птиц. Чем закончилось дело Петра Кизил о© а? — «Известия», 19 июля 1960 г.

¹³⁵ /1 Ф. Кони. Собр. соч., т. 4, стр. 34.

НЕПОЛНОТА ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА, НЕСООТВЕТСТВИЕ ИМ ВЫВОДОВ СУДА И СУЩЕСТВЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

§ 1. Виды, общие причины и распространенность ошибок, связанных с неполнотой исследования и необоснованностью выводов суда

При изложении структуры судебных ошибок была выделена группа процессуальных ошибок в соответствии с предусмотренными законом процессуальными основаниями отмены приговоров (ст. 343, 344, 345 УПК РСФСР) в отличие от уголовно-правовых оснований ¹. Изучение причин ошибок применительно к особенностям каждой из разновидностей процессуальных ошибок должно быть связано с дальнейшей их дифференциацией по основаниям отмены приговоров.

В частности, представляется необходимым анализировать ошибки суда, выразившиеся в искажениях содержательной стороны исследования и выводов о фактах, отдельно от ошибок, связанных с нарушением норм, регулирующих необходимую процессуальную форму (ст. 345 УПК РСФСР) ², хотя оба вида этих ошибок тесно между собой связаны.

Выделение односторонности или неполноты исследования фактических обстоятельств дела и несоответствия им выводов суда в отдельную группу процессуальных ошибок суда имеет значение для данного исследования потому, что ошибки, отраженные в этих основаниях отмены приговоров, непосредственно связаны с предметом судебного исследования и содержанием процесса доказывания ³. Это определяет ту плоскость, в которой лежат их причины, и позволяет объединить их в группу фактических процессуальных ошибок в отличие от ошибок, вызванных исключительно нарушением судебной процедуры, хотя, конечно, следует учитывать некоторую условность такого деления.

¹ См. гл. III.

² Я. О. Мотовиловкер. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, Ш62, стр. 265—268.

³ См. гл. III.

Однако основания отмены приговора не всегда могут быть предельно точно разграничены в судебной практике. И не только потому, что в одном деле могут присутствовать различные нарушения и приговор может быть отменен одновременно по нескольким основаниям, но и потому, что ошибочное действие или вывод суда может одновременно сочетать в своей основе случаи, относящиеся к односторонности или неполноте исследования обстоятельств и к несоответствию выводов суда о них.

Представляется сложным разграничить некоторые проявления несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам «и неполноту и односторонность исследования. Например, принятие судом одних из противоречащих друг другу доказательств без указания оснований, по которым отвергнуты другие, или то, что суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на его выводы, или наличие противоречий в самих выводах суда (п. 2, 3, 4 ст. 344) нередко выступает как результат того, что у суда недостаточно данных для опровержения какого-либо из противоречащих друг другу доказательств, что существенные обстоятельства не учтены судом из-за неполноты в процессе доказывания или односторонней позиции суда, что необходимо дальнейшее исследование для устранения противоречивости в выводах суда.

В соответствии с нашим предложением⁴, разграничивать односторонность или неполноту исследования и несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела будем проводить границу между ними по принципу: собрана или не собрана вся необходимая и достижимая по данному делу совокупность доказательств. Это деление основано на понятии максимально полно проведенного исследования. Оно объясняет совместное рассмотрение причин односторонности или неполноты и некоторых конкретных проявлений несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, вызывающих применение в судебной практике п. 2, 3, 4 ст. 344 УПК в тех случаях, когда в процессе, закончившемся ошибочным приговором, какие-то обстоятельства или доказательства, перечисленные в ст. 344, не выступали как объект исследования в суде, могли быть исследованы недостаточно, и эта неполнота исследования, приведшая к несоответствию выводов суда фактическим обстоятельствам дела, может быть восполнимой.

Эти случаи согласно предложенному разграничению двух рассматриваемых оснований отмены приговоров по признаку восполнимой или невосполнимой полноты нужно было бы отнести только к неполноте исследования.

Однако при рассмотрении причин ошибок в практике судебных органов нельзя не принимать во внимание, что они нередко квалифицируются в определениях (постановлениях) судов

⁴ См. гл. II.

об отмене приговора как «идеальная совокупность» оснований отмены. Теоретически чистая позиция, предложенная для разграничения ст. 343 и 344 УПК, практикой еще не принята как единственная. С этим приходится считаться и при теоретическом изучении практики применения различных оснований отмены приговоров.

Приведем хотя бы несколько случаев в доказательство того, что практика не исходит из точного взаимоисключающего разграничения ст. 343 и 344 УПК и относит к несоответствию выводов суда фактическим обстоятельствам дела такие его проявления, которые связаны с восполнимой неполнотой исследования. При опубликовании судебной практики производится определенная «квалификация» оснований отмены приговора путем вынесения основной причины отмены в заголовок, под которым приводится конкретный случай. Вот пример: «Приговор отменен как основанный на противоречивых показаниях свидетелей, не подтвержденных другими доказательствами»⁵.

Судя по такому заголовку, можно предположить, что речь идет об отмене приговора по п. 3 ст. 344, поскольку суд принял противоречивые доказательства, но это связано в данном случае и с тем, что другие доказательства в подтверждение каких-либо из противоречащих друг другу показаний свидетелей отсутствуют, они не исследованы судом (п. 1 ст. 343).

Это «слитное» толкование оснований отмены в практике судебных органов еще более очевидно при рассмотрении существа указанного дела.

Братья Ш. и М. были осуждены Кемеровским обл. судом за разбойное нападение и убийство В. При пересмотре дела в кассационном порядке приговор оставлен без изменения. Заместитель Генерального прокурора СССР внес в Президиум Верховного Суда РСФСР протест, ходатайствуя об отмене вынесенных по делу судебных решений. Установлено, что ночью через окно преступники проникли в дом В., убили ее ударами ножа, связали ее семидесятилетнюю сестру А. и ее двенадцати летнюю внучку Р., забрали вещи и скрылись. А. и Р., будучи допрошены непосредственно после случившегося, показали, что никого из преступников не знают. Спустя три года односельчанка убитой К. рассказала, что видела в ночь совершения преступления, как один из братьев Ш. вынес из дома убитой В. несколько мешков и полбил их в запряженные лошадей сани, в которых сидел их односельчанин А. Та же свидетельница сказала, что знает со слов другого брата Н. и со слов М., что они также участвовали в совершении преступления. После показаний этой свидетельницы допрошенные ранее А. и Р. изменили (через три года) свои показания, объяснив, что раньше не называли указанных лиц потому, что боялись. Осужденные свою вину отрицали. Президиум Верховного Суда РСФСР указал: «Новые данные об участниках преступления и объяснения свидетелей о причинах столь существенного изменения показаний требовали тщательной проверки (неполнота.—*Лем.*). Однако ни следствие, ни суд этого не сделали. Суд некритически положил показания А., Р. и К. в основу обвинительного приговора, хотя показания этих лиц во многом противоречат друг другу и не соответствуют другим объективным доказательствам» (несоответствие.—*Авт.*).

«Социалистическая законность», 1968, стр. 78—80.

Отменяя по этим основаниям все состоявшиеся решения по делу, Президиум Верховного Суда РСФСР проанализировал ошибки, допущенные судом в связи с исследованием отдельных видов доказательств: как показали А. и Р., преступники в их доме йили водку из бутылки и стакана, которые были обнаружены при осмотре места происшествия, однако отчетливые отпечатки пальцев на этих предметах никому из осужденных не принадлежат; сопротивляясь преступникам, В. ударила одного из них топором по голове, на голове Ш. был шрам, суд счел это доказательством участия в преступлении и не проверил его объяснения об ином происхождении шрама, а также оставил без внимания имеющиеся в деле данные о том, что вскоре после убийства один из жителей села ходил с перевязанной головой и т. д. Алиби осужденных были не приняты судом, хотя достаточно не провзрялись, а указания, имевшиеся в материалах дела о возможности совершения преступления другими лицами, не были учтены. Президиум Верховного Суда РСФСР, мотивируя свое решение об отмене приговора и кассационного определения о направлении дела на новое расследование, настойчиво указывал на несоответствие выводов суда обстоятельствам дела, хотя очевидно, что это несоответствие было результатом восполнимой неполноты исследования. При этом отмеченное Президиумом несоответствие выводов суда, как и неполнота исследования, имели объектом одни и те же обстоятельства дела.

Верховным Судом Азербайджанской ССР были осуждены братья Х. и Д.: первый по обвинению в убийстве к смертной казни, второй за соучастие в убийстве — к 15 годам лишения свободы. Подсудимые по приговору суда были признаны виновными в том, что они убили с особой жестокостью мальчика, желая отомстить его отцу, с которым они были в неприязненных отношениях. По делу действительно подтверждено, что отношения отца мальчика с подсудимыми были очень плохими⁶.

Х. на предварительном следствии признал себя виновным и показал, что убил мальчика по требованию своего двоюродного брата Д. Но в судебном заседании отказался от своих показаний и утверждал, что работники милиции и прокурор вынудили его дать такие показания, применяя незаконные методы следствия. Приговор был основан лишь на показаниях потерпевшего в том, что он подозревает в убийстве подсудимых, и на первоначальном признании одного из них, Х. В деле нет достаточных доказательств, подтверждающих вывод суда о виновности подсудимых, более того, материалы расследования противоречат выводам судебно-медицинской экспертизы (несоответствие выводов суда установленным обстоятельствам). Не выявлены ни очевидцы происшествия, ни вещественные доказательства; не проверены заявления подсудимого о незаконных методах расследования, своевременно не подвергнуты осмотру и экспертному исследованию нож и одежда подсудимого; не установлено время убийства (неполнота исследования). В связи с такими дефектами в обосновании приговора Первый заместитель Генерального прокурора СССР принес протест на предмет отмены обвинительного приговора с прекращением дела за недоказанностью, т. е. считал основанием для отмены приговора несоответствие выводов суда установленным обстоятельствам дела. Судебная коллегия Верховного Суда СССР, отменяя приговор, сочла, однако, что несоответствие выводов суда связано с восполнимой неполнотой и односторонностью предварительного и судебного следствия и направила дело на дополнительное расследование⁶.

Это еще один пример 'неоднозначного и слитного толкования ст. 343 и 344 УПК в судебной практике, представленного и в различных позициях ш делу, (занятых представителем прокурорских органов и судебной инстанцией).

⁶ За время, прошедшее с момента совершения преступления до отмены приговора, некоторые доказательства были утрачены.

Можно было бы привести много случаев подобного толкования и применения судом норм, регулирующих фактические основания отмены⁷. Именно это и обязывает при анализе причин ошибок судов, связанных с неполнотой или односторонностью исследования, к тому, чтобы, наряду с признанием теоретически правильным исключения всех случаев восполнимой неполноты из понятия несоответствия выводов суда обстоятельствам дела, учитывать, что судебная практика считает возможным применение (ст. 344 более широко. }В связи с этим те причины ошибок, которые будут рассматриваться здесь как приведшие к восполнимой неполноте или односторонности исследования, выступают в практике судебных органов частично и как причины несоответствия выводов суда обстоятельствам дела, когда оно связано с неполно проведенным исследованием.

В то же время по своим процессуальным проявлениям и по своим причинам специфично в сравнении с неполнотой исследования лишь такое несоответствие выводов суда обстоятельствам дела, которое не совмещено с восполнимой неполнотой. Эта специфика связана с тем, что выводы суда как при принятии неправильного решения, так и в дальнейшем при исправлении ошибки строятся на одной и той же совокупности доказательств. Таким образом, ясно, что для изучения причин ошибок, нашедших выражение в фактических процессуальных основаниях отмены приговоров, важна данная классификация случаев практического применения ст. 344 УПК по признаку наличия или отсутствия их связи с неполнотой. Она помогает выделить причины ошибок, проистекающие для отдельных случаев из (различных отклонений в процессе доказывания в целом или в отдельных его элементах.

Анализируя указанные ошибки судов, необходимо выяснить, почему не соблюдаются предъявляемые к судебному доказыванию обязательные процессуальные требования, антиподом которых являются нарушения, отраженные в основаниях отмены приговора. В данном разделе имеется в виду выяснение причин таких ошибок в пределах процессуальной деятельности⁸.

Сами формулировки фактических процессуальных оснований отмены диктуют выделение двух непосредственных причин ошибок в суде, связанных с издержками действия принципа ни утреннего судейского убеждения. Это, во-первых, недостаточ-

⁷ Здесь и далее термин «фактические» основания отмены приговоров охватывает лишь основания, установленные ст. 343 и 344 УПК РСФСР. <истота причин судебных ошибок, общая для всех их видов и построенная не только в плоскости процессуальной деятельности, но и с учетом «ишлльных, экономических, психологических и других факторов, рас-¹ м.п-рииаается в гл. I, V, VI, VII.

ная активность в проведении исследования,- и, «во-вторых, неправильная оценка собранных доказательств. Отделить друг от друга эти две непосредственные причины ошибок в уголовном деле, как уже говорилось применительно <к разграничению> оснований отмены, не всегда можно. Однако это лишь согласуется с тем положением, что все элементы процесса доказывания тесно взаимосвязаны между собой, хотя теоретически могут «и должны расчленяться как в научных исследованиях, так и при изучении и обобщении практики. Недостаточная активность суда оз проведением исследования по делу в большей мере выявляет отрицательные стороны собирания и проверки доказательств. А несоответствие «выводов суда обстоятельствам дела—порок в оценке доказательственного материала, хотя он может обусловить и низкую активность *в исследовании, касается ли ошибка в оценке определения достаточности, полноты собранной совокупности доказательств или качества отдельных доказательственных средств.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 февраля 1969 г. по протесту заместителя Председателя Верховного Суда СССР был отменен приговор судебной коллегии Верховного Суда Молдавской ССР по делу Л., осужденного за умышленное убийство с особой жестокостью и приговоренного к смертной казни. По приговору суда Л. признан виновным в убийстве неродного десятилетнего сына С. и в покушении на убийство жены и тещи. Осужденный Л. в день совершения преступления был вместе с последними в гостях, там выпивали. Вернувшись домой, также выпивали. Зная, что муж, будучи пьяным, может устроить скандал, жена Л. не пустила его в кухню, где она, сын и ее мать легли спать. Л. выломал в кухне дверь и проник в нее с топором в руках. Жена и теща успели выскочить в коридор, а мальчика, который начал кричать, Л. зарубил топором; потом Л. побежал за женой и тещей, догнал их и нанес им удары топором, причинив тяжкие телесные повреждения. Л. признал себя виновным и заявил, что не может понять, «как такое совершил».

По показаниям жены, тещи и свидетелей, Л. хорошо относился к мальчику. Органы следствия и суд не исследовали вопрос о психическом состоянии Л., хотя, судя по материалам дела, его психическая полноценность вызывает сомнения. Два года тому назад он находился на лечении в психиатрической больнице с диагнозом «шизофрения, кататоническая форма у алкоголика». Поэтому судебное следствие было признано неполно проведенным, и Верховный Суд дал указание направить Л. на стационарную экспертизу. Суд, вынося приговор, был в определенном смысле «загипнотизирован» достаточностью достоверных, не вызывающих сомнения доказательств относительно объективной стороны преступления и не исследовал субъекта и субъективную сторону преступления—вменяемость подсудимого в момент совершения преступления и мотивы его действий. Собирание необходимых доказательств еще не было завершено.

Неверная оценка собранных по делу материалов легла в основу обвинительного приговора судебной коллегии Верховного Суда Армянской ССР по делу М., отмененного определением Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 18 ноября 1968 г. и прекращенного «за недоказанностью».

Подсудимый М. был признан судом виновным в нарушении правил о валютных операциях на основании того, что осужденный по другому делу Н. показал, что он продал М. приобретенное им у туриста из Сирии золото. Жена Н. показала по поводу продажи мужем золота, что к ним приходил с целью его приобретения какой-то высокий мужчина, но что опознать его

она не сможет. Сам подсудимый отрицал знакомство с Н. При обыске валютные ценности у М. обнаружены не были. Не были установлены и какие-либо косвенные улики виновности М., нет данных, что он жил не по средствам. При этих условиях уличающие показания Н. нельзя признать бесспорными, какие-либо дополнительные данные в их подтверждение также отсутствуют. Более года после вынесения приговора М. содержался под стражей из-за того, что суд оценил собранную совокупность доказательств как дающую основание для его осуждения по данному обвинению.

Выше характеризовалась количественная значимость двух рассматриваемых оснований отмены среди всех ее причин и по отношению друг к другу на основе статистических и социологических данных⁹. Дальнейший анализ собранного анкетного материала позволяет выявить, в чем именно выразилось по изученным делам каждое из этих оснований отмены приговора.

По 1803 делам с отмененными приговорами зафиксировано 953 случая непроведения судом различных процессуальных действий, в результате чего судебное исследование осталось неполным или односторонним, <и 1187 случаев неверной оценки собранной совокупности доказательств, приведшей к несоответствию «выводов суда обстоятельствам дела. Это значит, что по изученным делам на «каждый отмененный приговор приходится в среднем 0,5 процессуального действия, от проведения которого суд необоснованно отказался. А по (каждым трем делам из четырех (76% от всех отмененных приговоров) неправильно оценивалась судом совокупность доказательств¹⁰.

Применительно к некоторым основным категориям уголовных дел недостаточная активность в исследовании обстоятельств дела относительно всех приговоров, отмененных по данной категории дел по трем изучаемым основаниям (100%), измеряется так:

⁹ См. гл. III.

¹⁰ Представляется более правильным соотносить количество случаев непроведения необходимых процессуальных действий и несоответствия выводов суда собранным доказательствам с данными о всей изученной отмене приговоров, потому что трудно выделить каждое из оснований отмены как единственное, повлекшее ее, и анкетный материал не дает, как правило, такие «чистые» по отношению к отдельным основаниям случаи. При этом надо иметь в виду, что цифры выводились от общего массива дел с любыми основаниями отмены, включая и существенные процессуальные нарушения. Так как иногда отмена по этому основанию может быть все-таки и не сопряжена с другими нарушениями в судебном процессе, то данные о количественной значимости двух рассматриваемых здесь оснований даже несколько ниже их действительной величины. Кроме того, из подсчета в данном случае исключалась цифровая характеристика неустановления отдельных элементов предмета доказывания и ошибок в оценке отдельных видов доказательств, что позволяет измерить в качестве процессуальной причины ошибок такие явления, как недостаточная активность в исследовании и неправильная оценка собранной совокупности доказательств.

Категория дел	О з я 2 к	
	С	Д
Хищение социалистической собственности	46	
Хищение личной собственности	46	
Убийство	47	
Изнасилование	76	
Хулиганство	44	
Дела частного обвинения	64	

Обращает на себя внимание большой процент неполного исследования обстоятельств «по делам об изнасиловании и сто делам частного обвинения, что освидетельствует о довольно низком уровне активности суда в исследовании, характерном для этих категорий дел.

Анализ видов непроведенных судом процессуальных действий определяет отношение суда к использованию отдельных средств доказывания и удельный вес отсутствия отдельных доказательств в общей массе неполно проведенных судом исследований при рассмотрении уголовных дел.

	Число дел	
	Число дел	Процент
Не допрошены свидетели (потерпевшие и другие лица)	404	42,3
Не проведены экспертиза	129	13,5
осмотр	24	2,5
освидетельствование	10	1,1
судебный эксперимент	17	1,8
Не истребованы документы	72	7,9
вещественные доказательства	21	2,2
Отклонены ходатайства (необоснованно)	98	10,2
Не выполнены указания вышестоящего суда	16	1,7
Другие нарушения	50	5,3
Итого	953	100

(Приведенные данные указывают на то обстоятельство, что такой вид доказательств, как свидетельские показания, несмотря на его наибольшую распространенность среди всех видов доказательств, используется все-таки судом в существенно меньшем объеме, чем это необходимо, 54% — от всех случаев неполно проведенного судебного следствия падает на неиспользование свидетельских показаний в качестве необходимого доказательства. Кроме того, показателен факт, характеризующий степень использования судом специальных познаний в тех случаях, козда это представляется необходимым. Судя по основаниям последовавшей по делу отмены приговора, в 14,5% случаев суд не обеспечил привлечение специалистов-экспертов и проведение освидетельствования.

Эти цифры, правда, во многом определяются общей распространенностью отдельных видов доказательств в доказывании по уголовным делам. Ошибки же суда в формировании совокупности доказательств по делу, его упущения в привлечении отдельных видов доказательств в большей степени характеризуются данными об отсутствовавших в процессе исследования, но необходимых по делу видах доказательств при рассмотрении отдельных категорий уголовных дел (табл. 1).

Таблица 1

Непроведенные судебные действия и привлеченные доказательства	Категория дел,					
	хищение соц. собственности	хищение личной собственности	убийство	изнасилование	хулиганство	дела частного обвинения
Свидетельские показания	39	53	38,4	34,0	51,4	65,5
Показания потерпевших	6,6	11	7,6	24	13,7	6,3
Экспертиза	18,9	10,7	34	9	14	
Осмотр	1,5	2,2		6	3,2	
Освидетельствование			4,8	3	0,9	3,2
Судебный эксперимент	2,5	1,1	3,8	6	—	
Вещественные доказательства	3,3	3,3	7,6	—	0,9	6,4
Документы	16,8	7,7		9	4	15,5
Отклонение ходатайств	14,4	11	3,8	9	11,9	3,1
Итого	100	100	100	100	100	100

примечание. За 100% принимается количество дел отдельной категории, по которому не были проведены указанные в таблице процессуальные действия и не были истребованы перечисленные средства доказывания; проценты округлены до десятых.

Таблица 1 дает некоторые измерения ошибок суда по привлечению отдельных доказательств при доказывании обвинений определенного характера. Суд особенно часто не производит допросы необходимых свидетелей по делам о хулиганстве, хищениях личной собственности и делам частного обвинения. Между тем по этим категориям дел значение свидетельских показаний особенно велико, потому что, как правило, другие виды доказательств могут быть использованы здесь очень редко. При рассмотрении дел об изнасиловании, как это ни парадоксально, из поля зрения суда нередко упускалось исследование показаний потерпевших, а именно в 24% дел, закончившихся (вынесением приговоров, отмененных по причине неполноты судебного следствия. Невнимательное отношение суда к вызову и допросу потерпевших выявляется также по делам о хулиганстве (13,7%) и о хищениях личной собственности (11%).

По делам об убийствах, где общий уровень неполноты не очень высок, особенно заметно, что неполнота Судебного следствия связана с непроведением экспертизы почти в таком же количестве случаев, как с отказом от допроса необходимых свидетелей. Этот факт еще более показателен для выяснения причин неполно проведенного исследования обстоятельств по делам об убийствах в сравнении с неполнотой судебного следствия по другим категориям дел, где свидетели не вызываются и не допрашиваются в 4—5 раз чаще, чем не проводится экспертиза.

Значительное количество случаев неполноты судебного исследования связано с непроведением экспертизы также по делам о хищениях социалистической собственности — почти во всех делах, по которым недостаточно исследованы обстоятельства хищений, что, очевидно, может быть связано с попытками замены нередко трудоемких и продолжительных бухгалтерских, товароведческих экспертиз ревизиями, свидетельскими показаниями, самостоятельным анализом документов судом и т. д.⁴; результаты анкетирования подтверждают эти отмечаемые нередко при обобщениях практики и пересмотре приговоров тенденции."

Довольно часто отсутствуют необходимые экспертные исследования в делах о хулиганстве — в 14% дел, приговоры по которым отменены на основании ст. 343 УПК. Для этой категории дел необходимость проведения экспертизы, как правило, может быть связана с вопросом об основаниях предъявления более тяжкого обвинения (квалифицированное хулиганство, телесные повреждения). При этом отказ от экспертизы может помешать суду правильно определить вид и характер причи-

ненных телесных повреждений, подлинную степень опасности использованных при совершении преступления орудий и технических средств, а также и направленность умысла подсудимого.

Для оценки неполноты исследования как результата недостаточно высокой степени активности суда в судебном следствии имеют значение случаи необоснованного отклонения судом заявленных* в судебном заседании ходатайств. Наибольший процент неосновательно отклоненных ходатайств падает на дела о хищениях социалистической собственности, о хулиганстве и о хищениях личной собственности (см. стр. 71). Это характеризует в определенной степени недостаточную требовательность судов к собственной деятельности по проверке обвинения в указанных преступлениях, некоторое желание именно по данным категориям дел избежать «излишних» усилий, поскольку речь идет не о том, что суд не нашел необходимые доказательства, не искал их с должной активностью, а о том, что он сознательно уклонился от исследования того, на что ему указали участники процесса.

В то же время эта тенденция неосновательного отклонения ходатайств почти не свойственна для обобщенной категории дел об убийствах, когда судебное следствие по ним проведено неполно.

Для характеристики неполноты исследования доказательств по выделенным указанным выше категориям дел необходимо отметить следующее обстоятельство. Только по делам о хищениях социалистической собственности неполнота судебного следствия носит, если можно так выразиться, «разносторонний» характер. По этой категории дел суд довольно часто отказывается от использования различных видов доказательств: свидетельских показаний, заключений экспертов, документов, а также часто не удовлетворяет заявленные ходатайства. Это особенно заметно в сравнении с тем, что неполнота исследования по другим категориям дел бывает преимущественно связана с непривлечением в процессе доказывания одного или двух видов доказательств, отсутствие которых во всей совокупности неполно исследованных дел данной категории явно превалирует, что позволяет предположить определенные трудности в собирании по делам отдельных категорий доказательств определенного вида. Для дел о хищениях социалистической собственности более характерна картина общей не очень высокой активности суда в доказывании, и она мало связана с характером используемых при этом средств.

Перейдем к характеристике форм выражения несоответствия выводов суда в приговоре обстоятельствам дела (табл. 2). В ст. 344 УПК указано на четыре возможных вида такого несоответствия. Таблица показывает их количественную значи-

⁴ Подробно об ошибках в оценке заключений экспертов см. гл. IX.

моеть на примере изученной категории дел с отмененными ир^птира-ми.

Таблица 2

	Конкретные виды несоответствия выводов суда обстоятельствам дела	Число случаев	
	Выводы суда не подтверждены доказательствами, рассмотренными в судебном заседании	766	56
	'Судом не учтены 'обстоятельства, которые могли существенно повлиять на его выводы	253	18,5
п. 3	При наличии противоречивых доказательств в -приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие	186	13,5
	Выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о 'виновности	165	12
	Итого	1370	(100

Неправильная оценка доказательств судом как причина ошибки, выразившейся в несоответствии выводов суда обстоятельствам дела, как уже говорилось, может быть разделена на два основных вида: 1) когда неправильная оценка доказательств связана с 'неправильным определением объема совокупности доказательств (суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на его выводы, т. е. не включил их в объект своего исследования — неполная совокупность) или является последствием неполной мотивировки решения (остались существенные противоречия в приговоре либо не мотивировано принятие каких-либо противоречивых доказательств) — 44% от всех случаев несоответствия (п. 2, 3, 4 ст. 344) (общим для этих случаев является то, что суд чего-то недовыяснил, недообъяснил, недоделал); 2) когда ошибка допущена в оценке всего исследованного судом массива доказательств по делу (выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании — п. 1 ст. 344) — имеются в виду случаи, когда дальнейшее исследование не может пополнить совокупность доказательств. Последнее было изучено на основе анкетного обобщения в его конкретных проявлениях, что позволяет говорить о направленности ошибок в оценке совокупности доказательств. Из этой группы ошибок в оценке 583 случая, или 76%, приходится на те обвинительные приговоры, которые вынесены при отсутствии достаточных доказательств для вывода о виновности. Эта

группа ошибок—самая большая и среди всего количества приговоров, отмененных на основании ст. 344.

Вынесение оправдательного приговора в тех случаях, когда собранных доказательств достаточно для вывода о виновности, встречается менее чем в 8% дел, по которым был применен п. 1 ст. 344 УПК. Наряду с тем, что суд часто неоравильно придает собранным материалам качества доказательств, достаточно обосновывающих виновность, встречаются также приговоры, в которых выводы суда основаны на предположениях (более 14% от отмены по л. 1) или на не относящихся к делу материалах (1,5%). Таким образом, 15,5% отмены приговоров по и. 1 ст. 344 обусловлено тем, что суд не только неправильно оценивает имеющуюся совокупность доказательств, но и принимает иза таковые данные, не относящиеся к предмету доказывания, либо считает свое предположительное мнение подтвержденным доказательствами или не нуждающимся в них.

Ошибки суда, связанные с собиранием и оценкой -совокупности доказательств и выразившиеся либо в неполноте исследования, либо в несоответствии выводов суда обстоятельствам дела, можно разделить в зависимости от их связи с установлением достаточности и достоверности при оценке совокупности доказательств и относимости отдельных доказательств. Тогда количественная характеристика (в процентах) причин отмены приговоров по ст. 343 и 344 УПК на основе данных анкетирования будет выглядеть так¹²:

Неправильная оценка недостаточной совокупности доказательств как достаточной (при восполнимой и невосполнимой неполноте)	64,0
Оценка достаточной совокупности доказательств как недостаточной в связи с вынесением необоснованного оправдательного приговора	2,0
Неправильное определение достоверности доказательств при их оценке в совокупности и достоверности выводов суда—противоречия в выводах суда и замена судом достоверных выводов предположениями	20,0
Неправильное определение относимости доказательств в связи с предметом доказывания	10,0
Неправильное определение относимости и достаточности доказательств при неполноте исследования в связи с отклонением ходатайств	4,0

¹² 4л 100% принимается совокупность нарушений, предусмотренных указанными статьями УПК, по анкетному обобщению (всего 2241 нарушение).

Таким образом, подавляющее большинство ошибок суда по делам, где имелись основания применения ст. 343 и 344 УПК РСФСР, связано с неправильным определением достаточности собранной совокупности доказательств (более 66%)¹³. Вторым по значению является неумение оценить доказательства в совокупности.

Результат этих ошибок, естественно, непосредственно отражается и на качестве исследования предмета доказывания. Неуставление «или неправильное установление отдельных элементов (предмета доказывания выступает как общее /последствие и недостаточной активности судебного следствия, и неправильной оценки доказательств.

Более чем по каждому второму делу – с отмененным приговором (53,8%) не был установлен или был установлен неправильно какой-либо из элементов предмета доказывания¹⁴. Конкретно это выразилось применительно к основному содержанию предмета исследования в суде в следующих данных (табл. 3).

Таблица 3

Элементы предмета доказывания (неустановленные или неправильно установленные)	Число	%
«Событие преступления»		
время	58	7,5
место	45	5,7
способ	145	18,6
мотив	105	13,6
цель	39	5,0
Вина	310	40,0
Данные о личности подсудимого	75	9,6
Итого	777	400

¹³ Характерно, что неправильное определение достаточности доказательств выступает как причина и неполноты исследования (38%), и несоответствия выводов суда обстоятельствам дела (26%). Этим еще раз подтверждается необходимость совместного рассмотрения причин отмены приговоров по ст. 343 и 344 УПК-

¹⁴ Различные элементы предмета доказывания в принципе являются неустановленными и тогда, когда суд не исследовал все необходимые доказательства, не провел какие-либо процессуальные действия. Здесь, однако, специально выделяются случаи, когда при заполнении анкет было указано на неустановление отдельных сторон состава преступления вообще. Эти конкретные случаи неустановления элементов предмета доказывания от всех других конкретных видов неполноты отличаются тем, что по этим делам представления суда об элементах предмета доказывания не обозначены даже как гипотезы или установлены явно неправильно.

Таким образом, чаще всего суды ошибаются в установлении субъективной стороны преступления (68,6% всех ошибок, связанных с предметом доказывания). При этом недоказанная виновность считается доказанной почти в два раза чаще, чем не обнаруживается действительная виновность лица, которое ее само деле являлось (виновным (191 случай к 119)).

Интересно сопоставить значение неполноты исследования и несоответствия выводов суда обстоятельствам дела в соответствии с п. 1 ст. 344 УПК по проявляющейся в них тенденции большего доверия к обвинительному тезису при установлении виновности. Суды в результате неполного исследования и несоответствия выводов в приговоре обстоятельствам дела склонны делать неправильный вывод, признавая недоказанную виновность в двух случаях и бесосновательно оправдывая в одном случае из трех. А рассмотрение одной только неправильной оценки судом обстоятельств обнаруживает, что она приводит к выводу о виновности при ее недоказанности, в соотношении с выводом о невиновности при доказанности вины, — в девяти случаях из десяти. Отсюда можно сделать вывод, что неправильная обвинительная тенденция больше проявляется в ошибочной оценке совокупности доказательств, чем в определении объема исследования. Ошибки, связанные с недостаточной активностью в собирании доказательств судом, более равномерно распределяются относительно подтверждения виновности и невиновности¹⁵ и обращают поэтому к поискам более общих причин малой активности в исследовании как виновности, так и невиновности¹⁶.

Рассмотрим недостатки в исследовании предмета доказывания применительно к делам об отдельных видах преступлений.

Из сравнения данных о неустановленных элементах предмета доказывания с процентом дел отдельных категорий, по которым неполно проведено судебное следствие¹⁷, вытекают некоторые дополнительные выводы.

Во-первых, неполнота исследования не всегда ведет к искаженному представлению об элементах предмета доказывания, а может влиять на степень доказанности фактических обстоятельств дела; дальнейшее же исследование служит, как правило, не обнаружению новых фактов, а достоверному подтверждению уже названных гипотез об их существовании. Это вытекает из того, что по некоторым категориям дел процент неполно проведенного исследования выше, чем процент от-

¹⁵ На соотношение обвинительной и оправдательной тенденций при неполноте и несоответствии выводов в судебном исследовании не влияет неустойчивость в количестве ошибочных обвинительных и оправдательных приговоров по отношению друг к другу, поскольку сравниваются данные по одному и тому же массиву отмененных приговоров.

¹⁶ См. также гл. VI и VII.

¹⁷ См. стр. 70.

мгч;м-м«ц» судьями неустановления отдельных элементов тред-
wiH »п»кл,|ц;шия (например, дела о хищениях социалистиче-
>• кои и личной собственности, об изнасилованиях, хулиган-

Категория дел	Процент дел, по которым не установлены или неправильно установлены отдельные элементы предмета доказывания
Хищение социалистической собственности	42
Хищение личной собственности	35
Убийства	63,6
Изнасилования	32,5
Хулиганство	39
Дела частного обвинения	37

Во-вторых, ошибки в установлении элементов предмета доказывания могут быть результатом не только неполного исследования, но и несоответствия выводов суда рассмотренным доказательствам. /Подтверждением этого служит значительный процент дел об убийствах, по которым имеются ошибки в констатации фактических обстоятельств, превышающий количество случаев неполного судебного следствия по этой категории дел (63,6% против 47%). Такое положение свидетельствует в то же время об особых трудностях оценки совокупности доказательств по делам об убийствах. Даже когда исследование проведено достаточно полно, именно по этой категории дел имеется значительная опасность неправильного установления обстоятельств дела в силу неправильной оценки собранных материалов. Это придает особое значение для этой категории дел логике и психологии оценки доказательств и теоретической разработке ее специфики в делах об убийствах¹⁸.

¹⁸ Надо иметь, конечно, в виду, что при полно проведенном судебном следствии по этой категории дел ошибка в выводе может быть связана не только с неправильной оценкой совокупности доказательств как достаточной для вывода, но первоначально обуславливается нередко неполнотой предварительного следствия, создающей невосполнимые пробелы в исследовании и приводящей к невозможности утрате доказательств. Особая же опасность данного вида преступлений, его тяжкие последствия могут повести к недооценке этой невосполнимой неполноты и далее к выводу об элементах предмета доказывания, достаточно необоснованному материалами дела, что обращает к изучению судейской психологии. Кроме того, само определение существа отдельных элементов

В-третьих, в -судебной (практике, видимо, происходит следующую процесс. Трудности правильной оценки собранных по делу материалов и правильного установления фактов, входящих в предмет доказывания, часто встречающиеся, например, по делам об убийствах, оказывают определенное («обратное») влияние «а стремление к полноте исследования, стимулируя активность (в собирании доказательств, поскольку даже при достаточно полно проведенном -судебном следствии судам нередко не удается правильно установить все необходимые компоненты фактической основы приговора. Напротив, то обстоятельство, что при неполноте исследования суд нередко «устанавливает», а точнее, правильно предполагает, угадывает, как выглядели в действительности обстоятельства, характеризующие главный факт по таким категориям дел, как Хищения, хулиганство, изнасилование, приводит к стремлению, иногда неосознанному, ограничить необходимые пределы исследования, рождает убеждение в необязательности кропотливых поисков доказательств, когда основное содержание дела представляется судьям субъективно «ясным». Это требует повышенного внимания к определению пределов доказывания по данным категориям дел.

Перейдем к характеристике качества исследования основных элементов предмета доказывания по (рассматриваемым категориям дел с отменными приговорами (в процентах ко всему количеству случаев иеустановлении элементов предмета доказывания по каждой категории дел; проценты округлены до десятых) (табл. 4).

Поскольку речь идет о тех случаях, когда суд первой инстанции, несмотря на наличие пробелов в установлении элементов состава преступления, все-таки вынес приговор, отмененный впоследствии второй инстанцией, указавшей на эти пробелы, то приведенные данные характеризуют и уровень требовательности суда первой инстанции к доказанности различных сторон указанных составов преступлений.

Очевидно, что суды особенно часто при вынесении приговора мирятся с неточным установлением или неустановлением обстоятельств, характеризующих субъективную сторону преступного деяния, по делам об убийствах (73,9% всех случаев .неустановления элементов предмета доказывания), об изнасиловании (72,4%), о хулиганстве (64,8%) и по делам частного обвинения (82,5%), т. е. тогда, когда объектом (исключитель-

предмета доказывания по таким делам нередко затруднительно в силу их недостаточно выясненного психологического смысла. Это по делам об убийствах относится, например, к определению мотивов, к понятию аффекта, особой жестокости и т. д. Это обращает к поискам причин психологического свойства, ведущих к неправильной оценке обстоятельств, характеризующих отдельные элементы субъективной и объективной сторон и субъекта таких преступлений.

NUM inn «» мимфсменно с другими объектами) преступного по-... ИМ;I является личность: жизнь, здоровье, телесная и» нщкскчюйенность, достоинство человека. /Причем характерно, что в этих именно .случаях при неправильной оценке судом доказанности вины превалирует обвинительная тенденция. Так, невинные действия признаются виновными «в сравнении с признанием нштипых действий невиновными в 9 раз чаще по делам «И vHini пIУТХ, в 5 раз — по делам частного обвинения, в 3 «и »i но делам о хулиганстве, а по делам об изнасиловании; ошибки в установлении субъективной стороны преупипннпя заключаются в признании виновности -подсудимого при ее недоказанности и нет случаев оправдания виновных. R «о же время дела о хищениях социалистической собственности дают здесь другую картину — невинно осужденных по сравнению с неправильно оправданными здесь всего в 1,5 раза больше.

Таблица 4
Элементы предмета доказывания (неустановленные или неправильно установленные)

Категория дел	время	место	способ	невиновны действия признаны виновными	виновные действия признаны невиновными	мотив	цель	данные о личности подсудимого
Хищение чужого имущества	6,3	6,3	32,4	17	10,8	11,7	9	6,5
Хищение личной собственности	8,6	8,6	25,8	25,8	4,3	4,3	4,3	18,3
Убийство	5,7	2,8	14	25,7	2,8	37,8	8,4	2,8
Изнасилование	7,4	7,4	13,5	71,4	—	—	—	—
Хулиганство	3,5	7	21,2	21	7,7	20	5,1	13,5
частного обвинения	2,4	2,4	10,3	48,7	9,6	17	7,2	2,4

Наибольшие ошибки и, следовательно, трудности в установлении мотива преступления также обнаруживаются по делам об убийствах, хулиганстве и делам частного обвинения.

Ошибки в установлении обстоятельств, характеризующих объективную сторону преступного деяния, напротив, чаще встречаются по делам о хищениях социалистической и личной собственности (соответственно в 45 и в 43% случаев неправильно установлены или не установлены время, место и способ совершения преступления). Часто это встречается по делам о хулиганстве и делам частного обвинения. В совокупности с большими пробелами в доказывании субъективной стороны по

данным категориям дел это характеризует общий низкий уровень требовательности судов в таких делах при признании состава преступления установленным¹⁹.

Заслуживает внимания тот факт, что суды при вынесении приговора с наименьшей требовательностью относятся к выяснению данных, характеризующих личность подсудимого по делам о хищениях личной собственности и о хулиганстве (соответственно в 18,3 и в 15,5% случаев неустановления элементов предмета доказывания по данной категории дел), в то время как по делам об изнасиловании такие случаи вообще не встречаются, а по делам об убийствах и делам частного обвинения составляют менее 3%.

Такова картина допускаемых судами первой инстанции ошибок, конкретные проявления двух предусмотренных в ст. 343 и 344 УПК оснований отмены приговоров, причинами которых выступают недостаточная активность в судебном исследовании и неправильная оценка совокупности доказательств.

§ 2. Некритическое отношение суда к выводам органов расследования и государственного обвинения

Если недостаточная активность в исследовании обстоятельств дела и неправильная оценка собранных доказательств выступают как непосредственные, внешне ближе всего стоящие к ошибочному решению причины, то и сами они, с одной стороны, обусловлены в пределах процессуальной деятельности определенными обстоятельствами, а с другой стороны, имеют своим последствием или процессуально проявляются в ряде искажений, характеризующих процесс исследования по делу, основания принятых решений и их характер.

Чисто теоретически в качестве причин недостаточной активности в исследовании или неверной оценки обстоятельств могут выступать принятие судом какой-либо позиции по делу как заранее правильной, излишнее доверие к имеющимся уже в деле и представленным в суд материалам, независимо от их направленности на обвинение или защиту²⁰. В общем виде это можно определить как некритическое отношение суда к избранной по делу позиции других органов или участников судебного производства. Такое некритическое восприятие объекта судебного исследования, предшествующее вынесению ошибочного приговора, могло бы в принципе приводить практику как к обвинительному, так и к оправдательному уклону, к малой активности в исследовании и обвинительного, и оправдательного

¹⁹ Это, безусловно, связано и с особым характером субъективной стороны преступлений, рассматриваемых в порядке частного обвинения, и с особенностями взаимоотношений потерпевших и подсудимых по этим делам (С. И. Каткало, В. З. Лукашевич. Судопроизводство по делам частного обвинения. Л., 1972, стр. 35—39).

²⁰ Психологические истоки такой ситуации рассмотрены в гл. VII, § 3.

М*U. i iriii frin'jHioE оценке, связанной с приданием излишнего мы'м-шп! п с неоправданным доверием к обвинительным или оiiji,HI,югельным доказательствам.

Предположение о возможности таких двусторонне направленных отклонений при вынесении ошибочных -судебных решений имело бы определенные основания в силу того, что в уголовном шрпшмтс действительно существуют два противоположных т(\шд)-1 тг:шс, представленный органами расследования и оптмн-ппя, и тезис, вытекающий из презумпции невиновности и поддерживаемый защитой.

«И;lk» и выше уже подробно на статистическом и социологическом материале было показано²¹, что в практике органов судопроизводства все еще имеют место факты, свидетельствующие об обвинительном уклоне. Подтверждением служит и приведенный материал о видах ошибок при установлении обстоятельств, характеризующих субъективную сторону преступных деяний. Это придает определенную обвинительную направленность характеру ошибочного, не критического отношения к объекту судебного исследования²².

Причины большего доверия к обвинительному тезису в деятельности судов связаны не в последнюю очередь с искажением принципа презумпции невиновности²³ «и с точкой зрения, согласно которой на предварительном следствии объективная истина устанавливается с такой же полнотой и достоверностью, как -и в суде²⁴».

Применительно к рассматриваемым основаниям отмены приговоров не критическое отношение к имеющимся материалам по: *пшшш .но делу, вытекающее из отступлений от презумпции невиновности, может выражаться в следующем:

См. гл. III.

15 статистической же отчетности, напротив, регистрируются сравнительно немногочисленные случаи отмены приговоров ввиду неправильного оправдания, но не выделены наиболее распространенные причины отмены обвинительных приговоров. Создается впечатление, что случаи неправильного оправдания представляют собой не только особо значимый объект при анализе судебной деятельности, но и наибольшую опасность в судебной практике, а случаи незаконного осуждения не так важны и количественно незначимы, хотя, конечно, это не так.

О значении презумпции невиновности как принципа советского уголовного процесса см.: «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 348—368; Л. Д. Кокорев. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, /1973, стр. 80—35 и др.

// В. Жогин, Ф. Я. Фаткуллин. Предварительное следствие. М., Шбб, стр. 169. О подлинной самостоятельности судебного разбирательства и дисциплинирующем воздействии практики по отношению к предварительному расследованию см.: Э. Ф. Куцова. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М., 1973, стр. 171—172. О различной правовой природе и основаниях процессуальных репимшн в период расследования и судебного разбирательства см.: // А. J/i/нинская. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроп:то,дстве. М., 1972, стр. Ы, 32, 64.

1) а) суд не проявляет строгости при проверке полноты актов предварительного расследования и принимает выводы неполного расследования как основание для решения по существу дела; б) суд не полностью проверяет представленные материалы. © • судебном заседании; В) суд не проводит необходимые процессуальные действия для восполнения неполноты актов предварительного расследования (все это неверная «количественная» оценка совокупности доказательств по делу, ошибки В определении 0!бъама исследования, которые охарактеризованы выше на основе анкетного обобщения); 2) а) суд не критически оценивает качество совокупности доказательств, обосновывающей виновность в соответствии с точкой зрения органов расследования и обвинения; б) неверно оцениваются достоверность, допустимость и сила отдельных доказательств, положенных в основу приговора (и то, и другое — свидетельство недостаточно критического анализа доказательств)²⁵.

Вот как выглядят указанные формы не критического отношения к представленным в суд материалам в практике судов.

Верховный Суд Таджикской ССР отменил приговор по делу Б. и И. по тем основаниям, что из 19 вызванных в суд свидетелей были допрошены только 5 (остальные не явились), - в результате чего обстоятельства дела не были судом надлежаще исследованы; причины неявки свидетелей суд не выяснил.

По делу Б. народный суд одного из районов Молдавской ССР ограничился только допросом подсудимого, признавшего себя виновным (без вызова потерпевших и свидетелей), и приговорил его к 6 месяцам лишения свободы за хулиганство. Между тем из материалов дела видно, что некоторые из потерпевших и свидетелей характеризовали действия подсудимого иначе, чем они отражены в обвинительном заключении и приговоре, в связи с чем Верховный Суд Молдавской ССР отменил приговор и дело направил для до следования. (Здесь налицо и принятие неполно исследованных материалов. дела, и неполная проверка представленных в суд данных.)

Приговором Луганского областного суда Б. был осужден за убийство и приговорен к расстрелу за то, что он подкараулил свою беременную жену, возвращавшуюся с работы, и убил ее двумя ударами кирпича по голове. Суд, вынося приговор, недостаточно исследовал, однако, мотивы преступления. Органы предварительного следствия считали, что Б. преследовал корыстные цели, желая завладеть деньгами жены, однако это не было достаточно доказано, и суд признал мотивом убийства неприязненные отношения, хотя в деле нет данных для такого вывода. Между тем поведение подсудимого выглядело недостаточно мотивированным и в момент совершения преступления, и раньше. Однажды он грозил убить жену за то, что она не купила ему кукурузные палочки. В детстве подсудимый тяжело болел, после чего стал плохо учиться. Психическое состояние подсудимого не исследовалось ни на предварительном следствии, ни в суде. Поэтому приговор был отменен с направлением дела на дополнительное расследование.

Неправильно оценивая совокупность доказательств по делу, суды часто не критически присоединяются к тем выводам, которые фигурируют в обвинительном заключении и поддерживаются в суде прокурором.

²⁵ См. гл. IX.

Ирш-и.фил! Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда ? *у *мй 1мп с i'A' III. был осужден к 10 годам лишения свободы. Подсудимый >»»»»»»»» по приговору в том, что увел малолетнюю девочку в поле и Ищ плча-л ее. Девочка показала, что хорошо его запомнила, описала его niH-iiiii вид и одежду и через год, когда увидела его вновь, сказала родителям, после чего Ш. был задержан. Подсудимый свою вину отрицал, объяснил, что он и в тот раз, когда был задержан, и раньше посещал гражданку З., проживавшую в соседнем доме, в связи с чем девочка могла его видеть, запомнить и ошибочно опознать.

Опознание в соответствии с процессуальными требованиями не проводилось. В качеств. доказательств, уличающего Ш., указывается лишь опознание «то малолетней потерпевшей. Однако оно сомнительно, поскольку претуплен не пило совершенно вечером, совершивший преступление бил девочке, &»»»»»»»» глаза, она была очень напугана.

Ип истории болезни девочки видно, что она перенесла в четырехлетнем возрасте сотрясение мозга, страдает расстройством слуха и речи. Девочка утверждала также, что преступник был в очках и кепке, но это не нашло подтверждения в материалах дела. Судебная коллегия Верховного Суда СССР по протесту председателя Верховного Суда отменила, приговор и прекратила дело «за недоказанностью», указав, что показания малолетней потерпевшей, опознавшей подсудимого через год после совершения преступления, не подтвержденные другими доказательствами, не могут быть положены в основу обвинительного приговора.

Еще одним достаточно показательным примером того, как упорно иногда судебные органы «защищают», поддерживают представленные им выводы предварительного расследования, вместо того, чтобы практически проверить их, является дело по обвинению П. в покушении на; убийство из хулиганских побуждений. До отмены в Верховном Суде СССР приговора П. Судебной коллегией Верховного Суда УССР это дело трижды направлялось на доследование и несмотря на такие серьезные предупреждения о низком качестве следствия суд все-таки, в четвертый раз принял дело, вынес обвинительный приговор при явных изъянах в проведенном расследовании.

По приговору подсудимый П. обвинялся в том, что он в первом часу ночи, будучи в нетрезвом состоянии, на улице Гомеля из хулиганских побуждений покушался на убийство К., нанес ему удар ножом в область сердца и скрылся. К. не был знаком с подсудимым П. и вышел на улицу ночью потому, что П. стучал в дверь дома, где жила его знакомая Пр.

П. свою вину отрицал, заявил, что был ночью у родителей в 28 км от Гомеля. Суд в приговоре сослался, однако, на следующие доказательства: подсудимого П. по голосу опознала хозяйка дома Пр., работник милиции *Aiji* (мо жена показали, что видели его недалеко от дома Пр., потерпевшим К. опознал П., а шофер такси Ю. подтвердил, что отвозил П. в эту ночь за город.

Однако, судя по материалам дела, жена Ж. заявила, что не уверена, является ли подсудимый именно тем мужчиной, которого она видела. Данные относительно опознания П. работником милиции Ж. и его женой противоречивы. В разных протоколах допросов указаны разные обстоятельства, связанные с опознанием: а) Ж. был приглашен в милицию, чтобы опознать человека, который пройдет по коридору, что он и сделал; б) Ж. сначала опознал его в дежурной комнате, а потом, когда его вели по коридору; в) сначала Ж. и его жена указывали, что не рассмотрели лицо человека, а затем опознали «по чертам лица»; г) жена Ж. объяснила, что их с мужем допросили до и после опознания, но протокола не составляли.

Потерпевший К., через месяц прийдя в милицию, случайно опознал там П. До этого К. дважды был допрошен, но не указал характерных признаков, по которым он мог бы опознать П.; в протоколе опознания такие признаки, также не указаны, названы лишь общие черты. Однако П. имеет очень характерные черты — широкие грубые рубцы на лице. Кроме того, К. часто менял свои показания в зависимости от добытых: следствием доказательств. Например, показывал, что П. был в коричневом костюме, а когда установи-

ли, что он был в другом костюме, плаще и фуражке, заявил, что видел его именно в этой одежде.

Шофер такси Ю. заявил, что сомневается, сможет ли опознать своего ночного пассажира, однако работники милиции «добивались» от него опознания. Кроме того, в деле есть материалы, указывающие на то, что преступление могло быть совершено другим лицом: по показаниям потерпевшего К. и свидетелей (Ж., его жены и свидетеля Пл.) у преступника был небольшой коричневый чемодан и бутылка из-под молока. Не выяснилось, где эти вещи и были ли они у подсудимого.

Хозяйка дома Пр., опознавшая П. по голосу, — 76-летняя женщина — во время следственного эксперимента опознала по голосу из четырех близких ей людей лишь одну соседку. Алиби подсудимого полностью не исследовалось на том основании, что имеются избочающие показания потерпевшего и свидетелей. Между тем некоторые показания, подтверждающие алиби, игнорировались судом: имеются показания о том, что подсудимого видели в доме родителей в то время, когда было совершено преступление; показания водителя автобуса, который вез П. из города и в город. Не установлено, каким ножом совершено преступление, — свой самодельный нож подсудимый хранил в общепитии, что подтвердили свидетели. Некоторые свидетели утверждали, что работники милиции добились от них ложных показаний, он повергающих алиби П.

И все это все-таки не насторожило суд, не побудило его к критической проверке материалов следствия. Естественно, что обвинительный приговор в отношении П. был отменен с направлением дела на дополнительное расследование.

Таким образом суды, исходя часто из неверно определенного направления судебного иследования, — проходят мимо явных противоречий и упущений в расследовании.

Приговором Черниговского областного суда был осужден к смертной казни*П. за убийство сторожа при совершении кражи из чайной. Осужденный еще на предварительном следствии написал «повинную», в которой изложил обстоятельства преступления. В частности, он указал, что ударил сторожа по голове железным прутком, а затем выстрелил ему в лицо из ружья, принадлежавшего потерпевшему.

Однако из протокола осмотра видно, что из ружья потерпевшего выстрел не производился. Подсудимый изменил показания, заявив, что стрелял из ружья, похищенного им из магазина. Но из магазина ружье не похищалось. Осужденный утверждал, что совершил преступление в 24 часа. Но жена убитого дала показания о том, что находилась вместо мужа на посту до 1 часа ночи. Это подтверждают и другие свидетели. Осужденный заявил, что похищенные вещи он положил в мешок и спрятал под крыльцом. Придя через одну неделю, он якобы их там не обнаружил. В действительности вещи были обнаружены через две недели и в мешок сложены не были. Не соответствует показаниям осужденного и предсмертное заявление потерпевшего о том, что на него напали двое с двустволками, причем один из них — житель соседнего села.

Судебная коллегия Верховного Суда УССР приговор отменила и дело вернула на новое расследование, в ходе которого уголовное преследование в отношении П. было прекращено с освобождением его из-под стражи.

Народный суд Ново-Анненского района Молдавской ССР приговорил Д. за хулиганство к четырем годам лишения свободы. Обвиняемый категорически отрицал вину, утверждая, что в момент совершения преступления находился не в с. Яловены, где имело место хулиганство, а в Кишиневе, у знакомой девушки. Последняя это подтвердила. Несмотря на это, алиби обвиняемого без достаточной проверки было отвергнуто и суд вынес обвинительный приговор. При новом рассмотрении дела после отмены этого приговора выяснилось, что преступление совершил двоюродный брат подсудимого. Оказалось, что они внешне похожи, оба носят усы. Это ввело в заблуждение

«ти-м», ни при пропедении опознания. Ошибка не была своевременно всерьез
«I in ьм и с про леи of o отношения следователя и суда к проверке алиби., бл-а-
пч|].-1 чему невиновный в течение восьми месяцев содержался под стражей.

Приведенные-дела характерны тем, что материалы расследования по своим качествам отнюдь не создавали какой-либо хотя бы формальной основы для того, чтобы суд отнесся к ним с доверием и, напротив, содержали немало данных, которые должны были обратить суды к особой пристрастной проверке выводов следствия. И все же эти данные были оставлены судами без внимания, а судебное следствие и судебный приговор выглядели так, как будто суд и не хотел увидеть в деле все то, что противоречит обвинению и официальным выводам государственных органов расследования и обвинения.

Такая не критическая позиция суда нередко отражается и на характере его отношения к различным участникам судебного разбирательства, вызывает порой неравное отношение суда к представителям обвинения и защиты, и соответственно — к показаниям потерпевших и подсудимых. Суды нередко принимают с о вниманием, что прокурор значительно более объективен, чем адвокат-защитник, ибо первый является блюстителем законности, а второй представляет односторонние интересы подсудимого.

В связи с этим судьи иногда с большим вниманием относятся к заявлениям, ходатайствам и позиции прокурора, чем защитника-адвоката. Тем самым сводится на нет выраженный в ч.4 ст. 107 Конституции принцип большего благоприятствования защите (*favor cliffetisionis*) и проводится прямо противоположный принцип. Эта необъективность суда отрицательно действует на публику и создает опасность допущения ошибки по делу.

Неодинаковое отношение суда к прокурору и защитнику выражается порой в ограничениях процессуальных прав защитника и в недопустимых действиях и высказываниях, унижающих и дискредитирующих защиту²⁶. Это еще более усиливает отрицательное, дискредитирующее и сам суд влияние оГшппптслытй тенденции © его деятельности.

Между тем в судебной практике имеется немало подтверждений тому, что позиция прокурора в суде — бывает подчас не более обоснованной, чем позиция адвоката.

В качестве примера могут быть использованы высказывания опрошенных судей Московских районных народных судов. Эти высказывания можно рассматривать как экспертные оцсчшп действительной роли прокуроров и адвокатов в судеб-

²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. "Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении (Воспитательного воздействия судебной деятельности).— «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР Н)Ч 1070 г.», стр. 32; см. также: Ю. И. Стецовский. Адвокат в уголовном судопроизводстве. М., 1972, стр. 62—65.

ном разбирательстве. В большинстве случаев адвокаты, а не прокуроры, получили большие «баллы» за активное участие в судебном следствии и помощь суду в проведении полного и всестороннего исследования обстоятельств дела.

Встречающаяся еще нередко пренебрежительная процессуальная оценка судьями адвокатской миссии в суде, предвзятое неравное отношение к прокурору и адвокату — это непосредственные причины неполного, одностороннего судебного исследования и ошибочных, не подтвержденных достаточными доказательствами выводов в приговоре.

Подобное отношение к сторонам в уголовном процессе по ряду дел серьезно нарушает и законную форму процессуальной деятельности, противоречит установленной процедуре, ведет к тому, что судебные решения признаются незаконными, ошибочными и в силу существенных процессуальных нарушений, и в силу порочности выводов суда по существу.

В специальном Постановлении Президиума Верховного суда УССР от 10 марта 1967 г. было расценено как грубое нарушение норм процесса поведение судьи одного из районных народных судов г. Днепрпетровска, который в судебном разбирательстве явно противодействовал законной процессуальной деятельности адвокатов и обвиняемых, достаточно агрессивно «защищая» свое не критическое отношение к обвинению, позициям и поведению прокуроров и потерпевших при рассмотрении уголовных дел.

В этом постановлении было отмечено также, что вышестоящие суды не всегда реагируют на такие факты, как на грубое нарушение закона, и подчас своевременно такие ошибки не исправляют.

Днепрпетровский областной суд в нарушение правил о подсудности передал дело по обвинению Т. и др. в групповом изнасиловании на рассмотрение народного суда. Приговор народного суда был обжалован осужденными и их защитниками в ев яви с необходимостью дополнительного расследования. В жалобе указано также на факты грубого поведения судьи и прокурора по отношению к адвокатам и свидетелям. На это же указали в своей коллективной жалобе и свидетели (6 человек), направившие ее в Верховный суд и Прокурору УССР. Кроме того, один из свидетелей, которого суд «оборвал и выгнал из зала» во время допроса, подал жалобу отдельно. Во всех жалобах указывалось на незаконное ведение судебного следствия, в котором явно выражалась поддержка судьеи позиции прокурора». Судья снимал в грубой форме вопросы о взаимоотношениях обвиняемых и свидетелей с потерпевшей, вообще запретил допрос одного свидетеля, а после жалобы на эти действия судьи председателю суда, стал снимать звонком вопросы адвокатов к свидетелям.

Адвокаты, выступавшие по делу, обратились в юридическую консультацию с просьбой о направлении в судебное заседание комиссии по проверке качества ведения ими защиты по делу. Комиссия также отметила неправильное поведение в суде прокурора, на которое суд не реагировал. Прокурор, участвовавший в судебном заседании, «руководил» всем судебным следствием. Когда двое из обвиняемых сделали заявление о незаконных методах предварительного следствия, прокурор арестовал их, а суд даже не обратил на это внимания. Прокурор усадил потерпевшую рядом с собой и отвечал

л! п.-. иі гимриси *тт* подкжшыгвал ей ответ, оскорблял адвокатов и свидетелей и .l «-.! і; на это некоторое время не реагировал, потом «рассадил» прокуратуру и почерневшую. А когда один из свидетелей заявил, что районная прокуратура поступила неправильно, направив в организацию, где работали подсудимые, до вынесения приговора! письмо о том, что их вина установлена, суд удалил свидетеля из зала.

Защита прошла о возвращении дела на доследование и об объявлении перерыва в судебном заседании для представления мотивированного письменного ходатайства по этому поводу. Однако судья заявил, что не примет письменного ходатайства, запретил адвокату даже зачитать ходатайство и требовал от него «говорить по памяти». Поданное адвокатом ходатайство суд, удаляясь в совещательную комнату, оставил на столе.

Вынесенный обвинительный приговор был отменен областным судом, но позиция народного судьи в процессе не была сколько-нибудь серьезно осуждена в областном суде. Даже, напротив, областной суд, получив из Верховного Суда коллективную жалобу свидетелей, не проверял ее до тех пор, пока не поступила, дополнительная кассационная жалоба адвоката*, при проверке жалоб опрашивались только работники суда, прокурор, заседатели и начальник конвоя. Кроме того, рассматривая дело в качестве кассационной инстанции, областной суд, как отметил Президиум Верховного Суда УССР, занимался не проверкой правильности рассмотрения и разрешения дела, а «расследованием против адвокатов» — потребовав от потерпевшей характеристики выступления адвокатов, председатель коллегии областного суда стал напоминать адвокатам другие дела, по которым они жаловались в областной суд, речи адвокатов обрывал. Совещание в областном суде для решения по существу дела длилось пять минут. Областной суд даже не обратился ни к суду первой инстанции, ни к прокуратуре с частным определением, вынеся в то же время необоснованное частное определение в адрес адвокатов. Такой пример недопустимого отношения к участникам процесса со стороны кассационной инстанции, отвечающей не только за качество конкретного решения, но и за формирование судебной практики, был резко осужден Верховным судом.

Аналогичная тенденция не критического отношения суда к позиции органов расследования и обвинения проявилась и при рассмотрении дела П., обвинявшегося в хулиганстве, в том же народном суде Днепрпетровска. Суд, почти не изучив представленные материалы расследования, назначил дело к рассмотрению г, выездной сессии на предприятии, где работали подсудимый и потерпевший.

\\ прежнего рассмотрения дела судья постоянно снимал вопросы, связанные с вынепшном причин преступления, характера взаимоотношений между подсудимым и потерпевшим и их личными характеристиками. Между тем обстоятельства дела требовали этого: драка между подсудимым и потерпевшим произошла в доме, где проживали многие рабочие предприятия, знавшие обстоятельства дела и причины случившегося; потерпевший, неоднократно судимый, наркоман, отрицательно характеризовался по работе; подсудимый, напротив, давно работал на предприятии и имел положительные характеристики, жена подсудимого обращалась ранее в суд с жалобой на потерпевшего и связй с нанесением ей последним побоев, что подтверждено заключением судебно-медицинской экспертизы. В связи с такими обстоятельствами дела зал бурно реагировал на нежелание суда их всесторонне исследовать. Прокурор допускал грубые, необоснованные высказывания в адрес присутствующих, утверждая, что в зале собрались «крикуны», мешающие суду работать. И это в выездной сессии! Судья не принял никаких мер в связи с таким поведением прокурора. Все это, как указано в Постановлении Президиума Верховного суда УОСР, вызвало возмущение аудитории и привело к

тому, что процесс был сорван, состав суда уехал с завода. Рассмотрение дела закончилось в помещении суда на следующий день, подсудимый был осужден к 5 годам лишения свободы в НТК усиленного режима, и суд вынес частное определение по поводу плохой воспитательной работы на заводе.

Между тем само судебное разбирательство в выездной сессии сослужило плохую службу этому воспитанию, показав пример судебской необъективности, либерального отношения не только к процессуальным нарушениям, но и к аморальному поведению потерпевшего, обнаружив нежелание глубоко разобраться в деле. Ошибочные действия судебных органов по данному делу на этом не закончились. Продолжая линию не критического отношения к позиции и поведению представителя прокуратуры, народный суд и далее ущемлял права защиты, он не поставил адвоката в известность о дне рассмотрения дела в кассационной инстанции, областной суд рассмотрел дело без участия адвоката; по жалобе адвоката в порядке надзора это нарушение также не было исправлено областным судом, который отказал в опротестовании кассационного определения. Лишь впоследствии, при проверке в связи с рассмотрением всех указавших фактов в Президиуме Верховного суда УССР, был принесен протест в порядке надзора на все состоявшиеся по делу решения.

Такие ошибки судов неизбежны там, где культивируется в судебной практике необъективное отношение суда к защите (результат практического отрицания идеи противостоящих друг другу равноправных сторон) и не критическое восприятие судом обвинительных выводов.

§ 3. Мнимые доказательства при вынесении ошибочных приговоров

Пробелы и несогласованность выводов с фактами в судебном исследовании, независимо от того, с каким из двух рассматриваемых фактических оснований отмены приговоров они связаны, могут оставаться «незамеченными», когда достаточные и допустимые законом доказательства подменяются мнимыми доказательствами, и создается иллюзия доказанности обвинения. Объяснение недопустимости строить выводы суда в приговоре на основе таких «данных» должно быть одной из первоочередных задач процессуальной теории, а также постоянной заботой вышестоящих судебных инстанций.

Речь идет здесь не об ошибках в оценке отдельных видов доказательств и не об относимости и допустимости доказательств, а об ошибочном использовании судом таких «источников» сведений, которые имеют видимость доказательственного значения, якобы пополняют, подкрепляют, удостоверяют другие собранные по делу доказательства.

Склонность к использованию таких «лжедоказательств» возникает, как правило, в связи со слабостью доказательств виновности на фоне недостаточно критического отношения суда к материалам, версиям, выводам расследования и обвинения.

Имеется в виду неправильное использование судами для обоснования какого-либо вывода так называемых «улик пове-

депш1:\ магнитофонных записей показаний <и некоторые случаи добывания «дополнительных» данных ори «выходе на место».

Принятие судом названных «источников» сведений как доказательств отличается от неправильной оценки судом определенного доказательства, например, от принятия ложных или ошибочных свидетельских показаний и экспертных заключений.

В сущности выводы о событиях, с которыми эти «источники» связываются в представлении следователя или суда, могут всегда быть сделаны и без них, но будут иметь лишь предположительный характер при отсутствии других доказательств.

Использование их отличается и от принятия судом недопустимых доказательств, поскольку последние могут быть причинно-следственно связаны с рассматриваемыми в уголовном деле фактами и лишь по форме своей или способу получения — незаконны.

От не относящихся к делу материалов мнимые доказательства тоже отличаются, поскольку они все-таки предположительно связаны именно с исследуемым в суде преступлением. Однако связь эта такова, что они никогда не могут действительно подтвердить что-либо из предмета доказывания, не содержат никаких дополнительных данных, увеличивающих собранный по делу доказательственный материал, и их существование в большей степени обусловлено не объективными признаками преступного деяния, а обстоятельствами, сопутствующими расследованию и рассмотрению дела. Мнимые доказательства—продукт определенных условий, в которых протекает уголовный процесс по конкретному делу. Они могут специально создаваться осуществляющими его органами и возникать в связи с исключительностью ситуации, когда против какого-либо лица выдвигается обвинение в совершении тяжкого преступления.

Начнем с «улик поведения», т. е. сведений о таком поведении обвиняемого после (иногда — до) совершения преступления, которое с привлечением других собранных по делу доказательств интерпретируется как причинно связанное с преступлением. В некоторых теоретических работах и на практике улики поведения, которые могут, безусловно, иметь значение в процессе выдвижения версий и собирания доказательств, нередко трактуются слишком широко. К ним относят и такие фактические данные, которые никак не могут быть доказательствами по делу. Речь идет о так называемом «виновном отрицании фактов» и вообще избрании такой линии защиты, которая якобы указывает на возможную причастность к преступлению (отказ от показаний или ложные показания в отиошепин уличающих обстоятельств и т. д.)²⁷.

²⁷ Г. П. Мудьюгвн относит к уликам поведения, в частности, отрицание аГжшгломыш внешне «нейтральных» фактов, которые в совокупности с

Если обвиняемый отрицает уличающие его обстоятельства, которые с точки зрения следователя или суда бесспорно установлены, то уже сам факт такого отрицания нередко используется как косвенное обвинительное доказательство — улика поведения. Это в принципе неверно, ибо ведет к созданию искусственных доказательств обвинения. Получается, что кроме доказательств, действительно изобличающих обвиняемого в совершении преступления (факт пребывания на месте преступления, факт сговора и подыскания орудий для преступления и т. д.), искусственно создается «второй ряд улик», состоящий из фактов отрицания, опровержения собранных обвинительных доказательств (не только пребывание на месте преступления, но и отрицание этого факта, не только сговор, но и его отрицание и т. д.). К помощи этого «второго ряда» обычно прибегают, когда действительных реальных улик недостаточно. Нетрудно заметить, что такое использование «улик поведения» ведет к существенному сужению гарантий права обвиняемого на защиту, так как попытка отрицания обвиняемым любого из собранных против него доказательств неминуемо расценивается как дополнительное обвинительное доказательство, если только обвиняемому не удалось его опровергнуть.

Отрицание обвиняемым некоторых фактов, изобличающих его в совершении преступления, или дача о них ложных показаний, могут быть вызваны мотивами, не связанными с совершенным преступлением. Сначала надо доказать, что обвиняемый совершил преступление, а потом утверждать, что он отрицал некоторые факты или давал о них ложные показания, руководствуясь желанием избежать ответственности, а не другими мотивами. Пока же факт совершения преступления обвиняемым не доказан, остается теоретически неисчерпаемое количество догадок о мотивах, которыми мог руководствоваться обвиняемый, отрицая установленные по делу факты или давая о них ложные показания.

То же следует сказать о попытках придать значение «улики поведения» факту отказа обвиняемого от дачи показаний. Во-первых, этот факт нельзя однозначно детерминировать причастностью обвиняемого к совершению преступления, во-вторых, нельзя принуждать обвиняемого к даче показаний под

другими фактами изобличают его в совершении преступления (Г. Я. Мудьюгин. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. Автореф. канд. дисс. М., 1962, стр. 14—16); см. также: Л. И. Коваль. К вопросу об уликах поведения.— «Труды по правоведению». Новосибирск, 1968, стр. 171—171 Ж

А. И. Винберг, Г. М. Миньковекий и А. А. Эйсмэн относят, в частности, к уликам поведения «попытки заведомо ввести следствие (суд) в заблуждение относительно действительных обстоятельств дела». Например, к этим уликам они относят «данные о заведомой ложности показаний обвиняемого» («Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 30—31).

угрозой, что молчание будет расценено как «улика поведения». Это в полной мере относится и к завуалированным формам отказа от показаний, например, под предлогом глухонемоты И. Т. П.

В этом отношении представляет интерес уголовное дело Г., который был осужден Верховным судом Таджикской ССР за изнасилование малолетней девочки и приговорен к 15 годам лишения свободы.

Г. был задержан в нетрезвом состоянии, когда он шел к автобусной остановке с девочкой на руках. Девочка оказалась изнасилованной. Одежда Г. была в крови. Перочинный нож, обнаруженный на месте происшествия, был опознан одним из свидетелей как принадлежащий Г. Подсудимый пояснил, что встретил плачущую девочку, КОРҒАН была в крови, и решил отнести ее к автобусной остановке, чтобы установить родителей, но был задержан»

На предварительном следствии и в суде Г. симулировал глухонемоту, лишь после выступления прокурора, потребовавшего для Г. высшей меры наказания, подсудимый заговорил. Симуляцию Г. объяснил малоубедительными доводами (якобы в период пребывания на эпоптеризе в институте им. В. П. Сербского ему посоветовали сначала выслушать прокурора и, если тот будет настаивать на применении высшей меры наказания, лишь тогда дать показания суду);

Придав серьезное доказательственное значение этому обстоятельству и включив его в совокупность доказательств по делу, а также учитывая личность подсудимого (ранее судим за хулиганство и хищение, отрицательно характеризовался на службе и в быту), суд признал его виновным в изнасиловании. В местах заключения Г. умер. Вскоре был установлен и осужден действительный преступник, а дело Г. по протесту прокурора республики было пересмотрено и прекращено. Эта судебная ошибка в значительной мере объясняется тем, что отказ обвиняемого от показаний, завуалированный симуляцией глухонемоты, был неправильно истолкован как «улика поведения».

По другому уголовному делу, которое было прекращено Верховным судом УССР, за недоказанностью обвинения спустя 5 лет после вынесения Львовским областным судом приговора в отношении В., осужденного к 11 годам лишения свободы за изнасилование, выяснилось следующее. Недостаточность улики по делу суд восполнил указанием в приговоре на то, что подсудимый, желая скрыться от суда и следствия, переменил место жительства, а изменение показаний потерпевшей, отказавшейся от обвинения подсудимого, было объяснено влиянием родственников обвиняемого. Отменяя приговор, Судебная коллегия Верховного суда УССР в определении от 11 мая 1967 г. указала, что эти утверждения суда предположительны, поскольку не исключено иное объяснение поведения обвиняемого и потерпевшей.

В ряде случаев обвиняемые в целях защиты выдвигают ложное алиби, придумывают и пытаются обосновать иные ложные обстоятельства, представляя иногда в их «подтверждение» сфальсифицированные доказательства.

Такие действия обвиняемых нередко расценивают как «улики поведения» на основе следующих рассуждений: если бы обвиняемый не совершал преступления, он не стал бы придумывать для себя ложное алиби, подговаривать свидетелей для его подтверждения и т. д.; поскольку же обвиняемый сделал все это, он, значит, создал улики против самого себя. Рассуждение это порочно, так как и невиновное лицо по не-

знанию или в ответ на необъективное ведение следствия может прибегнуть к созданию искусственных доказательств защиты, чтобы доказать свою невиновность хотя бы такими методами. Опасность здесь в том, что ложные объяснения подсудимых на предварительном следствии неправильно воспринимаются судом и их доказательственное значение не оценивается достаточно критически. Так вместо подлинных доказательств рождаются мнимые. Появление еще двух разновидностей мнимых доказательств связано с неправильным использованием магнитофона для записи показаний обвиняемого (подозреваемого) или с неправильным проведением выхода с обвиняемым на место.

Сразу же заметим, что мы не намерены возобновлять здесь дискуссию о допустимости проверки показаний на месте («выхода на место») как процессуального действия. Это действие проводится на практике в тех союзных республиках, где оно предусмотрено законом, и не вызывает принципиальных возражений. Следует только показать «лазейки», которые открываются для недобросовестного или самонадеянного следователя при проведении этого следственного действия, результатом чего нередко бывает обоснование представленного в суд обвинения с помощью мнимых доказательств, в действительности не содержащих никакого нового доказательственного материала.

С этой точки зрения следовало бы различать по крайней мере три вида «проверки показаний обвиняемого на месте».

Первый вид «проверки» показаний на месте, вообще не имеющий никакого доказательственного значения, заключается в том, что обвиняемого, точно указавшего во время допроса на ряд обстоятельств совершения преступления, «выводят» на место, чтобы зафиксировать с помощью фотоаппарата, как он «показывает» то, о чем уже точно рассказал. Это, по мнению* некоторых следственных работников, подкрепляет показания дополнительным доказательством, на самом же деле рассчитано на то, чтобы психологически воздействовать на обвиняемого, затруднить для него отказ от признания своей вины впоследствии. Это явно мнимое доказательство, вообще не признаваемое ни законом, ни процессуальной теорией, хотя в практике следственных органов оно еще нередко встречается.

Для второго вида проверки показаний на месте характерно то, что сначала обвиняемый дает показания о тех или иных вещественных доказательствах, предметах и т. д., а затем они обнаруживаются с помощью обвиняемого.

Эта разновидность проверки обладает большой доказательственной силой, так как признание обвиняемого находит, так сказать, вещественное подтверждение. Хотя, конечно, и здесь возникает проблема опровержения предположения о невиновной осведомленности обвиняемого (могли рассказать участни-

ки или очевидцы преступления, мог прятать вещи, не зная, что они имеют отношение к преступлению, и т.*д.)²⁸.

Третий вид проверки показаний состоит в том, что сначала обнаруживаются вещественное доказательство и иные предметы, становится известным (из других источников) место происшествия и т. д., а затем обвиняемый, признав себя виновным в совершении преступления, указывает место происшествия, место, где были спрятаны вещественные доказательства, и т. д. Совпадение показаний, данных на месте, и сведений об этом месте, зафиксированных в ранее составленном протоколе осмотра, на практике, да и в теории²⁹, рассматривается как серьезное обвинительное доказательство.

Нетрудно, однако, заметить, что этот третий вариант «проверки на месте» принципиально не является средством для получения достоверного (результата, таит в себе опасность злоупотреблений со стороны недобросовестных следственных работников и серьезных ошибок при его признании доброкачественным источником доказательств в суде.

В самом деле, обвиняемый при этом варианте дает показания, (признавая себя виновным, в тот момент, когда соответствующие вещественные доказательства (части расчлененного трупа, похищенные вещи и т. п.) уже найдены³⁰. Он подтверждает те обстоятельства, которые уже известны следователю, оперативным работникам, а нередко и населению. Отсюда — опасность, что осведомленность обвиняемого о месте нахождения определенных предметов есть результат подсказок, намеков, небрежно сформулированных вопросов, подслушанных служебных разговоров, ознакомления с материалами дела, не говоря уже о явных нарушениях социалистической законности.

Впечатление же от указания обвиняемым места, где ранее обнаружили труп, нашли спрятанные вещи и т. д.— огромное; эмоциональное воздействие этой улики на суд и публику настолько велико, что подчас суд не придает значения имеющимся в деле пробелам и противоречиям в доказательственном материале. Сам обвиняемый, даже невиновный, оказывается психологически связанным «выходом на место». Практически на него ложится бремя опровержения результатов «выхода», порой непосильное, потому что заявления обвиняемого о неправильных методах следствия, если в подтверждение их не пред-

Здесь бы речь уже шла о неправильной оценке того, что, безусловно, должно быть признано не мнимым, а подлинным доказательством, об определении достоверности его как такового.

А. Я. Васильев, С. С. Степичев. Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений. М., 1959, стр. 26; *Л. А. Соя-Серко.* Проверка показаний на месте. М., 1966, стр. 18.

Г. Омельченко. Исследование судом обстоятельств, характеризующих виновность подсудимого.—«Социалистическая законность», 1970, № 7, стр. 19.

ставлены доказательства, нередко остаются без проверки. Но доказательствами такого рода обвиняемый обычно не располагает. Создается опасность осуждения невиновного, в чем можно убедиться на следующем примере.

В 1957 г. в Кишиневе был убит гражданин Н. Следствие установило, что убийство совершили П. и Г. Первый признался в совершении преступления, отведя себе в нем незначительную роль, а второй свою вину отрицал. Тогда яриенание П. было проверено на месте. Он безошибочно показал улицу и дом, возле которого было совершено убийство, воспроизвел все обстоятельства преступления, причем его показания совпали с объективными данными, указанными в протоколе осмотра места преступления. Однако в дальнейшем на предварительном следствии, а потом в суде П. от своих показаний отказался, заявив о неправильных методах следствия. Дважды дело возвращалось для доследования, однако найти дополнительные доказательства виновности не удалось, хотя было испробовано даже такое средство, как установление и допросы всех лиц, с которыми Г. и П. сидели под стражей в одной камере.

Дело закончилось прекращением. Однако через 9 лет оно было возобновлено. Удалось бесспорно установить, что убийство совершено бывшим студентом Кишиневской консерватории Б. Последний под тяжестью доказательств признал себя виновным в совершении преступления и указал при «выходе на место» улицу и дом, возле которого было совершено преступление, а также воспроизвел его обстоятельства. Приговором народного суда Ленинского района Кишинева Б. осужден к шести годам лишения свободы.

Учитывая «слабые места» третьего вида проверки показаний на месте, представляется необходимым предложить некоторые дополнения для УПК тех союзных республик, где это следственное действие предусмотрено законом. Было бы желательно в самом законе выделить второй и третий виды «проверки на месте» и применительно к третьему из них сформулировать следующее правило: «Результаты проверки лишены доказательственного значения, если полностью не опровергнуты заявления обвиняемого (подозреваемого, потерпевшего, свидетеля) о том, что указанные им факты стали ему известны не в связи с совершением преступления». Тем самым конкретизировалось бы требование закона о недопустимости перелгать на обвиняемого обязанность доказывания.

Последний из рассматриваемых видов лжедоказательств — результат неправильного применения технических средств, в частности, магнитофона для фиксации признания обвиняемого.

Предположим, что некоему следователю не удалось обнаружить достаточно доказательств виновности. Тогда все надежды он начинает возлагать на обвиняемого, которого он допрашивает и передпрашивает с целью добиться признания. В представлении такого следователя это единственный путь к истине.

Допустим, что обвиняемый, наконец, признался в совершении преступления и указал доказательства, объективно подтверждающие его вину. В этом случае нет надобности «закреплять» показания обвиняемого с помощью магнитофона, так как при последующем отказе обвиняемого от признания вины она и

без того уже установлена. Но бывают и другие случаи. Обвиняемый признался в совершении преступления, но объективных доказательств своей виновности не указал. Откажись он от признания в суде — и обвинение рухнет. Вот тогда-то и прибегают к помощи магнитофона как средства фиксации показаний обвиняемого.

После этого, как уже отмечали некоторые авторы и, в частности Г. Ариушкин, следователи в ряде случаев прекращают дальнейшую работу по сбору дополнительных доказательств³¹. Если обвиняемый отказался от признания своей вины в суде, то суду предлагается прослушать звукозапись с его показаниями на предварительном следствии.

Как уже указывалось в юридической печати, анализ практики применения фонограммы в судебном исследовании подтверждает, что в суде иногда вводятся звукозаписи в тех случаях, когда подсудимый меняет показания. Вместо того чтобы выяснить на основе дополнительного исследования материалов дела причину изменения показаний, некоторые суды оглашают только фонограммы этих показаний на предварительном следствии, используют их как дополнительную улику против подсудимого³².

Было бы целесообразно дать судам необходимые разъяснения по поводу того, когда звукозапись не имеет самостоятельного доказательственного значения, лишь мнимо увеличивая собранную совокупность доказательств, и не должна заменять в суде необходимое обоснование виновности.

Использование судом подобных «доказательств» для мнимого восполнения неполноты исследования и внешнего оправдания необоснованных выводов суда в приговоре материалами дела опасно тем, что с течением времени утрачиваются действительные, подлинные доказательства, к исследованию которых суд не обращался, а неполнота исследования обстоятельств дела из восполнимой может превратиться в невосполнимую. Поэтому при оценке совокупности доказательств по делу, их количества и качества необходимо каждый раз особое внимание к вопросу о том, достаточна ли собранная совокупность доказательств по их количеству и качеству, исключая все то, что может быть лжеоснованием, лжедоказательством, остается ли возможность вынести обоснованный обвинительный приговор, не будь в материалах исследования данных, неправильно характеризующихся как «улики поведения» или являющихся результатом неправильного применения магнитофона и неправ-

³¹ Г. Ариушкин. Внедрение научно-технических средств в практику расследования преступлений.—«Социалистическая законность», 1968, № 1, стр. 53.

³² С. Ромазин. Научную организацию труда — в судебные органы.—«Социалистическая законность», 1969, № 8, стр. 18; Л. Д. Кокорев. Подсудимый в советском уголовном процессе, стр. 131.

вильного использования для обора доказательств «выхода на место».

Только такой подход суда соответствует его обязанности критически оценить все собранные материалы дела и может предотвратить вынесение ошибочного приговора.

§ 4. Характер необоснованных завершающих решений суда

Встречающееся иногда некритическое отношение суда к материалам и выводам органов расследования и обвинения, которое в ходе судебного исследования приводит к неполноте судебного следствия, неравному отношению суда к позициям обвинения и защиты, к признанию доказанным недостаточно обоснованного обвинения при вынесении приговора и использованию для его обоснования мнимых доказательств, отрицательно влияет и на характер завершающих решений суда в тех случаях, когда суд находит, что оснований для вынесения обвинительного приговора недостаточно³³.

Возвращение судами уголовных дел для доследования — один из показателей степени критического анализа судами выводов предварительного расследования. Увеличение дел, возвращаемых из первой судебной инстанции для производства расследования, само по себе и в особенности в сопоставлении с процентом возвращения на доследование после отмены приговоров, если первое растёт больше, чем второе, — один из существенных показателей критического отношения суда к представленным материалам следствия. Именно такую общую тенденцию подтверждают данные статистики³⁴.

Вместе с тем, очевидно, еще не все благополучно в практике принятия судами решений о дополнительном расследовании.

При анализе этой практики необходимо принимать во внимание, что часть определений народных судов о возвращении дел для доследования отменяется в кассационном порядке; из года в год около половины протестов прокуратуры на такого рода определения удовлетворяется. На наш взгляд, имеется противоречие между настойчивыми требованиями кассационных инстанций не выносить приговоры по недоисследованным материалам дела и случаями, когда эти инстанции необоснованно становятся на позицию (следственных органов и прокуратуры, удовлетворяя частные протесты.

Значение этого противоречия подчеркивается тем обстоятельством, что сами вышестоящие инстанции возвращают для доследования довольно большое количество уголовных дел.

Характеристика неправильных выводов суда при вынесении обвинительного приговора дана в гл. III, IV, VII и § 1, 2 данной главы. Динамика возвращения судами дел на доследование по всему Советскому Союзу в сопоставлении результатов рассмотрения дел в первой и вышестоящих инстанциях дана в гл. III.

В отдельных республиках более 7з, а иногда и до 1/2 дел, возвращенных для доследования, приходится на вышестоящие инстанции. Это те случаи, когда суды первой инстанции вынесли приговоры по недоследованным материалам, некритически отнеслись к выводам предварительного следствия.

В свете изложенного следовало бы подчеркнуть, что невозвращение дела для доследования из суда первой инстанции, повлекшее вынесение необоснованного приговора⁴ представляет гораздо большую опасность, чем некоторая «перестраховка», проявляемая отдельными судами при решении вопроса о доследовании. Представляется, что вышестоящий суд, рассматривая частные протесты, не должен навязывать суду первой инстанции свое убеждение относительно достаточности доказательств для вынесения приговора; он может высказаться только о том, имеется ли возможность устранить в судебном заседании пробелы предварительного следствия и выяснить без доследования все сомнительные обстоятельства. Если строго руководствоваться этими критериями, то необоснованная отмена определений о возвращении дел для доследования будет сведена к минимуму³⁵. Это ориентировало бы суды первой инстанции на глубокую критическую оценку материалов расследования. <В то же время в связи с задачей возможно раньше выявлять недостатки следствия и не принимать плохо расследованные дела к судебному производству возникает и вопрос об обеспечении надлежащего качества доследования, что, безусловно, связано с проблемой повышения эффективности правосудия. Нередки случаи, когда это качество бывает низким, что приводит к повторному возвращению дел для доследования, а иногда и к вынесению недостаточно обоснованных приговоров при новом (после доследования) судебном разбирательстве.

Вот яркий пример такой ситуации. Киевский областной суд дважды приговаривал Ш. к смертной казни по п. «к» ст. 93 УК УССР, и дважды приговоры отменялись Верховным судом УССР с натр явлением дела на дополнительное расследование. После вторичного доследования дело было принято к производству Верховным судом УССР, который в третий раз вернул дело в прокуратуру для доследования. Оно завершилось прекращением дела, так как вина обвиняемого не была установлена!

Низкое качество доследования и в силу этого неоднократное представление в суд уже отвергнутых им однажды материалов расследования, почти не пополняемых в период доследования, поскольку следственные органы зачастую не выполни-

Вопрос об опротестовании и отмене определений распорядительных заседаний о возвращении дел для доследования является дискуссионным. Одни авторы, на наш взгляд, не без оснований предлагают в какой-то мере ограничить право прокуратуры на опротестование такого рода определений (М. С. Строговин. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968, стр. 384), другие выступают за сохранение этого права без всяких ограничений (И. М. Гальперин. Возвращение уголовных дел на доследование. М., 1960, стр. 5)б).

ют рекомендации суда, не только усугубляет опасность (судебной ошибки, во и каждый раз все больше затрудняет для суда возможность добиться исправления ошибки, допущенной в следственных органах.

Такая упорная позиция органов расследования в определенной мере объясняется тем, что во многих случаях проведение доследования поручают тому же следователю, который расследовал дело в первый раз. На практике это объясняют обычно такими соображениями: новый следователь не знает дело так хорошо, как прежний, и ему потребовалось бы много времени для ознакомления с делом (особенно многотомным); во многих прокуратурах только один следователь, поэтому привлечение к доследованию нового следователя связано с отрывом его от постоянного места работы; проведение доследования прежним следователем нередко рассматривается как его долг, обязанность преодолеть возникшие трудности и добиться установления состава преступления по делу.

Эти доводы не убеждают. Представляется, что для повышения качества предварительного следствия и создания у судей уверенности в действенности усилий при возвращении дела на доследование, в результативности осуществленной ими критики расследования было бы желательно установить в законе, что доследование не может проводиться прежним следователем, подобно тому как недопустимо новое рассмотрение дела судьей, участвовавшим в вынесении отмененного приговора.

Следователь, передавший дело в суд, твердо убежден в виновности обвиняемого, ему представляется, что расследование проведено полно- и объективно, что обвинительные выводы достаточно подтверждаются собранными доказательствами. Отказаться от этого убеждения в связи с указанием суда о проведении доследования следователю чрезвычайно трудно. Скорее, напротив, проводя доследование, он убежден в неправоте суда, отказавшегося вынести или оставить в силе приговор, продолжает вести с ним спор по поводу обоснованности обвинения, поэтому указания суда о восполнении пробелов расследования нередко принимаются таким следователем «в штыки», подвергаются критике, расцениваются как проявление излишней осторожности или даже робости суда, порождающей волокиту, поэтому они выполняются формально, без энтузиазма, а то и вовсе не выполняются.

Не только объективная трудность дела, возвращенного для доследования, но и субъективное отношение следователя к решению вопроса,— нужно ли само доследование,—объясняют распространенность случаев, когда доследование проводится некачественно. Возвращение же дела для повторного доследования связано с особой, повышенной ответственностью суда. Некоторые судьи стремятся избежать этой ответственности и

выносят обвинительные приговоры по недоисследованным материалам дела. Одним из «средств предотвращения этого и явилось бы введение в ст. 64 УПК РСФСР запрета поручать дознание прежнему следователю. При этом ничего плохого нет в том, что новый следователь потратит много времени на изучение дела перед дознанием. Наоборот, это будет способствовать большей объективности при проведении дознания. Что касается долга следователя добиться установления истины, то он оказался невыполненным при первом расследовании, поэтому в интересах дела лучше будет возложить этот долг на другого следователя, лишеного какого бы то ни было предубеждения по делу. Этот следователь должен быть, как правило, более квалифицированным, чем предыдущий.

Другой показатель критического отношения суда к выводам предварительного следствия, отражающийся в конечном решении суда,— это оправдательный приговор. Вынесение оправдательного приговора сопряжено с обнаружением и преодолением серьезных ошибок, допущенных на предварительном следствии. Обоснованный оправдательный приговор — свидетельство высокого авторитета правосудия, его независимости, несвязанности выводами следственных, прокурорских и иных органов.

Чтобы определить, насколько количество оправдательных приговоров может характеризовать уровень критического отношения суда к представленным материалам расследования, необходимо выделить основные факторы, которыми определяется рост или уменьшение оправданий в суде.

Количество оправдательных приговоров зависит по крайней мере от двух факторов: от качества предварительного следствия и уровня требовательности суда к органам предварительного следствия. Уменьшение количества оправдательных приговоров может быть вызвано повышением качества предварительного следствия при неизменном уровне требовательности судов; понижением требовательности судов при неизменном качестве предварительного следствия или одновременным действием в указанных направлениях обоих факторов.

Однако пока еще не может быть применен для оценки этих (как и многих других) правовых явлений количественный факторный анализ, так как не разработаны точные количественные характеристики таких понятий, как «качество предварительного следствия», «уровень требовательности судов» и др. Поэтому необходим логический качественный анализ состояния следственной и судебной работы. В связи с этим закономерен вопрос: не является ли небольшое число оправдательных приговоров указанием на то, что суды не повышают ИЛИ недостаточно повышают требования к качеству предварительного следствия и недостаточно критически анализируют его выводы. Некоторые данные в пользу этой гипотезы имеются.

1. Об этом свидетельствует отсутствие достаточно выраженной тенденции к сокращению количества обвинительных приговоров, признаваемых ошибочными.

Поскольку общее количество отмененных оправдательных и отмененных обвинительных приговоров составляло в последние годы соответственно 3 и 97%, то общий процент отмены приговоров, определяемый от всех вынесенных судами приговоров за год, отражает положение дел с отменой преимущественно обвинительных приговоров. В ряде союзных республик (можно назвать Белорусскую, Узбекскую, Казахскую, Молдавскую, Киргизскую, Таджикскую, Армянскую ССР) этот процент довольно стабилен.

При этом значительная часть ошибок суда первой инстанции — невыявленные следственные ошибки, что влечет возвращение дел после отмены приговора на дополнительное расследование и прекращение дел в вышестоящих судах за отсутствием состава преступления и недоказанностью участия подсудимого в совершении преступления.

Эти прекращенные дела определяют минимальный объем оправдательных приговоров, от вынесения которых суд необоснованно отказался. Кроме того, некоторое количество дел, возвращенных на дознание, также заканчивается прекращением в период дополнительного расследования. Эти дела также обнаруживают в ряде случаев основания для оправдания в суде, поскольку суд первой инстанции иногда может и сам путем проведения ряда процессуальных действий убедиться в том, что неполнота исследования по делу является невозможной.

2. Большое количество следственных ошибок не всегда вскрывается судами не только первой, но и кассационной инстанции, в связи с чем надзорный порядок пересмотра дел приобретает в некоторых союзных республиках большой удельный вес, в порядке надзора обнаруживается до 40—50% судебных ошибок, причем примерно 73 из них воспроизводит следственные ошибки. Например, из всех приговоров, отмененных надзорными инстанциями УССР в 1967 г., 42,5% отменены из-за ошибок предварительного следствия, причем более 32% дел были возвращены на новое расследование и более 8% дел прекращены за отсутствием события, состава преступления или недоказанностью участия осужденного в совершении преступления. Это также указывает на недостаточную требовательность судов первой и второй инстанций к выводам предварительного следствия и, значит, на невыявленный ими резерв оснований для вынесения оправдательных приговоров.

3. Медленное сокращение (в процентах) количества дел, возвращаемых судами для дознания (см. гл. IV), свидетельствует о том, что качество предварительного следствия не

намного лучше. Тем не менее количество оправдательных приговоров уменьшилось (см. гл. IV)/что дает основание связать это явление с недостаточной требовательностью судов к обоснованию обвинительных выводов органов расследования. Особенно на это указывает неуклонно уменьшающееся число (в процентах) дел, возвращаемых для доследования из кассационных и надзорных инстанций, по которым суды первой (инстанции) не выявили следственных ошибок.

4. Еще один показатель, указывающий на то, что качество предварительного расследования требует более строгой оценки его результатов судами и, следовательно, не выступает как основная причина снижения количества оправдательных приговоров,— частные определения судов на нарушения закона в период расследования.

Для анализа важно отдельно рассматривать вопрос о вынесении таких определений судами первой и второй инстанций. В вышестоящих судебных инстанциях сохраняется в последние годы значительный удельный вес определений на нарушения закона по отношению ко всем вынесенным ими частным определениям. Так, в областных судах УССР 41,8% от общего количества частных определений в 1967 г. были вызваны нарушениями закона в органах расследования. Между тем суды первой инстанции часто проходят мимо таких нарушений. В УССР частные определения народных судов на нарушения закона составляли в 1966 г. лишь 7,2%, а в 1967 г.— 10% к общему количеству вынесенных этими судами частных определений. Это дает определенное основание утверждать, что суды, поскольку они проходят мимо таких нарушений, выявляемых в значительно большей степени вышестоящими судами, не предъявляют достаточно высоких требований к качеству расследования вообще и могут оставить без внимания не только отступления от закона в процессуальном порядке расследования, но и пробелы в его выводах, дающие основание для вынесения оправдательных приговоров.

В связи с этим было бы желательно указать в уголовно-процессуальном законе, что вынесение частного определения при наличии к тому оснований есть не только право, но и обязанность суда. Такое правило способствовало бы большей активности суда в критическом анализе представленных материалов расследования и помогало бы ориентировать суд на преодоление не критического отношения к его выводам.

5. О том что суды не выявляют все случаи, дающие основания для вынесения оправдательных приговоров, (свидетельствуют имеющие место в судебной практике стремления к неосновательной замене оправдания возвращением дела для доследования.

Суды как бы предоставляют возможность органам расследования и прокуратуре самим прекратить дело после передачи

его на доследование, хотя уже в судебном заседании видно, что совершение обвиняемым преступления не доказано и должен быть вынесен оправдательный приговор.

Так, по делу Ш. установлено, что она покупала дорогие импортные вещи, которые были изъяты у нее при обыске, а небольшая часть приобретенного была ею перепродана. В деле есть справка о зарплате Ш. (300 рублей) и зарплате семи ее дочерей, живущей в г. Воркуте (600 рублей). В суд были представлены письма дочери с заказами на приобретенные различные вещи и талоны на денежные переводы. Показания Ш. о том, что часть приобретенных вещей была ею продана лишь потому, что эти вещи оказались не нужны дочери, получили подтверждение. При таких обстоятельствах в действиях Ш. отсутствовал состав преступления (спекуляции), в связи с чем суд обязан был вынести оправдательный приговор. Однако дело было направлено на доследование под предлогом устранения противоречий в показаниях свидетелей о разнице в цене при приобретении и перепродаже одной из вещей (эта разница составляла всего два рубля). При дополнительном расследовании дело было прекращено.

Такого рода практика незаконна, она ущемляет права и интересы граждан (в частности, обвиняемых, содержащихся под стражей). Она свидетельствует о недостаточной требовательности судов к необоснованным выводам следствия и в этой связи служит одной из причин снижения количества основательных оправдательных приговоров.

Наличие такой практики замены оправдательного приговора возвращением дела на доследование, связанной с тем, что суд интерпретирует обнаруженную им неполноту расследования как восполнимую, в то время как она имеет невосполнимый характер, выявляет, с одной стороны, недостаточный принципиальный позицию судов при решении вопроса о доказанности обвинения, нежелание обратиться в адрес органов расследования и обвинения с такой резкой критикой их выводов по делу, как полная реабилитация привлеченного ими к уголовной ответственности лица. В то же время, с другой стороны, это подчеркивает практическое значение теоретической разработки вопроса о разграничении оснований отмены приговоров по ст. 343 и 344 ЖЖ в связи с понятиями невосполнимых и невосполнимых недостатков и неполноты в доказывании, а также обосновывает необходимость обсуждения судом обстоятельств, подтверждающих тот или иной характер установленной им неполноты исследования по делу при выборе правильного решения, когда вынесение обвинительного приговора не обосновано.

6. Искусственное уменьшение количества выносимых оправдательных приговоров является также результатом обнаруживающейся иногда в судебной деятельности тенденции заменять вынесение оправдательного приговора при сомнениях в виновности и невозможности расширения доказывания по делу назначением подсудимому явно мягкой меры наказания. Как правило, это имеет место в случаях, когда было совершено

опасное преступление, вызвавшее возмущение общественности, • и собраны некоторые доказательства виновности подсудимого, однако их недостаточно для достоверных «выводов».

Так, Ф., в отношении которого первый обвинительный приговор отменила кассационная инстанция, был (вторично осужден приговором народного суда Фрунзенского района Кишинева в 1966 г. к 3 годам лишения свободы за то, что он на почве личных неприязненных отношений причинил тяжкие телесные повреждения гражданину Н., от которых последний умер. Народные заседатели, входящие в состав суда, участвуя в семинаре народных заседателей Кишинева, рассказали, что они не были уварены в виновности подсудимого, однако в конечном счете согласились на вынесение обвинительного приговора при условии, что будет назначена мягкая мера наказания. Эта мера, конечно, не соответствовала тяжести совершенного преступления, как оно установлено приговором, поэтому и второй приговор по делу был отменен.

Ни к чему, кроме волокиты, такая позиция судов не приводит, дело в конце концов получает законное разрешение.

Народный суд Червенского района Минской обл. осудил Ш. к одному году исправительных работ за причинение менее тяжких телесных повреждений. Потерпевший показал, что на улице утром к нему подбежал подсудимый и ударил его по голове колом. Подсудимый это отрицал, утверждая, что потерпевшего не видел вообще в это утро.

Суд установил, что потерпевший и подсудимый много лет враждовали между собой. Потерпевший преследовал подсудимого и провоцировал его на скандалы, потерпевшего трижды за такие действия предупреждали в органах милиции. Подсудимый, напротив, вел себя скромно и всячески избегал встреч с потерпевшим. В качестве вещественного доказательства по делу фигурировал кол, которым был нанесен удар. Кому принадлежал этот кол, не было выяснено ни на следствии, ни в суде. Приводя этот пример из судебной практики, старший следователь следственного управления МВД СССР М. Пранович писал в связи с позицией суда по данному делу: «При отсутствии очевидцев происшедшего и явной недоказанности вины подсудимого, суд решил вынести обвинительный приговор, пусть самый мягкий, но обвинительный»³⁶. Дальнейшая судьба этого «самого мягкого» обвинительного приговора обычна для таких случаев: он был отменен по жалобе потерпевшего из-за мягкости наказания. После этого подсудимого осудили к лишению свободы.

Однако вместе с кассационной жалобой на второй приговор в областной суд поступило сообщение от соседа осужденного Л., в котором говорилось, что в день, когда якобы было совершено преступление, к ним приходила 12-летняя дочь потерпевшего и рассказывала, что отец рубил дрова, ушиб голову, ему стало плохо и он уехал в больницу. Сообщение это не было проверено областным судом, который оставил приговор без изменения. Только Верховный суд республики отменил приговор по протесту прокурора республики и направил дело на новое расследование. И только через полтора года подсудимый был признан невиновным уже в период дополнительного расследования. Так боязнь принять на себя ответственность за новое, отличное от прежних, решение по делу порождает тяжелые по своим последствиям судебные ошибки.

М. Пранович. Плоды беспринципности.— «Социалистическая законность», 1969, III 10, стр. 29.

Схема 1
Основания отмены приговоров по ст. 343—344 УПК РСФСР

Все виды неполноты и односторонности предварительного и судебного следствия				Все виды несоответствия выводов суда обстоятельствам дела			
Не проведены необходимые процессуальные действия	Не допрошены свидетели	Не удовлетворены ходатайства	Не выполнены указания вышестоящего суда	Выводы не подтверждаются доказательствами	Не учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы	Не объяснено принятие противоречивых доказательств	Выводы в приговоре противоречивы

ч 2 о к к о к е о. и с		Общие причины неполноты и несоответствия		Код Х а Ч н	
Малая активность	исследовании	Неправильная оценка совокупности доказательств			
i		i			
Процессуальные проявления, причины, последствия					
Ложное направление. Искажения в направлении исследования		Ложные средства. Искажения в отношении к средствам и отдельным видам доказательств		Ложные результаты. Искажения в выводах суда	
i		Ф			
Нарушения принципа презумпции невиновности		Некритическое отношение к выводам расследования		Ошибки в оценке отдельных видов доказательств	
		Принятие лжедоказательств для обоснования выводов		Невозвращение дела на доследование при восполнении неполноты — обвинительный приговор	
Принимаются судом неполные материалы расследования		Неправильное использование магнитофона для записи показаний		Возвращение на доследование при невосполнимой неполноте — вместо оправдательного приговора	
Принимается необоснованный вывод следствия о доказанности обвинения		Неправильное проведение «выхода на место»		Необоснованный оправдательный приговор при восполнимой неполноте	
Материалы расследования проверяются неполностью		«Улики поведения»		Обвинительный приговор при невосполнимой неполноте — вместо оправдательного приговора	
				Вместо доследования или оправдания — мягкость наказания	

Плехови из рассмотренных видов процессуальных последствий по причин ошибочных приговоров при наличии неполноты установления или несоответствия ему выводов суда в приговоре, можно предложить данную структурную схему указанных искажений процессуальной деятельности (см. схему 1).

§ 5. Существенные нарушения процессуального закона

Выше были рассмотрены так называемые «фактические» основания отмены приговоров, связанные с искаженным установлением в суде самого существа дела. В настоящем параграфе речь пойдет о нарушениях установленной законом процессуальной формы как таковой, хотя, конечно, имеется в виду, что процессуальные нарушения очень часто влекут ошибки в выводах суда о фактах или ставят эти выводы под сомнение³⁷.

Значение процессуальной формы в деятельности суда. Деятельность суда при рассмотрении уголовных дел детально регламентируется уголовно-процессуальным законом. Предание обвиняемому суду и подготовительные действия к судебному заседанию, подготовительная часть судебного заседания и судебное следствие, судебные прения и последнее слово подсудимого, постановление приговора и его исполнение — все эти действия суда облечены в определенную процессуальную форму, которая закреплена в законе. В определенную форму облачаются и действия, совершаемые прокурором, адвокатом и гражданами, участвующими в производстве по уголовным делам.

Процессуальная форма — это не пустая формальность, а необходимое условие правильного рассмотрения судом уголовного дела. Она неразрывно связана с политическим содержанием деятельности суда, гарантиями прав и законных интересов всех участников процесса. Строгое и неуклонное соблюдение процессуальной формы — необходимое условие осуществления социалистического правосудия.

К сожалению, некоторые суды при рассмотрении уголовных дел допускают процессуальное упрощенчество, нарушают требования процессуального закона, что нередко ведет к вынесению неправосудных приговоров. На недопустимость этого неоднократно указывал Верховный Суд СССР.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» отмечалось, что «некоторые судьи считают допустимым так называемые незначительные отступления от требований процессуального закона, забывая о том, что неукоснительное соблюдение предусмотренной законом процессуальной формы является неременным условием ус-

³⁷ См. гл. II.

тановления истины по делу и принятия правильного решения».

На недопустимость нарушения требований процессуального закона указывается также и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре».

Задачами процессуальной формы являются осуществление социалистической законности в судебной деятельности, обеспечение правильности разрешения уголовных дел по существу и установление по ним истины, обеспечение общественно-воспитательного результата деятельности советского суда, обеспечение прав и законных интересов граждан³⁸.

Советский уголовный процесс устанавливает систему таких процессуальных гарантий, которые обеспечивают правильное осуществление задач социалистического правосудия по каждому уголовному делу.

(Процессуальные гарантии в советском уголовном процессе тесно связаны с советской социалистической законностью, являющейся основой деятельности советского суда. Социалистическая законность требует строжайшего соблюдения гарантий для граждан от неосновательного, незаконного их привлечения к уголовной ответственности, от неправильного предания суду и осуждения. Важнейшей задачей суда является обеспечение такого ведения уголовного процесса, чтобы в нем неуклонно соблюдались все требования закона, охранялись права и законные интересы участвующих в деле лиц, не допускалось ни малейшего отклонения от установленных законами процессуальных гарантий.

В. И. Ленин указывал, что суды обязаны «абсолютно соблюдать единые, установленные для всей федерации законы...»³⁹.

Значение процессуальных форм в деятельности суда очень высоко ценил М. И. Калинин, указывавший, что «форма, процессуальность в судебном деле имеет огромное, исключительное значение»⁴⁰.

Между тем, как показывает изучение судебной практики, нарушение уголовно-процессуального закона является одной из основных причин, влекущих отмену приговоров.

По данным нашего исследования (1968 г.) по 853 уголовным делам с отмененными приговорами было зафиксировано 265 существенных нарушений процессуального закона, которые сами по себе или вместе с другими основаниями послужили причиной отмены приговоров.

При повторении исследования по той же программе в 1969 г. по уголовным делам, по которым в отношении 950 лиц

М. С. Строговиц. Курс советского уголовного процесса, т. 1, стр. 51—52 & В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 45, стр. 198.
«2 сессия ЦИК СССР 2 созыва». Стеногр. отчет. М., Ш24, стр. 432.

Многие из них отменены, зафиксировано 365 существенных нарушений процессуального закона.

Таким образом, почти по каждому третьему делу с отменитим приговором допускаются существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

Если же за 100% принять все зафиксированные в анкетах упущения и нарушения судов первой инстанции, приведенных к отмене приговоров, то, как отмечалось в гл. III, на долю существенных нарушений уголовно-процессуального закона приходится 16%.

Какие же процессуальные нарушения наиболее часто допускаются судами, чем это вызвано и что необходимо для устранения их в будущем?

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые судами. Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона признаются такие нарушения требований УПК, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобраться в деле и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.

Вышестоящий суд в каждом конкретном случае должен решить вопрос, были ли вообще допущены какие-либо нарушения процессуального закона, являются ли эти нарушения существенными, повлияли ли они на исход дела и правильность приговора суда и повлекли ли они за собой стеснение и нарушение прав и законных интересов сторон в уголовном процессе⁴¹.

Некоторые нарушения уголовно-процессуального закона признаются УПК РСФСР и других союзных республик всегда ставящими законность приговора под сомнение и поэтому всегда считаются существенными. Установление вышестоящим судом такого нарушения закона при рассмотрении уголовного дела влечет обязательную отмену вынесенного по этому делу приговора. В юридической литературе такие нарушения называются безусловными основаниями отмены приговора (ст. 345 УПК РСФСР, ч. II).

Какие же существенные нарушения уголовно-процессуального закона наиболее часто допускаются судами?

Рассмотрим более подробно основания отмены приговоров, предусмотренные ч. II ст. 345 УПК РСФСР.

1. Приговор подлежит отмене во всяком случае, если судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 259 УПК РСФСР, уголовное дело не было прекращено.

В ряде случаев суд не вправе прекратить дело в судебном

⁴¹ «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая, стр. 267—290, 379—389.

заседании. Так, суд должен вынести оправдательный приговор, если будет установлено отсутствие события преступления, или отсутствие в деянии подсудимого состава преступления, или недоказанность участия обвиняемого в его совершении. В случаях истечения сроков давности или вследствие акта об амнистии, устраняющего применение наказания, суд должен вынести обвинительный приговор - с освобождением осужденного от наказания.

Изучение судебной практики показывает, что наиболее существенные ошибки суды допускают, осуждая лиц, в действиях которых нет состава преступления, или когда вообще отсутствует событие преступления, или не доказано участие подсудимого в совершении преступления. Обращает на себя внимание большая распространенность таких ошибок. По данным исследования 1968 г., из 265 существенных нарушений процессуального закона 91 (30,5%) приходится на указанные три случая, когда необходимо было вынести оправдательный приговор, но суд этого не сделал; из них в 41 случае (15,4%) в действиях осужденных отсутствовал состав преступления. По данным исследования, проведенного в 1969 г., из 365 существенных нарушений процессуального закона 138 (37,8%) приходится на указанные три случая, когда необходимо было вынести оправдательный приговор, но суд этого не сделал, из них в 79 случаях (21,6%) в действиях осужденных отсутствовал состав преступления.

Наличие ошибок подобного рода, по нашему мнению, зависит в основном от недостаточной квалификации судей и отсутствия у них необходимого опыта, когда судьи слепо идут за выводами обвинительного заключения. Характерно, как показывает изучение конкретных уголовных дел этой категории, что почти все такие дела рассматривались без участия прокурора и адвоката. Большинство таких ошибок допущено «молодыми» судьями, имеющими стаж работы 1—2 года. Большинство судей, допускающих подобные ошибки, не имеют высшего юридического образования. Так, из 9 народных судей Узбекской ССР, допустивших в 1967 г. осуждение лиц, в действиях которых отсутствовал состав преступления, 6 человек имели стаж (Судебной работы 1 год, 3 человека — 2 года. Из указанных лиц пятеро не имели высшего юридического образования.

2. Приговор подлежит отмене, если он вынесен незаконным составом суда.

Законным в судебной практике считается такой состав суда, когда председательствующий и народные заседатели избраны в установленном законом порядке именно в тот суд, который вынес приговор, и для отвода судей не было оснований, указанных в ст. 59 и 60 УПК РСФСР.

В судах не всегда тщательно проверяют полномочия народных заседателей, вызываемых в суд. В связи с этим в судеб-

поп пр.ікїїKf hhuїї случаи, когда в рассмотрении дела народным гуїїM принимали участие народные заседатели другого П;|M»M|N) или вышестоящего (областного) суда, а при рас- . лимрпшп дела областным судом — народные заседатели на- питоого суда.

Иногда при повторном рассмотрении дела судом первой инстанции после отмены первоначального приговора в состав этого суда входили судьи, участвовавшие в первом рассмотре- нии дела по первой инстанции, в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, что недопустимо и является без- условным основанием к отмене приговора.

Незаконным также будет состав суда и в том случае, если было нарушено правило о неизменности состава суда (ст. 241 УПК РСФСР).

Вологодский областной суд 8 февраля 1967 г. при рассмотрении в касса- ционном порядке дела П. и К., осужденных приговором Никольского район» НОЮ суда от 11 января 1967 г. за хулиганство, указав в своем определении, что приговор народного суда не может быть оставлен без (изменения, по- скольку народным заседателем был Р.—отец потерпевшей по делу, который согласно ст. 19 УПК РСФСР не мог участвовать в рассмотрении дела. Это наглядный пример отмены приговора ввиду незаконного состава суда.

Нарушения подобного рода сравнительно редки в судебной практике. По данным социологического исследования за 1968 г., лишь 5 приговоров из 265 и за 1969 г.— 11 приговоров из 365 были отменены по этим основаниям. Как правило, это дела, при рассмотрении которых кто-либо из состава суда был ч.-иптпчнчжшп в рассмотрении дела. Иногда такой член суда скрынлгг тго обстоятельство или не придает ему значения, а лица, которым это известно (подсудимый, адвокат, потерпев- ший и т. д.) не заявляют ему отвод в ходе судебного разбира- тельства и лишь после вынесения приговора указывают на эти обстоятельства в кассационной жалобе.

Чтобf,i -полностью устранить подобного рода ошибки, судьи должны лучше, знать народных заседателей. Перед тем как до- пустить народных заседателей к исполнению своих обязанно- стей, необходимо тщательно проверять их полномочия, разъ- яснять им требования закона и перед рассмотрением каждого уголовного дела выяснять у них, не имеют ли они какой-либо причастности к данному делу или к кому-либо из лиц, участ- вующих в нем.

3. Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого в случаях, не предусмотренных законом, влечет отмену приговора.

Участие подсудимого в судебном заседании является гаран- тией его прав и гарантией правильного осуществления правосу- дия, поэтому закон признает явку подсудимого в судебное заседание суда первой инстанции обязательной по всем уго- ловным делам.

Ст. 246 УПК РСФСР предусматривает лишь два основания

110

для рассмотрения дела >в отсутствие подсудимого: нахождение подсудимого вне пределов СССР и уклонение его от явки в суд; ходатайство подсудимого о разбирательстве дела в его отсутствие по делам о преступлениях, за которые не может быть назначено лишение свободы.

Изучение судебной практики показывает, что суды не все- гда учитывают, что один факт нахождения подсудимого вне пределов СССР не является еще основанием для заочного рас- смотрения дела; необходимо, чтобы было установлено, что подсудимый знал о месте и времени судебного разбира- тельства его дела и уклонился от явки в суд. Только совокупность этих двух моментов дает основание суду рассматривать дело в отсутствие подсудимого.

Другой ошибкой судов в этих случаях является то, что су- ды не всегда требуют, чтобы ходатайство подсудимого о раз- бирательстве дела в его отсутствие исходило только от него, излагалось в письменном виде с подробным изложением при- чин невозможности явки или нежелания явиться в судебное заседание. Но и при этих условиях такое ходатайство может быть удовлетворено судом лишь при наличии двух условий: когда оно заявлено по делу о преступлении, за которое не мо- жет быть назначено лишение свободы, и когда суд признает, что «имеющихся в деле доказательств достаточно для проведе- ния судебного 'разбирательства IV отсутствие подсудимого.

Изучение судебной практики показывает, что в настоящее время суды РСФСР и других союзных республик практиче- ски вообще не рассматривают уголовных дел в отсутствие под- судимых.

Так, в 1968 г. из упомянутых выше 265 процессуальных на- рушений лишь четыре относятся к этому основанию, а в 1969 г. из 365 нарушений — только один.

4. Приговор суда подлежит обязательной отмене, если дело рассмотрено без участия защитника в тех случаях, когда по закону его участие обязательно.

Случаи обязательного участия защитника в судопроизвод- стве предусмотрены ст. 49 УПК РСФСР.

Следует отметить, что процессуальные нарушения подобного рода довольно распространены в судебной практике.

Как правило, обеспечивая участие защитника во всех слу- чаях, предусмотренных ст. 49 УПК РСФСР и соответствующи- ми статьями УПК других союзных республик, суды часто за- бывают, что не всякий отказ от защиты может повлечь за со- бой освобождение защитника от участия в судебном разбира- тельстве.

В ряде случаев подсудимый отказывается от-защиты, не зная, что судебное разбирательство будет происходить с уча- стием государственного или общественного обвинителя и цело- го ряда других обстоятельств, обуславливающих обязательное

у:irnir «.пиитика; во всех этих случаях отказ от защитника при ш;h-1сч недействительным.

НiyiriMio судебной практики показывает, что наиболее ра-с-прм! гр;шенным существенным нарушением уголовно-процессу-;lмного закона являются такие случаи, когда один защитник осуществляет защиту двух или более подсудимых, между интересами которых имеются противоречия. Так, по данным исследования за 1968—1969 г., из 630 приговоров, отмененных ввиду допущенных судами существенных нарушений уголовно-процессуального закона, 20%, т.е. каждый пятый приговор, был отменен по указанному выше основанию.

Например, Президиум Верховного «суда Марийской АССР 6 мая 1967 г. отменил приговор Моркинского районного народного суда по делу Г., Н., М., Сад. и Сав., осужденных за хулиганство, и направил дело на новое рассмотрение. Основанием к отмене приговора явилось то обстоятельство, что защиту всех осужденных в судебном заседании осуществлял только один ад» воклт, тогда как Г., П. и Сад. частично признавали свою вину, а Сав. и М. шшовшьмм себя вообще не признавали и утверждали, что Г., Н. и Сад. их оговаривают.

По -пям же основаниям были отменены: приговор Светлогорского городского народного суда Калининградской области от 21 марта 1967 г. по делу С, М. и Д.; приговор Лургазинского районного народного суда Башкирской ЛССР от 24 апреля 1967 г. по делу Н. и О. и многие другие.

Представляется, что в этих случаях большая доля вины за •существенные нарушения уголовно-процессуального закона лежит по только на судах, допустивших указанные нарушения, П» и пч imtvix ;jiiuHT.iraKaх, принявших она себя защиту подсудимых, между интересами которых имеются противоречия.

Изучение коник ретлых уголовных дел этой категории показывает, что наиболее часто рассматривались без участия защитника, когда по закону его участие было обязательным, дела о хулиганстве (1968 г.— 56%). Представляется, что это вызвано существующим у некоторых судей ошибочным мнением, что несложный, как правило, характер таких дел позволяет им Рассматривать их в ускоренном темпе, без соблюдения всех требований уголовно-процессуального закона. На практике такой поспешность и игнорирование требований уголовно-процессуального закона почти всегда ведут к судебным ошибкам и отмене приговора.

5. Безусловно отмену приговора влечет нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора.

Тайна совещания судей является одним из необходимых условий, гарантирующих осуществление принципа независимости судей и подчинения их только закону.

Изучение судебной практики, данные опроса народных судей показывают, что судьи иногда допускают присутствие в совещательной комнате во время совещания посторонних лиц. При тгом судьи забывают, что для отмены приговора в связи с нарушением тайны совещания судей достаточно самого факта

присутствия в совещательной комнате в момент постановления приговора любого лица, не входящего в состав суда, и вышестоящий суд в данном случае даже не обязан входить в обсуждение вопроса, имело ли место постороннее влияние на судей

или нет. Нередко судьи забывают, что для обеспечения свободного высказывания заседателями своих суждений по делу, никто, кроме судей, не должен знать, что происходило в совещательной комнате.

В последнее время нарушения тайны совещания судей в судебной практике встречаются крайне редко. Так, из упомянутых выше 630 приговоров лишь 4 были отменены по этим основаниям.

Однако эти успокаивающие на первый взгляд данные не дают полной картины по этому очень важному вопросу. Так, из 2400 судей, опрошенных в 1968 г. по вопросу, обеспечивают ли условия ш работы в совещательной комнате тайну совещания судей, 559 (23,3%) ответили отрицательно. При этом большинство из этих судей допускали судебные ошибки.

Представляется, что на это обстоятельство должны обратиться самое серьезное внимание органы Министерства юстиции, партийные и советские органы на местах и принять все меры для создания судьям нормальных условий для работы.

6. Основанием для безусловной отмены приговора является неподписание его кем-либо из судей.

Судебный приговор является актом социалистического правосудия, в котором подводится итог расследования и судебного рассмотрения по уголовному делу. К его составлению и оформлению закон предъявляет ряд особых условия

Судьи иногда забывают, что приговор должен быть написан одним из судей, председательствующим или народным заседателем, входящим в состав суда, и он должен быть составлен и написан полностью в совещательной комнате. Бее изменения и исправления можно вносить в приговор только в совещательной комнате. Судьи подписывают приговор также только в совещательной комнате. Приговор подписывается §семи судьями, в том числе и судьей, оставшимся при особом мнении. Только после подписания приговора всеми судьями он может быть провозглашен.

Судебная практика показывает, что случаи неподписания приговора кем-либо из судей также крайне редки. Из упомянутых 630 дел с приговорами, отмененными в связи с допущением нарушений процессуального закона, лишь по 10 делам причиной отмены приговора явилось неподписание его^ одним, из судей. Как правило, это результат небрежности судей.

7. Отсутствие в деле протокола судебного заседания лишает вышестоящий суд возможности проверить законность и обоснованность приговора, соблюдение требования закона о

том, что суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании, а поэтому также является безусловным основанием отмены приговора.

В юридической литературе высказываются мнения что неподписание протокола судебного заседания председательствующим или секретарем, его неправильное оформление должно приравниваться к отсутствию протокола и считаться безусловным основанием для отмены приговора⁴².

Представляется, что такое мнение ошибочно и не соответствует закону. В данном случае следует полностью согласиться с А. я. Труновым, что неподписание протокола председательствующим или секретарем свидетельствует не об его отсутствии а о том, что он не оформлен до конца⁴³.

Согласно закону, протокол судебного заседания должен быть изготовлен и подписан не позднее чем через трое суток по окончании судебного заседания. После этого обвинитель защитник, подсудимый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители имеют возможность ознакомиться с протоколом и подать свои замечания которые рассматриваются судом и в случае их правильности приобщаются к протоколу судебного заседания. Следовательно, закон разрешает исправлять те или иные неточности, допущенные в протоколе судебного заседания.

Поэтому если в вышестоящий суд поступит дело с протоколом судебного заседания без подписи судьи или секретаря то оно должно быть возвращено в суд первой инстанции для надлежащего оформления протокола. Иное ведет к излишнему формализму и волоките.

В судебной практике случаи отсутствия в деле протокола судебного заседания или его неподписания также очень редки

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона влекущие возвращение дела на исследование. Представляется что многие суды недооценивают такую очень важную стадию в работе суда, как предание обвиняемого суду. Изучение судебной практики показывает, что в большинстве случаев предание суду носит формальный характер, а между тем именно на этой стадии суд имеет большие возможности для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в стадии предварительного расследования. Почти все существенные нарушения процессуального закона допущенные на предварительном следствии, могут быть выявлены в стадии предания суду.

Поскольку закон разграничивает компетенцию органов до-

⁴². Д/да. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. М., 1968,

знания и предварительного следствия, следователей органов МВД, прокуратуры и КГБ, нарушение требований закона о подследственности, по нашему мнению, должно являться основанием к возвращению дела на дополнительное расследование, если следователь данного ведомства, согласно закону, не имел права вести предварительное следствие по делу о данном преступлении или лице. Здесь можно указать три наиболее грубых нарушения уголовно-процессуального закона: 1) производство дознания вместо предварительного следствия; 2) производство сотрудником органов дознания по делам, находящимся в производстве следователя, основных или принципиально важных следственных действий, которые по закону должны быть выполнены самим следователем; 3) производство следователями органов МВД расследования по делам, отнесенным к компетенции следователей прокуратуры.

Эти нарушения уголовнопроцессуального закона иногда объясняют и даже оправдывают возросшим уровнем подготовки сотрудников органов дознания и следователей органов МВД. По нашему мнению, такие объяснения совершенно несостоятельны, так как законодатель в данном случае исходил не из степени подготовки сотрудников тех или иных органов, а из их правового положения.

В тех случаях, когда суд установит, что в нарушение требований ст. 26 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик не объединены уголовные дела, представляется, что он должен такие дела также вернуть на дополнительное расследование, если по этим делам имеется связь между формулировками обвинения по фактическим обстоятельствам или от объединения этих дел зависит квалификация деяний. Если же таких условий нет, суд может объединить их сам.

Для того чтобы обвиняемый мог воспользоваться процессуальными правами, лицо, производящее расследование, обязано ему их разъяснить. Невыполнение требований ст. 46 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик о разъяснении обвиняемому прав следует считать существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим возвращение дела на дополнительное расследование. Если же обвиняемому не было разъяснено какое-то одно право (или несколько), то вопрос о возвращении дела на дополнительное расследование должен решаться в зависимости от того, насколько это нарушение повлияло или могло повлиять на полноту расследования и на защиту законных интересов обвиняемого.

Лицо, пострадавшее от преступления, сможет стать участником расследования и воспользоваться своими правами, если оно будет признано потерпевшим. Непризнание лица потерпевшим может явиться основанием для возвращения дела на до-

исследование. При разрешении этого вопроса «ули должны исходить из того, насколько невынесение такого постановления повлияло или могло повлиять на установление истины по делу и на защиту законных интересов потерпевшего. Как же должен решаться вопрос и в случаях, когда не вынесено постановление о признании лица гражданским истцом или гражданским ответчиком.

Существенным нарушением уголовно-процессуального закона, которое должно повлечь возвращение дела на дополнительное расследование, является невынесение постановления о привлечении и качестве обвиняемого и непредъявление лицу обвинения.

По нашему мнению, суд должен направить дело на дополнительное расследование, если в постановлении о привлечении и качестве обвиняемого: а) неполно и неконкретно отражены установленные по делу факты, имеющие уголовно-правовое значение; б) при привлечении к ответственности за совершение нескольких преступлений, подпадающих под признаки разных статей уголовного закона, не указано, какие именно действия вменяются в вину по каждой из этих статей; в) при привлечении к ответственности соучастников преступления не индивидуализирована формулировка обвинения; г) имеются противоречия между формулировкой обвинения и юридической квалификацией.

Большое значение для правильного разрешения дела в суде имеет обеспечение обвиняемого в предусмотренных законом защитником и стадии предварительного расследования. Если суд и подготовительном заседании установит нарушения уголовного-процессуального закона в этой области, он имеет основания для направления дела на дополнительное расследование. По нашему мнению, суд должен вернуть дело на дополнительное расследование, если: а) обвиняемому не было разъяснено право иметь защитника; б) при наличии ходатайства обвиняемого о допуске защитника последний в предварительном следствии не участвовал; в) обвиняемому, находящемуся под стражей, отказано в допуске указанного им защитника по мотивам отсутствия договорных отношений на участие этого защитника; г) обвиняемый, находящийся под стражей, лишен возможности воспользоваться услугами защитника, приглашенного по его поручению родственниками или законным представителем.

Очень большое значение для охраны прав и законных интересов обвиняемого, а следовательно, и для объективного рассмотрения дела в суде, имеет то обстоятельство, насколько полно ознакомлен обвиняемый со всеми материалами уголовного дела. Поэтому, чтобы не допустить судебной ошибки при рассмотрении дела, суд может, по нашему мнению, направить дело на дополнительное расследование, если: а) обвиняемый

не ознакомлен с материалами дела или некоторыми из них; б) нарушено право обвиняемого знакомиться с материалами дела, относящимися к другим обвиняемым; в) обвиняемый, не владеющий языком, на котором ведется расследование, лишен права воспользоваться услугами переводчика.

Представляется, что такое повышение требовательности со стороны судов к органам предварительного расследования и к соблюдению этими органами требований уголовно-процессуального закона обязательно приведет к сокращению судебных ошибок и будет способствовать воспитанию и у самого суда необходимости строгого выполнения требований закона.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона в УПК союзных республик (сравнительный анализ). Следует отметить, что круг безусловных оснований отмены приговоров весьма различен в УПК союзных республик. При этом УПК РСФСР, на наш взгляд, охватывает не все обязательные основания отмены приговоров.

По нашему мнению, одним из таких оснований должно являться рассмотрение дела с нарушением принципа национального языка судопроизводства, в частности, без переводчика, если по закону его участие обязательно (большинство УПК других союзных республик такое основание содержит). Это основание, например, предусмотрено в УПК Грузинской ССР (ст. 355), Азербайджанской ССР (ст. 358), Молдавской ССР (ст. 325), Киргизской ССР (ст. 348) и Таджикской ССР (ст. 349). УПК Украинской ССР (ст. 370), Литовской ССР (ст. 386), Латвийской ССР (ст. 343), Эстонской ССР (ст. 310) формулируют его как рассмотрение дела без участия переводчика в случаях, когда подсудимый не владеет языком, на котором велось судопроизводство. УПК Казахской ССР (ст. 330) и Туркменской ССР (ст. 356) предусматривают, что во всех случаях нарушения правил о языке судопроизводства приговор подлежит обязательной отмене.

Для такой многонациональной республики, как РСФСР, закрепление этого принципа в УПК представляется необходимым.

Обязательным основанием отмены приговора должно являться и отсутствие заключения эксперта по делу, по которому проведение экспертизы согласно закону обязательно. Такие основания предусматриваются, например, в УПК Литовской ССР (ст. 386) и в УПК Эстонской ССР (ст. 310).

Обязательным основанием для отмены приговора, которым необходимо дополнить ст. 345 УПК РСФСР, по нашему мнению, должно быть невручение подсудимому копии обвинительного заключения. Это предусмотрено в УПК Киргизской ССР (ст. 348), а УПК Эстонской ССР (ст. 310) идет еще дальше, считая обязательным основанием отмены приговора несвоевре-

подсудимому копии обвинительного, заключения

Гц и ньпюды подтверждаются нашим исследованием.

1-iv, в 1968 г. из 265 существенных нарушений уголовно-процессуального закона 56 (или 21%) приходится на указанные выше три основания (нарушение принципа национального языка судопроизводства; непроведение экспертизы, когда она была необходима; невручение или несвоевременное вручение обвиняемому копии обвинительного заключения). В 1969 г. из 365 соответствующих нарушений к этим же основаниям относится 07 нарушения (или 18%). Интересно, что в основном отмеченные нарушения процессуального закона допускаются в РСФСР и в других союзных республиках, в которых они не указаны в УПК как существенные нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие обязательную отмену приговора.

Вообще следует отметить, что указанные в УПК в качестве оснований отмены приговоров существенные нарушения уголовно-процессуального закона допускаются судами лишь в единичных случаях. Большинство же отмен приговоров ввиду процессуальных нарушений приходится на такие процессуальные нарушения, которые в качестве оснований отмены приговоров прямо законом не предусмотрены и которые признаются таковыми ЛИШЬ (судебной практикой. Эта важная закономерность, на наш взгляд, (свидетельствует об огромной профилактической (в смысле предубеждения судебных ошибок) силе уголовно процессуального закона и о необходимости (расширить " ^{хпц} РСФСР и некоторых других союзных республик круг ирпигогу.ч.чипых иКируйиКМипи, которые влекут обязательную отмену ирмиОНОиKi.

По нашему мнению, такое расширение обязательных оснований отмены приговоров будет способствовать дальнейшему укреплению социалистической законности при расследовании и рлегшп'решш в судах уголовных дел, предупреждению и упрппгпню судебных ошибок.

Глава IX

ОШИБКИ СУДА В ОЦЕНКЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1, Ошибки суда в оценке показаний обвиняемых и подозреваемых

Для уголовных дел, по которым приговор был отменен, доля ошибок суда в оценке показаний обвиняемого весьма существенна по сравнению с количеством ошибок в оценке других видов доказательств.

В анкете № 1 на 2052 обвиняемых зафиксирована 971 ошибка (48%) в оценке их показаний.

Если же за 100% принять только ошибки в оценке показаний (свидетелей, потерпевших и обвиняемых), не принимая во внимание иные виды доказательств, поскольку они (Используются далеко не по каждому делу, то ошибки суда в оценке показаний обвиняемого составят около 75%.

При этом необходимо иметь в виду, что в анкете регистрировались только те ошибки, недостатки и нарушения, допущенные судом, которые находились в причинной связи с вынесением ошибочного приговора.

Показания обвиняемого, как и свидетельские показания, относятся к числу наиболее распространенных доказательств. И если судами в 3 раза чаще допускаются ошибки в оценке показаний обвиняемого, чем в оценке показаний иных допрашиваемых лиц, то значение проблемы показаний обвиняемого как доказательства и для судебной практики, и для теории доказательств становится очевидным.

Выше было показано, что значительное количество судебных ошибок своим непосредственным источником имеет некритическое отношение суда к материалам предварительного следствия и как результат этого — обвинительный уклон.

Обвинительный уклон в деятельности суда применительно к оценке показаний обвиняемого имеет на практике различные проявления.

Чаще всего этот уклон выражается в игнорировании объяснений обвиняемого, не признающего себя виновным и приво-

«пн-и» и пн- оправдание те или иные обстоятельства (по шкале № 1 — 80% от всех ошибок, связанных с оценкой показаний обвиняемого). Сравнительно редко в настоящее время встречаются ошибки, вызванные переоценкой доказательственного значения признания обвиняемого, не подтвержденного другими доказательствами (7%).

В ряде случаев допущение судебной ошибки было связано с тем, что суд не выяснил причину неоднократного изменения обвиняемым своих показаний (8%). Более редкими случаями является осуждение на основании непроверенного оговора обвиняемого (3%). И, наконец, встречаются случаи использования судом показаний обвиняемого, полученных с применением угроз, насилия, обмана в стадии предварительного следствия (2%). Если эти последние соотнести с числом обвиняемых по изученным делам, то они составят около 1,2%.

Анализ полученных материалов позволяет выявить определенную связь ошибок суда в оценке показаний обвиняемого с отдельными основаниями отмены приговоров и, следовательно, правильно определить роль этого фактора в совокупности непосредственных причин судебных ошибок.

Ст. 343 УПК РСФСР признает односторонним или неполно проведенным предварительное расследование и судебное следствие в тех случаях, когда невыясненными остаются обстоятельства, имеющие существенное значение при постановлении приговора.

Таким обстоятельством, бесспорно, является вина обвиняемого как обязательный элемент любого состава преступления.

По 1803 уголовным делам с отмененными приговорами в 310 случаях зарегистрирована ошибка суда в установлении вины, причем невиновные действия признаны виновными в 191 случае (10,6% от числа этих дел),

Этот 191 случай осуждения невиновных, несомненно, наиболее грубые ошибки, в большинстве своем сопровождавшиеся неправильной оценкой показаний обвиняемых. При этом в 35% из этих случаев отрицание обвиняемым вины не было опровергнуто полностью другими доказательствами.

Материалы анкетирования позволяют проследить связь между ошибками суда в оценке показаний обвиняемого и неполнотой предварительного и судебного следствия в исследовании других видов доказательств.

Так, ошибками в оценке показаний обвиняемого сопровождалась почти 72 случаев непроведения экспертизы (44%), когда ее проведение по закону было обязательным, и почти 3/4 случаев (82%) отсутствия в деле документов и вещественных доказательств, истребование и оценка которых имели существенное значение для дела.

39% случаев необоснованного отклонения ходатайств обвиняемого имели место по тем делам, по которым обстоятельства,

указанные обвиняемым в свое оправдание, не проверялись или недостаточно проверялись.

В подавляющем большинстве случаев отмены приговора в связи с нарушением ст. 344 УПК РСФСР прослеживается прямая связь между допущенной ошибкой и отношением суда к показаниям обвиняемого.

Наиболее распространенной ошибкой суда, укладываемой в перечень ст. 344 УПК РСФСР, являлись случаи вынесения приговора, когда собранные доказательства были явно недостаточны для вывода о виновности. Таких случаев в анкете 1968 г. зарегистрировано 253 (43% от общего количества нарушений). Из этого количества случаев зарегистрирована неправильная оценка показаний обвиняемого в 194 случаях (80%).

В анкете 1968 г. зарегистрировано 44 случая, когда выводы следствия и суда были основаны на предположениях. По этим делам во всех 100% случаев судом была допущена неправильная оценка показаний обвиняемого¹.

Нарушения судами уголовно-процессуальных норм (ст. 345 УПК РСФСР) также находятся в определенной связи с ошибками в оценке показаний обвиняемого.

В 1969 г. при заполнении анкеты № 1 было зарегистрировано 79 случаев осуждения при отсутствии в действиях обвиняемого состава преступления. По этим делам в 13 случаях отрицание обвиняемым вины не было опровергнуто другими доказательствами; в 10 случаях обстоятельства, указанные обвиняемым в свое оправдание, не проверялись и в 2 случаях в основу приговора было положено признание обвиняемого, не подтвержденное другими доказательствами.

Из 26 случаев недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления в 15 случаях отрицание обвиняемым вины не было опровергнуто другими доказательствами и в 5 случаях указанные обвиняемым в свое оправдание обстоятельства не проверялись.

Ошибки в оценке показаний обвиняемого допускались и при иных процессуальных нарушениях, признанных существенными.

Чтобы наши суждения о значении ошибки в оценке показаний обвиняемого имели заверченный вид, необходимо соотнести эти ошибки с результатом по делу.

В анкете № 1 за 1968 г. зарегистрировано пять различных соотношений отмененных приговоров с приговорами, вступившими в законную силу. Рассмотрим некоторые из них в свете оценки показаний обвиняемого.

По 581 делу (из 853 дел) отмененному обвинительному приговору соответствовал обвинительный приговор, вступивший в

¹ Аналогичные данные были получены в 1969 г.

законную силу. По этим делам зарегистрировано 292 случая неправильной оценки показания обвиняемого: в 17 случаях признание обвиняемого не было подкреплено другими доказательствами; в 130 случаях отрицание обвиняемым вины не было опровергнуто другими доказательствами; в 113 случаях не были проверены обстоятельства, указанные обвиняемым *в свое оправдание, и т. д.

Устранение этих ошибок ори новом рассмотрении дела в суде позволило вынести законный и обоснованный обвинительный приговор.

По 23 делам (из 853) после отмены обвинительного приговора был вынесен оправдательный приговор. По этим делам в 10 случаях при первом рассмотрении отрицание обвиняемым вины не было опровергнуто другими доказательствами.

По 133 уголовным делам (из 853) после отмены обвинительного приговора дело было прекращено (во многих случаях после проведения дополнительного расследования). По этим делам отмечено 65 существенных ошибок в оценке показаний обвиняемого три вынесении обвинительного приговора (из них 30 ошибок относятся к случаю, когда отрицание обвиняемым вины не было опровергнуто).

По 51 делу (из 853) после отмены оправдательного приговора был вынесен обвинительный приговор. По этим делам зарегистрировано 38 случаев неправильной оценки показаний обвиняемого.

Па* -л*и обобщенные данные показывают, что неправильное итноишг 1-удтн к показаниям обвиняемого, игнорирование их, пожелание проверять версии, выдвигаемые обвиняемым — все •УЮ имеет не только формальное значение (нарушение процессуальных норм, ущемление права на защиту и других гарантий прав личности), но и во многих случаях приводит к ошибкам в существе дела — необоснованному осуждению невиновных и, в более редких случаях, >к необоснованному оправданию виновных.

Дл я устранения непосредственных причин судебных ошибок важно знать, по каким категориям уголовных дел чаще всего допускаются ошибки в оценке показаний обвиняемых. Есть ли какие-либо закономерности в этом отношении?

Для того чтобы упростить таблицу, мы объединим все ошибки в оценке показаний обвиняемого в одну графу, не дифференцируя их по характеру (табл. б).

лvтm уголовные дела распределить по убыванию ошибок в оценке показаний обвиняемого, то на первом месте окажутся дела об убийстве, на последнем — дела частного обвинения.

В табл. 5 наиболее многочисленными группами уголовных /мч ч* ошибками в оценке показаний обвиняемого являются дела о хулиганстве (117) и о хищениях социалистической собственности (95).

Таблица 5

Квалификация по последнему отмененному приговору (анкета 1968 г.)	Число дел	Количество ошибок в оценке показаний обвиняемого	% ошибок в оценке показаний обвиняемого к числу дел
Хищение социалистической 'собственности'	141	95	68
Хищение личной собственности	70	41	59
Убийство	32	23	72
Изнасилование	23	14	61
Хулиганство	254	117	46
Дела частного обвинения	261	127	49
Иные дела	72	23	32
Итого	853	440	52

Примечание: % округлены до 1.

По последней категории дел ошибки в оценке показаний обвиняемого допускаются значительно чаще, чем по делам о хулиганстве, что, на наш взгляд, должно быть объяснено большей сложностью доказательственного материала дел о хищениях.

Особенности процессуального положения обвиняемого, являющегося лицом, заинтересованным в исходе дела и субъектом права на защиту, позволяют выявить истоки предвзятого отношения к его показаниям. Они имеют корни и в истории уголовного процесса. Предпосылки этого отношения следует искать также в психологии субъектов оценки показаний и в некоторых ошибочных теоретических положениях.

Советский уголовно-процессуальный закон отличается достаточной последовательностью в оценке процессуального значения показаний обвиняемого, рассматривая их как доказательство по делу, причем доказательство не лучшего и не худшего вида, а как рядовое, обычное доказательство в числе прочих доказательств.

В науке уголовного процесса, в ее разделах, посвященных проблеме оценки доказательств, высказывается, как правило, мысль о том, (что наказания обвиняемого — доказательство, специфика которого состоит в том, что оно исходит от заинтересованного лица и поэтому требует особо критического отношения.

От этой в общем правильной линии отношения к показаниям обвиняемого имелись и имеются очень серьезные отклонения в работах отдельных ученых-процессуалистов, которые при-

til i iff л» или к переоценке показаний обвиняемого (особенно его мри.шанпя), или, напротив, внушали огульное недоверие к и мм, ставя их как бы в разряд доказательств низшего сорта, порой не заслуживающих «серьезного внимания».

В течение длительного времени в науке уголовного процесса господствующее значение имели идеи, изложенные в трудах, А. Я. Вышинского, в частности в его книге «Теория судебных доказательств в советском праве».

Отношение А. Я. Вышинского к объяснениям обвиняемого не отличалось последовательностью и сводилось к тому, что они не имеют существенного значения для дела, когда дет сомнений в их достоверности (поскольку и без них вина доказана), и что они становятся «важнейшим и решающим доказательством», когда получено признание, но проверить его правильность невозможно из-за отсутствия других доказательств. Переоценка признания обвиняемого — одна из основных теоретических (и практических) ошибок А. Я. Вышинского².

Однако мы переоценили бы значение этих заблуждений А. Я. Вышинского для современной судебной практики, если бы попытались объяснить ими многочисленные случаи игнорирования судами показаний обвиняемого, отрицающего свою вину, и менее многочисленные, но нередкие случаи переоценки доказательственного значения его признания.

Очевидно, необходимо указать и на позднейшие работы отдельных процессуалистов.

Но всех без исключения учебниках уголовного процесса и монографиях, посвященных обвиняемому, подчеркивается правильная мысль о том, что к его показаниям следует относиться критически, ибо это показания заинтересованного лица, показания субъекта процессуальной деятельности, осуществляющего функцию защиты. Однако, несмотря на это, в судебной практике еще не преодолено огульное доверие к признанию обвиняемого, полученному на предварительном следствии, и огульное недоверие к отрицанию обвиняемым «своей вины. Ошибки такого рода и теперь наиболее опасны.

К сожалению, некоторые процессуалисты впадают в крайность, утверждая, что к показаниям обвиняемого как лица, заинтересованного в исходе дела, вообще следует относиться с недоверием, поскольку они, как пишет М. А. Чельцов-Бебутов, «являются всегда довольно мутным источником»³.

Л. Т. Ульянова полагает, что «свои показания обвиняемый всегда использует как средство защиты...»⁴.

² Л. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М. 1950, стр. 260—263.

³ М. Л. Чельцов-Бебутов. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М., 1947, стр. 50.

⁴ Л. Т. Ульянова. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959» стр. 120.

По мнению авторов «Теории доказательств в советском уголовном процессе», заинтересованность обвиняемого в исходе дела «обусловила необходимость в специальных правилах со- бирания, проверки и оценки таких доказательств»⁵.

Эти, как и многие другие подобные высказывания, справедливы, поскольку они ориентируют субъекта оценки показаний обвиняемого на критический подход к ним.

Однако приведенные высказывания иногда трактуются на практике «со смещением акцента». Речь идет о случаях, когда центр тяжести проблемы оценки показаний обвиняемого переносится — с информационной их значимости на оценку лишь мотивов показаний.

Если заинтересованность⁶ обвиняемого, по мнению многих авторов, является главной причиной, определяющей содержание его показаний, то (необходимо, очевидно, уточнить и предмет этой заинтересованности, и подлинную роль ее в формировании показаний.

Некоторые авторы не без оснований расширяют предмет заинтересованности обвиняемого, включая сюда не только исход дела, но и сам ход дела, который для обвиняемого на некоторых этапах может иметь очень большое значение⁷.

В рамках этой естественной для человека заинтересованности в собственной судьбе (т. е. в ходе и исходе дела) необходимо выделять заинтересованность в извращении фактических обстоятельств, в ложных показаниях.

Можно согласиться с утверждением, что «основной причиной, порождающей ложные показания, является коренная заинтересованность обвиняемого в ходе расследования и его результатах»⁸, но недопустимо ставить на этом точку, потому что такого рода заинтересованность обвиняемого часто нейтрализуется, а также и потому, что во многих случаях обвиняемый хочет дать правдивые показания и не стремится во всех случаях использовать свои показания как средство защиты. К факторам, нейтрализующим действие заинтересованности, направленной в сторону искажения подлинных обстоятельств исследуемого события, следует прежде всего отнести положительные нравственные задатки личности обвиняемого, чувство стыда и раскаяния, сознание гражданского долга и собственного достоинства.

Во многих случаях желание дать правдивые показания может созреть под влиянием менее высоких побуждений: трез-

⁵ «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть особенная. М., 1968, стр. 34—105.

⁶ Слово «заинтересованность» толкуется как материальный, практический интерес в ком-либо или в чем-либо (С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1953).

⁷ А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей, стр. 203.

⁸ Там же.

Нм р.н'нч, подсказывающий обвиняемому, что заpiresательство в*« ш/лл *;по; стремление обрести дополнительное- смягчающее «нн-гонтсльство или добиться приведения чрезмерно сурового <н>шнения в соответствие с подлинной тяжестью вины и т. п.⁹,

Все эти факторы так или иначе используются при определении тактики допроса. Но они должны учитываться и при оценке показаний обвиняемого. Между тем в специальной литературе значительно чаще и пространнее исследуется мотивация ложных показаний и отрицательного поведения обвиняемого, нежели его побуждений положительного свойства¹⁰. И это, на наш взгляд, также является источником ошибок в оценке показаний обвиняемого.

Повседневный практический опыт и специальное исследование подтверждают, что по большинству уголовных дел обвиняемые дают правдивые показания и на предварительном следствии (особенно к концу расследования), и в суде.

Наша анкета не преследовала и не могла преследовать цели выявления процента правдивых показаний всех обвиняемых, ибо она охватывала нетипичные случаи судебной практики — дела с ошибочными приговорами, т. е. дела, по которым взаимоотношения обвиняемого с органами предварительного следствия и судом строятся преимущественно в условиях острых конфликтных ситуаций. Но даже и по этим делам прослеживается общая закономерность: обвиняемые в суде чаще дают правдивые, нежели ложные показания.

Из 39 уголовных дел¹¹ закончились вынесением оправдательного приговора или прекращением после отмены обвинительного 405 дел, что составляет около 25%. По остальным 75% дел в законную силу вступил обвинительный приговор (изменения приговоров не учитывались).

По всем этим делам (1639) 68% обвиняемых полностью или частично признавали себя виновными и только 42% оспаривали обвинение в целом.

Для характеристики степени правдивости показаний обвиняемого последние целесообразно сопоставить с отмененным приговором и окончательным результатом по делу (табл. 6).

⁹ Н. И. Порубов утверждает, что среди мотивов правдивых показаний обвиняемого преобладающее место занимают случаи, когда заpiresательство бесполезно — 7%, однако нередки и такие мотивы, как угрызения совести, расчет на снисхождение суда — 16%. Основной мотив ложных показаний — надежда уйти от ответственности, расчет на отсутствие доказательств — 57%; 22% составляют случаи, когда обвиняемый ошибочно считает себя невиновным (Я. И. Порубов. Допрос. Минск, 1968, стр. 150—151).

¹⁰ См., например: А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей, с. 198—205; М. А. Челцов-Бебутов. Обвиняемый и его показания в (шотском уголовном процессе, стр. 35—41.

¹¹ Опытно-пные материалы анкетирования 1968 и 1969 г. Взяты не все дела (их 1803 па 2058 обвиняемых), а лишь те, по которым были заполнены интересующие нас показатели.

Таблица 6

с	Соотношение приговоров отмененного и вступившего в силу	Позиция подсудимого в суде первой инстанции, %						% правдивых показаний	
		признание вины полностью		отрицание вины полностью		отрицание вины частично		1968 г.	1969 г.
		1968 г.	1969 г.	1968 г.	1969 г.	1968 г.	1969 г.		
1-я	Оправдательный — оправдательный	2	1	10	17	4	—	88	94
2-я	Обвинительный — оправдательный	3	4	8	19	5	4	81	85
3-я	Обвинительный — прекращение дела	19	23	78	104	29	32	85	85
4-я	Оправдательный — обвинительный	15	2	45	55	8	8	34	15
5-я	Обвинительный — обвинительный	189	140	199	103	251	226	70	69

Среднее 71

Таблица 6 позволяет с известной долей приближенности утверждать, что до 70% обвиняемых дали в суде более или менее правдивые показания¹².

Н. И. Порубов на основании изучения уголовных дел и опроса заключенных, отбывающих наказание, утверждает, что 57% обвиняемых на предварительном • «следствии и в суде дали правдивые показания, полностью признав себя виновными*. 19% признали себя виновными частично; 13% изменили свои показания в суде (автор не дает оценки этих изменений) и только 11% обвиняемых и на предварительном следствии, и в суде не дали правдивых показаний¹³.

Эти данные, собранные Н. И. Порубовым, в значительной мере совпадают с нашими и подтверждают приведенное выше

¹² Смысл наших оговорок состоит в том, что в табл. 6 цифры серьезно округлены. Так, в первых трех группах дел (дела, закончившиеся оправданием или прекращением) мы за ложные показания принимали только случаи полного признания вины. В четвертой я, пятой группах к ложным показаниям были отнесены только случаи полного отрицания вины. Частичное отрицание вины мы во всех случаях принимали за правдивые показания, поскольку без учета изменений, внесенных в первоначальное обвинение, любая иная оценка страдала бы еще большей натяжкой.

¹³ Я. И. Порубов. Допрос, стр. 149, 151. К сожалению, автор не приводит абсолютных цифр и критериев отбора дел для изучения.

пжки тiing положение, важное для правильного отношения к по- и.тшпим обвиняемого как к доказательству. По значительно- му с меньшинству дел показания обвиняемого являются прав- питыми.

Отсюда вытекает, что показания обвиняемого в уголовном процессе — это один из важнейших источников информации, пренебрежение которым чревато опасностью одностороннего подхода к исследованию обстоятельств дела, опасностью судеб- ной ошибки.

Для обвиняемого его показания могут быть средством за- щиты, а могут и не быть таковым, в зависимости от предмета показаний и конкретного интереса обвиняемого, от преследуе- мой им цели.

Доказательственное значение информации, оцениваемой судом, должно определяться не источником ее, а соответстви- ем ее объективной действительности, если, разумеется, источ- ник (в данном случае обвиняемый) отнесен законом к числу источников доказательств и если информация получена с со- блюдением установленной законом процессуальной формы.

Распространенность правдивых показаний обвиняемых не дает, однако, оснований для успокоения, так как количество ошибок в оценке показаний обвиняемого еще велико.

В теории и судебной практике принято различать *три видаа показаний обвиняемого*: признание вины (или сознание), отри- цание вины и показания против других лиц.

Этим видам показаний обвиняемого уделено значительное шшшпше в юридической литературе, и мы остановимся лишь па некоторых, наиболее принципиальных вопросах, связанных с проведенным исследованием.

Отметим, что такая классификация ни в малейшей степени не характеризует информационной насыщенности и доказа- тельственного значения различных видов показаний обвиняе- мого. Действительно, показания обвиняемого, независимо от вила, могут быть лаконичными или детальными; они могут содержать голословные утверждения или, напротив, сопровож- даться приведением большого числа фактических данных, под- тверждающих каждое утверждение; показания могут касаться только одного (нескольких) элементов предмета доказывания или всех его элементов; показания (объяснения) могут содер- жать только оценки или только факты, или то и другое вме-

В каждом из этих случаев оценка показаний обвиняемого может или упрощаться или усложняться, но сама задача оцен- ки показаний не снимается.

Это значит, что и *признание обвиняемым вины*, в какой бы форме оно ми'было сделано и как бы убедительно ни выгля- дело не освобождает суд от необходимости проверки этого щиппапня Ч. II ст. 77 УПК РСФСР, предусматривающая это

правило, выражает одну из существенных особенностей совет- ского уголовного процесса", цель которого — установление объективной истины по делу.

Верховный Суд СССР на протяжении многих лет настойчи- во и последовательно проводит в жизнь это положение уго- ловно-процессуального закона. «Признание подсудимым своей вины не является бесспорным доказательством его виновно- сти»¹⁵.

В Постановлении «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г. Пленум Верховного Суда СССР сформулировал ряд исключительно важных в этом отношении положений.

Так, в п. 3 этого постановления указано, что фактические данные, содержащиеся в показаниях (включая признание), «могут быть положены в основу выводов и решений по делу только после их проверки, всестороннего исследования и под- тверждения в судебном заседании».

В п. 5 указывается: «При постановлении приговора суду надлежит иметь в виду, что признание подсудимым своей вины может быть положено в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении его совокупностью других доказа- тельств, собранных по делу»¹⁶.

Как было отмечено выше, из общего количества ошибок, денпушенных судом при оценке показаний обвиняемого, только 7% (70 из 971) составили случаи переоценки доказательствен- ного значения признания обвиняемого, т. е. те случаи, когда в основу обвинительного приговора было положено только при- знание, не подкрепленное другими доказательствами.

Однако не все эти случаи можно отнести к самооговору.

Для того чтобы судить о распространенности самооговора, обратимся к табл. 6.

Из графы «признание вины полностью» к самооговору мож- но отнести те случаи, которые противоречат конечному резуль- тату по делу (оправданию или прекращению). Их — 52, что

¹⁴ Принципиально отличен подход к оценке признания обвиняемым вины и его процессуальному значению в англо-американской системе судопроиз- водства. В США, если подсудимый признает вину, судья ограничивается тем, что проверяет, признал ли он ее добровольно, понял ли суть обви- нения и осознал ли юридические последствия признания. И в США, и в Англии признание подсудимым вины дает право судье сразу же, без су- дебного разбирательства, вынести приговор. Именно в таком упрощен- ном порядке, без проверки показаний обвиняемого, выносятся большин- ство приговоров по делам об опасных преступлениях. В 1961/62 фи- нансовом году федеральные суды США по 86% дел вынесли приговор без проведения судебного разбирательства (% Ф. Гуценко. Уголовный процесс основных капиталистических государств. М., 1969, стр. 151).

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1944 г. по делу А.— «Сборник Постановлений Пленума, определений коллегий Вер- ховного Суда СССР 1944 г.». М., 1948, стр. 57.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г.— «Советская юстиция», 1969, № 18, стр. 217.

составляет 2,5% от общего числа обвиняемых по делам, охваченным нашими анкетами.

К самоговору мы не относим многие случаи частичного признания вины, ибо мотивы частичного признания вины редко совпадают с мотивами самоговора¹⁷.

При изучении ряда уголовных дел, охваченных анкетированием, выявлено несколько случаев самоговора, вызванного неправильным ведением расследования, сопровождавшегося грубым нарушением процессуальных и этических норм.

Ярким примером может быть дело несовершеннолетнего Р. За учинение хулиганских действий (порча портретов знатных людей (района) он был осужден к лишению свободы. По его жалобе приговор был отменен и дело при дополнительном расследовании превращено.

Р. на предварительном следствии и в народном суде признал себя виновным в том, что порезал портреты. В кассационной жалобе, оспаривая обвинение, Р. подробно изложил мотивы самоговора, которые отчасти подтвердились материалами дела, отчасти нашли подтверждение при допросе.

В частности, Р. указал, что в общежитии, где он жил, при обыске нашли принадлежащий ему обрез малокалиберной винтовки. Следовательно, угрожая его сознаться в порче портретов, пообещал выбросить обрез и «дела не заводить», «разъяснил», что за портреты Р. может быть оштрафован на 30 руб., а за обрез ему «дадут 3 года». Продолжая запугивать Р., следователь задержал его брата и пригрозил исключением последнего из техникума,

Р. «сознался». В суде обвинение поддерживал тот же следователь. «Сознание» Р., объективно ничем не подтвержденное, не было проверено, что и привело к вынесению ошибочного приговора¹⁸.

Самоговор всегда опасен, поскольку он толкает суд на путь наиболее легкой, -связанный с упрощением процедуры проверки доказательств, ю «шорадавашем» (судебного разбирательства).

Для выявления самоговора, как и вообще для проверки любых показаний, крайне важно отделить в показаниях *фак-*

¹⁷ Мотивы самоговора (ложного сознания) рассматриваются в ряде работ советских процессуалистов (М. А. Чельцов-Бебутов. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе, стр. 24—34, 43—46; А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей, стр. 202—203 и др.).

Наиболее распространенными мотивами самоговора принято считать: а) стремление избежать от наказания действительно виновного; б) желание получить от заинтересованных лиц какую-либо выгоду; в) стремление уклониться от ответственности, за более тяжкое преступление; г) стремление ускорить или, напротив, запутать и затянуть расследование; д) стремление получить какие-либо выгоды от следователя и суда и т. п. Нередко самоговор может быть объяснен различного рода болезненными аномалиями психики обвиняемого. М. А. Чельцов-Бебутов указывает также на такой мотив, как «торг с правосудием». Им же приводится пример самоговора с целью излечения от алкоголизма в тюремных условиях.

¹⁸ Но делу был допущен ряд других грубых нарушений законности, на которых мы остановимся в разделе, посвященном подозреваемому и проблем «* судебной защиты».

тические данные -от мнений, оценок и всякого рода субъективно-эмоциональных наслоений.

Фактические данные, содержащиеся в признании обвиняемого, юподстаются юо шеданиями *о тех же фактах*, «содержащимися в других доказательствах».

Наиболее распространенным тактическим приемом, ведущим к выявлению самоговора, является максимальная детализация показаний, повторные допросы по поводу одних и тех же обстоятельств, постановка неожиданных вопросов, к которым обвиняемый может быть не подготовлен, и т. п.¹⁹.

Общепризнанным правилом, определяющим отношение к признанию обвиняемого, является положение, вытекающее из ст. 69 УПК РСФСР: доказательственное значение в показаниях имеют сведения о фактах, относящихся к предмету доказывания, а не ответ обвиняемого на вопрос, признает или не признает он себя виновным.

Наше исследование показывает, что судьи освобождаются от гипноза признания обвиняемым вины, как «лучшего» доказательства. Укажем для подтверждения этой мысли на то, что в 33 случаях первый (отмененный) приговор был оправдательным вопреки полному или частичному признанию обвиняемым сшей вины; что IV юами случаях и отмененный приговор, и приговор, (вступивший в законную силу, были оправдательными вопреки признанию.

Если ошибки суда в оценке признания и самоговора обвиняемого не имеют массового характера, то ошибки в оценке показаний обвиняемого, *не признающего себя виновным*, по своей распространенности занимают, несомненно, центральное место.

Мы отмечали, что 80% выявленных при анкетировании ошибок суда в оценке показаний обвиняемого связаны с игнорированием судом этих показаний и объяснений без достаточно убедительного опровержения их другими доказательствами (44%) и без должной проверки обстоятельств, указанных обвиняемым в свое оправдание (36%). Во всех этих случаях первоначальный приговор отменялся ввиду его явной необоснованности. Можно констатировать также, что в этих случаях судом нарушался принцип объективности, полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела, а принцип презумпции невиновности уступал место обвинительному уклону.

Обвиняемый, не признающий себя виновным, редко ограничивается простым, голословным отрицанием вины. Его пока-

Тактике допроса посвящено немало исследований. Кроме источников, на которые мы уже ссылались, можно упомянуть: Л. М. Карнеева, С. С. Ордынский, С. Я. Розенблит. Тактика допроса на предварительном следствии, М., 1958; Кертеc Имре. Тактика и психологические основы допроса. М., Ю65; М. Я. Якуб. Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. М., 1968; и др.

зашил могут быть весьма различными как по содержанию, так и по доказательственному значению.

Оспаривая наличие умысла или квалификацию своих действий, обвиняемый может признавать правильными установленные фактические обстоятельства или уточнять их. Отрицая обвинение в целом или в части, он может выдвигать различные версии по поводу события преступления или отдельных его обстоятельств и т. п.²⁰

Проверка этих показаний обвиняемого имеет исключительно большое значение для восстановления подлинной картины преступления, для устранения возникающих по делу сомнений. Вместе с тем такая проверка важна с точки зрения реализации гарантий права обвиняемого «а защиту».

Верховный Суд СССР призывает суды с одинаковым вниманием относиться ко всем участникам судебного разбирательства, в том числе и к подсудимому, проявляя объективное, непредвзятое отношение к представляемым им доказательствам и возбуждаемым ходатайствам, к осуществлению иных прав, предоставленных ему законом. В этом Верховный Суд СССР видит один из необходимых элементов судебной культуры²¹.

Ошибки суда в оценке показаний обвиняемого, не признающего себя виновным (полностью или частично) см. в табл. 7.

Здесь зафиксировано 279 случаев (сумма 2 и 3 групп) неправильного осуждения при наличии оснований для прекращения дела или вынесения оправдательного приговора. Эти случаи неправильного осуждения выделены нами по позиции подсудимого в суде первой инстанции: полное отрицание вины — 209 случаев и частичное отрицание вины — 70 случаев. Сопоставление этих данных с ошибкой суда в оценке показаний обвиняемого свидетельствует, что примерно в 68% случаев в деле не было доказательств, опровергающих объяснения и версии подсудимого, полностью или частично оспаривавшего обвинение.

В 147 случаях (сумма 1 и 4 групп IV табл. 7) оправдательные приговоры, вынесенные при полном (127 случаев) или частичном (20 случаев) оспаривании обвинения, были отменены. Из них в 64% случаев суд, по мнению вышестоящей инстанции, некритически отнесся к показаниям подсудимого, переоценив их значение для обоснования оправдательного приговора.

Наконец, наиболее массовым является соотношение при-

²⁰ О содержании показаний обвиняемого см.: «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968, стр. 148—149.

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности»; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1967, № 2.

говоров «обвинительный—обвинительный» при полном (362 случая) или частичном (477 случаев) оспаривании обвинения.

Т а б л и ц а 7

	Соотношение приговоров последнего отмененного и вступившего в силу после рассмотрения дела	Позиция подсудимого в суде первой инстанции		Ошибка суда в оценке показаний подсудимого	
		отрицание вины полностью	отрицание вины частично	отрицание подсудимым вины не опровергнуто полностью другими доказательствами	обстоятельства, указанные подсудимым в свое оправдание* не проверялись или проверялись недостаточно
1-я	Оправдательный — оправдательный	27	4	10	6
2-я	Обвинительный — оправдательный	27	9	20	17
3-я	Обвинительный — оправдательный	182	61	86	50
4-я	Обвинительный — обвинительный	100	16	39	26
5-я	Обвинительный — обвинительный	362	477	258	232

* Прислужившие / Числа в таблице использованы объединенные материалы анкетирования за 1968—1969 гг. (в абсолютных цифрах).

Эта наиболее распространенная ошибка в 58% случаев увязывается с неправильным отношением суда к показаниям подсудимого, которые были отвергнуты без надлежащей проверки и опровержения.

Третьим видом показаний обвиняемого принято считать его *показания в отношении других лиц*.

Эти показания могут изобличать других лиц или оправдывать их, соответствовать фактическим обстоятельствам дела или противоречить им. В последнем случае показания обвиняемого пропов других лиц являются *оговором*²².

²² М. С. Строгович в отличие от авторов «Теории доказательств в советском уголовном процессе» (т. 1, стр. III) оговором считает любые показания обвиняемого, уличающие других лиц. Этим он подчеркивает сомнительность таких показаний, (необходимость их тщательной проверки. Далее М. С. Строгович не без оснований указывает, что, если оговором называть показание, ложность которого уже установлена (очевидно, вступившим в законную силу приговором, отвергнувшим данное показание как ложное), понятие оговора теряет процессуальное значение и не годится для обозначения доказательства, которое еще нужно проверить и оценить (М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. т. 1. М., 1968, стр. 427—428).

По изученным уголовным делам отмечались отдельные случаи, когда приговор основан на показаниях одних обвиняемых против других *при отсутствии иных доказательств*.

С учетом этого ограничения в анкетах 1968 и 1969 г. зарегистрировано 30 случаев (соответственно 14 и 16) ошибок суда в оценке показаний обвиняемых в отношении других лиц.

По отношению ко всему массиву анкетированных дел (1803) эти ошибки составляют 1,7%; по отношению к числу ошибок суда, допущенных в оценке показаний обвиняемых (971), ошибки в оценке их показаний против других лиц составляют 3%.

Таково место этого вида ошибок в общей системе недостатков и нарушений, связанных с отменой приговоров по анализируемой группе дел.

Из 30 случаев отмены приговора, основанного на показаниях обвиняемого в отношении других лиц, эти показания признаны ложными 1в новыми «случаях, когда отмена обвинительного приговора повлекла (прекращение дела по реабилитирующим юшовашам или оправдание. В трех случаях показания обвиняемого 1В отношении других лиц также были ложными, но эта ложь, в отличие от оговора, имела противоположную направленность: не обвинить, а «выгородить» другого подсудимого.

При оценке показаний обвиняемого в отношении других лиц необходимо учитывать существенное отличие этого вида доказательств от свидетельских показаний: обвиняемый может быть в большей (степени, чем (свидетель, заинтересован как в оговоре, так и 1в «выгораживании» другого Обвиняемого. Кроме того, добросовестность обвиняемого в отличие от свидетеля не стимулируется угрозой уголовной ответственности.

Именно этими соображениями вызваны указания Верховного Суда СССР о необходимости особо тщательной проверки показаний обвиняемого в отношении других лиц.

Пленум Верховного Суда СССР указал: «Суд обязан критически относиться к оговору одним из подсудимых другого, в особенности если показания оговаривающего содержат существенные противоречия»²³.

Важной задачей суда является проверка противоречивых показаний обвиняемого. При проведении анкетирования была предпринята (попытка выделить случаи, когда противоречия в

Материалы нашего исследования, включающие конечный результат по делу, дают возможность отграничить оговор как ложные показания от достоверных (показаний обвиняемого против других лиц. Поэтому в дальнейшем мы употребляем понятие «оговор» в узком смысле (ложные показания одного обвиняемого, уличающие другого обвиняемого по делу в совершении преступления).

²³ <Сборник постановлений Пленума, определений коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946—1962 гг.». М., Ш64, стр. Ш, 1)14.

показаниях обвиняемого судом устранены не были, а причина неоднократного изменения показаний обвиняемых осталась невыясненной. Таких случаев, как было отмечено в начале главы, оказалось около 8% от общего числа ошибок в оценке показаний обвиняемых.

Таблица 8 позволяет судить о юязи этих ошибок суда с отмененными приговорами (данные в абсолютных цифрах).

Таблица 8

Группа	Соотношение приговоров последнего отмененного и вступавшего в законную силу	Общее количество соотношений за 1968-1969 гг.	Неустановленные причины неоднократного изменения показаний обвиняемым при вынесении ошибочного приговора
•1-я	Оправдательный — оправдательный	33	3
2-я	Обвинительный — оправдательный	56	2
3-я	Обвинительный — прекращение дел а	316	4
4-я	Оправдательный — обвинительный	123	6
5-я	Обвинительный — обвинительный	1191	56

Общая закономерность выступает здесь достаточно рельефно: в подавляющем большинстве случаев (88%) противоречивые показания обвиняемого не исключали вынесение обвинительного приговора. Иными словами, в тех случаях, когда причина изменения показаний не выявлена, суд, допустивший ошибку, рассматривал сам «факт противоречий в показаниях обвиняемого как косвенное подтверждение виновности. Это одно из частных проявлений обвинительного уклона.

Один из способов устранения противоречий в показаниях обвиняемого предусмотрен ч. 1 ст. 281 УПК РСФСР: если противоречия между его показаниями в суде и теми показаниями, которые были даны им при производстве дознания или предварительного следствия, существенны, суд вправе огласить их, а также воспроизвести приложенную к протоколу допроса звукозапись его показаний. Суду надлежит сопоставить те и другие показания, выявить характер и существо противоречий, установить причины изменения показаний, сопоставить эти противоречивые показания с другими доказательствами по делу и только после этого делать вывод о том, какие из показаний правдивы, а какие ложны²⁴.

²⁴ В постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г. по этому поводу содержится следующее указание: «В случае изменения подсудимым своих показаний, данных им в

При оценке противоречивых показаний обвиняемого может возникнуть необходимость в сопоставлении их с показаниями *подозреваемого*.

Хотя подозреваемый в уголовном процессе — фигура эпизодическая, появляющаяся на ограниченный срок (до 10 дней) и по ограниченному кругу дел (когда возникает необходимость в задержании или в применении меры пресечения до предъявления обвинения — ст. 52, 122 УПК РСФСР), это не снижает доказательственного значения его показаний и не исключает возможности их использования при обосновании приговора²⁵.

Однако при оценке показаний подозреваемого следует учесть, что эти показания судом непосредственно не воспринимаются и фигурируют в судебном заседании только в виде протоколов допроса (с приложением или без приложения фонограмм). Суд, следовательно, должен считаться с возможностью искажения показаний подозреваемого при их фиксации.

Необходимо считаться и с тем, что подозреваемый, травмированный необычной обстановкой и допросом врасплох, может дать ложные показания как в отношении себя, так и против других лиц²⁶. Разумеется, недопустимо использовать арест подозреваемого для получения доказательств виновности.

Ознакомление с делами, расследованными следователями МВД г. Москвы и Московской области в 1968 г., показало, что из общего числа арестованных более 25% заключено под стражу до предъявления обвинения; имелись случаи необоснованного ареста²⁷.

Необоснованный арест не только ведет к ущемлению прав гражданина, но и порождает весьма опасный для правосудия обвинительный уклон в последующей деятельности органа расследования, что нередко приводит к судебным ошибкам.

Мы приводили дело несовершеннолетнего Р. для иллюстрации такой причины самоговора, как обман и угрозы со стороны следователя.

Отметим, что и арест Р. в качестве подозреваемого был произведен незаконно, с единственной целью понудить его к

процессе предварительного следствия или дознания, суд должен тщательно проверить те и другие его показания, выяснить причины изменения показаний и в результате их тщательного исследования в совокупности с другими доказательствами, собранными по делу, дать им надлежащую оценку».

О подозреваемом и его процессуальном положении см.: С. П. Бекешке, Л. Е. Матвиенко. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, К969.

А. Б. Галкин, В. Г. Кочетков. Процессуальное положение подозреваемого. М., 1968, стр. 48.

А. Бойков, Л. Южанов. Арест подозреваемого. — «Социалистическая законность», 1970, № 1, стр. 42.

признанию вины. Целая серия грубых процессуальных нарушений по этому делу, начиная с незаконного ареста, привела к судебной ошибке. Цель же правосудия полностью достигнута не была, поскольку преступление оказалось не раскрытым.

Способ проверки противоречивых показаний обвиняемого путем оглашения его показаний, полученных на предварительном следствии, а также путем сопоставления этих показаний с другими доказательствами по делу не всегда приводит к обнаружению истины: противоречия легче констатировать, чем устранить. При общей «бедности» доказательственного материала по делу бывает очень трудно решить вопрос о том, каким показаниям обвиняемого следует отдать предпочтение.

В этих случаях суд обращается к другому способу проверки противоречивых показаний обвиняемого — к исследованию самого процесса получения этих показаний, в частности, к проверке порядка проведения соответствующих следственных действий.

Необходимость такой проверки чаще всего вытекает из объяснений подсудимого по поводу причин изменения показаний: ссылки подсудимого на применение незаконных методов допроса — угроз, насилия, обмана.

Проверка этих обстоятельств может быть связана с допросом следователя (или работника органов дознания), понятых, если они участвовали в проведении следственного действия, врача, оказывавшего обвиняемому медицинскую помощь, и других лиц, которые могут свидетельствовать о насилии, примененном в отношении обвиняемого.

Применение незаконных методов допроса обвиняемого на предварительном следствии представляет повышенную опасность для дела правосудия, ибо эти случаи, даже единичные, связаны с наиболее грубыми нарушениями социалистической законности²⁸.

Иногда противоречия в показаниях обвиняемого являются результатом их небрежной или заведомо неправильной фиксации в протоколе. В анкетах было отмечено 18 случаев искажения показаний обвиняемого в протоколе допроса, когда существенные для дела обстоятельства в нем не отражались.

Повышение культуры составления процессуальных документов — условие повышения качества отправления правосудия.

Большинство из них, как показало исследование, было связано с применением обмана (представление подложных доказательств, сообщение ложных сведений допрашиваемому) или с применением угроз путем создания у обвиняемого неверного представления о последствиях дачи им тех или иных показаний, или с незаконным использованием предусмотренных УПК мер процессуального принуждения.

§ 2. Ошибки суда в оценке показаний свидетелей и потерпевших

Показания свидетелей и потерпевших являются распространенным источником доказательств, весьма эффективным средством установления истины. Советской уголовно-процессуальной науке чужд взгляд на свидетелей и потерпевших как ненадежный источник сведений. Социальные условия в нашей стране не только исключают возможность существования наемных осведомителей, провокаторов и профессиональных лжесвидетелей, роль которых так велика в суде эксплуататорского государства²⁹, но и (создают предпосылки, обеспечивающие, как правило, правдивость показаний свидетелей и потерпевших, их добросовестность в воспроизведении обстоятельств рассматриваемого дела. Ими являются высокие моральные представления и качества советских граждан, отсутствие противоречий между их личными интересами и интересами социалистического правосудия.

Вместе с тем суд вынужден считаться с возможностью лжесвидетельства, вызываемого характером взаимоотношений допрашиваемого лица с обвиняемым или иными обстоятельствами, как правило, частного порядка. Кроме того, всегда необходимо учитывать влияние индивидуальных психофизических особенностей свидетеля и потерпевшего на достоверность их показаний.

Ошибки в оценке показаний свидетелей и потерпевших в судебной практике встречаются реже, чем ошибки в оценке показаний обвиняемого, однако и их удельный вес значителен. В общем числе ошибок, допущенных при оценке доказательств, ошибки в оценке показаний свидетелей и потерпевших составляют 18,7%³⁰.

О характере этих ошибок дает представление табл. 9.

Отсутствие в табл. 9 единого основания деления причин судебных ошибок не исключает их анализа по существу.

Из таблицы, в частности, вытекает, что ошибочные показания свидетеля или потерпевшего, воспринятые недостаточно критически, являются наиболее распространенной причиной судебной ошибки (37,2%). Второй по распространенности причиной вынесения ошибочных приговоров является противоречивость показаний этих лиц, неоднократные изменения показаний (36,2%).

²⁹ Об использовании платных лжесвидетелей в США см.: К. Ф. Гуценко. Уголовный процесс основных капиталистических государств, стр. 42, 43, 170 и др.

³⁰ Материалы анкетирования за 1968—1969 гг.

Таблица 9

Группа	Ошибки суда первой инстанции в оценке показаний свидетелей и потерпевших (по 1803 делам с отменными приговорами)	Случаи	
		число	%
1-я	Приговор основан на ошибочных показаниях свидетелей и потерпевших Не выявлены ложные показания свидетеля или потерпевшего против обвиняемого Не выявлена широта неоднократного изменения показаний свидетелем или потерпевшим Не выявлено и не учтено влияние обвиняемого или его близких на свидетеля или потерпевшего Не выявлены и не учтены незаконные методы допроса свидетеля, потерпевшего на дознании и предварительном следствии В протоколе допроса на предварительном следствии не зафиксированы существенные для дела обстоятельства	114	37,2
2-я		37	12
3-я		111	36,2
4-я		21	7
5-я		6	2
6-я		117	5,6
Итого		306	100

Ложные показания свидетелей и потерпевших занимают третье место (19%) в числе причин ошибок, допущенных судами при оценке их показаний. При этом к ложным (Показаниям мы отнесли в табл. 9 данные групп 2 и 4, так как кроме случаев ложных показаний свидетелей или потерпевших против Обвиняемого возможны ложные показания противоположной направленности, вызванные влиянием обвиняемого или его близких на свидетелей и потерпевших.

Применение незаконных методов на дознании и предварительном следствии при допросе свидетелей и потерпевших так же, как и при допросе обвиняемого,— явление относительно редкое (в анкетах зафиксировано всего шесть таких «случаев из 1803 дел с отменными приговорами»).

Как видно из табл. 9, для судебной оценки показаний свидетелей и потерпевших определенное значение имеет полнота фиксации этих показаний на предварительном следствии, а также наличие условий, позволяющих обвиняемому или его близким оказывать влияние на свидетелей и потерпевших.

На всех этих обстоятельствах мы остановимся подробнее при анализе факторов, влияющих на формирование показаний указанных лиц.

Для объективного исследования обстоятельств дела важное значение имеет правильное определение круга свидетелей и потерпевших, подлежащих вызову в судебное заседание (п. 5, ст. 228 УПК РСФСР).

В решении этого вопроса в судебной практике наблюдаются две крайности. Одна из них — неоправданное расширение списка допрашиваемых лиц, когда в судебное заседание вызываются свидетели, показания которых или не имеют значения для дела или дублируют друг друга, далеко выходя за разумные пределы доказывания.

Допрос таких лиц ведет к удорожанию правосудия, не повышая его качества. Более того, обилие допрошенных свидетелей может создать и часто создает иллюзию всесторонности исследования обстоятельств дела, и это тоже чревато судебной ошибкой. Так, допрос все новых и новых свидетелей по поводу одного и того же факта, не продвигая в сущности исследователя к познанию истины, психологически укрепляет его в сознании добросовестно выполненного долга и порождает ложную уверенность в том, что достигнуто обладание системой доказательств, комплектом улики. Такой метод накопления доказательственного материала односторонней направленности уводит суд от исследования других существенных обстоятельств, усложняет оценку доказательств в суде первой инстанции и их проверку в суде второй инстанции³¹.

Выявление допущенной ошибки усложняется обычно тем, что в приговоре иногда содержится большое число ссылок на показания свидетелей без изложения и анализа существа этих показаний³².

Второй крайностью при определении круга допрашиваемых лиц является необоснованное сужение его. Происходит это обычно в связи с неявкой в судебное заседание отдельных свидетелей и потерпевших. При этом причины неявки или не проверяются вовсе или проверяются поверхностно, без использования всех возможностей, имеющихся в распоряжении суда для обеспечения их явки.

Неявившийся свидетель или потерпевший, естественно, не дает показаний в суде, *однако это не значит, что суд никак не оценивает информацию, которой располагает данное лицо с*

³¹ Накопление излишней информации, как правило, ведет к утрате необходимой информации не только потому, что важное подменяется второстепенным, но и потому, что затрудняется поиск информации в общем ее массиве. С этой точки зрения едва ли можно признать идеальным протокол допроса, который изготовлен с помощью диктофона или стенограммы и по объему соответствует им.

³² Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» на суды возложена обязанность указывать в приговоре не только фамилии свидетелей и потерпевших, но и излагать упрощенно их показания.

точки зрения допустимости, относимости и значимости ее для дела.

Чаще всего такая оценка производится по материалам предварительного расследования, если неявившееся лицо ранее было допрошено. В иных случаях о характере информации, которой может располагать свидетель, суд получает сведения от участника процесса, заявившего ходатайство о его допросе³³.

При неявке потерпевшего суд решает вопрос о разбирательстве дела или отложении его, в зависимости от того, возможно ли в отсутствие потерпевшего полное выяснение всех обстоятельств дела (ст. 253 УПК РСФСР), или, иными словами, суд опять-таки исходит из имеющегося у него представления о характере и содержании показаний, которые могут быть получены от потерпевшего.

Следовательно, решение судом вопроса о вызове в судебное заседание уже допрошенных лиц тесно связано с предварительной оценкой их показаний, данных на предварительном следствии.

Ошибки суда в решении этого вопроса влекут, как правило, односторонность и неполноту судебного следствия.

Таблица 10

Группы	Соотношение приговоров последнего отмененного и вступившего в законную силу	Общее число соотношений на 1803 дела (1958-1959 гг.)	Без допроса свидетелей		Без допроса потерпевших	
			1968 г.	1969 г.	1968 г.	1969 г.
1-я	Обвинительный — обвинительный	1191	130	158	33	33
2-я	Обвинительный — оправдательный	56	3	/15		1
3-я	Оправдательный — оправдательный	33	3	6		
4-я	Оправдательный — обвинительный	123	13	16	1	1
5-я	Обвинительный — прекращение дела	3:16	16	18		1
	Нет сведений	84	12	14	1	4
	Итого	1803	177	227	43	43

Анкетирование судей по 1803 уголовным делам с выявленными судебными ошибками показало, что односторонность и неполнота предварительного расследования и судебного разбирательства во многих случаях были вызваны именно тем, что

Лицо, заявившее ходатайство о допросе новых свидетелей, обязано указать, для установления каких именно обстоятельств **необходим** этот допрос (ст. 276 УПК РСФСР).

к месту преступления; 5 — к мотиву; 1 — к цели; 1 — к личности; 2 — к причинам и условиям, способствовавшим совершению преступления, и 17% — к другим обстоятельствам, входящим в предмет доказывания.

Такое распределение ошибок суда в оценке показаний свидетелей и потерпевших позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, можно утверждать, что приведенное нами распределение ошибок объясняется в известной мере частотой допроса названных лиц по поводу тех или иных фактов, входящих в предмет доказывания.

Действительно, ошибки суда в оценке показаний свидетелей и потерпевших по поводу личности обвиняемого редки (1%) не потому, что в этой части показания отличаются особой объективностью, а потому, что в практике данные о личности обвиняемого обычно устанавливаются с помощью документов. Суждения суда о мотиве и цели преступления также редко основываются на показаниях свидетеля — чаще они являются логическим выводом, вытекающим из совокупности сведений, касающихся преступления в целом. Не исключено также, что к доказанности этих обстоятельств практикой предъявляются меньшие требования, чем к доказанности других элементов состава преступления.

34% ошибок суда в оценке показаний свидетелей и потерпевших, относящихся к вопросу о виновности подсудимого, указывают прежде всего на то, что допросы свидетелей и потерпевших в суде по этому поводу наиболее распространены. Но дело очевидно, не только в этом. По поводу места, времени и способа совершения преступления свидетели и потерпевшие допрашиваются не менее часто, чем по вопросу об участии в преступлении конкретного лица.

Ошибки же суда в оценке их показаний в этих случаях встречаются значительно реже.

По-видимому, существуют различия в степени сложности восприятия запоминания и воспроизведения допрашиваемым лицом информации, относящейся к различным элементам предмета доказывания. Эти элементы, в свою очередь, определяют трудности, с которыми сталкивается суд, оценивая те или иные показания. Таков второй вывод, вытекающий из приведенных цифр.

Достоверность показаний свидетеля и потерпевшего, равно как и обвиняемого, не предопределяется их процессуальным положением; подход к показаниям свидетеля как лица, незаинтересованного в исходе дела, а к показаниям потерпевшего как лица, стремящегося к суровому осуждению обвиняемого³⁴.

³⁴ Это справедливо отмечается многими процессуалистами. См., в частности: М. Л. Якуб. Процессуальные проблемы оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого. Автореф. докт. дисс. Л., Ш70, стр. 9.

Достоверность показаний любого допрашиваемого лица зависит от его личных качеств, условий, в которых воспринималась этим лицом информация и формировались его показания, наконец, условий допроса.

Проверка полученных показаний с точки зрения их достоверности предполагает не только сопоставление их с другими доказательствами, но и выявление и учет очень многих факторов, так или иначе влияющих на степень соответствия показаний реальным фактам, явлениям, событиям.

Недостоверность показаний свидетеля и потерпевшего может объясняться добросовестным заблуждением (ошибкой) или преднамеренной ложью.

Проблема добросовестного заблуждения свидетеля и потерпевшего всецело относится к психологии их показаний, а так как искажение информации возможно на всем пути ее прохождения от источника получения допрашиваемым лицом до передачи допрашивающему, возникает необходимость в изучении узловых этапов этого пути: восприятие и запечатление информации, сохранение ее в памяти, воспроизведение информации в устной форме в условиях допроса.

Когда речь идет не только о психологии показаний, но и о психологии допроса, к указанным трем этапам добавляются еще этап приема, переработки и процессуального закрепления информации. Но на этом этапе можно говорить о добросовестном заблуждении самого допрашиваемого лица.

Наконец, имеет самостоятельное значение для формирования показаний этап повторного свидетельствования.

Психология показаний свидетелей и потерпевших подробно рассматривается в ряде работ³⁵, поэтому мы остановимся только на тех вопросах, которые так или иначе вытекают из проведенного исследования.

Прежде всего обращает на себя внимание значительная распространенность ошибок в показаниях свидетелей и потерпевших. При анкетировании учитывались не все эти ошибки, а лишь те из них, которые ввели суд в заблуждение и отразились на приговоре, в последующем отмененном. Как указывалось, таких случаев зарегистрировано 37,2% от общего числа ошибок, допущенных судом при оценке показаний свидетелей и потерпевших.

Добросовестное заблуждение, ведущее к ошибочной интерпретации событий, характерно для свидетелей-очевидцев и потерпевших.

³⁵ И. Кермес. Тактика и психологические основы допроса. М., 1965; Н. И. Порубов. Психологические основы допроса. Минск, 1966; А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей; М. Л. Якуб. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968; А. В. Дулов. Введение в судебную психологию; и др.

Выявление этих заблуждений возможно как путем изучения индивидуальных свойств воспринимающего лица, так и сложности воспринимаемого события и условий восприятия.

Под индивидуальными свойствами лица, воспринимающего событие, следует понимать не только его физическое и психическое состояние или профессиональную принадлежность, обостряющую внимание к определенным явлениям внешнего мира (так называемое избирательное восприятие), но и его эмоциональное отношение к событию или психологическую установку.

Если свидетель с симпатией относится к одному из участников события и с антипатией к другому, это может повлиять на его оценку действий каждого из них и, следовательно, отразиться на восприятии, а в последующем — и на воспроизведении события.

Практический вывод из этого состоит в том, что детальное выяснение взаимоотношений свидетеля с обвиняемым и потерпевшим необходимо не только в случае дачи ложных показаний, но и тогда, когда возникает подозрение в том, что свидетель (потерпевший) добросовестно заблуждается³⁶.

Сложность воспринимаемого события чаще всего ведет к тому, что очевидец воспринял или не все юридически значимые обстоятельства или неточно их воспринял. Отсюда неуверенность свидетеля при даче показаний, устраняемая нередко допрашивающим лицом, требующим четкости и определенности в ответах. Поскольку в процессе допроса может происходить и формирование показаний (переработка полученной свидетелем информации и ее словесное оформление), постольку внушение допрашивающего, его требования отвечать на вопросы однозначно оказываются причиной добросовестного заблуждения свидетеля.

Эти случаи выявляются судом и другими участниками процесса, в частности, путем обнаружения более или менее существенных противоречий в показаниях лица³⁷.

В общем числе ошибок суда в оценке показаний свидетелей и потерпевших 37% составляют случаи, когда судом не были выявлены причины неоднократного изменения показаний этими лицами (см. табл. 11).

Чтобы устранить причины противоречий, последние надле-

³⁶ «Оценивая показания свидетеля, суд обязан учесть обстоятельства, дающие основание предполагать ошибочное представление или добросовестное заблуждение свидетеля в отношении фактов, о которых он дает показания», — отмечено в определении Уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1942 г. по делу Ч. — «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР». М., 1948, стр. 187.

³⁷ «Противоречивые показания свидетеля не могут быть положены в основу приговора». — Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 12 февраля 1960 г. по делу К. — «Советская юстиция», 1960, № 5, стр. 92.

жит выявить, а это в значительной мере зависит от условий (методики и тактики) допроса в суде.

Противоречия могут быть искусственно исключены путем настойчивой постановки наводящих (внушающих) вопросов, а также путем предварительного оглашения допрашиваемому лицу ранее данных им или другими лицами показаний.

Поэтому «Соблюдение всех правил допроса свидетелей и потерпевших, изложенных в процессуальных нормах (ст. 158, 283, 286 УПК РСФСР), является важным условием получения доброкачественного доказательственного материала³⁸.

Заведомо ложные показания свидетеля (потерпевшего), повлиявшие на приговор, в судебной практике распространены менее, нежели ошибочные показания. Они могут быть обвинительного или оправдывающего характера.

Из табл. 11 видно, что в общем числе ошибок суда в оценке показаний (свидетелей и потерпевших 12,3% обусловлено тем, что суд не выявил оговор обвиняемого свидетелем или потерпевшим, 7% связаны с тем, что суд не учел влияния обвиняемого или близких ему лиц на свидетеля (потерпевшего). Исследованием установлено, что 2% являются (результатом невыявления судом случаев применения незаконных методов допроса на дознании и предварительном следствии.

Мотивы заведомо ложных показаний чаще всего обусловлены той или иной заинтересованностью свидетеля (потерпевшего) в исходе дела³⁹.

При возникновении подозрения, что свидетелем (потерпевшим) даются ложные показания, необходимо выявить характер заинтересованности допрашиваемого, т. е. установить мотив ложных показаний.

Наиболее распространенный метод, используемый в этих случаях, сводится к выяснению взаимоотношений допрашиваемого лица с обвиняемым (ст. 74, 158 и 283 УПК РСФСР).

Норма, запрещающая при допросе свидетелей и потерпевших постановку наводящих вопросов, содержащаяся в ст. 158 УПК РСФСР, относится к предварительному следствию. Было бы целесообразно распространить ее и на суд, включив в ст. 283 УПК РСФСР.

Запрещение ставить наводящие вопросы на практике нередко обходят путем оглашения на предварительном следствии и в суде допрашиваемому лицу ранее данных им или другим лицом показаний.

Ст. 286 УПК РСФСР ограничивает оглашение показаний свидетеля в суде двумя случаями (наличием существенных противоречий в показаниях и невозможностью явки в суд). Поэтому недопустим судебный допрос, начинающийся с вопроса, подтверждает ли свидетель показания, данные на предварительном следствии.

К мотивам ложных показаний этих лиц относят обычно опасение уголовной ответственности в связи с причастностью к преступлению, корысть, месть, жалость, сострадание, стыд и др. (М. Л. Якуб. Показания свидетелей и потерпевших, стр. 49; Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в советском уголовном процессе).

пмичко чакон не содержит перечня вопросов, подлежащих
i!«плгьному установлению для определения отношения сви-
iriojin и потерпевшего к обвиняемому. На практике это при-
водит ,К тому, что «и (следователь, и суд часто бывают удовле-
творены такими ответами свидетеля на вопрос о характере
взаимоотношений между ним и обвиняемым или потерпевшим,
как заявление, что эти взаимоотношения «нормальные», «хо-
рошие», «служебные» или что между ними даже «никаких от-
ношений не существует». Это, несомненно, затрудняет оценку
объективности показаний и при постановлении приговора, и
при проверке его обоснованности вышестоящим судом.

Представляется, что правильная оценка показаний свидете-
ля возможна лишь при условии, когда его показаниям по су-
ществу будут предшествовать заданные ему судом вопросы о
наличии или отсутствии родственных отношений с обвиняемым
и потерпевшим, о степени родства между ними, о том, име-
лись ли у свидетеля с обвиняемым (или потерпевшим) кон-
фликты и взаимная неприязнь или, наоборот,— дружеские
взаимоотношения. При наличии служебных отношений необ-
ходимо выяснить, были ли это отношения подчиненности или
иной зависимости между свидетелем и обвиняемым, свидете-
лем и потерпевшим.

Исследование этих обстоятельств должно сопровождаться их
подробным отражением в протоколе судебного заседания.

Ложные показания свидетелей на предварительном следст-
вии могут быть получены путем применения незаконных ме-
тодов допроса. Эти случаи, как отмечалось, относительно ред-
ки, и они в процессе судебного следствия обычно вскрываются
в связи с почти неизбежным появлением противоречий в пока-
заниях при условии, конечно, что суд не находится «под гип-
нозом» данных предварительного следствия и без предубеж-
дения оценивает полученные сведения.

В этом отношении характерна ошибка, допущенная народным судом
В у [) царского района Чувашской АССР по делу С. и Е.

Работники Вурнарской конторы заготскота С. и Е. изобличались свиде-
телями в хищении государственных средств путем занижения количества
принятого окота. Отменя обвинительный приговор по этому делу, судебная
коллегия Верховного суда Чувашской АССР в определении указала, что в
судебном заседании свидетели изменили показания, причем двое из них
сослались на то, что во время предварительного следствия были арестованы
следователем и водворены в КПЗ, в связи с чем дали ложные показания
против обвиняемых; что народный суд, допустивший необоснованное осуж-
дение подсудимых, не дал оценки этим показаниям свидетелей, не принял
мер к проверке их, не выяснил, допускались ли нарушения социалистической
иаиашности в стадии предварительного следствия⁴⁰.

⁴⁰ Определение от 2 января 1968 г. При доследовании дело С. и Е. было
прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения.

В постановлении о прекращении дела (29 мая 1968 г.) причины из-
•пчичши показаний свидетелями не указаны, нет указаний и на факты
и.-фулмчши законности следователем.

Нередко показания свидетелей и потерпевших претерпева-
ют изменения под влиянием обвиняемого или близких ему
людей. Это подтверждено проведенным исследованием, это от*
мечается и в опубликованной литературе.

Существующие процессуальные гарантии (допрос свидете-
лей порознь и в отсутствие еще не допрошенных свидетелей —
ст. 158 и 283 УПК РСФСР; удаление свидетелей из зала су-
дебного заседания, а также меры, препятствующие общению
допрошенных и недопрошенных свидетелей — ст. 270 УПК
РСФСР), призванные оградить воздействие заинтересованных
лсд на свидетелей, иногда оказываются недостаточными.

В этой связи отдельными процессуалистами вносится пред-
ложение не указывать адреса вызываемых в суд лиц в списке,
прилагаемом к обвинительному заключению⁴¹. Представляет-
ся, что эта мера, создав дополнительные неудобства и трудно-
сти для суда, не достигнет цели: знакомясь с делом при окон-
чании расследования, обвиняемый почерпнет эти данные из
протоколов допросов. Кроме того, в небольших населенных
пунктах сохранить в тайне имена и адреса свидетелей вообще
невозможно.

Возможность общения обвиняемого или близких ему лиц
со свидетелями и потерпевшими, очевидно, неустранима в боль-
шинстве случаев. Поэтому обеспечение достоверности показан-
ний этих лиц следует искать в тщательной проверке их пока-
заний, в создании дополнительных правовых и нравственных
стимулов, обеспечивающих их правдивость.

Правовой гарантией правдивости показаний является воз-
можность привлечения к уголовной ответственности свидетеля
и потерпевшего за заведомо ложные показания.

Выше было показано, что эта гарантия на практике не все-
гда достигает цели. Факты привлечения к уголовной ответст-
венности за лжесвидетельство единичны⁴².

Необходимы, очевидно, дополнительные формы воздействия
на недобросовестных свидетелей и потерпевших (введение ад-
министративной ответственности, использование форм общест-
венного воздействия). Но было бы также целесообразно зако-
нодательное введение свидетельского иммунитета и освобожде-
ние от ответственности свидетеля за ложные показания или за
отказ от показаний о своих близких родственниках, а также
лицах, с которыми свидетели связаны супружескими отноше-
ниями⁴³.

⁴¹ Н. И. Пору бое. Допрос, стр. 211.

⁴² Это подтверждается высказываниями практических работников суда и
прокуратуры в печати (см., например: Л. Смирнов. Лжесвидетельство.—
«Известия», 22 декабря 1967 г.), а также и нашим исследованием.

⁴³ Наше законодательство не содержит какого-либо перечня обстоятельств,
которые могли бы рассматриваться как уважительные причины отказа
свидетелей от показаний. Процессуальное же законодательство ряда со-

... процессуальных правил допроса свидетелей ... не исключает некоторой специфики оценки последнего с учетом его положения активного участии процесса, преследующего и отстаивающего собственные интересы.

Оценивая показания потерпевшего, необходимо отделить фактические данные, т. е. доказательства, от выводов, мнений, версий потерпевшего.

Давая оценку фактическим данным, сообщенным потерпевшим, необходимо учитывать, что преступление, инкриминированное обвиняемому, могло быть связано с действиями и поведением потерпевшего, которые нередко являются поводом к преступлению. В этой связи перед судом обычно возникает задача тщательного исследования личности и поведения потерпевшего.

Верховный Суд СССР подчеркивает, что (выяснение этих данных, касающихся потерпевшего, необходимо не только для определения степени общественной опасности подсудимого и для учета их при назначении наказания, но в ряде случаев может иметь значение для раскрытия обстоятельств преступления, особенно мотивов его совершения⁴⁴.

Общее положение, касающееся оценки показаний потерпевшего, сводится к тому, что суд должен критически относиться к ним, как к показаниям лица, заинтересованного в деле; что в основу обвинительного приговора не могут быть положены предположения и подозрения потерпевшего, а равно его утверждения, противоречащие объективным данным, собранным по делу⁴⁵.

... специалистов стран освобождает свидетеля от обязанности давать показания, если он связан с обвиняемым родственными отношениями.

Практика привлечения свидетелей к уголовной ответственности в подобных случаях чрезвычайно бедна и в советском уголовном процессе. При решении вопроса об уголовном преследовании свидетеля в таких случаях, естественно, учитываются те чувства, которые обычно существуют между близкими родственниками и супругами. Эти же обстоятельства принимаются во внимание и при оценке достоверности показаний. Подобная практика, конечно, затрудняет иногда установление истины, особенно по таким преступлениям, где родственники обвиняемого могут оказаться единственными свидетелями.

Однако освобождение их вообще от уголовной ответственности за ложные показания явилось бы, по нашему мнению, целесообразной мерой, которая кроме чисто этического значения побуждала бы суд к особой тщательности и всесторонней проверке этих показаний⁴⁴.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1966 г. № 4 «У судебной практике по делам об умышленном убийстве» — * о ф " д к по ! с т а н о в л е н и ю П л е н у м а В е р х о в н о г о С у д а С С С Р ». М., 1964,

* * ! ; " . р Т Г Г ^ Т Г ^ Л ^ Л ^ ? ? Й о ? процесса в судебной практике верховных * т н \ m £ m * 0938-1967 гг.)». Под ред. С. В. Бородина. М.,

§ 3. Ошибки суда в проведении экспертизы, оценке заключений экспертов и вещественных доказательств

Вопросы, требующие для своего разрешения специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле, все чаще возникают при расследовании и рассмотрении в суде уголовных дел. Это объясняет необходимость назначать экспертизу и широко использовать заключения экспертов различных специальностей.

Накопление фактического материала и развитие теоретических исследований значительно расширили возможности экспертизы всех видов.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» отмечает все возрастающее использование судебной экспертизы органами расследования и судами для установления фактических обстоятельств преступлений различных видов, принятия правильных и обоснованных судебных решений. В то же время Пленум, обсудив практику рассмотрения судами уголовных дел, отметил недостатки в проведении экспертизы, которые влекут или могут повлечь судебные ошибки.

Критический анализ недостатков, ошибок, нарушений закона при проведении экспертизы, содержащийся в постановлении Пленума, был учтен в настоящей работе.

В рамках этой работы ставилась задача — проанализировать судебные ошибки, обусловленные ошибками суда в назначении и проведении экспертизы, а также ошибками самого эксперта.

За два года исследования (1968 и 1969) в анкетах, заполненных по материалам уголовных дел с приговорами, отмененными по трем процессуальным основаниям, было зафиксировано в общей сложности 3824 процессуальных нарушения, ошибок и других недостатков, допущенных судами в отношении 2052 необоснованно осужденных и оправданных. Из них при проведении экспертизы было допущено 246 процессуальных нарушений и ошибок, т. е. 6,2 %.

По изученным и проанкетированным делам проводились следующие экспертизы: судебно-медицинская, судебно-психиатрическая; техническая; товароведческая; при этом отмечается преобладание судебно-медицинской, судебно-психиатрической и автотехнической экспертиз.

Возможно, судебные ошибки, обусловленные неправильно проведенной экспертизой, выявились бы более широко в отношении одних и менее широко в отношении других видов экспертиз, но это должно быть предметом специального исследования. По ряду дел, помимо неправильной оценки заключе-

Пин -имчнрп, имели место и другие ошибки, а также нарушения.

Четко выявляются и разграничиваются две группы ошибок и. проведении экспертизы и оценке заключения эксперта. В основе одной лежат различные процессуальные нарушения, допущенные или невыявленные судом; другая относится к существу заключения эксперта, т. е. содержанию проведенного им исследования. Каждая из этих групп имеет свои особенности и должна быть рассмотрена отдельно.

Процессуальные нарушения. Экспертиза гораздо чаще проводится на предварительном следствии, чем в суде. Суд, как правило, получает уже составленное заключение эксперта, которое ему надлежит проверить, оценить, сопоставить с другими доказательствами по делу. Один из аспектов этой работы суда — выявление и оценка существенности процессуальных нарушений в назначении и проведении экспертизы «а предварительном Следствии. Когда эти нарушения не выявляются при судебном разбирательстве, они сказываются на оценке судом допустимости заключения эксперта как доказательства. Последнее иногда кладется в основу приговора, хотя характер допущенных нарушений не позволяет признать такой приговор законным и обоснованным. Были выявлены следующие процессуальные нарушения, повлекшие отмену приговоров вышестоящими судами⁴⁶.

1. Непроведение экспертизы, когда она необходима и обязательна.

2. Неправильный выбор эксперта: а) назначение экспертом лица, не обладающего специальными познаниями; б) назначение экспертом лица, заинтересованного в исходе дела; в) непредставление эксперту и неиспользование им необходимых материалов уголовного дела для дачи заключения.

3. Ошибки, допускаемые в процессе проведения экспертизы: а) нарушение прав участников процесса (в основном прав обвиняемого); б) получение экспертом самостоятельно материалов для экспертизы.

4. Судебные ошибки, обусловленные нарушением требований закона об оценке заключения эксперта.

Рассмотрим эти процессуальные нарушения.

1. В каждом конкретном случае суду надлежит решить, необходимы ли специальные познания и из какой именно области, чтобы установить, во-первых, необходимость назначения экспертизы, во-вторых, профиль специалиста, которого следует привлечь в качестве эксперта.

Ошибки судов в решении этих вопросов влекут многочис-

⁴⁶ Многие из этих нарушений были отмечены в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971, г. «О суд- /Л-(ли)й жепертизе по уголовным делам».

ленные случаи непроведения экспертизы, когда по закону или обстоятельствам дела она необходима. Из 246 нарушений и ошибок, допущенных судами в связи с экспертизой и зафиксированных в анкете, 129, т. е. немногим более 50%, приходится на случаи непроведения экспертизы, когда в этом была необходимость, что повлекло односторонность и неполноту судебного следствия и как результат этого —отмену приговора вышестоящим судом.

Уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик предусматривают, кроме общих для всех УПК случаев обязательного проведения экспертизы, необходимость медицинской экспертизы для установления половой зрелости потерпевшей по делам об изнасиловании и развратных действиях, судебно-бухгалтерской экспертизы, если обвиняемый не согласен с результатами ревизии, и некоторые другие.

Непроведение экспертизы объясняется обычно кажущейся ясностью обстоятельств происшедшего и достаточностью других доказательств по делу, что нередко является ошибочным. В частности, это имеет место по ряду дел частного обвинения (о причинении легких телесных повреждений, побоев). В силу кажущейся незначительности расстройства здоровья и легкости повреждений не выявляются иногда тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни в момент причинения или повлекшие в дальнейшем серьезное расстройство здоровья. Поэтому действия обвиняемого квалифицируются не так, как они должны быть квалифицированы на самом деле. При дополни- * тельном расследовании экспертиза устанавливает истинный характер повреждений, что требует и иной квалификации действий обвиняемого⁴⁷.

При рассмотрении дел об автотранспортных происшествиях опять-таки ввиду кажущейся ясности обстоятельств происшествия не всегда, когда это необходимо, проводится автотехническая экспертиза. Проведение экспертизы после отмены приговора нередко выявляло в таких случаях совершенно новые обстоятельства, изменяющие существо дела и характер обвинения⁴⁸.

Отмена приговоров, обусловленная тем, что экспертиза, хотя она и была необходима, не проводилась, имела место и в отношении судебно-психиатрической, товароведческой, криминалистической и других видов экспертиз.

Особенно распространены случаи непроведения судебно-психиатрической экспертизы, когда при рассмотрении дела в

⁴⁷ М. И. Авдеев. Курс судебной медицины. М., 1959; он же. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц. М., 1968.

⁴⁸ И. Г. Маландин. Расследование автотранспортных происшествий. Саратов, 1960.

суде* v« кмшнливается необычность поведения обвиняемого, шл !!«т;п<ищая сомнение в его вменяемости⁴⁹.

К., пьяный, грабил несовершеннолетних. Суд недостаточно проверил i.iiijj- о личности Ж. Его мать — психически больной человек. Ж- в детстве оил м психиатрической больнице с диагнозом: «Психопатия, осложненная *цкитой* черепа». При таких обстоятельствах нужно было провести судебно-пшииатричеакую экспертизу. Поскольку суд этого не сделал, приговор отменен и дело направлено на новое судебное рассмотрение⁵⁰.

М., вахтер, ночью похищал личное и государственное имущество. Совершил 20 краж. М. проявлял странности в поведении, покушался на самоубийство. Учился в школе для умственно отсталых. Во втором классе *бьт* 4 года. Все похищенное за три года хранил дома в 'запертом ящике, куда не имели доступа члены семьи. В числе похищенного — два старых пластмассовых мундштука, две старые катушки от кассет, старая кисточка, старые поломанные карандаши и другие предметы. Ничего не продал и ничем не воспользовался. Приговор отменен и дело направлено на новое судебное рассмотрение для проведения еудббночпшииатрической экспертизы⁵¹.

Не проводится -иногда судебно-психиатрическая экспертиза потерпевшего, показания которого имеют значение для оценки действий обвиняемого.

Г. с 1940 г. на учете у психиатра. В 1966 г. находился один месяц в больнице имени Кашенко. На его показания суд сослался как на беспорное доказательство виновности обвиняемого. В соответствии со ст. 79 УПК РСФСР судебно-психиатрическая экспертиза не проведена, хотя защитник ходатайствовал об этом. В связи с этим приговор был отменен⁵².

Вместо заключения эксперта в суде иногда фигурируют справки о результатах ведомственного исследования каких-либо обстоятельств, заключения ведомственной экспертизы (товароведческой, врачебно-трудовой, военно-врачебной), акты ревизий и другие документы, удостоверяющие факты, для установления которых необходимы .специальные познания эксперта. Иногда суды принимают такого рода документы за заключение эксперта на том основании, что они получены по запросам органов расследования или суда. Экспертное исследование, как указывает упоминавшееся постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г., может быть проведено только лицом, назначенным в качестве эксперта в установленном законом порядке. Упомянутые же выше документы не могут рассматриваться как заключение эксперта, и их наличие не должно привести к отказу от проведения экспертизы.

В частности, заключение врачебной экспертизы, проведенной по инициативе медицинского учреждения, не может быть основанием для вынесения приговора. Оно должно быть проверено экспертизой, назначенной в установленном порядке следователем, прокурором или судом.

«Судебная психиатрия». Учебник для юридических вузов. М., 1971}].
-Гноллотсшь Верховного Суда РСФСР», иi971, № 3, стр. 8.
•iii«uifГ(Мйб Верховного Суда РСФСР», 1970, № 5, стр. 9.
•Бнилсплч* Верховного Суда РСФСР», 1,968, № % стр. 8.

Аналогично должен быть решен вопрос о допустимости в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях против личности актов вскрытия трупов и освидетельствований, проведенных до возбуждения уголовного дела или хотя бы и «еле ело (возбуждения, но при отсутствии постанововлбния о назначении экспертизы. Всякое «внепроцессуальное» исследование должно быть проверено процессуальным путем, т. е. с помощью назначенной в установленном законом порядке экспертизы. Если объект исследования утрачен или поврежден, то задача эксперта может быть ограничена проверкой правильности методики «внепроцессуального» исследования. Например, если вскрытый патологоанатомом труп погребен, но выводы этого специалиста о причине .смерти не вызывают сомнения и не могут быть проверены по причине разложения трупа, то эксгумация может стать излишней. Однако судебно-медицинская экспертиза все равно должна быть назначена для того, чтобы подвергнуть анализу методику произведенного вскрытия и дать оценку СУбошованности выводов патологоанатома.

2. Процессуальные нарушения, допускаемые в связи с назначением экспертизы, встречаются на различных стадиях процесса. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. обращает внимание на необходимость повысить требовательность к органам расследования и судам первой инстанции по соблюдению уголовно-процессуального законодательства при назначении и проведении экспертизы.

а) Назначение экспертом лица, не обладающего специальными познаниями.

Такие случаи, хотя и редко, но еще встречаются в судебной практике. Это может объясняться тем, что в месте расположения суда нет специалиста соответствующей квалификации. Поэтому суд иногда назначает экспертом лицо, которое не может им быть в силу отсутствия у него специальных познаний, или не реагирует на такое же нарушение закона, допущенное следователем. Назначение определенных лиц экспертами может исключаться уже ведомственными «Положениями» о соответствующих видах экспертиз. Так, «Инструкция о производстве судебно-лмедицинской экспертизы в СССР» кате^ Шричааки воспрещает производство судебно-медицинской экспертизы лицами медицинского персонала, не являющимися врачами (п. 28). В частности, не могут быть медицинскими экспертами фельдшера и медсестры. Объем их знаний не позволяет решать вопросы специального медицинского характера по уголовным делам.

Довольно часто повторяющееся нарушение — проведение автотехнической экспертизы специалистом, не имеющим достаточной подготовки для решения таких вопросов, или лицом, уже составившим ведомственное заключение о причинах автопроисшествия, например автоинспектором.

Такое лицо связано своими выводами, полученными вне прогсссп (до возбуждения дела), и поэтому его объективность, <-*m ему затем будет поручена экспертиза, может быть погпилена под сомнение.

Одна из причин поручения экспертизы лицам, не обладающим необходимыми специальными познаниями,— недостаточная обеспеченность экспертами, отдаленность ряда экспертных учреждений от органов расследования и судов. Экспертные учреждения (институты, лаборатории судебных экспертиз, бюро судебно-медици|НИСкой экспертизы) расположены в республиканских и областных центрах. Научно-исследовательские лаборатории судебной экспертизы МЮ СССР и союзных республик обслуживают большие территории, состоящие нередко из нескольких автономных республик, областей, краев. В районах имеются только судеб но -медицинские эксперты, обслуживающие иногда 2—3 района. Большие расстояния нередко исключают возможность своевременного проведения экспертизы компетентным специалистом. Нельзя и отложить проведение экспертизы из-за быстрого изменения объекта исследования. Это вынуждает иногда назначать судебно-медициеаким экспертом «ближайшего к месту назначения врача». Еще сложнее обстоит дело с назначением судебно-психиатрической экспертизы. Таких специалистов в районах нет. Ограничены возможности для стационарной судебно-психиатрической экспертизы. Последняя может быть проведена лишь в областном центре, где опять-таки не всегда имеются специалисты — судебные психиатры. Направление в стационар обвиняемого в особо сложных случаях влечет значительное увеличение сроков расследования и рассмотрения дела в суде. Это объясняет стремление отдельных следователей и судов проводить экспертизу амбулаторно и привлекать к ее проведению специалистов не очень высокой 'квалификации.

Территориальная удаленность экспертных учреждений от органов расследования иногда служит причиной поручения экспертизы работникам оперативно (научно) -технического отделов МВД и в тех случаях, когда дело находится в производстве следователя того же ведомства. Объединение экспертных •и следственных функций в одном ведомстве (хотя и в разных его подразделениях) может восприниматься гражданами как фактор, снижающий объективность заключений экспертов, подрывающий престиж судебной экспертизы.

Кроме того, территориальная удаленность учреждений суддебной экспертизы нередко влечет повреждение вещественных доказательств при пересылке почтой, что в ряде случаев делает невозможным проведение экспертизы. Она же, удаленность, служит причиной невозможности участия экспертов в судебных заседаниях при рассмотрении большого количества уголовных дел. Это создает трудности в проверке и оценке за-

ключения эксперта, составленного на предварительном следствии,- и ведет к нарушению принципа непосредственности, так как приговор не основывается на заключении эксперта, данном непосредственно в суде (суд ограничивается в таких случаях оглашением заключения эксперта, составленного на предварительном следствии, что в ряде случаев не позволяет выявлять ошибки, допускаемые экспертами). По данным нашего исследования, 30% судебных ошибок, обусловленных недостатками в проведении экспертизы, приходится на случаи, когда эксперт- не был вызван в суд. Это еще один довод в пользу расширения сети экспертных учреждений, приближения их территориально к органам расследования и судам.

Следовало бы также организовать регулярные выезды работников экспертных учреждений в отдаленные районы для проведения ряда экспертиз «на месте» и оказания методической помощи местным специалистам.

б) Назначение экспертом лица, заинтересованного в исходе дела. Суд не всегда выясняет обстоятельства, касающиеся заинтересованности в исходе дела лица, назначаемого экспертам.

В частности, экспертами иногда назначались лица, находившиеся в служебной или иной зависимости от обвиняемого, гражданского истца или ответчика, лица, производившего следственные действия по делу, судьи, народного заседателя, лица, участвовавшего в ведомственном расследовании или ревизии. Эти нарушения встречаются на практике и выявляются высшестоящими судами⁵³.

В) Недостаточность или непригодность материала, представленного эксперту для исследования, нередко служит основанием для отмены приговоров. Особенно это касается криминалистической, бухгалтерской, судебно-психиатрической и некоторых других видов экспертизы. Так, материалы, передаваемые эксперту-почерковеду, иногда ограничиваются экспериментальными образцами почерка, выполняемыми под диктовку следователя, тогда как образцы свободного почерка не истребуются. Недостаточность графического материала ставит под сомнение заключение эксперта.

К передаваемым материалам относятся не только те, которые носят специальный характер, например, медицинские документы, материалы ревизий и т. д., но и нередко другие материалы дела, например показания свидетелей о поведении потерпевшего после получения повреждения. Поэтому круг материалов, необходимых в каждом конкретном случае для заключения, различен и может, а иногда и должен выходить за пределы документов чисто специального характера.

Ошибка эксперта и последующая ошибка суда может объ

⁵³ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 5, стр. 11.

1.1.1., недостатками передаваемых эксперту материалов. Судебно-медицинский эксперт по плохо составленным вопросам болезни может неправильно определить степень тяжести телесных повреждений.

Технический эксперт иногда допускает ошибку, если делает заключение по материалам об аварии при отсутствии протокола осмотра места происшествия, акта технического осмотра автомашины и т. п. При судебно-психиатрической экспертизе нередко наблюдается отсутствие у эксперта сведений о поведении обвиняемого до совершения общественно опасных действий, которые должны быть получены от родственников, близких подэкспертного путем проведения следователем (судом) соответствующих процессуальных действий.

Отсутствие документов из медицинских, в частности психиатрических, учреждений, где обвиняемый (ранее состоял на учете или был на излечении, например отсутствие сведений о перенесенной обвиняемым черепно-мозговой травме, может сказаться на заключении эксперта и послужить причиной судебной ошибки.

3. Нарушения, допускаемые в процессе проведения экспертизы:

а) Нарушение прав обвиняемого и других участников процесса при проведении экспертизы.

Наиболее распространенными нарушениями прав обвиняемого при проведении экспертизы, допускаемыми следователем и судом, являются следующие: незнакомление обвиняемого с заключением эксперта, когда экспертиза проводилась до привлечения лица в качестве обвиняемого; совмещение момента ознакомления обвиняемого с заключением эксперта и момента окончания расследования; неполное разъяснение обвиняемому его прав в связи с проведением экспертизы; необоснованное отклонение следователем и судом ходатайств обвиняемого и защитника о привлечении к проведению экспертизы более компетентных специалистов, о постановке перед экспертом дополнительных вопросов, о вызове в суд эксперта, проводившего исследование на предварительном следствии, и некоторых других. Эти нарушения, невыявленные (допущенные) судом, довольно часто влекут на собой отмену приговора.

б) Получение экспертом самостоятельно материалов для экспертизы носит довольно распространенный характер при проведении судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, но встречается (и при проведении других экспертиз). В частности, это имеет место при собирании анамнеза у обвиняемого и потерпевшего. Нередко при осмотре потерпевшего последний сообщает судебно-медицинскому эксперту сведения, которые он по тем или иным причинам не сообщил следователю. То же самое наблюдается и при получении анамнеза у потерпевшего при проведении судебно-психиатрических экс-

и SB

пертиз. Эксперт заносит анамнестические сведения в акт экспертизы (заключение эксперта). Это обстоятельство выясняется лишь при судебном разбирательстве дела. В таких случаях эксперт волей-неволей становится свидетелем. Однако обычно суд мимо этого нарушения проходит, оценивая такое заключение эксперта по его содержанию. Это может послужить причиной ошибочных выводов суда, если анамнестические сведения, полученные от заинтересованного в деле лица — обвиняемого, потерпевшего, — не были проверены следователем и судом. Эксперт нередко требует и получает медицинские документы не через следователя и суд, а самостоятельно сам направляет потерпевшего на консультацию к другим специалистам, получает их мнение и с учетом его составляет свое заключение⁵⁴.

Эксперт-бухгалтер самостоятельно, а иногда и по указанию следователя, в ряде случаев требует и получает акты ведомственных ревизий, на основе которых делает свои выводы⁵⁵. Экспертизы, проведенные с такими процессуальными нарушениями, не всегда подвергаются должной оценке суда, что служит источником судебных ошибок.

4. Ошибки суда, обусловленные нарушением требований закона об оценке заключения эксперта. Заключение эксперта должно быть критически оценено судом, проверено и сопоставлено с другими доказательствами по делу. Такая проверка не только возможна, но необходима, обязательна. Суд должен быть убежден в том, что заключение эксперта основано на данных науки, что оно вытекает из них.

Ошибки суда нередко объясняются не критическим отношением к заключению эксперта, принятием его как бесспорного доказательства. Это положение в дальнейшем будет развито и конкретизировано.

а) Оценка квалификации эксперта. Закон (ст. 78 УОК РСФСР) не случайно установил, что в заключении эксперта должны быть указаны сведения о нем. Эти сведения позволяют судить в известной мере и о квалификации эксперта. Компетентность эксперта должна быть обязательно проверена судом. Суд имеет перед собой не абстрактную фигуру эксперта, а всегда конкретное лицо, специальные знания которого зависят от весьма многих обстоятельств. Существенное значение имеет опыт работы эксперта по специальности, его стаж. Хотя стаж сам по себе тоже не всегда определяет квалификацию эксперта. Эксперт, работающий в течение многих лет в одном и том же районе и имеющий ограниченный объем экспертной работы, за многие годы ни разу не повышавший своей квали-

М. И. Авдеев. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц.
С. С. Остроумов, С. П. Фортинский. Судебно-бухгалтерская экспертиза в уголовном процессе. М., 1965.

фикции в специальных курсах, подчас может оказаться не и т.п. разрешить определенные вопросы, требующие специальных знаний.

Эти обстоятельства должны учитываться судом при оценке заключения такого эксперта. Его ошибки могут быть значительно более тяжелыми и глубокими по своим последствиям, чем ошибки специалиста с малым опытом, но свежими знаниями по своей специальности. Все усиливающаяся дифференциация отраслей науки и специализация экспертов требует выяснения уровня квалификации эксперта именно в тех специальных вопросах, которые предложены ему на разрешение. Сравнительно недавно, несколько десятков лет тому назад, сложился тип криминалистической экспертизы с весьма ограниченным кругом исследований, выполнявшихся в полном объеме, как правило, одним и тем же специалистом. В настоящее время определилась необходимость специализации по отдельным видам экспертизы: почерковедению, судебной баллистике, технической экспертизе документов и др.⁵⁶

То же самое происходит и в других отраслях науки. Судебно-медицинский эксперт может решать вопросы (клинической практики, анестезиологии и др. Врач-клиницист не может квалифицированно провести судебно-медицинскую экспертизу. Вот почему суд при оценке заключения эксперта должен тщательно изучить вопрос о его квалификации, специализации, научной компетентности.

б) Требуется выяснения и вопрос об объективности эксперта, наличии оснований для его отвода как лица, могущего быть заинтересованным в исходе дела. Необходимо учитывать и психологические факторы, воздействующие на эксперта: влияние на него обстоятельств дела, характер преступных действий обвиняемого, показания потерпевших и свидетелей, особенно не относящиеся к предмету экспертизы. Все это может вызвать неумышленную, подсознательную необъективность эксперта. На неспециалиста, не эксперта по должности, для которого непривычна сама процедура судебного процесса, последняя может оказать определенное психологическое влияние, вызвать растерянность или желание «приспособить» научную аргументацию к процессуальным требованиям одной из сторон. У суда имеется единственное средство обнаружения психологических «наслоений» в деятельности эксперта — анализ аргументации, приведенной экспертом, по существу.

в) Превышение экспертом пределов своей компетенции.

Вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение не могут выходить за пределы специальных познаний эксперта. На практике эксперт нередко выходит за пределы своей компетенции, начиная подвергать оценке доказательства по

⁵⁶ «Криминалистика». Учебник для юридических вузов. М., Ш68.

делу, решать вопросы, не имеющие отношения к его специальным познаниям, в частности, указывать в своем заключении на умысел и его направленность, квалифицировать действия обвиняемого как противоправные и т. п.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. указывает, что суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию, например: имело ли место хищение или недостача, убийство или самоубийство и т. п. Практика показывает, что такого рода ошибки при постановке перед экспертом вопросов и их разрешении встречались не так уж редко. Это объясняется тем, что продолжительное время велась дискуссия по вопросу о праве судебно-медицинского эксперта определять «род» насильственной смерти, т. е. устанавливать, имело ли место убийство, самоубийство, несчастный случай. Главный судебно-медицинский эксперт Министерства здравоохранения СССР направил всем судебно-медицинским экспертам циркулярное письмо № 306 от 29 февраля 1956 г. В нем разъяснялось, что в процессе проведения экспертизы судебно-медицинский эксперт имеет право представить свое мотивированное заключение о роде насильственной смерти (убийство, самоубийство, несчастный случай), когда этот вывод вытекает из специальных познаний судебно-медицинского эксперта (теоретической подготовки и практического экспертного опыта) и результатов судебно-медицинского исследования трупа.

Это противоречит закону, а теперь и постановлению Пленума Верховного Суда СССР, письмо подвергалось на протяжении ряда лет критике со стороны юристов⁵⁷. Тем не менее оно опубликовано в официальном Сборнике⁵⁸ и не отменено до сих пор.

В делах, связанных с хищением государственной и общественной собственности, эксперты-бухгалтеры иногда превышают пределы своей компетенции, давая в заключениях такие определения, которые претендуют на юридическую квалификацию действий обвиняемого (хищение, растрата, умышленное создание излишков и т. д.).

В делах об автопроисшествиях эксперты нередко указывают, какие правила движения нарушены, и тем самым превышают пределы своей компетенции. Имеются в виду, конечно, не правила с техническим содержанием, а такие дозволения и запреты, которые доступны пониманию всех граждан и не требуют научно-технического обоснования.

⁵⁷ А. В. Дулов. Права и обязанности участников судебной экспертизы, Минск, 1967; И. Л. Петрухин, Экспертиза как средство доказывания. М., 1964; и др.

⁵⁸ «Сборник организационно-методических материалов по судебно-следственной экспертизе», М., 1960.

и не может в своем заключении делать выводы, относящиеся к исключительной компетенции органов следствия и гудп. Как далеко могут заходить эксперты в этой области, ни-ни) ш определения Верховного Суда СССР по делу Ш.

Ш., старший бухгалтер, был обвинен в присвоении 20 тыс. руб. Воиновым себя не признал. Обвинение Ш. было основано главным образом на данных первичной и дополнительной экспертиз с заключением эксперта-почерковедо о вероятности дописок в документах обвиняемым Ш. Верховный Суд указал, что это заключение не имеет доказательственной силы. Заключение должно быть основано на требованиях современной науки, т. е. тождество почерка Ш. с почерком лица на документах должно устанавливаться наличием определенных признаков и их научным объяснением. Требуется особая тщательность при установлении тождества между дописками и беспорным почерком Ш., поскольку текст дописок крайне незначителен. Заключение эксперта К. не является графической экспертизой, так как в нем не указывается никаких признаков тождества почерка в дописках с почерком Ш. «Категорический» вывод делается не на основании криминалистики, а основывается на предложениях, ничего общего со специальностью данного эксперта не имеющих. Положив в основу своего заключения «исследование всех обстоятельств дела», эксперт К., давая оценку доказательствам по делу и создания свою обвинительную версию, вышел за пределы своей компетенции и присвоил себе функцию органов следствия и суда⁵⁹,

Распространение на практике превышения экспертами различных специальностей пределов своей компетенции свидетельствует о недостаточной осведомленности их о положениях закона, своих правах и обязанностях. По-видимому, необходимо, чтобы в положениях, -инструкциях по отдельным видам экспертиз были четко сформулированы указания о пределах компетенции эксперта данной специальности.

г) Неполнота исследования экспертом объекта экспертизы. Оценка заключения, эксперта в судебном заседании должна касаться и полноты исследования им объекта экспертизы. Это может быть установлено анализом самого заключения и соответствия действий эксперта требованиям инструкций по проведению определенного вида экспертизы.

Правила судебно-медицинского исследования трупа устанавливают обязательность вскрытия трех полостей тела: черепа, груди и живота. Вскрытие трупа считается неполным, если какая-нибудь полость тела не вскрывается. При неполном вскрытии не может быть дано заключение о причине смерти. Принятие судом такого заключения может привести к судебной ошибке. Примером может служить дело по обвинению К -

К. в состоянии опьянения совершал хулиганские действия на улице, ударив прохожих, оскорбил. К нему подошел 18-летний Р. в ударил по лицу. К- бросился на Р., свалил его на землю, стал душить. Р. выпался, вскочил на ноги, пробежал несколько шагов и упал. Его доставили в больницу, где он вскоре умер.

См. прик постановлений Пленума, определений коллегии Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946-1962 гг., стр. 117-118.

Труп Р. был доставлен на вскрытие с постановлением следователя, в котором было указано, что Р. был задушен.

Эксперт ограничился вскрытием грудной и брюшной полостей и, не вскрыв головы, подтвердил постановление следователя. К. был приговорен к суровому наказанию. Верховный суд республики приговор оставил в силе. Верховный Суд СССР приговор отменил и дело направил на дополнительное расследование.

Таким образом, при первом расследовании не был вскрыт череп трупа Р., что эксперт обязан был сделать. Без вскрытия черепа эксперт не мог и не имел права дать заключение о причине смерти Р. Истинная же причина смерти могла заключаться в болезненных изменениях сосудов мозга и его оболочек.

Кроме того, заключение свидетельствовало о недостаточной квалификации эксперта. Человек, которого задушили, не мог после этого вскочить на ноги и побежать. Если же Р. после нападения на него это сделал, то значит причиной его смерти было не задушение руками. Все это мог и должен был установить суд при анализе и оценке заключения эксперта..

Имела место и неполнота расследования. Не были допрошены свидетели о состоянии Р. после его падения и на пути следования в больницу, не был допрошен принимавший Р. врач. Эти сведения имели значение для суждения эксперта и суда о причине смерти Р..

Оценка судом научной обоснованности заключения эксперта. Оценка заключения эксперта возможна при углубленном анализе самого заключения и сопоставлении его с другими доказательствами по делу. Суд может и обязан выяснить, на каких научных данных основано заключение эксперта, какие методы исследования были применены, соответствуют ли они современным возможностям и данным науки, обосновывает ли эксперт свое заключение данными науки или лишь предположениями. Эти сведения можно получить в соответствующих справочниках, руководствах, а также прибегнуть к консультации крупных ученых. В необходимых случаях эксперт может сам разъяснить смысл исследований и научной аргументации (например, при его допросе). Оценка сомнительных заключений способствует проведению повторных экспертиз.

Хотя экспертиза назначается и проводится для решения специальных вопросов, тем не менее суд имеет возможности и обязан выяснить научные основания противоречивых заключений экспертов по одному и тому же делу. Противоречивость заключений может быть обусловлена недостаточной научной разработкой вопросов, для разрешения которых проводится экспертиза. В таких случаях ответственность суда еще более возрастает, особенно когда экспертиза проводится по вопросу, от правильного разрешения которого зависит вынесение обвинительного или оправдательного приговора.

При наличии двух противоречивых экспертиз иногда не анализируются заключения экспертов по существу и назначается третья экспертиза в более высокой экспертной инстанции. Ее заключение и принимается как доказательство. Такую практику нельзя признать правильной. Проверка заключения первичной и повторной экспертиз, сопоставление их с дру-

ИМП чокпллтгльствами по делу, допрос экспертов, позволяющим пышпппть научную обоснованность данных ими заключений, позволяют в ряде случаев не прибегать к назначению дополнительной экспертизы. Не должны влиять на суд сами по себе личные степени и звания специалиста, привлеченного в качестве эксперта. Его заключение должно быть так же тщательно проверено, подвергнуто анализу, сопоставлено с другими доказательствами по делу, как и заключение любого другого эксперта.

«...») для того чтобы осуществлять критическое рассмотрение заключения эксперта, судья должен быть сам достаточно к этому подготовлен. Только тогда он сможет ставить нужные вопросы эксперту и оценивать его заключение по существу. Поэтому подготовка к рассмотрению дела не может не включать изучения вопросов специального характера, поставленных перед судом.

К отдельным видам экспертиз наблюдаются следующие ошибки экспертов, не всегда выявляемые. Изучение этих ошибок поможет предупредить их и в будущем.

Судебно-бухгалтерская экспертиза. Отмечается некорректное отношение экспертов-бухгалтеров к актам ведомственных ревизий, принятие их за основу, без проверки процессуальным путем подлинности документов, в частности, с помощью другой экспертизы, например криминалистической.

Судебно-психиатрическая экспертиза. Наблюдается некорректное отношение к заключениям амбулаторной экспертизы, а также с чем иногда по назначаются повторная стационарная экспертиза, хотя по обстоятельствам дела возникают сомнения в психическом состоянии обвиняемого.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 марта 1971 г. указано, что хотя решение вопроса о проведении экспертизы путем амбулаторного или стационарного обследования лица входит в компетенцию эксперта, суд, исходя из обстоятельств дела, в определении может указать на необходимость экспертизы с помещением подсудимого в соответствующее медицинское учреждение для стационарного наблюдения.

Встречается и немотивированное отклонение заключения эксперта-психиатра, связанное с переоценкой судьями своих возможностей в области судебной психиатрии, кажущейся некоторым из них «простой и общедоступной».

Заключение эксперта, как известно, не имеет предустановленной силы. Но суд обязан свое несогласие с заключением обосновывать. Примером таких ошибок суда является дело В. (1971 г.).

В., 35 лет, член ВЛКСМ, женат, имеет ребенка, аспирант института АН СССР, в подъезде дома, приставил к ее груди

перочинный нож и потребовал 3 руб. Когда она дала ему эти деньги, он потребовал у нее еще столько же, а потом сказал, чтобы она убиралась. З. пошла домой, рассказала о случившемся матери, и они вызвали милицию. Прибывший через 30 мин. после вызова милиции-офицер нашел В. стоящим у того же дома, прислонившимся к столбу и держащим в руках взятые деньги. В. не уходил, не сопротивлялся при задержании и в отделении милиции. Амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза, проведенная в тюрьме, признала В. вменяемым. Народный суд Советского района Москвы несколько раз рассматривал дело В. и в конце концов осудил его. Городской суд по жалобе защитника отменил приговор, и В. был направлен в Институт судебной психиатрии имени В. П. Сербского, где обследовался в течение двух месяцев. В заключении этого Института было указано, что у В., несомненно, наблюдалось временное болезненное расстройство психической деятельности. По своему психическому состоянию в настоящее время он в принудительном лечении не нуждается. Однако в связи с наличием опухоли головного мозга В. подлежит срочному переводу в нейрохирургический стационар.

Народный суд Советского района Москвы без достаточной мотивировки отклонил заключение Института и вновь осудил В. Городской суд отменил и этот приговор, указав, что заключение экспертизы Института отклонено необоснованно. Народный суд Советского района Москвы отклонил предложение Городского суда рассмотреть дело по существу и на основе имеющихся заключений вынес решение о назначении новой психиатрической экспертизы. В состав экспертов были включены представители первой амбулаторной экспертизы (грубое нарушение требований ст. 81 УПК РСФСР), но не привлекались эксперты из Института имени Сербского. Московский городской суд передал дело на новое рассмотрение в народный суд Московского района. Последний, рассмотрев дело В., освободил его от уголовной ответственности и дело производством прекратил. Никак нельзя понять действия народного суда Советского района, без какой-либо мотивировки отклонившего заключение экспертной комиссии Института и не выполнившего указаний вышестоящего суда.

Ошибки суда относятся и к вынесению определения о необходимости принудительного лечения. В одних случаях акты экспертизы оказывались неполноценными, в других — экспертизы не вызывались в суд.

Судебно-медицинская экспертиза. Одной из нередко повторяющихся ошибок является неправильное определение степени тяжести телесного повреждения, чаще всего в сторону ее повышения, реже — понижения. Заключение эксперта по этому поводу нередко принимается на веру, хотя суд имеет полную возможность проверить соответствие этого заключения Правилам по определению степени тяжести телесного повреждения, а также материалам дела.

Неправильное заключение судебно-медицинского эксперта о степени тяжести телесных повреждений нередко приводит не только к ошибочному выводу суда о виновности или невиновности, но и к ошибочному удовлетворению гражданского иска о возмещении вреда.

В. была осуждена по ст. 109 ч. I УК РСФСР к 6 месяцам исправительных работ с удержанием 20% заработной платы за причинение менее тяжких телесных повреждений. Суд удовлетворил и гражданский иск о возмещении вреда, вызванного длительным лечением потерпевшей Ч. Общая сумма, выплаченная В., превышала тысячу руб.

Через некоторое время Ч. вновь обратилась в суд с новым иском по поводу возмещения вреда, связанного с очередным пребыванием в психиатрической больнице. Народный суд вынес решение о назначении судебно-медицинской экспертизы.

Комиссия экспертов ознакомилась со всеми материалами дела, запротоколировала все медицинские документы Ч. о ее лечении, осмотрела Ч. и установила, что эксперт неправильно определил степень тяжести телесных повреждений, причиненных Ч. Ей были причинены не менее тяжкие, а легкие телесные повреждения, не повлекшие расстройства здоровья. Кроме того, было установлено, что нет причинной связи между получением Ч. телесных повреждений и имевшимся у нее расстройством здоровья. Последнее объясняется бывшим у нее до причинения повреждений заболеванием (гипертонической болезнью, астеноневротическими реакциями).

Ошибочный приговор объясняется не критическим отношением (суда к заключению судебно-медицинского эксперта).

Пленум Верховного Суда СССР показал, каким должен быть анализ заключения эксперта по вопросу о степени тяжести телесных повреждений, всесторонне проанализировал ошибки суда первой и кассационной инстанций по делу Ч., обусловленные не критическим отношением судов к заключению (судебно-медицинского эксперта, не установившего степень тяжести телесного повреждения⁶⁰.

Судебная ошибка может быть обусловлена неправильной оценкой судебно-медицинским экспертом причинной связи между действиями обвиняемого и смертью потерпевшего.

Проблема причинной связи в судебно-медицинской практике разработана. Иногда причинная связь обосновывается экспертом лишь по последовательности событий. Причинно-следственные отношения очень сложны и требуют глубокого анализа в пределах компетенции эксперта. Нередко причинная связь лишь кажется «очевидной». Такова, например, неожиданная смерть во время бытового конфликта, когда потерпевшему были причинены лишь легкие телесные повреждения. Для свидетелей и суда причинная связь в подобных случаях нередко бесспорна. Но иногда и эксперт, основываясь на наступлении смерти, определяет незначительные телесные повреждения как тяжкие по признаку опасности для жизни. Следствием такого заключения является квалификация действий обвиняемого как умышленного или неосторожного убийства. Конечно, это ошибочный судебный приговор. На самом деле смерть наступает в этих случаях от острой сердечно-сосудистой недостаточности у больного человека в связи с физическим напряжением и эмоциональным возбуждением. Значит обвиняемому может быть вменено только причинение легких телесных повреждений. В зависимости от обстоятельств, действия его могут быть квалифицированы и как хулиганство. В подобных случаях ни умысла на убийство, ни неосторожности установить нельзя.

⁶⁰ В. И. Митин. Верховного Суда СССР», 1-969, № 9, стр. 26.

• При неожиданной смерти во время бытовых конфликтов суд не может удовлетворяться общими рассуждениями о причинной связи, а должен потребовать от эксперта развернутого, убедительно аргументированного, понятного для не специалиста заключения о причине смерти и характере связи между повреждениями и смертью.

Вопрос о характере причинной связи возникает и при так называемых «базальных субарахноидальных кровоизлияниях».

При ссоре, драке с причинением телесных повреждений, а то и без них, иногда наступает скоростная смерть. Ее наступлению способствует алкогольное опьянение. При вскрытии трупа обнаруживаются в одних случаях небольшие кровоизлияния в области головы, лица, в других — в области груди, живота, в третьих — никаких повреждений не обнаруживается. Повреждения оцениваются всегда как легкие, не влекущие расстройства здоровья. Но при вскрытии трупа умершего обнаруживается кровоизлияние под мягкую мозговую оболочку на основании мозга («базальное субарахноидальное кровоизлияние»). Это кровоизлияние и является причиной смерти. Причина такого кровоизлияния — разрыв болезненно измененной стенки сосуда основания мозга (аневризмы).

На основании громадного числа наблюдений хорошо известно, что разрывы таких болезненно измененных сосудов возможны и без всякой травмы. Нередко они происходят самопроизвольно, иногда во сне, часто при физических и эмоциональных напряжениях. С другой стороны, хорошо известны и факты отсутствия разрывов аневризм при тяжелых черепно-мозговых травмах с переломами костей черепа. Таким образом, бесспорно установлено, что аневризмы могут разрываться без всякой травмы и не разрываются при тяжелой черепно-мозговой травме.

Когда разрывы аневризм происходят во время ссоры, драки, при наличии лишь легких телесных повреждений, а иногда и при полном отсутствии повреждений, заключения экспертов о механизме разрыва аневризмы нередко бывают диаметрально противоположными. Одни считают, что причина разрыва аневризм, а значит и смерти — удар по голове⁶¹, другие на основании строго проверенных научных данных доказывают, что разрыв аневризм вызван повышением кровяного давления внутри сосудов в связи с эмоциональным возбуждением и физическим напряжением в конфликтной ситуации⁶². Не только экспертная, но и судебная практика в отношении таких про-

В. И. Прозоровский, Б. Д. Левченко. К вопросу о судебно-медицинской оценке внутричерепных кровоизлияний.— «Судебно-медицинская экспертиза». М., 1964, № 1, стр. 39—44.

В. И. Авдеев. О субарахноидальных кровоизлияниях и их судебно-медицинском значении.— «Вопросы судебно-медицинской экспертизы». М., 1958, № 3, стр. 169—184.

исшегтш неодинакова. В одних случаях (действия обвиняемого, уч. и т. в. в драке, квалифицируются как умышленное убийство, в других — как неосторожное убийство, в третьих — как умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть. Все эти квалификации действий являются ошибочными на следующих основаниях. Действия обвиняемого не могут быть умышленными. Обвиняемый не мог знать, что у потерпевшего — аневризма сосудов основания мозга и иметь умысел разорвать ее ударом кулака по голове, лицу, груди, животу и т. д. Диагностика аневризмы требует сложных клинических обследований, рентгенографии. Ошибочна квалификация действий обвиняемого и как совершенных по неосторожности. Как уже отмечалось, обвиняемый не мог и не должен был предвидеть наличие у потерпевшего аневризмы сосудов основания мозга. Несостоятельна и квалификация действий обвиняемого как тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть. Удар кулаком с причинением незначительного кровоизлияния не может квалифицироваться как тяжкое телесное повреждение, умышленное или неосторожное. В практике судбно-медицинских амбулаторий подобные повреждения встречаются в значительном числе и они не влекут за собой таких последствий.

Так ошибочное заключение эксперта о причинной связи неправильно оценивается судом, допускающим ошибку в уголовно-правовой квалификации. И эксперт, и суд затянута тем, что смерть последовала во время или вскоре после драки. Отсюда — ошибочный приговор, осуждение невинного. В основу приговора не могут быть положены немотивированные, предположительные, противоречивые и неполные заключения экспертов.

В повестку дня должна быть поставлена задача широкого ознакомления судей с возможностями основных видов судебной экспертизы: судебно-медицинской, судебно-психиатрической, судебно-бухгалтерской, криминалистической, автотехнической и др., с особенностями оценки заключений этих экспертиз. Это позволит значительно сократить количество судебных ошибок.

Ошибки суда, связанные с неправильной оценкой вещественных доказательств. При рассмотрении уголовных дел вещественные доказательства фигурируют очень часто и нередко имеют решающее значение (похищенное имущество, оружие, пушки, пули, отпечатки пальцев и др.). Количественная и качественная характеристики их исключительно многообразны. В одних случаях вещественные доказательства непосредственно рассматриваются и оцениваются судом. В других — они требуют специального исследования, экспертизы.

В последнем случае, кроме оценки вещественного доказательства как объекта экспертизы, судом оценивается и заклю-

чение эксперта. При экспертном исследовании вещественное доказательство может быть уничтожено полностью, например, следы крови, спермы на одежде, следы краски и др. Суд лишается возможности осматривать само вещественное доказательство и оценивает его на основе протокола осмотра, составленного следователем, и заключения эксперта.

При оценке вещественных доказательств необходимо установление их относимости, допустимости, достоверности.

Оценка *относимости* вещественных доказательств состоит в выявлении их способности в совокупности с другими доказательствами по делу подтверждать или опровергать ту или иную следственную (судебную) версию. Ошибки в оценке относимости вещественных доказательств судом чаще всего сопряжены с неполным выдвижением и исследованием следственных (судебных) версий, преждевременным отказом от исследования версий, не вполне опровергнутых.

Проверка судом соблюдения закона при обнаружении, осмотре, изъятии, фиксации, хранении, исследовании вещественного доказательства — необходимое условие оценки его *допустимости* и предупреждения судебной ошибки.

Практика показывает, что процессуальные нарушения, допущенные при изъятии, направлении на исследование и самом исследовании вещественных доказательств не всегда выявляются судом, что влечет вынесение незаконного приговора.

Так, не всегда выявляются нарушения уголовно-процессуального закона при осмотре места происшествия и осмотре трупа. Одежда трупа нередко является важным вещественным доказательством при наступлении смерти от повреждений, причиненных огнестрельным оружием, острыми и тупыми орудиями, при транспортных происшествиях и т. д. Исследование одежды позволяет установить особенности предмета, причинившего повреждение, расстояние выстрела, направление движения пули, орудия, транспорта, механизм повреждений. По следам крови на одежде можно определить положение потерпевшего в момент причинения повреждений и другие необходимые для установления истины данные. Одежда как вещественное доказательство в соответствии с требованиями закона (ст. 84 УПК РСФСР) должна быть в момент ее обнаружения подробно описана в протоколе осмотра, изъята и приобщена к делу особым постановлением следователя. При направлении на экспертизу вещественное доказательство должно быть правильно зафиксировано, упаковано и с постановлением о назначении экспертизы направлено для производства экспертизы.

На практике эти требования не всегда соблюдаются. Одежда при осмотре трупа на месте его обнаружения нередко не изымается, а направляется вместе с трупом. Ее осматривает и описывает уже в морге судебно-медицинский эксперт. Он сам направляет ее для специального исследования (фактически для

•jiviiiimi ы) в физико-техническое отделение Бюро судебно-
Mrintimicivoji экспертизы и, получив заключение (специалиста,
•киг им его основе свое собственное заключение, например о
к.пгтояшш выстрела и т. д.

Тот же недостаток наблюдается и при направлении на исследование других объектов, например орудия преступления, органов из трупа и т. д. Здесь налицо ряд нарушений требующий уголовно-процессуального закона. В таких случаях еамо вещественное доказательство и его исследование могут быть опорочены. Ставится под сомнение допустимость и достоверность вещественного доказательства. Нельзя доказать, что обнаруженные, описанные и исследованные экспертом следы возникли во время происшествия, а не при транспортировке трупа к месту его вскрытия, что исключена ошибка в изъятии, отправлении органов и крови именно данного трупа. Однако подобные нарушения не всегда выявляются судом и могут быть источником ошибочного приговора.

Нередко основанием для отмены приговора служит непри-
•общение к делу вещественного доказательства.

Ошибки суда в оценке вещественных доказательств заключаются и в том, что суд не всегда выясняет связь приобщенных к делу ^вещественных доказательств с событием пр-естушения,

Ш. был осужден по ст. 117 ч. 3 УК Груз. ССР за изнасилование девочки 9,5 лет. Ш. свою вину отрицал. Потерпевшая опознала Ш. по его очкам и кейку. В дальнейшем было установлено, что Ш. кепку и очки купил после •тт, КЖ было совершено преступление. Кассационная инстанция отменила .питонов ,д дело прекратила.

Ошибки суда, связанные только с ошибочной оценкой вещественных доказательств, выявлены нашим исследованием лишь в единичных случаях (чаще всего они сопряжены с ошибочной оценкой заключения эксперта).

Изучение всех имеющих значение для дела признаков вещественного доказательства, обнаруженных непосредственно или выявленных при его экспертном исследовании, сопоставление их с другими доказательствами по делу позволяет избежать судебных ошибок и сделать правильные выводы по уголовному делу.

§ 4. Ошибки суда <в оценке результатов опознания следственного (судебного) эксперимента и проверки показаний на месте

Протоколы опознания, следственного эксперимента и про-
сарКН показаний являются результатом сопоставления показаний обвиняемого, подозреваемого, свидетелей и потерпевших с объективными данными.

Доказательственное значение протоколов этих следственных /н'пгншп, достоверность установленных ими фактов зави-

сят, в первую очередь, от того, насколько правильны были исходные данные, и, кроме того, не было ли допущено нарушений закона при их проведении.

Исследование причин судебных ошибок свидетельствует о том, что суды при рассмотрении дел допускают ошибки и в оценке результатов таких следственных действий, как опознание, следственный эксперимент и проверка показаний на месте.

В анкете № 1 на 2052 обвиняемых, в отношении которых приговоры были отменены, зафиксировано следующее количество ошибок: •

Результаты опознания	12
Результаты следственного эксперимента и проверки показаний на месте	23
Итого	35

Из общего числа ошибок удельный вес ошибок судов в оценке результатов опознания, следственного эксперимента и проверки показаний на месте незначителен и составляет около 1,5%. Несмотря на то что количество приговоров, отмененных в связи с ошибками в оценке результатов указанных следственных действий, невелико, опасность этих ошибок несомненна⁶³.

Ошибка суда в оценке результатов опознания. Сущностью опознания является отождествление опознающим какого-либо объекта по его мысленному образу, возникшему в результате того, что опознающий ранее видел этот объект. Посредством предъявления для опознания устанавливается личность преступника и потерпевшего, принадлежность предметов тому или иному лицу, а также могут быть проверены показания свидетелей, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого⁶⁴. *

Изучение конкретных дел, по которым суды допустили ошибки в оценке результатов опознания, показало, что эти ошибки проистекают в основном из-за допущенных в стадии предварительного расследования нарушений закона и тактических приемов проведения опознания. Суды же при рассмотрении дел без надлежащей проверки и оценки результатов опознания положили их в основу приговора.

О наиболее распространенных ошибках, допускаемых су-

Приведенные цифровые данные не учитывают уголовных дел и материалов судебной практики, изученных автором вне анкетирования.

П. Л. Цветков. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. М., 1971; Г. И. Бочаров. Опознание на предварительном следствии. М., 1955.

ММП и оценке результатов опознания, можно судить по следующим данным (число случаев, выявленных исследованием):

Лицо или предмет предъявлялись отдельно от других лиц, предметов
Опознающий нетвердо опознал
лицо предмет
Лицо было опознано только по родовым признакам (рост, фигура и т. п.)
Опознающий ранее видел опознанного среди задержанных
Опознающему до предъявления для опознания был указан опознанный или показана его фотография
При наличии нескольких опознающих они общались между собой в процессе опознания _____

Итого: 12

Количество ошибок, допущенных судами в оценке результатов опознания, невелико и составляет около 0,5% от общего числа судебных ошибок, но они могут быть наиболее трагичными.

Для того чтобы избежать ошибок в оценке результатов опознания, представляется необходимым, чтобы при рассмотрении дела в суде были оглашены и исследованы данные, содержащиеся в протоколах допросов лиц, ставших затем опознанными, и чтобы было установлено, какие приметы лица и предмета были названы опознающими при первом допросе, при последующих допросах, конкретны ли эти признаки; насколько они индивидуализируют определенный объект. Затем необходимо обратиться к протоколу предъявления лиц или предметов для опознания, обратив внимание на то, по каким признакам опознаны лицо или предмет и были ли соблюдены условия, необходимые для проведения опознания. Необходимо также изучить протокол допроса опознанного и обратить внимание на то, чем объясняет он факт опознания.

Изучение, исследование содержания протоколов этих следственных действий поможет суду решить вопрос о том, насколько правильно было произведено опознание. Кроме допроса опознающего и опознанного, в отдельных случаях целесообразно допросить в суде понятых, присутствовавших при проведении опознания.

Судебное ведомство некоторых союзных республик допускает проведение опознания и во время судебного след-

ствия⁶⁵. Однако это связано с определенными трудностями: подбором лиц, места проведения опознания и т. д.⁶⁶. Тем не менее отказываться от проверки опознания, проведенного в стадии предварительного расследования, путем проведения опознания в суде не всегда целесообразно.

Следует учитывать, что лицо, допустившее ошибку или преднамеренную ложь при опознании, запоминает лицо или предмет, им опознанные, и узнает о них многие данные (фамилию «опознанного» лица, место обнаружения «опознанного» предмета и т. п.). Это во многих случаях делает совершенно излишним повторение опознания в суде. Однако недобросовестный или заблуждающийся опознающий может и не запомнить лицо или предмет, якобы им опознанные. В этих случаях повторение опознания в суде может способствовать выявлению лжи или добросовестного заблуждения в показаниях опознающего.

Как уже отмечалось, непременным условием правильного проведения опознания является предварительный допрос опознающего. Насколько полно при допросе будут выявлены внешние признаки лица или предмета, который будет предъявлен для опознания, условия, касающиеся обстоятельств восприятия (в том числе психическое и физическое состояние лица в момент восприятия), настолько достоверными будут результаты проведенного опознания.

Изучение дел, по которым были отменены приговоры в связи с ошибкой, допущенной судом в оценке результатов опознания, свидетельствует о том, что, как правило, опознающие перед проведением опознания допрашиваются поверхностно. Описание внешности по системе словесного портрета используется крайне редко, отличительные особенности предъявленного для опознания, по которым опознающий может его узнать, не указываются. В связи с этим и в протоколах опознания указываются лишь общие признаки, по которым были опознаны лица или предметы.

Между тем, оценивая результаты предъявления для опознания, необходимо учитывать характер признаков, на которых опознающий основывает свой вывод, и их соответствие объективно присущим признакам опознанного. Опознание только по общим признакам, лишенным индивидуального характера, не может быть положено в основу обвинения. «В то же время необходимо учитывать, что зрительный образ лица или предмета до их предъявления на опознание не всегда поддается аналитическому расчленению и точному словесному описанию в

⁶⁵ Ст. 248 УПК Эстонской ССР, ст. 257 УПК Молдавской ССР и ст. 318 УПК Литовской ССР.

⁶⁶ Л. Е. Ароцкер. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М, 1964, стр. 86—1107.

детлих, даже если прибегать к помощи словесного портрета.

Поэтому не так уж редки случаи, когда докрашиваемый не и состоянии перечислить индивидуальные признаки лица или предмета, но утверждает, что может его твердо опознать. И обычно, в таких случаях нередко наблюдается уверенное опознание. При этом в качестве идентифицирующих признаков используются такие, которые до предъявления для опознания находились как бы в подсознании опознающего и были оживлены в памяти самим фактом опознания. Все эти признаки, хотя и не указанные в протоколе допроса опознающего, должны быть перечислены в протоколе опознания. Они должны укладываться в рамки родовых признаков, указанных на допросе до опознания.

Ст. 165 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик указывают на то, что предъявлять опознаваемого следует в группе других лиц, по возможности сходных по внешности с опознаваемым. Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех. Предметы также должны предъявляться на опознание в группе однородных предметов.

Несмотря на то, что законом установлен порядок производства опознания при наличии не менее трех опознаваемых лиц или нескольких предметов, в практике работы следственных органов не изжиты случаи, когда для опознания предъявляется одно лицо или один предмет.

У приговоров, отмененных в связи с ошибками при проведении опознания, была отменена в связи с предъявлением для опознания одного лица или одного предмета.

Суды в этих случаях, не проверив правильность проведенного опознания, без надлежащей оценки положили в основу приговора сомнительные данные, добытые при грубом нарушении требований закона.

Верховным судом Грузинской ССР за изнасилование и умышленное убийство был осужден Р., который во дворе общежития, где он проживал, встретил несовершеннолетнюю Д., завел ее к себе в комнату и изнасиловал, а затем задушил. Он спрятал труп в мешок и выбросил его в реку. Одним из доказательств, изобличивших Р. в совершении преступления, явился факт опознания мешка свидетелями.

При проверке было установлено, что в результате осмотра места происшествия работниками следствия был изъят мешок, в котором находился труп потерпевшей. Между тем осмотр этого мешка не производился и в протоколе не были отражены его особенности. Через несколько дней при осмотре комнаты Р. работники следствия (без участия понятых) изъяли второй мешок, который также не осматривался, не опечатывался и в хранение не сдавался. В числе других эти мешки были предъявлены для опознания свидетелям В. и Ч., которые опознали один из мешков, как принадлежащий Р. Однако какой из мешков был опознан, тот ли, в котором был обнаружен труп потерпевшей, или тот, который был изъят в комнате осужденного, по делу не установлено. Свидетелям было предъявлено для опознания несколько мешков, однако из протокола опознания нельзя установить, являлись ли изъятые мешки одинаковыми, однородными с изъятыми с места

происшествия и в комнате. Кроме того, известно, по каким отличительным признакам был опознан мешок, принадлежавший Р.

Как видно, органы следствия при проведении опознания допустили ряд нарушений закона. Вместо того, чтобы предъявить для опознания отдельно мешок, изъятый из комнаты (естественно в числе других однородных), — и мешок, в котором был обнаружен труп потерпевшей, эти мешки предъявили вместе. Перед проведением опознания свидетели не допрашивались и индивидуальные особенности мешка, имевшегося у Р., у них не выяснились. По каким отличительным признакам они опознали мешок — осталось невыясненным, поскольку в протоколе опознания никаких записей об этом не было.

В связи с тем, что опознание было проведено с нарушением установленного порядка, приговор в отношении Р. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отменила с возвращением дела на дополнительное расследование.

Следующим неперенным условием, необходимым для правильного проведения опознания, является предъявление лиц, по возможности сходных по внешности. Более четко, чем в УПК РСФСР, это положение сформулировано в ст. 174 УПК УССР, требующей, чтобы лицо, подлежащее опознанию, предъявлялось опознающему вместе с другими лицами того же пола, не имеющими резких различий во внешности и одежде. Это указание суды обязаны применять при оценке достоверности и законности результатов опознания, проведенного на предварительном следствии.

Для проверки правильности проведенного опознания суду необходимо ознакомиться с протоколом опознания, в котором фиксируется возраст и описывается одежда лиц, предъявленных на опознание; иногда к протоколу приобщаются фотографии, фиксирующие этапы проведения этого следственного действия. Между тем суды не всегда изучают, насколько предъявленные для опознания лица отличаются по возрасту друг от друга.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Туркменской ССР А. был осужден за незаконное хранение оружия, разбой и покушение на умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Он был признан виновным в том, что в ночь на 25 апреля 1970 г., находясь в нетрезвом состоянии на вокзале станции Нары, напал на гражданку К., обшарил ее карманы, а затем нанес ей ножом несколько ударов и скрылся. Виновность А. в нападении на К. суд обосновал ее показаниями и фактом опознания ею А.

Между тем при проверке дела было установлено, что опознание А. было проведено с нарушением требований ст. 165 УПК Туркменской ССР. А., родившийся в 1949 г., был предъявлен для опознания в группе лиц 1926, 1955 и 1942 годов рождения, резко отличающихся от него по возрасту. В какой одежде были предъявлены для опознания лица, в том числе А. — в протоколе опознания не отражено.

Отменяя приговор в отношении А. и направляя дело на дополнительное расследование, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении (указала, что опознание личности обвиняемого, проведенное с нарушением требований уголовно-процессуального закона, не может быть положено в основу приговора.

При проведении опознания нередко допускаются ошибки в подборе лиц, отличающихся друг от друга и по одежде. Предъя-

ишачив »ля опознания лиц в разнородной одежде, когда олоз» нпютми миютмл не только лицо, но и одежду опознаваемого, «•и/1-іТ доказательственное значение опознания. Оно не может быть признано достоверным, поскольку опознаваемый был предъявлен в условия, выделяющие его из круга других лиц предъявленных на опознание. Часто это происходит тогда, когда опознаваемый находится под стражей и предъявляется на опознание спустя длительное время после избрания ему меры пресечения. Одеждой, короткой стрижкой и многими другими признаками, заметными при внимательном изучении, он отличается от лиц, находящихся на свободе.

У лиц, содержащихся под стражей, изымаются различные принадлежности туалета, ремни, галстуки, часы и др., что также выделяет их из числа друшх, предъявляемых на опознание, если они находятся на свободе.

По делу Х. и других, осужденных Харьковским областным судом Пленум Верховного Суда СССР, отменяя приговор, обратил внимание на то что тоишТ^{с в 7 ст. 7 Т „ б ш о} проведено с нарушением закона. Из приобретенных к делу фотографии проведенного опознания видно, что лица в чи^т которых Х. предъявлялся потерпевшей К. для олознатя, резко 'отличались от Х У одного на руке имелись часы, на Вісх брючные ремни чего Z p Z I l ^ J ^ ^ ^ o , o ^ x n к о т о р ^ We того, как а^тованн^

Опознаваемый, (находящийся под стражей, отличается от других лиц, с которыми он был предъявлен на опознание (если они па овободе), тем, что острижен наголо. Поэтому суду при рпосмотроини такого дела необходимо проверить, есе ли лпщп, предъявляемые для опознания, были острижены наголо >*то обстоятельство имеет существенное значение для вывода о достоверности опознания.

По делу Ш, осужденное судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Киргизской ССР за изнасилование и убийство, свидетели Х и К. на предварительном следствии - показали, что ош вместе с попевшей находились на танцверанде. К ним подошел высокий мордой человек г Г ш ш влоинист ьІм.и волосами и пригласил танцевать и Г З ^ б . ^ ш е ГУТ с ^ ^ Е ь ^ Г Г М.олодого чел(>вска м ввд:ли> но зая^Ги!^то с™_ .у т с і о 0 і о , з н а т ь . Ш . б ы л п р е д ь я в л е н д л я о п о з н а н и я ч е р е з н е с к о л ь к о д н е й о , з а д е р ж а н и я , к о г д а о н у ж е б ы л о с т р и ж е н н а г о л о В с в ь з и с э т и м р е .культат опознания нельзя было признать достоверным, поскольку свидетели как они показали, могли опознать его только по длинным волнам Т э ^ о отличительного признака при проведении опознания уже не было

Для признания результатов опознания достоверными необходимо, чтобы опознающий не видел до момента предъявления пм опознаваемого, или тех лиц, в числе которых он будет предъявлен. Нарушение этого процессуального правила влечет •* «опои признание результатов опознания порочными по- l-«lьку свидетель опознает не по сохранившемуся в его памяти (іі>р;і>у, с характерными особенностями опознаваемого, ко- 176

того он видел при определенных обстоятельствах, а по тому, что видел его до опознания или ему это лицо показали.

При рассмотрении дел суды редко иыипглют, насколько правильно было проведено опознание, не видел ли свидетель опознанного до предъявления на опознание, - не поканьж.члп ли ему работики (следствия и оперативные работники лицо, которое он должен опознать. Надлежащей оценки такому опозн л - нию ее дают, а неправильные результаты опознания кладутся в основу приговора.

Не может являться доказательством по делу такое опознание, когда работники следствия до предъявления на опознание показывают лиц, подлежащих опознанию, или их фотографии.

По делу Л., еще до официального предъявления его на опознание, следователь в числе других лиц привел Л. в больницу под окно палаты, в которой находилась потерпевшая. Последняя, осмотрев этих лиц через окно и указав на Л., сказала, что он похож на совершившего преступление. Но в то же время оговорила, что у того гражданина были длинные волосы. Допрошенный в суде присутствовавший в качестве понятого при проведении опознания А. заявил, что потерпевшая, посмотрев через окно на предъявленных людей, первоначально Л. не опознала.

Эта процедура, явившаяся по существу опознанием, не была оформлена процессуальными документами. После такой неправильной предварительной подготовки Л. был официально предъявлен потерпевшей для опознания среди лиц, приметы которых явно отличались от описанных ранее потерпевшей примет преступника (в частности, Л. был предъявлен среди лиц в черных костюмах, в то время как он был в клетчатой рубашке). Не приведя каких-либо индивидуальных и внешних примет Л., потерпевшая заявила, что она его опознала. В дальнейшем она от этого отказалась. Тогда следователь подошел к Л., взял его за воротник и спросил: «Этот?», на что потерпевшая ответила утвердительно. После опознания потерпевшая заявила своей матери, что обманула следователя. Мать потерпевшей сразу же об этом сообщила следователю, однако он на это не отреагировал.

В связи с допущенными нарушениями законов при проведении опознания Пленум Верховного Суда СССР отменил все состоявшиеся по делу Л. решения, а дело возвратил на дополнительное расследование.

В (практике нередки случаи, когда потерпевшие указывают органам следствия лиц, совершивших преступления, и хотя в этих случаях предъявление на опознание никакого доказательственного значения не имеет, органы следствия тем не менее проводят оиюзшише. Естественно, потерпевшие (всегда опознают преступника, поскольку они его знали раньше или видели длительное время (например, присутствовали при его задержании). Суды ссылаются в приговорах на протоколы таких опознаний как на доказательство вины.

По делу С, осужденного Львовским областным судом за изнасилование, потерпевшая Ч. показала, что преступление было совершено водителем автомашины «Москвич» красного цвета, без номерного знака и что на лице преступника с правой стороны она заметила шрам.

Родственникам потерпевшей стало известно о том, что автомашина такого цвета имеется у С, и они сообщили об этом работнику милиции, который вместе с потерпевшей прибыл к С, задержал его и доставил в отделе-

нпг милиции. Пленум Верховного Суда СССР отменил все состоявшиеся по делу решения и дело возвратил на дополнительное расследование. Ссылаясь на то, что опознание было проведено с нарушением правил.

Как видно из приведенных примеров, ошибки судов в оценке результатов опознания основаны на допущенных в стадии предварительного следствия нарушениях норм уголовного процесса и тактических приемов проведения опознания. Суды же некритически подошли к проверке того, насколько правильно было проведено это следственное действие, и порочные результаты положили (в обоснование вины осужденных).

Ошибки суда в оценке результатов следственного эксперимента. Как уже отмечалось, одним из доказательств по делу являются зафиксированные в протоколе данные, полученные в результате проведения следственного эксперимента. Он проводится для проверки возможности совершения определенных действий данным лицом в конкретной обстановке. В основе следственного эксперимента лежат опытные действия, которые могут быть проверены отдельные обстоятельства расследуемого события, а также имеющиеся в деле доказательства — показания свидетелей, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого. В результате следственного эксперимента могут быть получены новые доказательства по делу⁶⁷.

В соответствии со ст. 183 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик следственный эксперимент проводится в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события и совершения необходимых опытных действий⁶⁸.

Законом определены тактические приемы проведения этого следственного действия, а также условия, при которых возможно его проведение, в частности, если при этом не унижается достоинство и честь участвующих в нем лиц и окружающих и не создается опасность для их здоровья.

Полностью воспроизвести преступление в том виде, в каком оно было совершено, нельзя, поскольку оно представляет собой общественно опасное деяние. По существу, будет совершено новое преступление. Кроме того, если можно воспроизвести (точнее, повторить) отдельные фактические обстоятельства, связанные с составом преступления, то нельзя воспроизвести те субъек-

// И. Гуковская. Следственный эксперимент. М., 1958.

В уголовно-процессуальных кодексах Киргизской, Узбекской, Армянской и Украинской ССР указанное следственное действие называется «воспроизведение обстановки и обстоятельств события». Представляется, что такое название не отражает главного — опытных испытаний, проводимых с целью установления, могло ли определенное событие или деяние протекать таким образом, как об этом сообщили лица, показания которых проверяются.

ективные моменты, которые также включают в себя состав преступления: например, субъективные переживания преступника и его психическое отношение к содеянному, вину⁶⁹.

Посредством следственного эксперимента проверяется возможность восприятия какого-либо явления, совершения каких-либо действий, а также проверка профессиональных или иных навыков человека и, кроме того, (проверка следственных версий).

Оценивая результаты, полученные от проведения следственного эксперимента, суду необходимо прежде всего обратить внимание на то, насколько при его проведении было достигнуто сходство с условиями, в которых происходило проверяемое действие или воспринималось какое-то обстоятельство. Для этого необходимо установить, проводился ли следственный эксперимент в том же (таком же) месте, в то же время года и суток, что и воспроизводимое событие, не отличались ли метеорологические условия и условия видимости и слышимости от тех, в которых происходило событие, в каком темпе проводились опыты и т. д.

Необходимо учитывать и то, что участники следственного эксперимента заранее знают, какие будут производиться опыты. Как правило, они знают друг друга и экспериментируют в спокойной обстановке. Проверка данных, полученных в результате следственного эксперимента, возможна как путем изучения протокола, в котором указаны ход и результат следственного эксперимента, так и путем допроса в судебном заседании его участников. Кроме того, суд вправе и сам провести следственный эксперимент, поскольку законодательством ряда союзных республик такое право ему предоставлено⁷⁰.

Проведенное исследование причин судебных ошибок свидетельствует о том, что судами допускаются ошибки в оценке результатов следственного эксперимента.

В анкете № 1 на 2062 обвиняемых, в отношении которых приговор был отменен (1968—1969 гг.), зафиксировано 23 случая отмены приговоров в связи с допущенной судом ошибкой в оценке результатов следственного эксперимента и проверки показаний на месте⁷¹. Общее количество ошибок в оценке результатов этих следственных действий невелико и составляет 1% от общего числа отмененных приговоров.

⁶⁹ Р. С. Белкин. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, стр. 226.

⁷⁰ УПК Узбекской, Молдавской, Эстонской, Грузинской и Латвийской ССР.

⁷¹ В связи с тем, что не всеми УПК союзных республик предусматривается такой вид следственного действия, как проверка показаний на месте, данные об ошибках судов в оценке результатов следственного эксперимента и проверки показаний на месте в анкете № 1 объединены.

и \.ф.Пчтере этих ошибок свидетельствуют следующие дан-
т.!»- (тт-ло случаев, азыявл-шных исследованием):.

Суд положил (в основу приговора ошибочные данные, установленные при проведении следственного эксперимента)	
на предварительном следствии	5
• в суде	2
Суд положил в основу приговора ошибочные данные, установленные при проверке показаний на месте	
на предварительном следствии	4
(в суде	1
Суд не выявил и не оценил следующие процессуальные нарушения и недостатки, допущенные при проведении следственного эксперимента и проверки показаний на месте	
не были созданы условия, аналогичные тем, которые существовали в момент совершения преступления	7
протокол содержит неверные или неполные сведения о ходе и результатах эксперимента (проверки)	1
имеются данные, что лицо, показания которого проверялись, действовало по подсказке следователя (дознавателя, оперативного работника)	1
эксперимент (проверка) проводился по „мгя обнаружения и проверки /их «чтогольсп.», а лишь исключительно длл :;н; ;1плешш признания обвиняемого	2
Всего	23'

Наиболее распространенными ошибками в оценке результатов следственного эксперимента, как это видно из приведенных данных, являются такие, когда при проведении следственного эксперимента не были созданы условия, аналогичные тем, которые существовали в момент совершения преступления.

Об этом же свидетельствуют изученные дела, по которым была допущена ошибка в оценке результатов следственного эксперимента.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Киргизской ССР за умышленное убийство был осужден Б. Он был признан виновным в том, что, находясь на посту по охране отделения государственного банка, из хулиганских побуждений убил своего сменщика И. и его жену, а с целью инсценировки нападения разбил стекла в окнах здания. Обвинение Б. основывалось на показаниях свидетелей о том, что они, находясь в доме, слышали после выстрелов звон разбитого стекла.

Для проверки показаний свидетелей в стадии предварительного следствия Пыл проведен следственный эксперимент, которым установлено, что звон ИКМОиттм стекла можно услышать на расстоянии 85 м, а дом, где находились емщдотсли, расположен на расстоянии 55 м ют здания госбанка.

180

: В связи с тем, что данными, полученными в результате проведения следственного эксперимента, были подтверждены показания свидетелей, суд положил их в основу обвинения Б.

Между тем, как усматривалось ив протокола следственного эксперимента, при его проведении не были созданы условия, аналогичные тем, которые существовали в момент совершения преступления. Следственный эксперимент проводился совершенно в другом месте и в иное время суток, все участники эксперимента находились на улице, а не в доме, где были свидетели в момент происшедшего, в результате чего данные, полученные от этого следственного действия, не являлись объективным доказательством. Тем не менее суд придал им доказательственное значение. По этим и другим основаниям приговор суда в отношении Б. был отменен Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР, а дело возвращено на дополнительное расследование.

Оценивая доказательственное значение результатов следственного эксперимента, следует учитывать и то, в како'м темпе проводились опыты. Это относится в первую очередь к следственным экспериментам по проверке возможности совершения определенных действий и, в частности, к установлению времени, необходимого для преодоления определенного расстояния.

М. был признан виновным в умышленном убийстве Т., вместе с которым расхищал общественное имущество'. Основанием для признания М. виновным в убийстве Т. явилось то, что он ночью куда-то уходил от членов комиссии по проверке наличия скота в отаре Т. и около часа отсутствовал. Оспаривая предъявленное обвинение, М. утверждал, что за такой короткий промежуток времени он не мог дойти до места расположения отары и возвратиться обратно. С целью проверки его показаний в стадии предварительного следствия был проведен следственный эксперимент, которым установлено, что расстояние до места обнаружения трупа и -обратно можно пройти за 50 мин.

Из протокола следственного эксперимента усматривалось, что он проводился днем, а не ночью, и в сухую погоду, тогда как в момент убийства шел дождь. Опыты по проверке затраты времени, необходимого для преодоления расстояния, не проводились. Одному из участников следственного эксперимента предложили пройти указанный путь, и время, затраченное на его прохождение, явилось основанием для опровержения показаний М.

Несмотря на то что полученные в результате проведения следственного эксперимента данные были порочны и не могли иметь доказательственного значения для дела, суд положил их в основу обвинения. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР приговор в отношении М. был отменен, а дело возвращено на новое расследование.

При оценке результатов следственного эксперимента судами не всегда учитывается то, что данные, полученные от проведенных опытов, различны, а иногда дают противоположные результаты. Если при многократном повторении опыты приводят к различным результатам, данные, полученные от следственного эксперимента, нельзя оценивать как достоверные и все сомнения необходимо толковать в пользу обвиняемого.

Приговором Полтавского областного суда М. и Д. были признаны виновными в том, что в ночь на 25 декабря 1960 г. в селе Липовое путем поджога они пытались совершить кражу из магазина. Когда преступление было замечено сторожем магазина Б., М. убил его, нанеся несколько ударов по голове различными предметами.

В обоснование вины осужденных были положены противоречивые показания свидетеля К., которая спустя год после этих событий показала, что узнала сторожа и разговарившего с ним Д.

181

« и и ПМБМ экспериментом было установлено, что с того места, где г.* >ш:ып. К. (по ее показаниям) нельзя было опознать лиц, совершивших и: - • 1 •• нч <м н\ В о время второго следственного эксперимента два человека ., ПМ-Ч, стоявших на месте, где находилась К. в момент преступления, не мт.пи опознать лиц, бывших на месте осужденных, и только один из трех опознал участвовавших в эксперименте лиц. Несмотря на то что проведенные следственные эксперименты свидетельствовали о неубедительности показаний К., суд положил их в основу приговора. При этом суд не учел того, что все участники! эксперимента знали друг друга) заранее, экспериментировали в спокойной обстановке и с заданной целью.

Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1969 г. приговор был отменен, а дело прекращено

Таким образом, результаты еледошаннопо эксперимента могут иметь доказательственное значение по делу в том случае, если условия его проведения сходны с условиями проверяемого события и опыты дают достоверные результаты.

Ошибки суда в оценке результатов проверки показаний на месте. Одним из доказательств ло делу является протокол проверки показаний на месте.

Проверка показаний на месте содержит в себе -элементы смежных с ним действий—допроса, осмотра места происшествия, следственного эксперимента и предъявления для опознания. Вместе с тем она имеет свои специфические черты и отличается от каждого из этих следственных действий⁷².

М. С. Строгович полагает, что проверка показаний на месте не что иное, как особая форма осмотра, поскольку суть его состоит в том, что показания, ранее данные обвиняемым, шло :р(*Г,;!(\шм, потерпевшим или свидетелем, проверяются или утчнякпч'я путгм их сопоставления с фактической обстановкой пч место⁷³.

Как известно, основная задача осмотра места происшествия изучение обстановки места происшествия, фиксация и и.п/лтпе следов и иных вещественных доказательств. Проведение осмотра места (Происшествия не сопровождается рассказом лпщп, чьи показания проверяются, тогда как при проверке пок.'ппшш па месте показания обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля входят в содержание этого следственного действия и это отличает его от осмотра. При этом ранее данные показания сопоставляются с объективной действительностью.

Уголовно-процессуальные кодексы пяти союзных республик: .Плтшгйской —ст. 185, Литовской — ст. 205, Казахской — • ст. ЦЮГ, Таджикской — ет. 183 и Туркменской—ст. 173 — предусматривают такой вид следственного действия, как проверка показаний на месте. Это следственное действие проводится при необходимости проверки и уточнения показаний по-

•' .1 Л Васильев и С. С. Степичев. Воспроизведение показаний на месте при рп'глодоиании преступлений. М., 1959; Л. А. Соя-Серко. Проверка мж' .1 i.ипп та месте. Методическое пособие. М., 1967.

•• М г СифН.ишшш. Курс советского уголовного процесса, т. 1, стр. 426.

дозреваемого, обвиняемого, потерт-шипп и пшдетеля в отношении места, где происходило событие, пиг ппшжжк события, действий его участников либо других об-стоя-мч-пл-ш, имеющих значение для дела. Законом установлены и шршипч алышш условия проведения этого следственного действия.

Доказательственное значение результатов проверки НОК;I.;I ний на месте заключается в том, что при проведении этого следственного действия объективно подтверждаются проверяемые показания и, кроме того, устанавливаются новые доказательства.

Вместе -с тем в практике нередки случаи, когда проверка показаний на месте проводится не с целью проверки показаний и установления соответствия их фактической обстановке, а только для «закрепления» признания обвиняемым своей вины.

Против такого проведения проверки показаний на месте справедливо выступил ряд авторов⁷⁴.

Оценивая доказательственное значение проверки показаний на месте, суду необходимо установить, с какой целью проводилось это следственное действие, в чем выразилось уточнение * показаний и их проверка, обнаружено ли что-то новое по сравнению с имевшимися показаниями о месте, обстановке события и действиях его участников и был ли соблюден процессуальный порядок проведения этого следственного действия. Однако этим обстоятельствам суды 'иногда не дают надлежащей оценки и.порочные данные, полученные в результате проведения этого следственного действия, кладут в основу приговора.

Отменяя приговор и последующие судебные решения по делу М., осужденного за умышленное убийство, Пленум Верховного Суда СССР указал в постановлении: «Из материалов дела видно, что М., категорически отрицавший свою вину, 3 февраля 1960 г. на допросе дал прокурору следственного отдела областной прокуратуры показания, в которых признал свою вину и рассказывал об обстоятельствах убийства Л.

В дальнейшем, однако, М. заявил, что эти показания не соответствуют действительности, так как он дал их в результате незаконных методов ведения предварительного следствия. В частности, как утверждал М., при выезде с ним к месту происшествия и фотографировании он показал, как якобы совершил убийство Л. Делал он это по подсказке прокурора и следователя. Эти объяснения М. не лишены некоторых оснований и подлежат тщательной проверке. Допрошенный по этому поводу присутствовавший при фотографировании в качестве понятого Т. дал на судебном следствии такие показания: «Я видел только, как М. показывал пальцем и его фотографировали. Иногда следователь говорил М., как ему показывать».

Обстоятельства, связанные с указанным выходом на место происшествия и фотографированием, и объяснения М. по этому поводу требуют дополнительной, всесторонней проверки, в частности, допроса других лиц, присутствовавших при фотографировании, и следователя, на которого ссылается М.

М. С. Строгович, Г. Н. Александров. Неправильная практика.— «Социалистическая законность», 1960, № 3; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1, стр. 424; Г. З. Анашкин. Законодательство СССР о смертной казни и практика его применения. М., Ю69.

И» т.шжсиным выше основаниям надлежит признать, что расследование и.чптоиии-т дела проведено неполно и односторонне, а выводы следственных при.і.іоіі по обстоятельствах убийства находятся в противоречии с объективны ми данными дела»⁷⁵.

Нередко выход на место с целью проверки показаний обвиняемых проводится в присутствии большого числа граждан и превращается в публичные допросы, где обвиняемые, боясь самосуда, повторяют показания о признании своей вины.

Изученные дела, по которым были допущены ошибки в оценке этого следственного действия, свидетельствуют о том, что не всегда соблюдаются процессуальные условия проведения проверки показаний на месте. Этими условиями являются обязательный предварительный допрос об обстоятельствах, которые будут проверяться и уточняться, обязательное участие понятых, добровольность участия лица, чьи показания проверяются, выезд с каждым лицом отдельно и составление протокола.

Наиболее типичные ошибки проверки показаний на месте — нарушение процессуальных условий проведения этого следственного действия и проведение его не для получения новых доказательств, а исключительно для закрепления признания обвиняемого или подозреваемого.

Тщательный анализ во время судебного следствия результатов, полученных от проверки показаний на месте, исключит возможность судебной ошибки.

⁷⁵ Гюллп'нь Верховного Суда СССР», 1966, № 3, стр. 18.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ, АДВОКАТУРЫ И ВЫШЕСТОЯЩИХ СУДОВ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ИСПРАВЛЕНИИ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Глава X

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И ИСПРАВЛЕНИЮ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

§ 1. Критерии эффективности прокурорского надзора в суде и -его роль в предотвращении и исправлении судебных ошибок

Действенность прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении в судах уголовных дел определяется степенью его влияния на эффективность осуществления правосудия, предотвращение и исправление судебных ошибок *K*

Качество судебной работы в значительной мере зависит от уровня прокурорского надзора, хотя определить эту меру количественно пока не представляется возможным.

Эффективность прокурорского надзора оценивается с учетом роли прокурора в соблюдении прав и законных интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, и воспитательного воздействия деятельности прокурора в судебном процессе (эти аспекты эффективности деятельности прокурора здесь не рассматриваются).

Эффективность деятельности прокурора *по предотвращению* судебных ошибок определяется такими показателями, как проверка прокурорами обоснованности и законности обвинительных заключений и при необходимости — возвращение дел на досле-

В этой главе эффективность уголовно-процессуальной деятельности прокурора рассматривается лишь в аспекте предотвращения и исправления судебных ошибок. Прав В. М. Савицкий, утверждая, что первостепенная задача прокурора заключается не в том, чтобы констатировать появление незаконного и необоснованного приговора и затем принять меры к его отмене или изменению, а в том, чтобы всеми указанными в законе средствами *воспрепятствовать* вынесению такого приговора, *предотвратить* судебную ошибку (В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде, М, 4 971, стр. 8—9).

дшшиг пел передачи их в суд; обеспечение условий для и«-lчИ|л>шцГ(> и полного исследования дела в судебном разби» jMitviMtiie (вызов необходимых свидетелей, потерпевших, экс-нгриж и т. д.), активное содействие суду в обеспечении ус- .киши для исследования доказательств (надзор за законностью в подготовительной части судебного разбирательства), актив- ность и целенаправленность участия в исследовании доказа- тельств (постановка всех необходимых вопросов перед подсу- димыми, потерпевшими, свидетелями и т. д., заявление всех не- обходимых ходатайств, представление суду доказательств, имеющихся в распоряжении прокурора), обоснованность и убе- дительность обвинительной речи и реплики прокурора или его отказа от обвинения, или вывода о необходимости возвращения дела на доследование, законность всех заключений, даваемых прокурором в суде первой инстанции. Итоговый показатель эф- фективности деятельности государственного обвинителя в су- де - соответствие его позиции по делу (доказанность обвине- ния, квалификация, мера наказания) приговору (определению, постановлению) суда, вступившему в законную силу, поскольку он отражает точку зрения государства, презюмируется истин- ным и подлежит обязательному исполнению².

Эффективность деятельности прокурора по исправлению су- дебных ошибок определяется такими показателями, как коли- чество и качество (обоснованность, убедительность, объектив- ность) кассационных и надзорных протестов, количество касса- ционных и надзорных протестов, снятых с рассмотрения по причин¹ их необоснованности- и необъективности, количество протестов, обоснованно отклоненных судами, характер протес- тов, соотношение между количеством протестов, принесенных по различным основаниям (на мягкость и суровость -наказа- ния, па обвинительные и оправдательные приговоры, на опре- делении судов о возвращении дел на доследование) и .степень удовлетворяемое™ протестов всех этих видов, законность и обоснованность заключений прокуроров в вышестоящих судах, пх соответствие окончательному результату рассмотрения дела в судах, соотношение количества надзорных жалоб, истребван- ных по ним дел, внесенных и удовлетворенных надзорных про- тестов, обоснованность и мотивированность отказов в истребо- вании дел и принесении надзорных протестов и, возможно, другие.

Вея система указанных показателей, взятых в развитии (ди- намике), характеризует степень эффективности прокурорского надзора в суде, которая оказывает существенное влияние на

¹""mi показатель должен быть скорректирован с учетом того, что неко- трип количество приговоров, вступивших в законную силу (включая и м. tnnpug не отражают позицию прокурора), отменяется в провероч- ны « м -шяч процесса.

эффективность всего судопроизводства. Многие из этих показа- телей уже теперь могут быть выражены количественно. Однако и качественные оценки (особенно на уровне района, области) имеют не менее важное значение.

Оценка степени воздействия прокурорского надзора на ка- чество судебной работы в целом, равно как и оценка эффектив- ности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в деле предотвращения и устранения судебных ошибок, может быть дана во многих случаях только опосредствованно.

Критерии эффективности деятельности прокурора в суде взаимосвязаны и могут быть правильно поняты и применены лишь в этой взаимосвязи.

Влияние прокурорского надзора на эффективность осущест- вления правосудия, а следовательно, и на устранение судебных ошибок определяется в общем и целом объективным соответст- вием уголовно-процессуальной деятельности прокурора задачам борьбы с преступностью³.

Однако на преступность и судебную работу оказывают влия- ние многие иные факторы экономического, идеологического, культурно-воспитательного и другого характера⁴.

Поэтому решение ряда вопросов, от которых зависит дейст- венность прокурорского надзора, часто лежит за пределами проблем, относящихся к совершенствованию собственно уголов- но-процессуальной деятельности прокурора.

Хотя качество судебной работы оценивается прежде всего с учетом законности и обоснованности приговоров, именно вы- сокий уровень прокурорского надзора может повлиять на уве- личение числа их отмены и изменения.

И наоборот, данные о стабильности судебных решений бу- дут, на первый взгляд, тем благополучнее, чем меньше судеб- ных ошибок будет вскрыто и исправлено по инициативе проку- рора. Это необходимо учитывать при оценке эффективности прокурорского надзора.

Основная задача прокурорского надзора состоит в конечном счете в наиболее активном содействии повышению ка- чества судебной работы и отправлению правосудия в строгом соответствии с законом.

При этом нужно иметь в виду, что прокурор, будучи наде- лен по закону правами и обязанностями, не совпадающими с правами и обязанностями суда, в то же время является един- ственным из участников судебного разбирательства во всех су- дебных инстанциях, задачи которого, сформулированные зако- ном, полностью совпадают с задачами самого суда по вынесе-

³ В. К. Звирбуль. Научные основы деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 3; он же. Прокурор- ский надзор в борьбе с 'Преступлениями. М., ил97il, стр. 42.

⁴ См. гл. I.

Лио и обоснованного судебного решения, по выявлению и усрчиению судебных ошибок.

ивпн, судебного разбирательства или пересмотра приговоров в кассационных или надзорных инстанциях — установление истины по делу, изобличение виновных и оправдание (реабилитация) невиновных, обеспечение правильного применения закона, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден⁵.

Эту же цель преследует всей своей деятельностью и прокуратура,

С одной стороны, прокурорский надзор за законностью в суде является самостоятельной отраслью уголовно-процессуальной деятельности, но, с другой стороны, прокуратура и суд действуют совместно и должны рассматриваться как единая система государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

Рл.граничение непосредственных задач каждого из этих орпшоп, их прав и обязанностей, специфических методов работы п различных процессуальных условий деятельности должно определяться прежде всего требованиями наиболее эффективно достижения их общей цели.

Общие задачи суда, прокуратуры и органов расследования не ведут к отождествлению их обязанностей и конкретных процессуальных функций⁶.

Лакои не противопоставляет поддержание прокурором государственного обвинении по делу его надзорным функциям в укшнниом судопроизводстве, и по существу обвинительная функция прокурора при этом рассматривается как форма, спюсов выполнения им надзорной функции в специфических условиях судебного разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции⁷. В этом можно видеть суть прокурорского надзора с. «удо. По Б то же время представляются весьма спорными вы» сказанные в литературе точки зрения как о том, что, участвуя

⁵ Эта же цель стоит и перед стадией возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Деятельность прокурора в стадии возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам нами не рассматривается, так как в этом порядке исправляются лишь единичные судебные ошибки.

⁶ «Теория доказательств в советском уголовном процессе». М., 1973, глр. 536. На различие функций органов судопроизводства при единстве их общих задач при принятии решений обращает внимание П. А. Лулшгаи (П. Л. Лулинская. Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве, стр. 5).

⁷ При этом обвинительную функцию прокурора никак нельзя отождествлять с обвинительным уклоном, который выражается в неправильном, п'И'нчшиозном подходе к делу и лишь препятствует достижению истины (// I<П(О)рч(И)св. Прокурор в суде первой инстанции.—«Социалистическая •.ii.M!!Pn,-n,\ 1070, № 7, стр. 4).

в судебном разбирательстве, прокурор тем самым осуществляет надзор за законностью в деятельности суда и потому основное в деятельности прокурора — это надзор за соблюдением законности судом и другими участниками процесса⁸, так и о том, что надзор прокурора за соблюдением законности в суде вытекает из осуществляемой им функции государственного обвинения, а не наоборот⁹.

Прокурорский надзор за соблюдением законности возможен и тогда, когда прокурор не участвует в рассмотрении конкретного дела в качестве государственного обвинителя. Проверяя дело в пределах кассационного срока или в порядке надзора, прокурор обязан реагировать на нарушения закона, допущенные по делу, по которому он государственного обвинения не подерживал.

При этом его деятельность должны характеризовать объективность, отсутствие предвзятости и односторонности¹⁰.

Указанные положения мы считаем важной, принципиальной основой для анализа эффективности прокурорского надзора,

Другим принципиальным положением, важным для оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности прокурора, мы считаем закрепленное законом единство и централизацию всей системы прокурорских органов, действующих независимо от каких-либо местных органов и подчиняющихся только закону и указаниям Генерального прокурора, который возглавляет эту систему.

Процессуальные вопросы вообще недаром часто оказываются неразрывно связанными с вопросами организационными¹¹.

Организация процессуальной деятельности прокуроров в рамках единой и централизованной системы прокурорских органов является необходимым условием функционирования надзора за законностью, гарантирующего обнаружение и исправление судебных ошибок методами прокурорского надзора.

Эффективность уголовно-процессуальной деятельности прокурора на отдельных стадиях производства по делу влияет на

⁸ В. И. Басков. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, стр. 79; см. также: И. Сапожников. Прокурорский надзор за соблюдением законности при рассмотрении в судах уголовных дел.—«Социалистическая законность», 1961, № 7, стр. 54.

⁹ В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде, стр. 32.

¹⁰ И. Д. Перлов. Надзорное (производство в уголовном процессе. М., 1974., стр. 52.

¹¹ Р. Д. Рахунов. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел, М., 1964, стр. 10.

В то же время нельзя смешивать отношения служебной (организационной) подчиненности с процессуальным положением прокурора при рассмотрении конкретного дела. По этому вопросу см. также: П. Я. Трубиных. Пересмотр решений в порядке судебного надзора. М., 1974, стр. МО.

оЖл\к» "Ні ііі, \ д)(\сктпш10сти прокурорского надзора в уголовном Ч^пмгг. По, с другой стороны, недостаточная эффективность и, ч«-ш-льюсти прокуратуры на какой-либо одной стадии \ t.Moi-.nom процесса компенсируется за счет эффективной деятельности на последующих стадиях. Например, некоторая апоеторошюсть обвинения в суде первой инстанции и при кас- •пллопном опротестовании приговоров в значительной мере устраняется благодаря деятельности вышестоящих прокуроров и кассационной стадии (снятие с рассмотрения необоснованных протестов, дача объективных и мотивированных заключений в суде, второй инстанции) и надзорной стадии (опротестование незаконных и необоснованных приговоров, вступивших в силу) уголовного процесса. При этом прокуратура выступает как единая централизованная система, связанная с системой судопроизводства.

Отдельные отрицательные явления в деятельности прокуратуры '••сосеждуют» с большинством других, положительных, ян,11-ііііі, которые, следует принимать во внимание при оценке эффективности прокурорского надзора. Единство и централизованное построение органов прокурорского надзора обеспечивают исправление ошибочных решений прокуроров на последующих стадиях процесса и делают возможным оказание активного положительного влияния вышестоящих прокуроров на практику надзора за рассмотрением в судах уголовных дел.

Рассмотрение вопросов эффективности прокурорского надзора пм таким углом зрения не мешает, конечно, выделить критерии ьффекгиппостп, характерные для деятельности прокуроров на той или иной отдельно взятой стадии процесса.

Основой для соответствующих оценок служит сопоставление позиции прокурора на каждой из стадий уголовно-процессуальной деятельности с окончательным, не подлежащим сомнению результатом рассмотрения уголовного дела в судах.

Тем самым мы имеем возможность оценить работу прокуратуры в динамике (от стадии к стадии), сопоставив позиции прокуроров на разных стадиях, а также эти позиции и окончательный результат разрешения дела в судах.

§ 2. Эффективность деятельности прокурора по предотвращению и исправлению судебных ошибок в суде первой инстанции и при кассационном опротестовании приговоров

Основой для оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в суде первой инстанции являются данные iii.ii- (« том, в какой мере прокурорский надзор обеспечивает прг.чпм'.раш.енпе судебных ошибок и в какой мере прокурор со- ^u< иг-: і иышестоящим «судам в исправлении допущенных су-

дебных ошибок. Более конкретные показатели эффективности прокурорского надзора были указаны в § 1 настоящей главы,

Речь идет как о качественной, так и о количественной характеристике причинной зависимости между деятельностью прокурора в суде первой инстанции и ее результатами,

Анализируя, в какой мере прокурорский надзор обеспечивает предотвращение судебной ошибки, мы исходим из того, что только правильная позиция прокурора при рассмотрении дела судом, соответствующая объективным обстоятельствам дела и основанная на законе, содействует вынесению судами законных и обоснованных приговоров, предотвращению судебных ошибок.

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик предусматривает широкие возможности для опротестования незаконных и необоснованных постановлений судьи или определений распорядительных заседаний, однако прокурорское реагирование, направленное на предупреждение судебных ошибок: при предании суду, может показаться явно недостаточным.

В стадии предания суду вопрос о виновности обвиняемого по существу не решается и задачи судьи (суда) состоят лишь в осуществлении контроля за достаточностью оснований для внесения дела в судебное заседание.

Поскольку в указанной стадии зачастую участвует именно тот прокурор, который утвердил обвинительное заключение (его помощник), вряд ли можно оценивать эффективность его деятельности в стадии предания суду в отрыве от общей оценки, которую нужно дать, имея >в виду итоги судебного разбирательства, а также кассационного и надзорного производства по делу.

Позиция прокурора в суде первой инстанции формируется на основе данных судебного следствия, хотя прокурор и приходит "в суд, будучи убежден в правильности выводов обвинительного заключения, их полном соответствии материалам дела, что позволяет ему принять на себя обязанность доказывать виновность подсудимого.

Однако выводы обвинительного заключения — это только исходный пункт в деятельности государственного обвинителя. Они могут и не совпадать с окончательным мнением прокурора, участвующего в рассмотрении дела судом.

Поэтому при оценке эффективности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в суде первой инстанции за исходные данные не должны приниматься сведения о характере обвинительного заключения, а должны быть взяты иные исходные данные. Как уже указывалось, в качестве основного критерия оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в суде первой инстанции принимается совпадение позиции прокурора с приговором (определением) суда, вступившим в законную силу. Подавляющее большинство судебных

...ни пни, ш «упавших в законную силу, отражает позицию про-

Пи воды государственных обвинителей по большинству рассматриваемых судами уголовных дел признаются этими судами правильными. Очевидно, эти выводы оказывают действенное влияние на судебную практику, способствуя повышению уровня судебной работы. Именно это обстоятельство является решающим при определении эффективности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в суде первой инстанции.

Т;ih, :\ последние 3—4 года прокуроры участвуют в качестве государственного обвинителя в судах первой инстанции по >> (>)% уголовных дел (почти по всем остальным делам прокуроры систематически знакомятся с приговорами и при необходимости приносят протесты). Подавляющее большинство приговоров отражают позицию прокуроров — государственных обвинителей, о чем свидетельствует сам факт неопротестования этих приговоров. Можно с уверенностью сказать, что правильная работа надзора за законностью. Большинство протестов прокуратуры удовлетворяется судами.

Однако при достаточно высокой общей эффективности государственного обвинения следует все же признать, что по делам с допущенными судами ошибками позиция государственных обвинителей была в большинстве случаев ошибочной. По данным [Исправленного нами социологического исследования (1968—НИИ) п\), вынесению ошибочного и потому отмененного впоследствии приговора предшествовала ошибочная обвинительная позиция прокуроров в суде первой инстанции по 93% этих дел.

Прокуроры недостаточно критически относятся к выводам органов расследования. Это в значительной мере объясняется тем, что прокурорский надзор за деятельностью органов расследования часто осуществляют те же лица, на которых возложен надзор за законностью рассмотрения дел в судах.

Степень объективности государственных обвинителей в значительной мере определяется их позицией по делу, закончившемуся вынесением оправдательного приговора.

Верховный суд Украинской ССР выборочно изучил 79 уголовных дел, по которым в 1966 г. и первом квартале 1967 г. судами республики были вынесены оправдательные приговоры. Из них 61 дело рассмотрено с участием прокурора; лишь по 11 делам прокуроры отказались от обвинения; по 39 (49,3%) делам обвинение поддерживалось в полном объеме; протесты, принесенные на 50 оправдательных приговоров, были либо сняты, либо отклонены¹².

// Пипухин. Об эффективности прокурорского надзора в суде.—«Социально-правовые проблемы законности», 1969, № 6, стр. 35—37.

Данные о распределении протестов по мотивам их принесения показывают, что большая часть кассационных протестов приносится на приговоры, которыми полностью или частично отвергаются выводы предварительного расследования о виновности и правовой оценке действий привлеченных к суду лиц,

Если до 70% всех кассационных протестов занимают протесты на оправдательные приговоры, а также те приговоры, которыми, по мнению прокуроров, определена мягкая мера наказания, то процент протестов на необоснованное осуждение за последние годы незначителен и не поднимался выше 5% (по СССР).

На суровость наказания кассационные протесты приносятся крайне редко.

В целом по стране весьма мало протестов приносится по мотивам нарушения законов при производстве предварительного следствия и дознания.

Нельзя не отметить связь между выводами предварительного следствия или дознания, за которыми осуществлялся надзор прокурор, и мотивами принесенного протеста.

Ст. 44 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик обязывает всех прокуроров, участвующих в пределах своей компетенции в производстве по делу, опротестовывать каждый незаконный и необоснованный приговор. Это требование закона не вполне соблюдается, так как большое число судебных ошибок исправляется не по протестам прокуроров, а по жалобам осужденных и их защитников.

Однако обязанность кассационного опротестования приговоров, гарантирующая исправление судебных ошибок, охрану прав и интересов граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, лежит не только на прокуроре — государственном обвинителе. Принести кассационный протест имеет право и вышестоящий прокурор, действующий как орган надзора за законностью. При обобщении уголовных дел, возвращаемых кассационными инстанциями на доследование, выявилось, что поводом к рассмотрению значительной их части в кассационном порядке являлись кассационные протесты, принесенные вышестоящими прокурорами,

Выборочные исследования все же показывают, что в большинстве случаев (83,4%) кассационные протесты приносятся прокурорами, участвовавшими непосредственно в рассмотрении дела судом первой инстанции, а в 16,6% случаев — вышестоящими прокурорами.

Отмечено, что в 16,1% случаев кассационные протесты принесены по делам, в рассмотрении которых государственный обвинитель вообще не принимал участия. Надзорная функция в деятельности прокуратуры по этим делам выражена наиболее отчетливо.

Пппшп.чи эффективность кассационного опротестования при» 11 *м.тріМт. целься вбрасывать со счетов деятельность вышестоящих прокуратур по контролю за обоснованностью кассационных протестов, приносимых государственными обвинителями. Практика отзывов кассационных протестов (отзывается 25-35% протестов) должна рассматриваться как необходимая и неизбежная корректировка вышестоящими прокурорами позиции государственного обвинителя по делу, поскольку многие государственные обвинители, сосредоточивая в силу своего процессуального положения внимание на изобличении и наказании подсудимого, упускают из поля зрения задачи надзора за законностью и обоснованностью принятых судом решений.

В юридической литературе неоднократно отмечалась тенденция к односторонности кассационного опротестования приговоров. Как правило, прокуроры в кассационном порядке опротестовывают приговоры по мотивам необоснованного оправдания. Много протестов приносятся по мотивам мягкости наказания. Однако, анализируя недостатки государственного обвинения, нельзя оценивать надзорную деятельность всей прокуратуры «линии» по числу и характеру протестов, принесенных в суды второй инстанции государственными обвинителями. Необходимо учитывать надзорную деятельность вышестоящих прокуроров.

Государственный обвинитель нередко ставит решение вопроса об опротестовании приговора в зависимость от выводов, сделанных в процессе предварительного следствия. Практика иок.кшнгкт, что прокуроры, к сожалению, безусловно склонны к поддержанию обвинительной, иногда явно односторонней версии по делу. Это серьезный недостаток в их деятельности.

Прокурор, осуществлявший надзор за расседованием, утвердивший обвинительное заключение и (или) поддерживавший обвинение в суде, фактически оказывается связанным при рассмотрении вопроса об опротестовании приговора ранее сформировавшимся у него внутренним убеждением, оценкой доказательств, которую он дал при рассмотрении дела в суде, выводами, к которым он уже пришел и которые соответствующим образом сформулировал.

Именно поэтому кассационные протесты приносятся прокурорами в основном лишь тогда, когда их позиция, основанная на внутреннем убеждении, расходится с приговором (определением) суда.

Особенность процессуального положения прокурора — государственного обвинителя в суде первой инстанции в том, что он сторона в процессе. Поэтому государственный обвинитель зачастую может оказаться связанным сделанными ранее выводами, своим согласием с обвинительной версией, изложенной в иншпштельном заключении. Ему часто бывает психологически Ф\им> одновременно осуществлять и обвинительную, и надзор-

ную функции, особенно если это связано с отказом от обвинения¹³.

Однако прокуроры, дающие оценку обоснованности кассационного протеста, принимающие участие в рассмотрении дела в кассационной инстанции (равно как и прокуроры, проверяющие уголовные дела в порядке надзора), имеют (возможность принять более обоснованные по делу решения, чем прокуроры — государственные обвинители. Оценка доказательств, которую они дают, формируется в иных процессуальных условиях, на базе иного процессуального положения, которое они занимают, а иногда и с учетом дополнительного доказательственного материала.

В отличие от прокурора — государственного обвинителя вышестоящий прокурор, не поддерживавший обвинения в суде, в качестве *единственной и основной своей задачи* видит проверку и повторную оценку всех доказательств, собранных по делу, исследование с позиций строгого соблюдения закона характера и процесса доказывания на всех предшествующих стадиях процесса, критический анализ деятельности всех участников процесса, (включая прокурора — государственного обвинителя.

Таким образом, именно контрольная, надзорная, функция вышестоящего прокурора является главной и решающей; она определяет характер и направление его деятельности. Вышестоящий прокурор не связан ранее сделанными по делу выводами. В отличие от государственного обвинителя он имеет возможность дать оценку доводам кассационного протеста и кассационной жалобы, сопоставить основания и мотивы приговора с этими доводами.

К дополнительным данным, оцениваемым при проверке дела вышестоящим прокурором, можно также отнести личные объяснения осужденного или оправданного, полученные при проверке и пересмотре судебного приговора, доводы защитника, дополнительные письменные материалы, представленные в кассационную инстанцию участниками процесса или истребованные судом.

Возможность оценки совокупности указанных сведений позволяет вышестоящему прокурору, как правило, сделать более обоснованные выводы, чем прокурору, участвующему в рассмотрении дела судом первой инстанции¹⁴.

На это правильно обращали внимание И. Петрухин- (*И. Петрухин. Об эффективности прокурорского надзора в суде, стр. 315—37*) и В. Савицкий (*В. Савицкий. Прокурор как государственный обвинитель.— «Социалистическая законность», 1970, № 2, стр. 35—39*); см. также: *Ю. М. Грошевой. Социально-психологическая характеристика деятельности государственного обвинителя и дальнейшее совершенствование надзора прокуратуры.— «Проблемы прокурорского надзора». М., 1972, стр. 235.*

Поэтому неправ В. М. Савицкий, утверждающий, что вышестоящие прокуроры в такой же мере необъективны, как и государственные обвини-

III*» I-Пия проблема повышения эффективности прокурор-
->« Н.пипби JJ уголовном судопроизводстве складывается из
м бы эффективности этого надзора на каждой из стадий про-

Улучшение работы прокурора в суде первой инстанции может быть достигнуто путем устранения ошибок и недостатков, допускаемых государственными обвинителями. Но, с другой стороны, всегда следует иметь в виду, какое положительное влияние оказывает на уровень поддержания обвинения и вообще на рассмотрение дел судами первой инстанции надзорная деятельность вышестоящих прокуроров.

Исходя из ст. 20 Основ уголовного судопроизводства, законодатель разделил конкретные обязанности прокуроров, принимающих участие в надзоре за рассмотрением в судах уголовных дел на различных стадиях процесса, чтобы дать возможность различным участвующим в рассмотрении дела лицам прокурорского надзора принять в итоге правильное решение. Таким образом, создана и функционирует общая процессуальная практика обнаружения и исправления судебных ошибок средствами прокурорского надзора.

Именно такое распределение обязанностей между прокурорами позволяет, с одной стороны, осуществить требование закона об оценке доказательств по внутреннему убеждению каждого участвующего в деле прокурора, а с другой, — гарантировать, что только правильная оценка доказательств будет иметь и конечном итоге правовое значение.

Гледопателык), пришит единства органов прокуратуры несколько не противоречит независимости внутреннего убеждения прокуроров, участвующих в рассмотрении дел судами уголовных дел.

Практическое значение такого подхода к вопросу, позволяющее наметить некоторые пути совершенствования практики прокурорского надзора, следующее.

Требование ст. 44 Основ уголовного судопроизводства, возлагающей на прокуроров обязанность опротестования в кассационном порядке каждого незаконного и необоснованного приговора хотя в значительной мере и не выполняется, однако отрицательное значение этого обстоятельства в сильной мере смягчается благодаря тому, что по делам, рассматриваемым по кассационным жалобам обвиняемых, защитников, потерпевших, их представителей, вышестоящий прокурор дает заклю-

топ в суде (В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде, стр. Ю7—1-38). Достаточно сказать, что именно вышестоящие прокуроры опротестовывают до 30% кассационных протестов, предотвращая ил\ пткжшение судом ввиду необоснованности и необъективности. Их за-
*» пчппня и суде второй инстанции далеко не всегда совпадают с харак-
!• р\l и мотивами; кассационных протестов.

чение о законности и обоснованности приговора в самой кассационной инстанции¹⁵,

Если в настоящее время в целом по СССР из каждых восьми пересматриваемых в кассационном порядке приговоров пересматривается по протестам прокуроров только один, то нельзя забывать о том, что по девяти из десяти пересматриваемых в кассационном порядке приговоров дает заключение прокурор, представляющий вышестоящую прокуратуру.

Как показывают данные союзных республик, большинство заключений прокуроров, которые даются ими в вышестоящих судах, являются правильными, а допускаемые ими упущения устраняются в большинстве своем прокурорами, участвующими в стадии надзорного производства. Около половины судебных ошибок, исправляемых надзорными инстанциями, устраняется по надзорным протестам вышестоящих прокуроров и их заместителей.

В последнее время вопрос об эффективности прокурорского надзора стал предметом ряда исследований.

А. И. Долгова в результате проведенных ею исследований пришла к выводу, что прокуроры осуществляют надзор за точным исполнением законов в той мере, в какой это не может опорочить принятые при производстве предварительного расследования решения. Прокуроры стремятся отстоять в судах решения, принятые при производстве предварительного следствия и дознания¹⁶.

Тут все верно, за исключением излишне категоричного вывода о недостаточной эффективности деятельности прокуроров, поскольку в большинстве случаев прокуроры отстаивают как раз *правильные* решения органов предварительного расследования.

Представляется, что прав В. М. Савицкий, возражающий против позиции А. И. Долговой, исходя прежде всего из того, что этапы формирования внутреннего убеждения прокурора органически связаны со структурой и последовательностью процессуальных стадий, в которых прокурор принимает участие¹⁷.

Основной недостаток, в значительной мере снижающий уровень эффективности участия прокурора в суде, — односторонняя позиция прокурора не вообще по всем делам, а необоснованная позиция его именно по тем делам, по которым допущены судебные ошибки.

При исправлении судебных ошибок кассационные протесты прокуроров в общем и целом менее объективны, чем надзорные.

¹⁵ Представляется, что требование об опротестовании каждого незаконного и необоснованного приговора должно формулироваться и в нормах, относящихся к надзорному производству.

¹⁶ А. И. Долгова. Прокурорский надзор в советском уголовном судопроизводстве. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. в—9.

¹⁷ В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде, стр. 132—d@4.

11 ИМ) [• ï-j общего числа прокурорских протестов по мотивам суровости наказания было принесено в кассационном порядке 21,6%, в надзорном — 78,4%, а по мотивам-из-мягкости — 65,5% (кассация) и 34,5% (надзор).

13 1969 г. 66,6% приговоров, вынесенных с нарушением уголовно-процессуального закона, было опротестовано в порядке надзора и лишь 33,4% — в кассационном порядке.

Вряд ли правильно объяснять указанное положение только зависимостью мотивов кассационных протестов от позиции государственных обвинителей в суде, зависящей в свою очередь от выводов предварительного следствия.

Значительное влияние на сложившуюся практику оказывает и так называемый «фактор времени»¹⁸, выраженный в более или менее значительном отдалении во времени проверки дела от момента вынесения приговора.

Кассационное рассмотрение дела осуществляется в период наибольшего привлечения к нему внимания общественности^ вольно или невольно возникающего вокруг дела «ажиотажа».

Известны примеры конкретных дел, об обстоятельствах рассмотрения которых сообщалось в юридической печати (дело по обвинению П. Кизилова, дело Хвата и Залесского и др.), которые получили правильное разрешение не в кассационном, а именно в надзорном порядке, когда «общественные страсти»¹⁹ бушевавшие вокруг этих дел, улеглись.

Возможность спокойного взгляда на обстоятельства дела, появляющийся но истечении некоторого времени, часто превращают в положительный фактор, способствующий правильному разрешению этого дела. Конечно, необходимость быстрого рассмотрения дела, своевременного избрания наказания преступников следует по-прежнему считать главной задачей законодателя и судебной практики. Поэтому вряд ли можно говорить об оправданности или целесообразности какого-либо стремления на время отложить, искусственно затормозить рассмотрение того или иного уголовного дела.

По одновременно нельзя не учитывать и указанные выше соображения относительно «фактора времени», влияющего на объективность при пересмотре дел в порядке надзора.

С другой стороны, следует решительно возразить против встречающегося еще взгляда, что применительно к рассмотрению дел в порядке надзора следует учитывать различные вне-процессуальные обстоятельства, которые не позволяют отменять любое незаконное решение, и что существенность правовых ошибок в надзорном производстве должна определяться, как правило, с учетом фактора времени. Такой учет «фактора времени» по своему существу может ориентировать лишь на безза-

¹⁸ /1 // Лидова. Прокурорский надзор в советском уголовном судопроиз-
(1111-11) | с т р . 9 .

коние и произвол¹⁹. Высокая партийная принципиальность, непримиримость к нарушениям законов, настойчивость в борьбе с нарушениями государственной дисциплины, от кого бы они ни исходили,—партийный и государственный долг и обязанность прокурора²⁰.

Анализ судебной практики показывает, что суды с большим вниманием относятся к доводам участвующего в деле прокурора, поскольку он является представителем органа, осуществляющего высший надзор за законностью.

Если же взять дела, по которым допущены судебные ошибки, и проанализировать позицию прокурора лишь по этим делам, то мы увидим, что позиция прокурора по ним часто оказывалась односторонней, неправильной, позволяющей говорить о предвзятости и «обвинительном уклоне».

Так, при изучении в 1968—1969 гг. данных об отмене приговоров в отношении 2052 лиц установлено, что несмотря на отсутствие оснований для вынесения обвинительного приговора (о чем свидетельствует сам факт его обоснованной отмены (вышестоящим судом) прокуроры по подавляющему большинству этих дел (в отношении 1875 лиц) продолжали поддерживать обвинения в полном объеме. Зафиксировано всего лишь 7 случаев отказа от обвинения (0,4%) и 77 случаев, когда прокурор продолжал поддерживать обвинение частично (4,4%). В остальных случаях (95,6%) ошибочная обвинительная позиция прокуроров предшествовала и способствовала вынесению ошибочного обвинительного приговора. Правда, после отмены обвинительного приговора, доследования и (-или) нового судебного разбирательства почти в 80% случаев снова был вынесен обвинительный приговор, однако достаточных оснований для вынесения первого обвинительного приговора все же не было. Поэтому прокуроры по такого рода делам не должны были до конца поддерживать обвинение²¹. Очевидно, односторонний, обвинительный подход по указанным делам характерен не только для государственного обвинителя, но и для самого суда, не связанного позицией обвинителя. Мы видим, что в случаях вынесения ошибочных приговоров задача достижения истины по делу выполняется, как правило, при участии не государственного обвинителя, а вышестоящего прокурора. Инициатива же в исправлении судебной ошибки, как правило, принадлежит самому обвиняемому и его защитнику.

¹⁹ И. Зайцев. Основания к отмене судебных решений в порядке надзора.— «Социалистическая законность», 1969, № 8, стр. 39—41.

²⁰ Р. Руденко. В. И. Ленин о социалистической законности.— «Социалистическая законность», 1970, № 4, стр. 14.

²¹ По мнению В. М. Савицкого, прокурор в данной ситуации обязан отказаться от обвинения (В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде, стр. 225—2(27)). Представляется, однако, что он должен обосновать необходимость возвращения дела на доследование.

ог.ьгкпшиим показателем работы прокурора следует считать «число протестов, принесенных на основании постановления прокурора, зафиксировано 1659 случаев, когда протест на основании постановления прокурора был или не был подан, а именно: был подан 389 (23,5%), не был подан—1270 (76,5%). Значит, подавляющее большинство ошибочных приговоров не было опротестовано прокурорами. И из всех протестов прокуратуры на мягкость наказания было принесено 119, а на суровость наказания—3; по поводу неправильной квалификации—82. 195 протестов было принесено с просьбой об отмене приговоров ввиду их необоснованности. Большинство кассационных протестов во всех этих случаях подано прокурорами, участвовавшими в деле в качестве государственных обвинителей, меньшее количество—вышестоящими прокурорами.

Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 23 октября 1964 г. «О рассмотрении судами кассационных и частных протестов прокуроров, принимавших участие в рассмотрении дел на первой инстанции», разъяснил судам, что кассационные и частные протесты помощников прокуроров союзных и автономных республик, краев, областей, национальных округов, городов и районов и прокуроров отделов и управлений соответствующих прокуратур, участвовавших в судебном разбирательстве уголовных и гражданских дел, подлежат рассмотрению на общих основаниях.

Такое решение, вопроса не привело к сколько-нибудь заметному увеличению числа необоснованных кассационных и частных протестов, поданных прокурорами—государственными обвинителями.

Одним из недостатков в работе этих прокуроров является обстоятельство, что ими недооценивается необходимость тщательной проверки материалов уголовного дела после его рассмотрения судом. Прокуроры, решая вопрос о кассационном опротестовании вынесенного по делу решения, зачастую исходят лишь из сравнения своего вывода по делу с принятым судом решением, не учитывая ни существа и характера записей в протоколе судебного заседания, ни доводов, приведенных в кассационных жалобах, если они поданы другими участниками судебного разбирательства.

Прокурорами вообще чаще опротестовываются приговоры по делам, по которым обвинение ими поддерживалось полностью, в сравнении с делами, обвинение по которым поддерживалось только частично.

Из общего числа протестов 73,3% приходится на те случаи, когда прокурор поддерживал обвинение полностью.

Не подтверждает ли это наличие определенного компромисса и принимаемом прокурором решении, когда он, с одной стороны, считает себя связанным предъявленным обвинением и ма-

териалами предварительного следствия, с другой же стороны, учитывает неустойчивость и недостаточную подтвержденность обвинения по данным судебного следствия?

До настоящего времени, к сожалению, распространена неправильная и не вытекающая из закона точка зрения, согласно которой всякий оправдательный приговор является показателем недостатков работы прокурорских органов, что наказание тем эффективнее, чем оно суровее, и одна из задач государственного обвинения—требовать максимально сурового наказания.

Такая позиция может лишь привести к необъективности, односторонности обвинения, предвзятому отношению обвинителя к рассматриваемому делу, игнорированию им любых доводов, противоречащих линии обвинения, поверхностной оценке собранных доказательств.

Если по делу подана кассационная жалоба на приговор осужденным или его защитником, то прокурор нередко освобождает себя от необходимости принести кассационный протест, основания которого могут совпасть с доводами жалобы. Это неправильно. Кассационный протест прокурора в этом случае не только поможет правильному определению позиции прокурора, дающего заключение по делу в вышестоящем суде, но и явится единственным основанием для рассмотрения дела в кассационном порядке, если жалоба осужденного (защитника) по тем или иным основаниям будет снята ими с рассмотрения.

§ 3. Эффективность деятельности прокурора по исправлению (судебных ошибок в кассационных и надзорных инстанциях

За последние годы органами прокуратуры проделана значительная работа по усилению надзора за законностью судебных решений по уголовным делам.

В 1969 г. в кассационных и надзорных инстанциях практически все дела рассматривались с участием прокуроров.

Кроме того, прокуроры проверили в срок, установленный для кассационного обжалования, 79,1% приговоров, постановленных без участия государственного обвинителя (в Украинской, Молдавской, Армянской и Эстонской ССР от 92 до 97,2%)²².

Практически все уголовные дела (исключая часть дел частного обвинения) являются объектом прокурорского надзора во всех судебных стадиях²³.

²² «Социалистическая законность», 1970, № 7, стр. 3—9.

²³ В настоящем параграфе наряду с материалами исследования, проведенного авторским коллективом, использованы данные «Обзора практики прокурорами заключений по делам в кассационной инстанции», подготовленного отделом по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры СССР в 1969 г., и соответствующие данные обзора надзорной практики за 1970 г.

Можно отметить ряд тенденций, указывающих на повышение эффективности прокурорского надзора непосредственно в кассационных и надзорных инстанциях.

Кели в 1963 г. прокуроры дали в кассационном порядке заключения по 55% Дел, то в 1968 и 1969 гг.— по 95%.

Прокуроры дают заключения по всем (за редкими исключениями) делам об особо опасных преступлениях. В ряде республик, краев и областей с участием прокуроров рассматривались в кассационной инстанции все или почти все дела, по которым производилось расследование: в Белорусской, Молдавской и Эстонской ГСР—100%,—в Туркменской, Армянской, Украинской и Латвийской ССР — свыше 99% всех дел.

В порядке надзора практически все дела рассматриваются с участием прокурора.

Деятельность прокурора в стадиях кассационного и надзорного производств позволяет по большинству дел своевременно устратгп, недостатки в расследовании преступлений и прокурорском надзоре, оказывать активное влияние на улучшение качества предварительного следствия и разбирательство дел в судах первой инстанции. В заключениях прокуроров, даваемых в вышестоящих судах, ставятся вопросы о необходимости вынесения частных (особых) определений в адрес соответствующих органов, содержатся предложения о характере обязательных указаний суда по конкретному делу.

Подавляющее большинство заключений прокуроров, данных в апеллационных инстанциях по протесту председателей соответствующих судов или поддержавших прокурорские протесты, совпадают с решениями, принятыми судебными органами.

Но многих республиках, краях и областях кассационные заключения прокуроров в значительной степени влияют на характер принимаемых судами решений.

Так, в 1969 г. в Саратовской обл. почти все кассационные включения прокуроров об отмене и ²/3 об изменении приговоров совпали с принятыми вышестоящим судом определениями, в Эстонской ССР отмена и существенное изменение приговоров в 78% случаях производились в соответствии с заключениями прокуроров.

Верховным судом Киргизской ССР по предложениям прокуроров только в кассационной инстанции вынесено в 1968 г. 16, в первом полугодии 1969 г.— 16 особых определений по поводу нарушений, допущенных при расследовании и рассмотрении дел.

Оценка эффективности осуществления прокурорского надзора в кассационной и надзорной инстанциях предполагает уяснение вопроса о сложившемся в стране соотношении кассационной и апеллационной практики.

Ксли принять за 100% общее число отменяемых и изменяемых соответствующими судебными инстанциями приговоров и

определений, то за последние пять лет (1968—1972 гг.) примерно ²/3 приходится на долю кассационных и ¹/3—на долю надзорных инстанций, хотя в абсолютных цифрах надзорные инстанции рассматривают в 12 раз меньше дел, чем кассационные.

На практике в работе органов прокурорского надзора можно проследить несколько тенденций в исправлении допущенных ошибок.

Можно выделить группу органов прокурорского надзора, стремящихся к исправлению судебных ошибок преимущественно в кассационном порядке. Соответственно мы говорим и о вышестоящих судах, в которых большинство ошибок исправляется в стадии кассационного производства. Однако в ряде судебных органов и прокуратур преобладает надзорный пересмотр судебных решений²⁴.

Таким образом, в условиях одних и тех же требований процессуального закона существует значительная разница в активности опротестования прокурорами судебных решений в кассационном порядке.

Недостаточная активность приводит к тому, что вышестоящие прокуроры вынуждены принимать меры к устранению недостатков кассационного опротестования судебных решений путем активизации надзорной практики, принесения большего числа протестов в порядке надзора.

Кассационное опротестование судебных решений, равно как кассационный порядок их пересмотра, представляет наибольшие возможности для своевременного реагирования вышестоящих судов на недостатки и упущения судов первой инстанции, охраны прав и законных интересов участников процесса.

Только пересмотр приговоров по кассационному протесту (или жалобе) может предотвратить вступление в законную силу неправильного судебного решения.

Повышение активности в опротестовании незаконных и необоснованных решений в кассационном порядке влечет за собой снижение числа надзорных протестов, и наоборот.

В 1969 г. прокурорами проверено в кассационные сроки в 2 раза больше дел, рассмотренных судом без их участия, чем в 1965 г. Это сказалось на надзорной практике. В надзорном порядке проверено в 4 раза меньше дел этой категории.

За последние годы пересмотр судебных решений в порядке надзора вообще существенно сократился. Несмотря на определенный рост числа дел, рассмотренных судами по первой инстанции в 1969 г. по сравнению с 1965 г., в надзорном порядке отменено и изменено (в части квалификации совершенного преступления либо меры наказания) на 40% меньше приговоров.

и ряде случаев, обнаруживая ошибки и нарушения эконом при рассмотрении дел в кассационном порядке, прокуроры лишены возможности дать заключения об отмене или изменении соответствующих приговоров ввиду отсутствия кассационного протеста или жалобы потерпевшего.

По данным Прокуратуры СССР, например, в Свердловской обл. из 87 пересмотренных в 1968—1969 гг. в надзорном порядке кассационных определений 52 были вынесены при таких именно обстоятельствах.

В Литовской ССР в 1969 г. прокурором принесены надзорные протесты по 32 делам, ранее рассмотренным в кассационной инстанции; по 22 из них кассационная инстанция сама не могла устранить допущенные ошибки ввиду отсутствия кассационных протестов.

В практике отмечены нередкие случаи, когда в надзорном порядке отменяются вынесенные судами решения «ввиду грубых нарушений процессуального закона — неподписанный приговор или протокол судебного заседания, выход суда за пределы предъявленного обвинения и т. п., — причем по таким делам вообще не приносились кассационные протесты.

В 1969 г. прокурорами принесено в надзорном порядке втрое больше протестов, чем в кассационном, на неправильное назначение вида режима осужденным ввиду необоснованного признания осужденных особо опасными рецидивистами.

Поскольку по многим таким делам отсутствовали кассационные протесты, прокуроры в кассационной инстанции не давали рекомендаций об исправлении допущенной ошибки и вопрос об ее исправлении ставили только в надзорном порядке, увеличивая, таким образом, число дел, проходящих через надзорные инстанции.

Выясняя при рассмотрении дела в кассационном порядке в основном вопросы доказанности виновности осужденных, правильности квалификации их действий, прокуроры иногда не уделяют внимания правильности назначения вида режима содержания осужденных под стражей, определения наказания по совокупности преступлений, соблюдению норм процессуального закона. Между тем при разрешении таких вопросов нередко допускаются серьезные ошибки.

Так, в 1968 г. отмена в надзорном порядке приговоров в связи с неправильным разрешением вопросов о назначении вида режима и признания осужденных особо опасными рецидивистами составила около 13% всех пересмотренных в надзорном порядке приговоров.

В Иркутской обл. в 1969 г. по надзорным протестам изменен вид режима сорока осужденным, а по кассационным протестам — только трем.

Прокуроры Хабаровского края по указанным основаниям не приносили ни одного кассационного протеста. В надзорном же

порядке по протестам прокуроров был изменен 41 приговор.

В 1967 г. в целом по стране кассационных протестов на неправильное определение вида режима принесено почти в 4 раза меньше, чем надзорных.

И в надзорном порядке довольно часто приговоры пересматриваются из-за несоразмерности и несправедливости наказания. По данным Прокуратуры СССР, в 1969 г. по этим основаниям отменено и изменено 38,6% всех пересмотренных в порядке надзора приговоров, в том числе смягчено наказание по 26% приговоров. Около 24% приговоров отменено в порядке надзора с направлением дел на новое судебное рассмотрение (в связи с неполнотой судебного следствия, процессуальными нарушениями, неправильной квалификацией и т. д.). 18% составляют дела, приговоры по которым изменены в связи с неправильной квалификацией преступления. Свыше 13% приговоров отменено с направлением дел на новое расследование, а 3,6% — с прекращением дел из-за отсутствия в действиях осужденных состава преступления или недоказанности их участия в совершенном преступлении.

Кроме того, надзорными инстанциями отменяется (во многих случаях по протестам прокуроров) значительное число кассационных определений с направлением дел на новое кассационное рассмотрение, а также неправильных судебных решений, вынесенных в порядке надзора. При этом подавляющее большинство таких решений могло и должно было быть отменено и изменено в кассационном порядке.

Эти факты, так же как и приведенные данные о пересмотре в порядке надзора приговоров по делам, которые не рассматривались в кассационном порядке, свидетельствуют о существенных недостатках в работе прокуроров по опротестованию незаконных и необоснованных приговоров в кассационном порядке.

Достаточно сказать, что даже по делам, по которым кассационные инстанции отменили либо существенно изменили приговоры, — изменили квалификацию преступлений — лишь в каждом пятом случае это было сделано по кассационному протесту прокурора (1969 г.). В целом за последние годы по СССР лишь около 17% пересмотренных в кассационном порядке приговоров было отменено и изменено по протестам прокуроров. По существу лишь по этим делам можно говорить о достаточно эффективной деятельности прокуроров по исправлению судебных ошибок в стадии кассационного производства.

По данным органов Прокуратуры СССР, значительное количество протестов приносится прокурорами без достаточных оснований, в результате чего около половины частных и более половины кассационных протестов отзывается с рассмотрения вышестоящими прокурорами или отклоняется судами.

Необоснованные кассационные протесты приносятся чаще всего на мягкость назначенного судом наказания, на оправда-

-привести приговоры и на определения о возвращении дел на до-
пущительное расследование.

Отклоняется около половины частных протестов, подавля-
ющее большинство которых приносится на определения судов
о направлении дел для доследования.

Каждый пятый из отклоненных кассационных протестов
приносился в 1967 г. на предмет отмены оправдательного при-
говора, 56% всех отклоненных кассационных протестов состав-
ляют протесты на мягкость наказания, из которых многие при-
носились в связи с назначением наказания, не связанного с
лишением свободы, лицам, содержащимся до суда под стра-
жей с санкции прокурора.

Если в 1967 г. всех кассационных протестов отклонено 33,8%,
то протестов на оправдательные приговоры — 44%. а на мяг-
кость наказания — 41,5%.

В 1968 г. из числа всех отклоненных судами кассационных
протестов 40,2% составили протесты на мягкость назначенного
наказания и 44,8% — на оправдательные приговоры. В первом
полугодии 1969 г. эти показатели составили соответственно 45
и 47%.

Если в 1969 г. было отклонено 34% всех принесенных кас-
сационных протестов, то протестов, принесенных на мягкость
наказания, отклонено 40,2%, что, бесспорно, свидетельствует об
определенной односторонности в принесении именно таких про-
тестов.

Сам. факт отклонения указанных протестов свидетельствует
одновременно о недостаточно обоснованной позиции по ряду
дел, которую занимали не только прокуроры, приносящие про-
тесты, но и вышестоящие прокуроры, дававшие заключения в
кассационных инстанциях, так как в противном случае указан-
ные протесты были бы сняты до их рассмотрения судебными ор-
ганами.

Прокуроры городов и районов Киргизской ССР, например,
и 1967 г. опротестовали все без исключения оправдательные
приговоры. Многие из этих протестов были оставлены без удо-
влетворения судами. Такое же положение имело место и в ряде
других союзных республик.

По данным О. П. Темушкина, односторонность или неполно-
та дознания, предварительного или судебного следствия как
основание отмены приговоров в подавляющем большинстве
случаев (91,8%) влечет необоснованное осуждение. Необосно-
ванное оправдание по этим мотивам — составляет 8,2%. Меж-
ду тем прокуроры чаще всего опротестовывают в кассационном
порядке приговоры по мотивам необоснованного оправдания.

Односторонность в кассационном опротестовании приговоров
прослеживается также в протестах, которые приносятся проку-
рорами и по другим основаниям. В 1969 г. 66,6% приговоров,
питч-синих с нарушениями уголовно-процессуального закона,

было опротестовано прокурорами в порядке надзора и лишь
33,4% — в кассационном порядке.

По мотивам неправильной квалификации преступлений в
кассационном порядке пересматривается около 73 приговоров
(из всех пересмотренных), тогда как прокурорами по этим ос-
нованиям приносится лишь 18% всех кассационных протестов.
Значительное место (около 7г) занимают кассационные протес-
ты по мотивам явной несправедливости назначенного судом на-
казания.

Из них подавляющее большинство протестов (до 90%)
приносится на мягкость наказания. Между тем в 1969 г. по мо-
тивам мягкости отменено всего 6%, а по мотивам несоразмер-
ной суровости изменено 33,6%²⁷.

Иначе оценивается действенность протестов прокуроров,
приносимых в порядке надзора. За последние 5 лет большинст-
во таких протестов удовлетворено. В 1965 г. — 87,1%, в 1966 г. —
84,9, в 1967 г. — 85,4, в 1968 г. — 83,7 и в 1969 г. — 84%.

Из общего числа протестов, принесенных в 1969 г. по моти-
вам необоснованного осуждения, лишь 7,4% приходится на кас-
сационные, но зато 92,6% — на надзорные протесты. По моти-
вам необоснованного оправдания картина иная: 74,8% — касса-
ционные и 25,2% — надзорные протесты.

В процентном отношении протесты прокуроров, принесенные
в порядке надзора, снимаются и отзываются почти в 10 раз ре-
же: в 1966 г. — 3,7%, в 1968 г. — 3,8%.

Анализ данных о мотивах опротестования приговоров в по-
рядке надзора свидетельствует о том, что в этой стадии про-
курорскому надзору не присущ односторонний характер.

За последние 10 лет по мотивам необоснованного осуждения
приносилось надзорных протестов в 2—3 раза больше, чем по
мотивам необоснованного оправдания или прекращения дел.
Хотя, так же как и при кассационном рассмотрении дел, наи-
большее количество протестов, оставленных без удовлетво-
рения в эти же годы, относится к случаям опротестования оправ-
дательных приговоров или прекращения дел, или возвращения
дел для производства дополнительного расследования, в абсо-
лютных цифрах таких протестов немного, а подавляющее боль-
шинство протестов прокуроров, приносимых в пользу осужден-
ных* удовлетворено.

Насколько правильна позиция прокуроров, дающих заклю-
чения в вышестоящих судах? Если общее число расхождений
между заключениями прокуроров и решениями кассационных
инстанций сравнительно невелико, то в разных республиках оно
различается весьма существенно. Так, в первом полугодии

²⁷ О. П. Темушкин. Прокурорский надзор как гарантия законности в касса-
ционном производстве по уголовным делам. Автореф. канд. дисс. М.,
1970, стр. 113—14.

В 1968 г. оно доставляло В Армянской ССР 4,6% к числу всех заключений, в Казахской ССР — 5,5, в Таджикской ССР — 12,3%.

При этом, естественно, в стадии кассационного производства обнаруживается определенная тенденция прокуроров отстаивать стабильность вынесенного приговора в тех случаях, когда по делу не принесен кассационный протест.

По данным Верховного суда УССР, в первом полугодии 1969 г. по всем делам, рассмотренным в кассационном порядке, прокуроры дали заключения. По делам, приговоры по которым отменены, прокуроры дали заключение об отмене в 28,9% случаев и внесении изменений (смягчении наказания, переквалификации преступления и т. п.) — в 18,4% случаев. По этим же делам 52,7% заключений дано об оставлении приговоров без изменений. По делам, приговоры по которым изменены, заключения об изменении приговоров даны в 61,1% случаев¹.

Нужно отметить, что лишь по одному делу прокуратура в конечном счете не согласилась с принятым коллегией решением. По остальным делам протесты в Пленум не вносились. Это позволяет утверждать, что единственным критерием правильности заключений прокуроров в вышестоящих судах должно считаться совпадение этих заключений с принятыми кассационными инстанциями решениями, если такие решения впоследствии не подвергаются отмене или изменению.

Таким образом, указанный критерий должен корректироваться с учетом окончательного разрешения дела в надзорных инстанциях.

До сих пор наиболее распространенными ошибками прокуроров при рассмотрении дел в кассационных и надзорных инстанциях являлись ошибки в оценке собранных по делу доказательств, неправильное толкование и применение уголовного закона, невнимательная, поверхностная проверка материалов уголовных дел.

При рассмотрении дел в кассационном и надзорном порядке прокуроры зачастую не уделяли серьезного внимания вопросам обоснованности и справедливости назначенного судом наказания, хотя несоразмерность наказания (его мягкость или суровость) служит одной из главных причин пересмотра приговоров. Почти 40% всех отмененных и измененных приговоров пересматривается в кассационных и надзорных инстанциях именно по этим основаниям.

Кассационные протесты на оправдательные приговоры, на определения судов о возвращении дел для доследования, на мягкость наказания нередко носят необъективный характер, и приносятся в ряде случаев не в целях устранения нарушений, а лишь с тем, чтобы избежать ответственности за недобросовестное расследование, незаконное привлечение к уголовной ответственности необоснованный арест и т. п.

В письме Прокуратуры СССР от 4 января 1968 г. приводятся соответствующие примеры. Прокурор одного из районов Азербайджанской ССР принес частный протест на определение народного суда о возвращении для доследования дела по обвинению бывшего прораба И., допустившего недостачу стройматериала. Между тем в определении правильно указывалось, что причины недостачи значительной части материалов вообще не выяснены, следственные органы не установили, в чем конкретно заключалась вина И., и т. д. Обосновав протест исключительно материалами предварительного следствия, прокурор указал, что все недостатки расследования суд мог устранить в судебном разбирательстве. Протест как явно необоснованный отозван прокуратурой республики.

Прокуратурой одного из районов Иркутской обл. было направлено в суд дело Л., обвинявшегося в попытке украсть лошадь. Как установлено в судебном заседании, Л. хотел взять пасущуюся на лугу лошадь, чтобы показать на ней, но был замечен владельцем лошади. Все это происходило открыто, в присутствии односельчан. Народный суд обоснованно оправдал Л., не усмотрев в его действиях состава преступления. Тем не менее прокурор принес кассационный протест. В подтверждение умысла Л. в протесте был приведен лишь тот «довод», что при задержании он ругался и «просил не поднимать шум». Протест отозван прокуратурой области.

Нередко протесты слабо аргументированы, неубедительны, небрежно составлены.

Однако вышестоящие прокуроры при отзыве протестов не всегда ясно и убедительно разъясняют нижестоящим прокурорам, почему их протесты не были поддержаны.

Требование закона об опротестовании в кассационном порядке каждого незаконного и необоснованного приговора или определения, несмотря на неоднократные указания Генерального прокурора СССР, не выполняется. Достаточно, например, отметить, что если по кассационным протестам прокуроров в первом полугодии 1967 г. отменено обвинительных приговоров в отношении 17 человек, признанных полностью невиновными, то по этим же основаниям по жалобам осужденных и защитников кассационные инстанции отменили приговоры и прекратили дела в отношении 498 лиц; кроме того, в порядке надзора было прекращено дел в отношении 436 лиц. Иными словами, по кассационным протестам прокуроров было реабилитировано лишь 1,8% невинно осужденных.

Указанное положение сложилось, несмотря на постоянное и целенаправленное ориентирование прокуроров со стороны вышестоящих органов прокурорского надзора на объективное и всестороннее отношение к принесению протестов.

Объясняя все это, можно предположить, что прокурорам — обвинителям в силу их профессиональной ориентации, выполняемой процессуальной функции (обвинение), может быть присущ обвинительный уклон, что они психологически более склонны видеть во всяком подсудимом скорее потенциального преступника, чем невиновного²⁸.

²⁸ К такому объяснению склоняется И. Л. Петрухин (*И. Л. Петрухин. Эффективность прокурорского надзора за законностью приговоров. — «Социалистическая законность», 1969, № 6, стр. 33—35*).

Одплко ли кассационная, ни тем более надзорная практика прокурорского надзора не подтверждает, по нашим наблюдениям, такого предположения.

Некоторые прокуроры не опротестовывают и такие приговоры, по которым преступления неправильно квалифицированы по законам, предусматривающим менее строгую ответственность, или осужденным назначено неоправданно мягкое наказание, неправильно применен более мягкий вид режима, не разрешен вопрос о признании виновных особо опасными рецидивистами и т. д.

(Президиум Ньюолаевюкаго облашого суда отменил по протесту председателя суда на мягкость назначенного наказания приговор районного народного суда в отношении И., особо опасного рецидивиста, ранее четырежды судимого за кражи и вновь осужденного за такое же преступление всего лишь к полутора годам лишения свободы. Прокурор района кассационного протеста на этот приговор не принес.

Одна из существенных причин того, что прокуроры не всегда опротестовывают приговоры, которыми обвиняемые осуждены к необоснованно мягким мерам наказания (если последние в ходе следствия находились на свободе), видимо, в том, что это ведет к ухудшению показателей работы следователей²⁹.

Поверхностный анализ и оценка доказательств прокурорами в стадии кассационного производства являются одной из причин пересмотра приговоров и определений в порядке надзора.

Один из прокуроров отдела прокуратуры Харьковской обл. в письменном заключении по делу И. указал: «Вина по ст. 206 ч. 2 основана на косвенных доказательствах. Осужденный своих действий в клубе не помнит. Потери сменяя его опознать не смогла. Так как не установлено хулиганство в клубе со стороны других лиц, следовательно, оно совершено подсудимым, который был сильно пьян и своих действий не помнит». На этом основании прокурор просил оставить приговор без изменения.

Между тем осужденный утверждал, что в клубе он не был и никого не избивал, никто из свидетелей его в клубе не видел.

Судебная коллегия Харьковского областного суда приговор в этой части отменила и прекратила дело за недоказанностью предъявленного И. обвинения.

Исправление ошибок в применении материального права, допускаемых судами при вынесении приговоров, производится главным образом не в кассационном, а в надзорном порядке.

В Украинской ГСР в надзорном порядке © последние годы рассматривается в несколько раз больше протестов на нарушение материального закона, чем в кассационном.

В 1967 г. Верховным судом РСФСР в кассационном порядке по мотивам неправильного применения материального закона были рассмотрены приговоры в отношении 354 человек, из них только в отношении 5 человек — по кассационным протестам прокуроров.

²⁹ (К Тсмушкин. Кассационное опротестование прокурорами незаконных и необоснованных приговоров.— «Социалистическая законность», 1968, № 5, «ч». \Л.

Верховный суд Молдавской ССР в первом полугодии 1968 г. по этим же основаниям отменил и изменил приговоры в отношении 65 человек, из них только в отношении 5 человек — по кассационным протестам.

Недостатки в прокурорском надзоре, выраженные в неправильном применении уголовного закона, привели к тому, что число приговоров, измененных в порядке надзора ввиду неправильной квалификации преступлений, составило в 1968 г. около 21,4% всех пересмотренных надзорной инстанцией приговоров.

В большинстве случаев ошибки прокуроров в квалификации преступлений допускаются по делам о хулиганстве, а также по делам о хищениях государственного и общественного имущества, о преступлениях против личности и др.

При оценке эффективности уголовно-процессуальной деятельности прокуроров в стадии надзорного производства важно, что около половины всех протестов в порядке надзора приносит прокурорами по их собственной инициативе в результате активного осуществления ими прокурорского надзора за законностью и обоснованностью приговоров.

В 1968 г. 32,2% протестов было принесено по представлениям прокуроров (при отсутствии жалоб), из них 15,5% — по мотивам тождественным заключениям прокуроров в суде кассационной инстанции, и 9,1% — по отклоненным судом частным и кассационным протестам.

Эти же тенденции сохранились и продолжали развиваться и в 1969 г., а также в 1970 г. В 1969 г. из всех надзорных протестов лишь 32% принесено по жалобам, 18% — в связи с отклонением кассационных протестов и 50% — в связи с проверками, проведенными прокурором в местах лишения свободы.

В Калужской, Калининградской, Иркутской, Кемеровской и в некоторых других областях судебные ошибки в порядке надзора в 1969 г. устранялись исключительно по инициативе местных органов. Прокуратура РСФСР ни одного из принятых прокурорами областей решений не пересмотрела.

С другой стороны, в ряде случаев из-за поверхностной или необъективной проверки дел и жалоб принимаются необоснованные решения об отказе в принесении протестов в порядке надзора. Иногда они опротестовываются только после неоднократных жалоб либо указаний вышестоящего прокурора.

В результате того, что жалобы часто разрешаются без истребования дел на основе необоснованных заключений нижестоящих прокуратур либо на основе недоброкачественных письменных кассационных заключений, многие из решений об отказе в дальнейшем пересматриваются.

Вызывает сомнение широко распространенная практика дачи поручений со стороны вышестоящих прокуроров, наделенных правом внесения протестов в порядке надзора, нижестоящим

прокурорам о о опротестовании судебных решений по конкретным ДГЛам.

Прокуратура СССР в 1969 г. внесла протесты по 109 делам г. судебные органы союзных республик, краев и областей, По Ш делам по предложению Прокуратуры СССР нижестоящие прокуроры сами внесли протесты.

По некоторым делам в связи с исполнением таких поручений возникают переписка и волокита, из-за которых судебные ошибки длительное время не исправляются.

В июле 1968 г. прокурору Армянской ССР были направлены Прокуратурой СССР жалоба и переписка по делу П. и др., осужденных за хулиганство и недоносительство об убийстве. В ноябре 1968 г. Прокуратурой СССР было истребовано и в январе 1969 г. направлено на имя прокурора республики дело по обвинению П. с предложением опротестовать вынесенный по этому делу приговор. Прокуратурой республики длительное время не решался вопрос по существу дела, а затем внесенный прокурором Армянской ССР протест был оставлен Пленумом Верховного суда республики без удовлетворения.

Почти 2 года потребовалось для того, чтобы решить вопрос о прекращении этого дела за отсутствием состава преступления в действиях обвиняемых.

Вместо внесения протеста в порядке надзора по делу длительное время велась переписка между Прокуратурой СССР и Прокуратурой Армянской ССР. Прокуратура СССР настаивала на опротестовании приговора, с чем не соглашалась прокуратура Армянской ССР.

В некоторых случаях не выполняется требование закона о проверке дела в полном объеме, некоторые надзорные протесты односторонни.

Если всех надзорных протестов прокуратуры в 1969 г. было отклонено около 16%, то протестов на оправдательные приговоры или определения о прекращении дел отклонено 40%, на определения судов о производстве дополнительного расследования — 35%, на мягкость наказания — 26%.

Отмечены случаи внесения надзорных протестов, в которых, подменяя порядок условно-досрочного освобождения, ставились вопросы о смягчении наказания. Такие протесты вносились в связи с тем, например, что осужденные возместили после рассмотрения дела ущерб, или с тем, что этот ущерб возмещен их родственниками, и т. п.

В отдельных случаях протесты прокуроров в порядке надзора по существу подменяют возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам, и наоборот. При этом вместо возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам в процессе надзорного производства проводятся различного рода не предусмотренные законом проверки, освидетельствования и даже допросы 'Свидетелей, а затем эти материалы представляются как дополнительные в надзорные инстанции одновременно с протестами³⁰.

* ПЖПО также имеет в виду, что как в уголовном, так и в гражданском процессе в случаях, когда то или иное существенное для дела обстоятельство могло быть выявлено судом первой инстанции при все-

Подмена установленного законом порядка пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам пересмотром их в порядке надзора лишает нас возможности говорить о степени эффективности прокурорского надзора при установлении вновь открывшихся обстоятельств.

Подводя итог рассмотрению вопросов, связанных с эффективностью прокурорского надзора по предотвращению и исправлению судебных ошибок, можно сказать, что эта деятельность органов прокуратуры имеет важное значение в осуществлении задач советского уголовного судопроизводства. Она в значительной мере гарантирует исправление судебных ошибок, обеспечивает правильное и единообразное применение судами советских законов и тем самым способствует наиболее полному достижению целей социалистического правосудия.

стороннем и полном расследовании материалов, оно не может рассматриваться как вновь открывшееся (Д. Ватман. Пересмотр гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам.— «Советская юстиция», 1972, № 6, стр. 12; см. также: «Судебный надзор и укрепление социалистической законности». — «Советская юстиция», 1974, № 16, стр. 2).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА
ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И ИСПРАВЛЕНИЮ
СУДЕБНЫХ ОШИБОК

§ 1. Понятие эффективности деятельности защитника
и критерий ее оценки

Интерес к деятельности профессионального защитника¹ в свете проблемы устранения судебных ошибок может быть объяснен следующими двумя соображениями.

Во-первых, защитник для осуществления своей функции наделен широкими процессуальными правами, их реальное осуществление не может не влиять на характер процесса и его результаты.

Во-вторых, участие защитника в процессе — явление массовое: в среднем каждое третье уголовное дело на предварительном следствии оканчивалось с участием адвоката; в суде первой инстанции с участием адвоката слушается до 30% уголовных дел.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г. признано целесообразным дальнейшее расширение участия защитника в уголовном судопроизводстве².

Этот законодательный акт, отражая назревшие потребности практики, создал новые важные предпосылки для повышения роли защиты в решении задач социалистического правосудия.

В советской юридической литературе подвергнуты глубокой теоретической разработке многие стороны важнейшего процессуального принципа права обвиняемого на защиту, рассмотрено значение профессиональной защиты для реализации прав обвиняемого, высказано много ценных рекомендаций о характере взаимоотношений защитника и подзащитного с учетом их процессуального положения и т. п.

Вместе с тем проблема *эффективности* процессуальной деятельности защитника, его *реальной* роли в отправлении правосудия и, в частности, в предотвращении и исправлении судебных

¹ Понятия «профессиональный защитник», «защитник» и «адвокат» в настоящей главе употребляются как равнозначные.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в ст. 10 и 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

ошибок является относительно новой. Это естественно: возможность такой постановки вопроса всецело зависит от внедрения социологических методов в изучение функционирующей системы правосудия. А это оказалось осуществимым лишь в последние годы.

Исходя из понятия эффективности, сформулированного в § 1 гл. I, под эффективностью судебной защиты следует понимать степень достижения поставленных перед ней целей. Как уже отмечалось, при системном подходе следует различать степень достижения системой ее собственных, «узких», целей и вычлениваемую с помощью факторного анализа степень воздействия данной системы на достижение целей системы более высокого порядка.

Объектом исследования в данной работе является правосудие как система взаимосвязи между участниками уголовно-процессуальной деятельности в суде и система гарантий, способствующих достижению правосудием его целей (см. схему I)³. Объектом исследования в этой главе служит судебная защита, связанная с правосудием как системой более высокого порядка, двойко: во-первых, судебная защита — один из элементов сложного взаимодействия между участниками судебного разбирательства, выполняющий свою специфическую функцию; во-вторых, она — один из многих факторов, положительно влияющих на общую функцию правосудия⁴.

Исходя из этих общих положений, эффективность судебной защиты следует определить двойко, а именно: а) как степень использования защитниками-адвокатами всех процессуальных и иных, допускаемых законом и моралью, возможностей для доказывания перед судом невиновности обвиняемого, меньшей вины или обстоятельств, смягчающих ответственность; иными словами, речь идет о максимально полном и квалифицированном оказании обвиняемому юридической помощи в осуществлении права на защиту со всеми присущими ему процессуальными гарантиями (ст. 51 УПК РСФСР); б) как степень благоприятного воздействия поведения защитника на достижение целей всего

³ Гл. I, § 1.

⁴ Сам по себе этот фактор, как и все другие, представляет собой сложную систему, «управление» которой в целях повышения ее функции достигается благодаря согласованному действию ряда социально-экономических, политических, идеологических, правовых и иных факторов, влияющих на эффективность правовой регламентации деятельности защитника в суде, формирующих основные характеристики личности адвоката (уровень правосознания, морально-этические качества, профессиональную подготовку и т. д.), определяющих условия его трудовой деятельности (стимулирование труда, взаимоотношения внутри коллегии адвокатов и т. д.) и др. В данной главе эффективность судебной защиты рассмотрена преимущественно на уровне правовых характеристик, полученных, однако, в большинстве своем благодаря применению социологических методов исследования.

правосудия (достижение истины, охрана прав граждан, воспитательный эффект судопроизводства)⁵.

Способствовать достижению общих целей правосудия защита может не иначе, как успешно выполняя свою специфическую функцию в суде. Поэтому критерий эффективности защиты, сниженной с осуществлением указанной функции, был принят за основу при проведении данного исследования. Однако в столь общем виде он не может быть применен для оценки эффективности судебной защиты, поэтому возникла необходимость сформулировать ряд операциональных определений, конкретизирующих его содержание и позволяющих получить количественные показатели эффективности защиты.

Эти конкретные проявления критерия эффективности судебной защиты могут иметь практический смысл, если они будут отвечать по крайней мере следующим трем условиям: 1) они должны характеризовать именно работу защитника, причем в ее частных проявлениях, ибо конечный результат всегда аккумулирует усилия многих участников процесса и, следовательно, никому из них в отдельности не может быть поставлен в заслугу всецело; 2) они должны обладать достаточной определенностью, чтобы быть предметом количественных измерений; 3) они должны охватить деятельность защитника во всех ее решающих проявлениях; только совокупность множества показателей способна дать объективную характеристику деятельности любого участника процесса, в том числе и защитника⁶.

Исходя из очевидного предположения, что эффективность защиты тем выше, чем защитник активнее и чем обоснованнее его ходатайства, мы к числу количественных показателей эффективности относим: а) соотношение случаев участия защитника в той или иной стадии процесса с количеством заявленных и удовлетворенных ходатайств; б) соотношение позиции защитника с позицией суда первой инстанции и окончательным результатом по делу; в) соотношение количества кассационных жалоб защитника (отклоненных и удовлетворенных) с количеством случаев полного и частичного расхождения его позиции с позицией суда первой инстанции;⁵ г) соотношение количества отклоненных и удовлетворенных жалоб в порядке надзора; д) степень (полнота) использования процессуальных прав, принадлежащих защитнику на различных стадиях процесса.

Для выявления общих и частных закономерностей, характеризующих эффективность деятельности защитника, использова-

⁵ См. гл. I.

⁶ Попытка обосновать критерии оценки работы следователя, прокурора, судьи приводит и других авторов к необходимости учета множества факторов (// *Петрухин*. Об эффективности прокурорского надзора.— «Социалистическая законность», 1969, № 6; *Н. Баранов, В. Чистяков, А. Гурвич, П. Майоров*. Критерии оценки работы следователя.— «Социалистическая законность», 1969, № 4, и др.).

ны данные судебной статистики и статистики адвокатуры; материалы изучения уголовных дел, закончившихся реабилитацией обвиняемого (оправдательный приговор, прекращение в кассации или при дополнительном расследовании после отмены обвинительного приговора); данные специального учета, организованного во втором полугодии 1968 г. в 29 коллегиях адвокатов РСФСР; аналогичные данные за первое полугодие 1970 г. по 67 коллегиям, докладные записки президиумов этих коллегий, обобщивших по единой программе качество работы адвокатов по уголовным делам; материалы анкеты № 1 авторского коллектива.

Реальная роль профессиональной защиты в правосудии нами выявлялась и оценивалась применительно к стадиям процесса (предание суду, судебное разбирательство, кассация и надзор). Однако было бы вполне логично, говоря об эффективности деятельности защитника, подойти к итоговой, суммированной оценке, учитывающей недостатки и достижения защиты на отдельных стадиях. Мы попробуем это сделать в ходе анализа полученных материалов.

§ 2. Эффективность деятельности защитника в стадии предания суду⁷

Стадия предания обвиняемого суду является первой судебной стадией движения уголовного дела.

На этой стадии защитник при определенных условиях может представить суду (судье) имеющиеся у него ходатайства по делу и устно изложить свои объяснения по заявленным ходатайствам, если судья или суд найдут необходимым вызвать его для дачи объяснений⁸.

⁷ В настоящем параграфе речь идет о роли защитника в стадии предания суду в тех союзных республиках, процессуальное законодательство которых предусматривает возможность заявления ходатайств по делу заинтересованными лицами на этой стадии, а также возможность участия в распорядительном заседании лица, заявившего ходатайство (см. сноску 8).

⁸ УПК РСФСР (ст. 253) и большинства других союзных республик — Узбекской (ст. 211(1)), Грузинской (ст. 2128), Белорусской (ст. 2215), Армянской (ст. 2121), Молдавской (ст. 198), Азербайджанской (ст. 242), Латвийской (ст. 2126), Таджикской (ст. 224) предусматривает право суда (или судьи) вызывать в распорядительное заседание для дачи объяснений лицо или представителя организации, заявившей ходатайство.

В некоторых УПК такое право суда не предусмотрено (УПК Украинской, Киргизской, Туркменской, Литовской ССР), а УПК Эстонской ССР даже запрещает суду вызов в распорядительное заседание участников процесса (ст. М87). УПК Казахской ССР не предусматривает не только право суда вызывать лицо, заявившее ходатайство, но и саму возможность заявления и разрешения ходатайств в стадии предания суду.

Ней (Н)тпльтя работа защитника на этой стадии (ознакомление с делом, беседы с подзащитным, выработка позиции и пр.) имеет непосредственного процессуального значения и в материалах уголовного дела не отражается.

Для характеристики объема и результативности работы защитника в стадии предания суду были взяты такие показатели, как количество заявленных ходатайств, результаты их рассмотрения, количество случаев личного участия защитника в распорядительных заседаниях, соотношение этих показателей с аналогичными данными стадии судебного разбирательства.

По 29 областным коллегиям адвокатов РСФСР, составляющим 52,5% всех адвокатов Российской Федерации, эти показатели за второе полугодие 1968 г. выглядели следующим образом.

1. Если число дел, проведенных адвокатами 29 областей РСФСР в суде первой инстанции, принять за 1000, то только по четырем из них ходатайства (были заявлены в стадии предания суду). При судебном разбирательстве на 1000 тех же дел заявлялось в среднем 325 ходатайств. Это значит, что количество ходатайств, заявленных адвокатами в стадии предания суду, составило 1,34% от числа ходатайств, заявленных адвокатами по тем же уголовным делам в стадии судебного разбирательства.

Следует отметить, что незначительный объем работы адвокатов в стадии предания суду характерен для всех коллегий, хотя сопоставление цифровых показателей по отдельным областям РСФСР свидетельствует о довольно существенных колебаниях изучаемой практики.

Так, если адвокатами Московской областной коллегии во втором полугодии 1968 г. было в стадии предания суду заявлено 29 ходатайств, Ленинградской городской — 10, Куйбышевской — 22, Воронежской — 8, Ставропольской краевой — 5, Астраханской — 1, то адвокатами Свердловской областной коллегии было представлено 42, а адвокатами Кемеровской обл. — 103 ходатайства.

При этом численный состав Ленинградской городской коллегии адвокатов в 2,5 раза выше, чем состав Свердловской и в 1,7 раза выше, чем Кемеровской коллегии.

Ставропольская краевая, Куйбышевская и Кемеровская областные коллегии имеют примерно равный состав (152—163 плена).

¹ И в нормном полугодии 1970 г., по данным 67 областных коллегий адвокатов РСФСР, этот показатель снизился до трех ходатайств на 1000 дел, проинтервьюированных адвокатами в суде первой инстанции.

Статистическая отчетность последних лет свидетельствует о некотором росте числа ходатайств, заявленных адвокатами в стадии предания суду. Так, в 1972 г. их число на 1000 дел по РСФСР составило 7, по М.У. — 12.

Для иллюстрации мы взяли различные области одной республики — РСФСР. Следовательно, колебания практики не могут быть объяснены ни особенностями процессуального законодательства, ни национальными особенностями. Причины колебаний, как нам представляется, следует искать в характере организационной работы, проводимой президиумами этих коллегий.

2. Еще более редки случаи личного участия адвоката-защитника в распорядительных заседаниях суда. Если эти случаи соотнести с числом ходатайств, заявленных в стадии предания суду, то они составят 28,6%.

На 1000 дел, прошедших стадию предания суду, участие адвоката имело место менее чем по одному делу, что составляет менее 0,1%. Укажем для сравнения, что в тот же отрезок времени адвокаты приняли участие в предварительном следствии по 35% дел, а при «судебном разбирательстве» — по 76,5% дел, поступивших в суды.

Личное участие адвокатов в работе распорядительных заседаний имело место в Московской обл. — 11 случаев, Воронежской — 4, Ленинградской — 0, Свердловской — 10, Кемеровской — 14, Волгоградской — 7, Ростовской обл. — 2 случая и т. д.

Президиумы ряда коллегий отмечают, что личное участие адвоката в распорядительном заседании существенно повышает эффективность защиты на этой стадии, ибо дает возможность в устном выступлении расширить аргументацию заявленного ходатайства с учетом возникающих возражений.

3. Судьба ходатайств, заявленных адвокатами в стадии предания суду, такова: удовлетворено полностью — 49,6%, удовлетворено частично — 12,9%, отклонено — 37,5%.

Приведенные цифры показывают крайне незначительное участие адвокатов в стадии предания суду. Это обстоятельство следует расценивать как отрицательное. Если процедура предания суду является барьером, препятствующим передаче на судебное разбирательство недостаточно хорошо расследованных дел, то участие защитника в этой процедуре усилило бы барьер, способствовало бы сокращению случаев небоснованного предания суду, благоприятно сказалось бы на решении других задач данной стадии процесса.

Подтверждением этого положения могут служить приведенные выше цифры относительно высокой результативности ходатайств, заявляемых адвокатами в стадии предания суду. Для сравнения отметим, что на предварительном следствии в то же время полностью отклонялось 60% ходатайств адвокатов (против 37,5%).

Наибольшее число удовлетворенных в распорядительных заседаниях ходатайств относилось к назначению разного рода экспертиз и вызову дополнительных свидетелей.

Президиумы МОСКОВСКОЙ областной, Калининской и ряда других коллегий отмечают, что адвокаты активно добивались участия в распорядительных заседаниях в тех случаях, когда дело возвращалось с доследования, а указания суда, вынесшего определение о доследовании, по мнению адвоката, выполнены не были.

По делу заведующей столовой совхоза «Аютапово» (Московская обл.) П., отягченной по ст. 90, ч. III УК РСФСР в хищении 6476 руб. и отрицавшей предъявленное обвинение, защищавший ее адвокат на предварительном следствии и в суде ставил вопрос об отсутствии достаточных доказательств виновности обвиняемой. Основанием для такой постановки вопроса послужила порочность выводов судебно-бухгалтерской экспертизы. Суд своим определением направил дело на доследование. Не выполнив указаний суда по сбору и проверке доказательств, следственные органы вернули дело в суд.

Адвокат в распорядительном заседании поставил вопрос о возвращении дела для доследования. Ходатайство было удовлетворено. При доследовании уголовное дело в отношении П. было прекращено производством.

Адвокат, осуществлявший защиту тр. З. I (ст. 206, ч. III УК РСФСР), на предварительном следствии и в суде ставил вопрос о недоказанности предъявленного З. обвинения.

Приговором суда З. был осужден по ст. 112, ч. I УК РСФСР к году лишения свободы. Приговор был обжалован защитником, и определением судебной коллегии по уголовным делам Калининского областного суда он был отменен с передачей дела и а новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

При выполнении ст. 201 УПК РСФСР адвокат вновь заявил ходатайство о прекращении уголовного дела, однако это ходатайство следователем, а затем и прокурором было отклонено, и дело направлено в суд. Тогда адвокат обратился с ходатайством в распорядительное заседание суда, который возвратил дело на дополнительное расследование. В ходе дополнительного расследования дело было производством прекращено.

Рассмотрим две наиболее убедительные причины неудовлетворительного осуществления права обвиняемого на защиту в стадии предания суду.

Первая и наиболее важная из них — недостатки процессуального регламента этой стадии процесса, необеспеченность права на защиту процессуальными гарантиями.

Ходатайства по делу могут появиться у защитника лишь в результате изучения дела, свидания и беседы с подзащитным.

Однако к моменту предания суду защитник, если он не участвовал в предварительном следствии, материалы дела не знает. Доступ к делу защитник получает лишь после предания обвиняемого суду (ст. 236 УПК РСФСР). Право иметь свидание с обвиняемым возникает у защитника, естественно, после допущения его к участию в деле (ст. 51 УПК РСФСР), а вопрос о допущении в качестве защитника лица, избранного обвиняемым, или о назначении защитника решается судьей или судом в распорядительном заседании, т. е. тогда же, когда рассматриваются ходатайства (ст. 288 УПК РСФСР).

И в тех случаях, когда обвиняемый находится на свободе и имеет возможность общаться с ним до решения во-

???

проса о его допущении к участию в деле, он может составить ходатайства (такие, как об истребовании документов или вызове свидетелей) со слов подзащитного. Но в этих случаях ходатайства обычно не отличаются глубокой аргументированностью, ибо они составлены без знания дела. Дать объяснения по ним в распорядительном заседании защитник не может, ибо он еще не допущен к участию в деле, да и сами ходатайства исходят, естественно, от имени обвиняемого, а не от имени защитника, и, следовательно, вопрос о приглашении последнего в распорядительном заседании у суда возникнуть не может.

Исследование показало, что в стадии предания суду ходатайства поступают в большинстве случаев от адвокатов, участвовавших по делам на предварительном следствии, при условии, если эти адвокаты имеют поручение на ведение того же дела и в суде.

Однако совпадение этих условий отнюдь не решает проблему обеспечения права обвиняемого на защиту в стадии предания суду, ибо оно имеет место относительно редко.

В 1968 г. в РСФСР адвокаты участвовали в 35% Дел, оканчиваемых следователями прокуратуры и МВД. Но это вовсе не значит, что адвокаты знакомы с материалами 35% Дел, поступающих в суды, ибо, во-первых, в суды поступают дела и после дознания, при проведении которого защитник не участвует; во-вторых, в 32% случаев адвокаты участвовали на предварительном следствии не по соглашению, а по назначению следователя в порядке ст. 49 УПК РСФСР. Эти адвокаты, как правило, не обращаются с ходатайствами в распорядительное заседание, ибо их полномочия кончаются с окончанием предварительного следствия и могут быть возобновлены *только после предания обвиняемого суду*, когда судья (суд) в постановлении или определении положительно решит вопрос о назначении защитника *подсудимому* (при наличии условий ст. 49 УПК РСФСР), а заведующий консультацией, получив указание суда, выделит адвоката. Стадия предания суду, в отличие от предварительного следствия и судебного разбирательства, не знает случаев обязательной защиты.

Что касается адвокатов, участвовавших на предварительном следствии по соглашению, то и из них многие не смогут оказать помощь своим подзащитным в стадии предания суду, ибо согласно существующему порядку поручение на ведение дела оформляется в юридических консультациях *на каждую процессуальную стадию отдельно* и случаи замены защитника от стадии к стадии в практике весьма часты. Происходит это как по инициативе самого обвиняемого, так и по инициативе адвокатов в силу ряда субъективных и объективных причин.

Право обвиняемого пользоваться услугами защитника в стадии предания суду вытекает из ст. 13 Основ уголовного судопроизводства, и то, что республиканское законодательство не

содержит достаточных гарантий этого права, является серьезным недостатком последнего.

Нам представляется, что одной из решающих гарантий этого права было бы представление защитнику возможности ознакомиться с материалами дела не после предания обвиняемого суду, а с момента поступления дела в суд. Для этого нет принципиальных препятствий, коль скоро защитник допущен к участию на предварительном следствии. Это не усложняет и процедуру допущения защитника в дело, ибо и существующий ныне порядок не требует составления специального процессуального документа. Для допущения защитника достаточно проверить его полномочия и приобщить к делу ордер юридической консультации. Важной гарантией обеспечения права на защиту было бы также установление такого порядка, при котором адвокат, представивший ходатайства, допускался бы в распорядительное заседание для их поддержания не по усмотрению суда (ст. 223 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК ряда других республик), а безусловно.

Ставя вопрос об обеспечении права обвиняемого иметь защитника в стадии предания суду, мы вовсе не связываем его с введением коллегиального порядка предания суду по всем делам, хотя это в большинстве случаев и было бы желательно. Обязанности защитника в этой процессуальной стадии осуществляются преимущественно путем своевременного изучения дела и представления судье (суду) всех возникающих ходатайств.

Ходатайства же, как известно, рассматриваются в любом случае независимо от формы предания обвиняемого суду.

Вместе с тем введение коллегиального порядка предания суду по делам о преступлениях несовершеннолетних и о преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть применена смертная казнь¹⁰, несомненно, расширяет и возможности защитника в этой стадии процесса.

Существующий регламент предания суду в свете рассматриваемой проблемы защиты остается неудовлетворительным и в ряде других отношений. Совершенно неясно, например, каким образом судья (суд) выполняет требование п. 3 ст. 228 УПК РСФСР «О допущении в качестве защитника лица, избранного обвиняемым, или о назначении защитника». *Вещь* — о том, что обвиняемый избрал защитника, суд к этому моменту никаких сведений не имеет: сам обвиняемый об этом не опрашивается, а защитник явится в суд лишь после того, как акт предания суду состоится, ибо ранее этого он не вправе претендовать на ознакомление с делом.

Процессуальный регламент стадии предания суду допускает

¹⁰ Укт Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г «О внесении изменений в ст. 26 и 36 Основ уголовного судопроизводства союзных республик».

/М

вкладывая в них несколько иной смысл, что также влечет ущемление права на защиту.

Так, положение ч. III ст. 47 УПК РСФСР о том, что защитник допускается «с момента предания обвиняемого суду» в гл. XX УПК РСФСР трактуется как «после предания суду» (например, ознакомление с делом — ст. 236 УПК РСФСР). В остальных же случаях в УПК РСФСР допущение защитника к участию в деле с определенного «момента» предполагает наличие у него безусловного права участвовать в процессуальном действии, осуществляемом в этот «момент».

Так, допущение защитника в дело с момента предъявления обвинения или с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия означает, что защитник участвует и в акте предъявления обвинения, и в акте окончания предварительного следствия (ст. 51 и 201 УПК РСФСР).

Совершенно очевидно, что все эти пробелы и противоречия закона нарушают стройность процессуальной системы и должны быть устранены. Этого требуют, как мы пытались доказать, в интересах правосудия/

Вторая причина неудовлетворительного осуществления права обвиняемого на защиту в стадии предания суду состоит, по нашему мнению, в инертности многих адвокатов, объясняемой отчасти традицией, отчасти уровнем квалификации и формой оплаты.

До принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 г. защитник допускался к участию в деле не ранее, чем со стадии судебного разбирательства. В адвокатуре в то время сложилась практика, когда юридическая консультация могла принять поручение на защиту обвиняемого не ранее, чем состоится предание суду. Эта практика исключала какую-либо правовую помощь адвоката обвиняемому (не только процессуальную, но и внепроцессуальную) до того, как последний станет подсудимым. Отступление от этого порядка могло быть и часто было основанием для дисциплинарного преследования адвоката. Соответственно процессуальному порядку прочно сложилась * традиция осуществления адвокатом функции защиты только в судебном разбирательстве. Эта традиция продолжает действовать и ныне, ибо еще многие адвокаты свое участие в предварительном следствии считают формальностью, а процессуальную стадию предания суду никак не связывают с обязанностями защитника, вытекающими из ст. 23 Основ уголовного судопроизводства.

Президиумы Ленинградской городской, Воронежской, Ростовской и ряда других коллегий, анализируя работу адвокатов в стадии предания суду, подчеркивают, что адвокаты явно недооценивают возможности этой стадии процесса для осуществления активной защиты.

При изучении практики предварительного следствия было замечено, что из числа ходатайств, отклоняемых следователями,

лдопк.пы повторяют в стадии предания суду лишь 1,8%» остав-
ляй другие, как правило, до судебного разбирательства».

Связь формы оплаты труда адвоката с этой практикой мы
видим в том, что она никак не стимулирует его деятельность в
стадии предания суду. Напротив. Общий порядок оплаты труда
адвоката, состоящий в том, что соглашение на ведение уголов-
ного дела оформляется поэтапно, на каждую процессуальную
стадию в отдельности, в этом случае резко нарушается. Стадия
предания суду объединяется с судебным разбирательством
путем заключения одного соглашения, без каких-либо условий
и оговорок, а размер гонорара никак не зависит от того, совер-
шает ли адвокат в стадии предания суду какие-либо процес-
суальные действия в интересах подзащитного или не со-
вершает.

Наконец, следует отметить, что и юридическая литература,
учебная и методическая, не ориентировала адвоката на актив-
ные действия по осуществлению защиты в стадии предания су-
ду» Равным образом и руководящие органы адвокатуры, орга-
низирующие в коллегиях работу по повышению квалификации ад-
вокатов, в прошлом не уделяли должного внимания этому
участку их работы.

§ 3. Эффективность деятельности защитника в стадии судебного разбирательства

Уголовно-процессуальная деятельность защитника *при су-
дебном разбирательстве* отличается значительно более высокой
степенью эффективности, чем на предшествующих стадиях про-
цесса.

Прежде всего наблюдается рост случаев участия
адвокатов в процессе. Выборочное исследование¹² показало,
что в 1968 г. в РСФСР более $\frac{3}{4}$ уголовных дел (75,5%), по-
ступивших в суды, рассмотрены с участием адвокатов. При этом
адвокатами было заявлено ходатайств 32,8% к числу прове-
денных дел, или, иными словами, в среднем заявлялось одно
ходатайство по каждому третьему делу, заслушанному с уча-
стием адвоката.

¹¹ См. об этом: А. Бойков. Эффективность деятельности защитника в ста-
дии предварительного следствия.— «Советская юстиция», 1969, № 11.

¹² Выборочное исследование состояло во введении специального учета и по-
лучения обобщенных данных по 29 коллегиям адвокатов РСФСР (52,5%
состава адвокатуры РСФСР), а также в сопоставлении этих данных с
судебной статистикой тех же 29 областей.

Необходимость такого исследования вызвана тем, что статистиче-
ским отчетность адвокатуры — форма № 14 — ее содержит необходимых
показателей.

Необходимо отметить, что частота заявления ходатайств
адвокатами в суде несколько выше частоты заявления хода-
тайств на предварительном следствии¹³.

Важно и то, что ходатайства адвокатов в суде отличаются
значительно большим разнообразием, чем на предварительном
следствии.

Только 30% ходатайств, заявленных на предварительном
следствии, направлены на дополнение следствия путем произ-
водства следственных действий, истребования и приобщения к
делу доказательств. Остальные 70% составляют ходатайства об
изменении юридической квалификации действия обвиняемого
(32%), о прекращении дела производством (11,6%), об ис-
ключении отдельных эпизодов обвинения (17,7%), об изме-
нении меры пресечения (9%), т. е. такие ходатайства, кото-
рые, как правило, выражают конечную позицию адвоката по
делу, основанную на изучении собранных следствием мате-
риалов.

Такого рода ходатайства при судебном разбирательстве
обычно составляют содержание позиции защиты, излагаемой в
прениях. Просительную же часть защитительной речи мы, ес-
тественно, к числу процессуальных ходатайств не относим.

Конечно, в подготовительной части судебного заседания и во
время судебного следствия могут иметь место ходатайства о
направлении дела на дополнительное расследование, об измене-
нии меры пресечения и даже о прекращении дела производст-
вом, но они относительно редки.

Основная масса ходатайств защитника направлена на вос-
полнение и проверку доказательственного материала: об истре-
бовании и приобщении к делу документов и вещественных дока-
зательств, о вызове дополнительных свидетелей, о назначении
экспертизы и т. п.

Значение таких ходатайств для всесторонней, полной и
объективной проверки обстоятельств дела исключительно вели-
ко. И именно этим можно отчасти объяснить высокий процент их
удовлетворения.

По данным 1968 г., суд полностью удовлетворил 66,5% хода-
тайств адвокатов. 15,5% заявленных ходатайств было удовлет-
ворено частично. И только 18% ходатайств было отклонено¹⁴.

¹³ Анализ статистических и выборочных данных за ряд лет показывает, что
на предварительном следствии адвокаты заявляют ходатайства в 26 —
26,3% случаев участия, т. е. примерно одно ходатайство на четыре про-
веденных дела.

¹⁴ Характерно, что и на предварительном следствии такого рода ходатай-
ства большей частью удовлетворяются. Так, если следователи удовлетво-
ряют до 29% ходатайств об изменении юридической квалификации и до
32% — об изменении меры пресечения, то ходатайства о дополнении пред-
варительного следствия удовлетворялись в РСФСР в 1967—1968 гг.
в 52—65% случаев.

В первом полугодии 1970 г. адвокатами 67 областных коллегий РСФСР¹⁵ в стадии судебного разбирательства было заявлено ходатайств около 30% (против 32,8% во втором полугодии ИМШ г.) от общего числа проведенных дел, или одно ходатайство на 3,4 дела. Из них было удовлетворено 69,2%.

О характере заявленных ходатайств и отношении к ним суда первой инстанции дает представление табл. 12.

Таблица 12

Характер ходатайства	% к общему числу ходатайств	Из них удовлетворено, %
Об изменения меры пресечения	5,5	40,4
О вызове дополнительных свидетелей	31,5	84,4
Об истребовании документов	15,9	80
О назначении экспертизы	6,2	66
О выходе на место происшествия	1	65
О направлении дела на дополнительное расследование	7,1	58
О вынесении частных определений	115,8	76
Иные ходатайства	17,0	81

Эти данные свидетельствуют о значительном влиянии адвокатов на полноту и всесторонность исследования обстоятельств дела. Но они представляют интерес и с другой точки зрения» Можно констатировать, что основную массу ходатайств адвокатов составляют ходатайства о вызове дополнительных свидетелей (31,5%) и для них характерен наиболее высокий процент удовлетворения судом (84,4%). На втором месте стоят ходатайства об истребовании документов. Отношение суда к этим ходатайствам (как правило, положительное) не оставляет сомнений в их обоснованности/Правда, здесь можно возразить, что удовлетворение этих ходатайств для суда не составляет больших трудностей с точки зрения затрат средств и времени. Но это соображение опровергается относительно большим числом и высоким процентом удовлетворения таких ходатайств, как ходатайства о назначении экспертизы, производство которой почти всегда трудоемко.

Ни численности состава эти коллегии объединяют 97,3% адвокатуры

По данным 1972 г., суды первой инстанции удовлетворили полностью или частично до 80% ходатайств адвокатов о представлении дополнительных доказательств (по СССР в целом — 80,6%, по Украинской ССР — 81,5%, Литовской ССР — 90%, Грузинской ССР — 59%).

Если сравнить позицию адвоката в прениях с результатом по делу (приговором суда первой инстанции), то можно получить более или менее обоснованное представление об объективности этой позиции, о том, в какой мере точка зрения защитника по основным вопросам дела приближается к точке зрения суда первой инстанции.

Материалы исследования показывают, что во втором полугодии 1968 г. по РСФСР в 40% случаев позиция адвоката-защитника совпала с приговором полностью, в 26% случаев — совпала частично и в 34% случаев — не совпала.

Аналогичными данными характеризуется работа адвокатов РСФСР и в первом полугодии 1970 г.

Дифференцированные данные (в %) применительно к конкретной позиции адвоката (за первую половину 1970 г.) приведены в табл. 13.

Таблица 13

Позиция адвоката в суде первой инстанции	Случаи участия адвоката	Полное совпадение позиции адвоката с приговором	Частичное совпадение	Несовпадение
Изменение квалификации	23,2	45,8	19,8	34,4
Исключение эпизодов обвинения	14,1	46,5	22,5	31
Минимальное наказание	40,9	47,4	<19,7	33
Условное осуждение	15,8	51,5	8,5	40
Оправдание	6,0	30,1	19,6	50,3
	100	46,5	118,3	35,2

Полное совпадение позиции адвоката с приговором суда имело место в 46,5% случаев, частичное — в 18,3% случаев. Позиция адвоката не совпала с приговором в 35,2% случаев.

Однако поскольку приговор суда первой инстанции отражает иногда не окончательный, а лишь промежуточный результат, для оценки степени объективности позиции адвоката, занятой им по делу в суде первой инстанции, необходимо учесть результаты кассационной и надзорной практики по этим делам, т. е. позицию защитника следует оценивать с учетом всех последующих изменений, внесенных в решение суда первой инстанции.

Учет же последующих изменений может быть лишь очень приблизительным, ибо часть судебных ошибок исправляется спустя неопределенно длительное время, а какая-то часть ошибок, видимо, по исправляется вообще, составляя скрытые (латентные) ошибки.

Кроме того, последующие изменения, вносимые контрольными инстанциями в решение суда первой инстанции, могут как подтверждать позицию адвоката, так и опровергать ее. Можно предположить, что позицию адвоката подтверждают те изменения, которые вносятся в приговор в интересах осужденного, и, напротив, опровергают те, которые этим интересам противостоят. Это общее правило имеет, правда, немало исключений. Так, суд вышестоящей инстанции мог прекратить дело производством, по которому адвокат или не подал вообще жалобу или ходатайствовал всего лишь о смягчении наказания. Оценивая средними цифрами, мы эти исключения, естественно, игнорируем и исходим из общего правила. Исключения же увидим тогда, когда воспользуемся методом анализа конкретных уголовных дел.

Общесоюзная судебная статистика последних лет свидетельствует, что около 4% всех вынесенных приговоров в последующем подвергается отмене или изменению.

Если учесть, что большая часть этих отмен и изменений производится в интересах осужденных, то приведенный нами выше разрыв между позицией адвоката и результатом по делу существенно сокращается.

Для уточнения этого вывода в последующем мы обратимся к данным выборочного исследования реальной роли адвоката-защитника в вышестоящих судах.

Отметим, что если до сих пор мы пользовались статистическим материалом, собранным через адвокатуру, то последующий анализ будет основан на данных, полученных различными способами через судебные органы, или путем изучения уголовных дел.

Это очень важно: использование нескольких методов при исследовании одного и того же вопроса дает возможность проверять объективность получаемой в каждом случае информации, следовательно, служит гарантией надежности окончательных выводов.

Анкета № 1 по изучению причин судебных ошибок заполнялась судьями, исправившими судебную ошибку.

В 1969 г. анкета была заполнена на 950 обвиняемых, в отношении которых приговор подвергался отмене. Из них профессиональной защитой были обеспечены 757 человек, а 193 обвиняемых услугами защитника не пользовались.

»то дает возможность сопоставить количество и характер оипп'иж, допущенных судом с участием и без участия защитим к ;i.

30

Оценивая приводимые данные с точки зрения роли защитника в предупреждении и исправлении судебных ошибок, следует иметь в виду, что в анкете отражены не средние показатели судебной практики, а лишь негативные ее результаты. Это значит, что и защита по анализируемым делам по качеству и эффективности могла быть ниже среднего уровня и ее недостатки не должны распространяться на *все случаи* участия защитника в стадии-судебного разбирательства (табл. 14).

Таблица 14

Нарушение судом принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела	Участие защитника	Отсутствие защитника
Не установлены или неправильно установлены судом		
время совершения преступления	3,7	4,1
место совершения преступления	2,2	1,9
способ совершения преступления	10,4	4,9
мотив совершения преступления	5,1	1,9
цель совершения преступления	1,5	0,1
данные о личности' подсудимого	3,1	2,6
причины и условия преступления	4,2	3
Не были допрошены лица, чьи показания имели существенное значение	22,8	25,8
свидетели		
потерпевшие	5,3	2,2
Не проведена экспертиза, когда ее проведение было необходимо	7	2,2
Не истребованы документы	3	4,5
Не истребованы вещественные доказательства	0,4	0,4
Невиновные действия подсудимого признаны виновными	9,4	13,5
Виновные действия подсудимого признаны невиновными	7,9	3

Примечание. Приведенные цифры — процент от 950 дел с отмененными приговорами.

Таким образом, нарушение судом принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела было допущено чаще в отсутствие защитника, чем при его участии в судебном разбирательстве. Однако разрыв в количестве допущенных нарушений в первом и втором случаях менее значителен, чем можно было бы предположить. Более того, по ряду показателей с участием защитника (были достигнуты объективно худшие результаты, чем без него.

231

Объяснить это можно тем, что защитник не заинтересован в положительном установлении фактов, изобличающих подсудимого: в силу ст. 23 Основ уголовного судопроизводства он и не имеет на это права. Поэтому защитник не настаивает на вызове в суд неявившегося потерпевшего, показания которого в большинстве случаев представляют опасность для подсудимого, поэтому же он может в некоторых случаях не стремиться к выявлению мотивов преступления, способа его совершения или к проведению экспертизы.

Участие защитника в процессе может повлечь и отрицательные, на первый взгляд, последствия: виновные действия подсудимого чаще признавались невиновными при участии защитника, чем без него.

Данные, приведенные в табл. 15 (в %) свидетельствуют о том, что существенные процессуальные нарушения допускались относительно реже по делам, рассмотренным с участием защитника и чаще без защитника. Однако ошибки в оценке доказательств суд допускал чаще при участии защитника. И выводы суда чаще не соответствовали фактическим обстоятельствам дела в тех случаях, когда обвиняемый имел защитника.

Таблица 15

Основания отмены приговора	Участие защитника при вынесении ошибочного приговора	Отсутствие защитника
Допущенные судом существенные процессуальные нарушения	117	30,7
Ошибки суда <в оценке отдельных видов доказательств	92,5	60,7
Несоответствие изложенных в приговоре выводов суда фактическим обстоятельствам дела	90	72

Означает ли это, что также часто ошибался защитник в оценке доказательств и в выводах или, занимая правильную позицию, он не смог убедить суд? Таблица на эти вопросы не отвечает. Но напрашивается вывод, что уровень эффективности защиты в этих случаях не был достаточно высок.

Более объективная оценка роли защитника может быть получена путем сопоставления его позиции с позицией суда, изложенной в приговоре, и окончательным результатом по делу, а также с позицией других участников процесса (табл. 16).

Таблица 16

Позиция защитника	Позиция прокурора			Отмененный приговор и окончательный результат				
	поддерживал обвинение полностью	поддерживал обвинение частично	отказался от обвинения	обвинительный — обвинительный	обвинительный — оправдательный	оправдательный — обвинительный	обвинительный — прекращение дела	
Настаивал на полной невиновности	186	19	2	108	15	12	54	68
Настаивал на невиновности в отношении некоторых обвинений	89	6		94	2		3	9
Признавая обвинение, находил смягчающие обстоятельства	151	4		181	1	1	2	30
Не касаясь вопроса о вине, находил смягчающие обстоятельства	17			26			1	1
Не нашел ни смягчающих, ни устраняющих вину обстоятельств	2			1				1
Просил изменить квалификацию	70	7		93				6

Примечание. Таблица составлена в абсолютных цифрах, ввиду большой дробности показателей. Незначительные несовпадения отдельных суммированных показателей объясняются дефектами заполнения анкеты.

Таблица 16 представляет собой сложную группировку материалов анкеты. В ней отражены только те дела, по которым участвовали и защитник и прокурор и по которым известен окончательный результат. Она свидетельствует о том, что из 207 дел, по которым защитник просил об оправдании подсудимого, прокурор отказался от обвинения полностью только в двух случаях и частично — в 19 случаях. Судом первоначально было оправдано 66 подсудимых (из них 54 ошибочно). В конечном же счете из 207 подсудимых было реабилитировано 95 человек (в отношении 27 — оправдательный приговор; в отношении 68 — прекращение дела).

Таким образом, по этим делам позиция защитника оказалась значительно ближе и к первоначальному приговору и к окончательному результату. В целом же, если позиция прокурора ярко иллюстрирует обвинительный уклон, то защитник явно впадает в противоположную крайность.

В 346 случаях защитник находил обвинение доказанным частично или полностью, перенося центр тяжести защиты на выявление смягчающих обстоятельств, или на оспаривание отдельных эпизодов и квалификации деяния.

По этим делам судом было первоначально оправдано 7 человек, Однако в последующем дело было прекращено производством в отношении 47 лиц, оправдано 4 человека, а в отношении шести первоначально оправданных лиц вынесен обвинительный приговор.

Эти конечные результаты, более благоприятные для обвиняемого, чем позиция защитника (в отношении 51 из 346 обвиняемых), не всегда свидетельствуют о плохой защите: прекращение дела, особенно при дополнительном расследовании, нередко случается по нереабилитирующим основаниям.

По мнению лиц, заполнявших анкеты, защитник в 510 случаях полностью использовал возможности для защиты в суде первой инстанции и в 121 случае — плохо использовал их. При этом 21 отрицательная оценка работы защитника относится к случаям, когда он просил об оправдании, 33 — когда защитник просил об исключении отдельных эпизодов обвинения или об изменении квалификации, 62 отрицательных оценки касались случаев, когда защитник, признавая вину доказанной, находил смягчающие обстоятельства. Из табл. 16 видно, что последняя позиция защитника в 32 случаях противоречила окончательному результату (оправдание или прекращение дела производством), что подтверждает объективность оценок.

Из сопоставления позиций защитника и подсудимого можно сделать вывод, что действиями адвоката нередко ущемляется право на защиту: в анкетах отмечено 79 случаев, когда адвокат в той или иной форме признавал обвинение доказанным, хотя его подзащитный при этом полностью отрицал вину. Окончательный же результат по этим делам, как было показано, ближе к позиции обвиняемого, нежели его защитника.

При проведении исследования было изучено значительное количество уголовных дел, истребованных из судов РСФСР (Московской, Кемеровской, Кировской, Горьковской, Ростовской, Костромской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Чувашской и Татарской АССР и др.), а также из судов Белорусской ССР и Казахской ССР. Анализ этих дел подтверждает основные выводы, вытекающие из материалов анкетирования.

Для характеристики позиции адвоката-защитника в суде первой инстанции мы отобрали лишь те дела, которые окончились вынесением оправдательного приговора или прекращением дела в кассационной инстанции или при доследовании. Такой подбор дел объяснялся желанием оценить позицию адвоката при наиболее острых и конфликтных ситуациях, при которых данные предварительного следствия опровергались. Важно было также проверить обоснованность позиции защитника в свете конечного результата, благоприятного для обвиняемого.

По изученным делам количество реабилитированных обвиняемых, обеспеченных защитой в суде первой инстанции, было 145.

Соотношение позиции адвоката и суда первой инстанции: 1) позиция адвоката совпала с позицией суда первой инстанции, изложенной в приговоре, — 84 случая (58%); 2) позиция адвоката не совпала с позицией суда первой инстанции — 61 случай (42%).

Ранее нами было отмечено, что совпадение позиции защитника с позицией суда первой инстанции, изложенной в приговоре, не всегда означает их правильность. Теперь имеется возможность от умозрительных заключений перейти к конкретным выводам, основанным на фактическом материале.

Из 84 случаев совпадения позиций адвоката и суда первой инстанции можно выделить три группы случаев: 1) адвокат просил об оправдании, и суд первой инстанции вынес оправдательный приговор (в целом или по основному обвинению), оставленный в силе, — 49 случаев (58,3%); 2) адвокат просил о направлении дела на доследование, суд первой инстанции удовлетворил эту просьбу, и при доследовании дело было прекращено — 10 случаев (11,7%); 3) адвокат не просил об оправдании, суд первой инстанции вынес обвинительный приговор, в последующем отмененный с прекращением дела производством, — 25 случаев (30%).

Итак, мы видим, что в 70% случаев совпадение позиций защитника и суда означало принятие правильного решения, в 30% случаев ошибочного.

Совпадение ложных позиций защитника и суда, как правило, свидетельствует о том, что защитник ненадлежаще выполнял свои обязанности и не только не помог установлению истины, отвечавшей интересам подзащитного, но, напротив, способствовал вынесению ошибочного приговора, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры.

Таких случаев, как указано, 25, что составляет 30% от общего количества совпадения позиций защитника и суда первой инстанции.

Адвокат Новгородской коллегии Б. осуществлял защиту И., привлеченного по обвинению в покушении на изнасилование Т.

На предварительном следствии адвокатом не было заявлено ходатайств. В суде адвокат разошелся в позиции со своим подзащитным и, не оспаривая обвинение в покушении на изнасилование, просил суд определить минимальную Мету наказания. Суд разделил позицию адвоката, определив И. по совокупности обвинений 3 года! лишения свободы.

Для обжалования такого приговора адвокат, учитывая занятую им позицию, не нашел оснований.

Кассационную жалобу подал осужденный И. По мотивам его жалобы приговор в части обвинения по ст. 15—117 ч. I УК РСФСР был отменен с прекращением дела производством.,

По ряду дел несовершеннолетних при очевидной доказанности обвинения и адвокаты, и народный суд не заметили на-

лишними органами предварительного следствия: -ст. 10 УК [ч.Ф<;1> -подростки не достигли возраста, с которого наступаем уголовная ответственность. Ошибки были исправлены при)«к'смот.рении этих дел в кассационном порядке, причем не по инициативе, адвокатов.

Из 145 случаев позиция адвоката, как было показано, не совпадала с позицией суда первой инстанции в 61 случае, что составляет 42%. Гипотетически несовпадения могли быть вызваны или неправильностью позиции суда, или неправильностью позиции адвоката.

Проведенное обобщение дает возможность путем сопоставления позиций с окончательным результатом выявить частоту ошибок как защитника, так и суда.

Отмеченный 61 юлучай несовпадения позиций состоит из двух групп: 1) адвокат просил об оправдании, однако суд первой инстанции вынес обвинительный приговор, в последующем отмененный с прекращением дела производством (в кассации, при доследовании или оправдание при новом судебном рассмотрении) — 55 случаев; 2) адвокат не просил об оправдании, однако суд первой инстанции вынес оправдательный приговор, вступивший в законную силу,— 6 случаев.

В числе последних 6 случаев есть примеры, свидетельствующие о крайней робости адвокатов, безответственном отношении к выбору позиции.

Так, по делу несовершеннолетнего Л. (ст. 206 ч. II) адвокат в суде просил об изменении квалификации на ст. 206 ч. I и об определен» условной меры наказания. Народный суд оправдал Л. за отсутствием в его действиях состава преступления (Московская обл.).

При рассмотрении дела Ш. (ст. 206 ч. II УК РСФСР) в народном суде Центрального района г. Прокопьевска адвокат С. не оспаривая обвинения, просил «не признавать подсудимого особо опасным рецидивистом».

Народный суд квалифицировал действия Ш. по ст. /131 ч. I (оскорбление), оправдав его по обвинению в злостном хулиганстве.

Иногда адвокат, будучи не уверен в правильности собственной оценки доказательств, занимает крайне невыгодную для своего подзащитного альтернативную позицию.

Примером такой половинчатой защиты является выступление члена Костромской коллегии адвокатов Г. по делу Е.

Е. был обвинен по ст. 150 УК РСФСР в связи с тем, что он в результате неосторожного обращения с огнем сжег двухквартирный жилой дом.

В протоколе судебного заседания защитительная речь адвоката Г. отражена так: «Доказательств вины Е. в деле нет, нет никаких данных о его личности, другие версии не проверены. Прошу суд или оправдать Е., или определить ему мягкую меру наказания».

Суд приговорил Е. к году лишения свободы. Адвокат, считая приговор правильным, кассационную жалобу не подал.

По жалобе осужденного, в которой очень невразумительно изложена ирпни.hn «о пересмотре дела», Костромской облсуд вынес весьма поучительное ;uni :11<фикмп определение, указав органам предвари тельного следствия на Н14)С.4УП\МWTI. проверить большой круг «обстоятельств, имевших прямое и ,д44Н>тн<м птшппгние к подтверждению (или опровержению) обвинения.

ИhwYir УУЮЮШСМНW следователем этих указаний дело Е. за недоказан-

ностью предъявленного обвинения было прекращено прокуратурой. По-видимому, этот результат мог бы быть достигнут значительно раньше, ведь Е. был обеспечен защитой не только в суде первой инстанции, ко и при расследовании дела, и защитник, судя по его речи, видел слабые стороны обвинения,

Анализируя уголовные дела на 145 лиц, мы соотносили позицию адвоката с позицией суда первой инстанции и убедились, что совпадение этих позиций (правильное или неправильное) имело место в 58,3% случаев.

Объективная же оценка позиции адвоката в суде первой инстанции должна основываться на сопоставлении этой позиции с конечным результатом по делу.

Соответствующая группировка приведенных выше цифр показывает, что позиция адвоката совпала с конечным результатом в 114 случаях из 145 (49+55+10), или <в 79% позиция адвоката была правильной.

В 31 случае (6+25), когда адвокаты не просили об оправдании, позиция соответствовала результату, т. е. была неправильной. Это составляет 21% от всех выступлений адвокатов в суде первой инстанции по указанным делам¹⁶.

Соотношение правильных и неправильных позиций адвоката-защитника (79% к 21%) ни в коем случае нельзя рассматривать упрощенно и отсюда напрямую переходить к оценке эффективности защиты. Жизнь в этом случае, как и во многих других, не допускает прямолинейных выводов.

Приведенные цифры, разделенные всего лишь на две группы, на самом деле скрывают очень серьезные колебания эффективности защиты.

В группе дел, по которым позиция адвоката совпала с окончательным результатом, можно найти примеры настолько примитивной работы защитника, что ему никак нельзя поставить в заслугу этот результат. Более того, в некоторых случаях связь между формально правильной позицией и результатом не прослеживается вообще, ибо позиция не имела грамотного обоснования ни в ходатайствах, ни в речи, ни в кассационной жалобе.

В другой группе дел, по которым позиция адвоката разошлась с окончательным результатом (21%), напротив, можно отметить случаи, когда объективно правильной и более убедительной была все-таки позиция адвоката. Мы имеем в виду далеко не редкие случаи прекращения уголовных дел при дополнительном расследовании по нереабилитирующим основаниям (в связи с применением акта амнистии, изданного после отмены об-

Эти цифры, как было отмечено выше, объединяют данные по трем республикам: РСФСР (дела на 122 лица), БССР (дела на 5 лиц) и Казахской ССР (дела на 18 лиц). Раздельный анализ показывает иное соотношение правильной и неправильной позиций адвоката: по РСФСР — 82,8 к 17,2%; по Казахской ССР — 56 к 44%. Наиболее грубые ошибки, допущенные адвокатами, обнаружены при изучении дел, рассмотренных судами Казахской ССР.

Винного приговора, в связи с призывом обвиняемого в армии!)

Всмысливает, естественно, и такой вопрос: можно ли цифры, характеризующие соотношение правильных и неправильных позиций защитника, с приведенными выше оговорками распространить на все уголовные дела, рассмотренные с участием адвокатов, и на этом основании считать, что в 79% случаев адвокаты занимают правильную позицию и, следовательно, способствуют установлению истины, а в 21% случаев, напротив, адвокаты усложняют путь правосудия к истине?

Нет, конечно.

Приведенные цифры с несомненностью характеризуют защиту лишь по 145 делам, которые здесь анализируются. С некоторыми оговорками соотношение 79% к 21% может быть распространено и на другие дела, закончившиеся оправданием обвиняемого или прекращением дела после отмены обвинительного приговора — именно таково значение нашей выборки.

Убедиться в этом нетрудно, обратившись для сопоставления к позиции обвинителя по этим же делам.

Прокурор отказался от обвинения в единичных случаях, составляющих 2—3% (от 145). Но разве можем мы сказать, что по всем уголовным делам позиция прокурора соответствует результату лишь в 2—3% случаев. Нет, ибо известно, что обвинительный приговор, вступивший в законную силу, как правило, отражает позицию прокурора.

В приведенной выборке нет случаев, чтобы адвокат просил об оправдании необоснованно. Это понятно, ибо взяты дела, закончившиеся оправданием (прекращением). Если же взять и другие дела, то нетрудно будет найти примеры, и многочисленные, когда просьба адвоката об оправдании далеко не соответствует конечному результату. Эти бесспорные соображения обязывают нас подчеркнуть, что применительно ко всей совокупности уголовных дел, рассмотренных с участием адвокатов, действуют закономерности, показанные выше, на материалах отчетов коллегий адвокатов РСФСР.

Изучение уголовных дел, а также материалов обобщений, проводимых президиумами коллегий адвокатов, позволяет обратить внимание еще на ряд обстоятельств, устранение которых способствовало бы дальнейшему повышению эффективности судебной защиты. Эти обстоятельства не имеют отношения к недостаткам процессуального регламента. Ни адвокаты, ни их руководящие органы не отмечают таких недостатков и не вносят предложений о дальнейшем расширении прав защитника на этой стадии, считая их вполне достаточными.

Наше исследование показало, что в числе оснований, влекущих отмену приговоров, случаи прямого нарушения права обвиняемого на защиту занимают относительно небольшое мес-

то. На 2052 обвиняемых, в отношении которых в 1967—1968 гг. приговоры были отменены, в анкетах отмечено 5 случаев рассмотрения дела в отсутствие подсудимого и 69 случаев — в отсутствие защитника, когда их участие было обязательно (ст. 345 п. 3,4 УПК РСФСР).

Правда, кроме того, зафиксирован ряд других процессуальных нарушений, ущемляющих право на защиту и не включенных в перечень ст. 345 УПК: необеспечение подсудимого переводчиком, лишение подсудимого права произнесения защитительной речи при отсутствии защитника, непредъявление обвиняемому для ознакомления всех материалов дела и т. п.

Однако здесь, как мы видим, нет случаев нарушения прав участвующего в деле защитника, и это является серьезным подтверждением вывода о достаточной гарантированности прав защитника в стадии судебного разбирательства.

Поэтому, отмечая обстоятельства, отрицательно влияющие на эффективность защиты в суде, мы не будем останавливаться на вопросах процессуального регламента и ограничимся анализом только двух факторов: уровня профессиональной культуры защитника и отношения суда к ходатайствам и позиции защитника.

Поскольку специально кадры адвокатуры нами не изучались, мы не можем делать общих выводов о профессиональной культуре, мастерстве и квалификации адвокатов. Мы можем лишь предполагать, исходя из данных об эффективности защиты на различных стадиях процесса, что в целом этот уровень является, несомненно, высоким.

Однако изучение уголовных дел приводит к выводу, что многие адвокаты плохо используют предоставленные им законом права и, следовательно, не выполняют требований ч. 1 ст. 23 Основ уголовного судопроизводства. Здесь, видимо, речь должна идти не только об уровне активности и профессиональной добросовестности, но и об уровне квалификации адвоката.

Один из решающих показателей квалификации и профессиональной культуры адвоката-защитника мы видим в его отношении к проблеме процессуальной солидарности с подзащитным.

Вопрос о допустимости позиционных расхождений защитника и подзащитного чрезвычайно осложнен многолетней полемикой в юридической литературе, которая, несмотря на ее остроту, не привела авторов ни к единой точке зрения, ни к четким практическим рекомендациям для защитника.

Оставляя полемику в стороне, мы отметим, что адвокат-защитник, по нашему мнению, сочетает полномочия самостоятельного участника процесса (выбор средств, методики и тактики защиты) с полномочиями представителя обвиняемого, мнением которого он связан при совершении наиболее ответственных процессуальных действий и выборе конечной позиции по делу.

КрjifMio(vnii в оценке степени процессуальной самостоятельности ш л.пщгшика, несомненно, вредны для практики.

Используя материалы изучения уголовных дел, покажем, насколько точка зрения о полной процессуальной самостоятельности защитника опасна и для правосудия и для самого института адвокатуры.

Наиболее яркой иллюстрацией в данном случае являются те дела, по которым позиция адвоката, признавшего обоснованность обвинения, разошлась с окончательным результатом (31 обвиняемый из 145, или 21%).

Проследим соотношение позиций обвиняемого и защитника по этим делам.

В 10 случаях из 31 расхождения позиций не было, ибо в 2 случаях обвиняемые признавали себя виновными, а прекращение дела при доследовании мотивировалось обстоятельствами, не реабилитировавшими обвиняемых; в 3 случаях (дела об автоавариях) обвиняемые хотя и признавали себя виновными, но это было в -сущности признание правильности изложения фактических обстоятельств; в 2 случаях имел место явный самоговор несовершеннолетних обвиняемых, поддержанный адвокатами; в 3 случаях адвокаты вместе со своими подзащитными не оспаривали обвинение, упустив, что подростки не достигли возраста, с которого возможна уголовная ответственность.

Итак, 10 случаев из 31 — это случаи, иллюстрирующие в большинстве своем недостаточную грамотность адвокатов.

Что касается остальных, случаев (21 из 31), то здесь имело место грубое игнорирование адвокатами позиции своих подзащитных, не признававших себя виновными¹⁷.

Желая подчеркнуть свою мнимую объективность, прикрываясь теорией процессуальной самостоятельности, адвокаты спешили признать обвинение доказанным, опровергая показания подсудимых.

Культивирование теории ничем не ограниченной позиционной самостоятельности защитника опасно для правосудия, ибо снижает критическое отношение суда к материалам дела, признанным адвокатом доброкачественными. А это повышает опасность судебной ошибки.

Из 31 дела, о которых идет речь, суд вынес правильный, т. е. оправдательный, приговор (вопреки позиции адвокатов) только в 6 случаях. В остальных 25 случаях суд, согласившись с за-

¹⁷ Примеры необоснованного признания адвокатами виновности своих подзащитных отмечают и президиумы некоторых коллегий адвокатов. Так, Президиум Владимирской коллегии (председатель тов. Н. Атабеков), со- гл вивший подробный обзор качества защиты по уголовным делам за ЮИ г., отмечает 17 случаев необоснованного признания адвокатами ви- лии'Нимrni снoих подзащитных. «Ошибки адвокатов по этим делам,— как тjinn--um и обзоре,— исправлены судебными органами без помощи а дво- ил * us *.

щитниками, допустил серьезную ошибку, осудив невиновных, реабилитированных позже, спустя более или менее значительный отрезок времени.

Теория «позиционной самостоятельности» опасна и для адвокатуры, ибо подрывает доверие обвиняемого к адвокату, настораживает обвиняемого, заставляет его возражать в суде собственному защитнику, т. е. подрывает процессуальные гарантии права на защиту.

Обычно в неспециализированной печати критикуют адвокатов за чрезмерное усердие, за стремление «защитить любыми средствами», «выгораживать преступника» и т. п.

Эта критика, вероятно, была чрезмерной, ибо теперь мы видим опасность для правосудия не столько в усердии защитника, сколько с другой стороны: в излишней вялости, пассивности, осторожности защиты.

Вот тезис, который, как нам представляется, следует включить в программу обучения молодых адвокатов.

Имея несомненное право представления *ходатайств в письменном виде*, адвокат в суде чаще всего ограничивается устным изложением просьб. Это приводит к тому, что многие доводы в пользу заявленного ходатайства ускользают от внимания суда, ответственность суда за принимаемое решение снижается и в результате повышается процент отклоненных ходатайств. Имеется и другая сторона этого вопроса, прямо связанная с проблемой профессиональной культуры защитника: устная форма ходатайства снижает ответственность их автора и приводит часто к заявлению ходатайств ненужных, непродуманных и даже вредных для интересов подзащитного.

В этой связи следует одобрить практику президиума Ленинградской областной коллегии, который требует, чтобы наиболее ответственные ходатайства, такие, как о назначении экспертизы или о направлении дела на дополнительное расследование, адвокатами оформлялись *письменно*, с приведением подробной аргументации.

Во многих случаях адвокаты не заявляют ходатайств, явно необходимых для защиты. Это приводит к одностороннему исследованию обстоятельств дела и к вынесению ошибочных приговоров, если, конечно, и суд не проявит инициативы.

По делу П. (кража досок со стройки) судья в стадии предания суду по заявлению обвиняемого истребовал и приобщил к делу больничный лист и выписку из истории болезни, подтверждавшие, что у П. на момент преступления правая рука в связи с переломом была в гипсе.

Во время судебного следствия эти документы не исследовались и в приговоре в качестве доказательств не фигурировали. Возможно, это произошло по забывчивости судьи. Но ведь ясно, что защитник для подтверждения версии своего подзащитного должен был ходатайствовать об оглашении указанных документов, а в случае необходимости,— о вызове дополнительных свидетелей для выяснения фактического состояния здоровья подсудимого на момент совершения преступления. Это сделано не было.

Лдтхклт, : \лп\ \Ицтшмм Е., обвиненного в поджоге, указал в своей защите ряд версий, объяснявших возникновение пожара, указал «и на то, что в деле нет данных о личности подсудимого. Но во время судебного заседания он не заявил ни одного ходатайства для восполнения этих ошибок».

Ст. 298 УПК РСФСР устанавливает право защитника представить суду в письменном виде формулировку решения по вопросам 1–5 ст. 303 УПК или, как принято говорить, проект приговора.

При изучении уголовных дел мы ни разу не видели такого документа.

Может быть это право, предоставленное защитнику, излишне? Мы не проводили анкетирование практических работников по этому поводу, ибо ответ на поставленный вопрос представляется и без того ясным.

Действительно, если бы адвокат свою защитительную речь зафиксировал в четких формулах «проекта приговора» по основным вопросам, решаемым в совещательной комнате, его позиция суду всегда была бы ясной, независимо от сложности дела и количества выступавших в прениях лиц; аргументы защиты, если бы и не были разделены судом, по крайней мере, обеспечили бы полноту приговора, ибо суд вынужден был бы их проанализировать.

Сложившаяся практика игнорирования адвокатами (во всяком случае — большинством адвокатов) очень важного права, предоставленного им ст. 298 УПК РСФСР, необъяснима: ведь нельзя же всерьез полагать, что адвокату во всех случаях не хватает времени на составление этого документа.

Вторая группа обстоятельств, отрицательно влияющих на эффективность судебной защиты, связана с отношением суда к ходатайствам и позиции защитника.

Известно, что *обвинитель, подсудимый, защитник* и другие участники судебного разбирательства *пользуются равными правами по представлению доказательств, участию в их исследовании и заявлению ходатайств.*

Казалось бы, суд должен одинаково относиться к этим участникам процесса и, рассматривая их ходатайства, руководствоваться не личными симпатиями и антипатиями, а единственно значением ходатайств для дела.

Практика не всегда подтверждает это предположение.

При изучении около 2000 уголовных дел (метод анкетирования), по которым имела место отмена приговора, установлено, что судом первой инстанции, по мнению судей, исправивших ошибку, необоснованно было отклонено 44 ходатайства обвиняемого, 10 ходатайств защитника, 3 ходатайства потерпевшего, 1 ходатайство прокурора.

Здесь, конечно, нужно учитывать частоту заявления ходатайств каждым из указанных участников процесса. Но даже и с этой оговоркой некоторая тенденциозность судей, допустивших ошибку, налицо.

Полагаем, что этой иллюстрации достаточно, чтобы показать, что защитнику нередко приходится работать в более сложных условиях, чем, скажем, обвинителю, ибо преодолеть инерцию, сообщенную уголовному делу предварительным следствием, преодолеть предвзятое отношение к защите не всегда просто. Это надо учитывать при оценке эффективности судебной защиты.

§ 4. Эффективность деятельности защитника в (кассационной инстанции)

Во втором полугодии 1968 г. по РСФСР в кассационной инстанции было рассмотрено 26,5% уголовных дел от числа поступивших в тот же период в суды первой инстанции¹⁸.

(Судебная статистика не выделяет случаи, при которых поводом к кассационному пересмотру дел являлись жалобы адвокатов. Отчасти это может быть объяснено, видимо, тем, что во многих, если не в большинстве, случаях установить авторство адвоката трудно, ибо жалобы чаще всего составляются от имени осужденного и им подписываются.)

Вместе с тем, зная общее количество жалоб, поступивших от осужденных и оправданных (данные судебной статистики) и общее количество кассационных жалоб, составленных адвокатами (статистика адвокатуры), можно с известной долей приближенности установить процент жалоб адвокатов, послуживших поводом к кассационному пересмотру дел. В нашем случае он равняется примерно 96. Причем 91% всех кассационных жалоб, составленных адвокатами, относится к делам, рассмотренным в суде первой инстанции с их участием.

Закон, как известно, не предусматривает случаев обязательного участия защитника в рассмотрении дел судом кассационной инстанции.

Поэтому если в судах первой инстанции адвокаты приняли участие в рассмотрении 75,5% поступивших дел, то в кассации — только 52,4%¹⁹.

Результаты рассмотрения кассационных жалоб адвокатов см. в табл. 17.

¹⁸ Материалы выборочного исследования — данные государственной судебной статистики по 29 краям и областям РСФСР.

¹⁹ В судах второй инстанции адвокаты проводят дел в среднем в 5 раз меньше, чем в судах первой инстанции.

В порядке ст. 49 УПК РСФСР во втором полугодии 1968 г. адвокаты осуществляли защиту в судах первой инстанции по 13% и на предварительном следствии — по 31% дел, рассмотренных с их участием.

Таблица 17

и си	Характер жалобы	Число жалоб данного вида, % от числа рассмотренных	Из них удовлетво- рено, %
1-я	О снижении меры наказания	43,5	21,2
2-я	Об изменении юридической квалификации и снижении меры наказания	25,3	35,5
3-я	Об исключении эпизодов обвинения и снижении меры наказания	16,5	32,7
4-я	Об отмене приговоров с направлением дела на новое рассмотрение	8,3	35,8
5-я	О прекращении дела производством	6,4	22,4

Из табл. 17 мы видим, что наибольшее число жалоб подается адвокатами с просьбой о снижении наказания (43,5%). Эта же цель преследуется и тогда, когда в жалобе оспариваются отдельные эпизоды обвинения и правильность юридической квалификации. Таким образом, учитывая конечную цель обжалования — изменение приговора, первые три группы таблицы можно объединить, и они составят 85,3% всех поданных жалоб.

Об отмене приговора с прекращением дела производством или € направлением на новое рассмотрение речь идет в 14,7% жалоб. Если эту цифру соотнести с общим количеством дел, рассмотренных судами первой инстанции, то можно отметить, что только 3,2% вынесенных приговоров адвокаты считают необоснованными в целом и суды второй инстанции в 30% случаев разделяют эту позицию.

Пятая группа табл. 17 касается исправления по жалобам адвокатов наиболее грубых судебных ошибок — осуждение невиновного. Число таких случаев составляет 6,4% от общего количества рассмотренных кассационных жалоб адвокатов³⁰.

Из всех же кассационных жалоб, составленных адвокатами, и рассмотренных судом второй инстанции, было удовлетворено 28,2%.

Анализируя работу адвоката в суде первой инстанции, мы отметили, что в 34% случаев его позиция полностью не совпала с приговором и в 25% случаев — не совпала частично. Таким об-

³⁰ Любопытно, что этот процент, выведенный нами в результате группировки и обработки отчетных данных по 29 областям РСФСР, полностью совпал с выводами Президиума Московской областной коллегии, сделанными на основе анализа сведений, полученных от юридических консультаций по пблчети.

разом, по 59% уголовных дел, заслушанных в суде первой инстанции с участием адвокатов, последние, учитывая результат, имели те или иные основания для принесения кассационных жалоб.

Фактически адвокатами было обжаловано только 30,3% приговоров, вынесенных с их участием. Тем самым адвокаты оценили свои позиции в остальных 28,7% случаев расхождения с приговором как необоснованные и бесперспективные с точки зрения обжалования. Правда, здесь надо учесть, что многие расхождения могли не иметь принципиального характера; во многих случаях инициатива адвокатов была связана волей осужденных, не пожелавших обжаловать приговор. Однако же есть несомненные основания для вывода, что в некоторых случаях (и довольно многочисленных) адвокатами была допущена необъективность в оценке доказательств и выборе позиции или же беспринципность и отсутствие настойчивости в отстаивании правильной оценки: ведь процент полного несовпадения позиции защитника и суда первой инстанции *выше*, чем процент обжалованных приговоров (разрыв 3,7%).

Эта линия затухания настойчивости адвоката и повышения критического отношения к собственной позиции прослеживается и далее: в кассационном порядке было полностью отклонено 71,8% жалоб, а до надзорных инстанций из них дошло только 47,7%, т. е. в большинстве случаев (52,3%) адвокаты примирились с результатом кассационного рассмотрения жалоб, хотя он и был не в их пользу.

Для нас же в данном случае важно то, что полностью или частично было удовлетворено жалоб адвокатов в кассации 28,2% и в надзоре 20%³¹. Это снижает разрыв между позицией адвоката в суде первой инстанции и окончательным результатом по делу приблизительно на 10%. При этом нельзя не учитывать, что процесс обжалования в порядке надзора приговоров, вынесенных во втором полугодии 1968 г., к моменту получения сведений (январь — февраль 1969 г.) далеко не завершился.

Для характеристики роли адвокатов в исправлении судебных ошибок по делам, по которым имела место отмена приговора, представляют интерес материалы анкетирования. Здесь несколько иные закономерности, и это естественно, ибо по всем этим делам была допущена судебная ошибка, впоследствии исправленная.

В анкете 1968 г. было зафиксировано 756 случаев участия адвокатов в деле. Количество же составленных ими кассацион-

³¹ Как утверждает Г. З. Анашкин, в среднем по СССР этот процент составляет 25, причем в некоторых республиках он поднимается почти до 40 (Г. З. Анашкин. Адвокат: права и проблемы. — «Литературная газета», 1970, № 2).

ми ,!,.iui) равнялось 500, т. е. в 66% случаев участия защит-
iiniw! it деле им составлялась кассационная жалоба.

Связь позиции защитника в суде первой инстанции с харак-
тером поданной им кассационной жалобы можно проследить в
табл. 18.

Таблица 18

Позиция адвоката-защитника в суде первой инстанции	Число случаев подачи адвокатом кассационной жалобы					Итого	Среднее число жалоб на дело
	Истребование доказательств и назначения экспертизы	Истребование доказательств и назначения экспертизы	Истребование доказательств и назначения экспертизы	Истребование доказательств и назначения экспертизы	Истребование доказательств и назначения экспертизы		
Настаивал на полной невиновности.	8	7	3	158	—	94	2,70
Настаивал на невиновности в отношении некоторых обвинений,	35	40	13	12	—	24	124
Приятная ищущая смягчающих обстоятельств	61	15	6	20	—	116	208
Исходя из смягчающих обстоятельств	9	6	1	4	—	10	30
Исходя из смягчающих обстоятельств	—	—	—	2	—	—	2
Просил об изменении квалификации	30	64	2	2	—	24	122

Если табл. 18 оценивать с учетом первоначального и окончательного результатов по делу, то в значительном числе случаев можно отметить непоследовательность позиции защитника.

При первоначальном слушании дела просьба защитника об оправдании подсудимого — 270 случаев — была разделена судом и 07 случаях.

Казалось (бы, должны были поступить 203 кассационные жалобы с просьбой об отмене приговора ввиду того, что виновное-п. подсудимого не установлена. Однако жалоб по этим делам поступило лишь 176, причем в 18 из них об отмене приговора просили лишь 45 случаев (16,6%) защитник при-

знает необоснованной свою позицию об оправдании подсудимого. И напротив, (в остальных 487 случаях, когда защитник не просил об оправдании подсудимого при первоначальном рассмотрении дела, им было подано 30 кассационных жалоб (6,6%) с просьбой об отмене приговора ввиду того, что виновность подсудимого не установлена. В остальных случаях, а их подавляющее большинство, позиция защитника была последовательной. Что же касается правильности ее, то об этом можно заключить, сопоставляя характер жалоб с окончательным результатом. Из 500 кассационных жалоб в 188 оспаривалось обвинение. По этим делам в 134 случаях в конечном счете состоялось или оправдание обвиняемого (18 случаев) или прекращение дела.

При изучении кассационной практики адвокатов Российской Федерации за первое полугодие 1970 г. (данные по 67 коллегиям) получены следующие результаты.

От общего числа дел, проведенных адвокатами в судах первой инстанции, кассационные жалобы были принесены в 26,7% случаев. Иными словами, адвокаты обжаловали более чем каждый четвертый вынесенный с их участием приговор.

Если соотнести количество поданных жалоб со случаями расхождения позиций адвоката и суда первой инстанции, то мы увидим следующую картину.

Как указывалось в предшествующей главе, позиция адвокатов в первом полугодии 1970 г. полностью не совпала с приговором суда в 35,2% случаев и не совпала частично в 18,3% случаев. Следовательно, у адвоката в 53,5% случаев были те или иные основания для обжалования приговора. Жалобы же были поданы фактически в 26,7% случаев участия адвокатов в деле. Это означает, что обжаловалось лишь 85% приговоров, с которыми позиция адвоката полностью не совпала.

В сравнении с выборочными данными 1968 г. мы видим некоторое увеличение случаев полного расхождения позиции адвоката и приговора (35,2% против 34%) и в то же время — сокращение числа кассационных жалоб (26,7% против 30,3%). Это — тревожный симптом. Если рост случаев расхождения позиций защиты с приговором можно объяснить многими причинами вплоть до снижения качества судебной деятельности (такая возможность теоретически допустима, хотя практика ее не подтверждает), то увеличение разрыва между неразделенными судом позициями и числом поданных жалоб может иметь только одно объяснение — снижение требовательности адвоката к качеству своей работы. Легкость выбора позиции и легкость отказа от нее может лишь отрицательно характеризовать адвокатуру и никак иначе.

Тенденцию снижения числа подаваемых кассационных жалоб можно проследить и далее. В 1972 г. адвокаты СССР в целом обжаловали приговоры лишь по 16% дел, проведенных

с их уч.н-том в судах первой инстанции (против 26,7% «в Н)70 i).

Очпшдио, качество приговоров растет, если снижается троп/пг их обжалования. Но удивляют темпы этого роста на фоне увеличения разрыва между позицией адвоката и приговором. Видимо, некоторую скидку в пользу адвокатуры можно сделать за счет несовершенства первичного учета, накладывающего определенный отпечаток на все наши расчеты и выводы.

Каковы результаты обжалования приговоров в первом полугодии 1970 г.?

Удовлетворено полностью или частично 20% кассационных жалоб, если результат соотносить с общим количеством кассационных жалоб, составленных адвокатами в этот период времени. Если же учитывать, что результат обжалования фиксируется в юридических консультациях лишь в случаях, когда адвокаты лично поддерживают свои жалобы в суде второй инстанции, то процент полного или частичного удовлетворения жалоб возрастает в нашем случае до 29 (фактически адвокаты выступали в судах второй инстанции в 70% случаев от числа составленных ими жалоб). Если же учесть еще и то, что результат рассмотрения какой-то части жалоб к моменту составления отчета неизвестен, то выведенный нами процент (29) должен быть признан, как всегда, приблизительным. В 1968 г., как отмечалось выше, этот процент составил 28,2. В 1972 г. он оказался равным по СССР — 25, по РСФСР — 22,2.

Это свидетельствует о наметившейся тенденции снижения количества жалоб, удовлетворяемых в кассационном порядке. Оцепить эту тенденцию в плане эффективности защиты мы сможем, лишь проследив тенденции надзорной практики.

В табл. 18 делалась попытка выявить соотношение оснований обжалования приговоров с результатами кассационной практики по данным второго полугодия 1968 г.

Посмотрим, что изменилось в этом отношении к 1972 г. (табл. 19).

Таблиц а 19

Характер жалобы	Количество жалоб данного вида, % к числу рассмотренных	Из них удовлетворено полностью или частично, %
О снижении меры наказания	56,4	19
Об изменении юридической квалификации и снижении наказания	28,4	26,4
О возвращении дела на дополнительное расследование	5,2	38,8
О прекращении дела производством	НД	13

Классификация жалоб, приведенная в табл. 18 и 19, за 1968 и 1972 г. не вполне совпадает. В табл. 19 не выделены жалобы об исключении эпизодов обвинения и «снижении меры наказания».

С учетом этого обстоятельства закономерности остаются прежними: подавляющее большинство жалоб связано со снижением меры наказания и другими изменениями приговора (84,8% против 85,3% в 1968 г.) без его отмены. Несколько возросло количество жалоб с просьбой о прекращении дела производством, и соответственно снизился процент их удовлетворения.

Изучение кассационной практики позволяет отметить ряд недостатков в работе адвокатов, а также и в работе кассационных коллегий, которые в своей совокупности существенно снижают эффективность процессуальной деятельности на этой стадии.

Наибольшие нарекания и со стороны органов, осуществляющих руководство адвокатурой, и со стороны судебных работников вызывает качество кассационных жалоб.

Многие кассационные жалобы отличаются низким уровнем общей и юридической грамотности, излишним многословием, противоречивостью доводов, неопределенностью позиции.

Как уже отмечалось выше, адвокаты охотнее составляют жалобы от имени осужденных, скрывая свое авторство и снимая, в сущности, с себя ответственность за качество этого важного процессуального документа²².

Нередко в силу слабого знания материалов дела в кассационных жалобах, составленных адвокатами, не используются многие важные доводы в пользу осужденного и суд второй инстанции сам восполняет эти недостатки.

Президиум Волгоградской коллегии, анализируя недостатки кассационных жалоб, приводит примеры, изобличающие адвокатов в отсутствии элементарной добросовестности. Так, по делу Р., осужденного Череповецким городским судом по ч. II ст. 144 УК РСФСР, адвокат Г., не прочитав приговор, просит в кассационной жалобе об исключении эпизода хищения, который народным судом был уже исключен²³.

На республиканском совещании руководящих работников адвокатуры в докладе председателя Юридической комиссии при

²² В 50-х годах существовала практика, согласно которой любой документ, выходящий из юридической консультации, отмечался штампом консультации с указанием фамилии адвоката, составившего документ. Возможно, к этой практике целесообразно вернуться.

²³ По этому делу Судебная коллегия по уголовным делам Волгоградского областного суда вынесла в адрес адвоката частное определение, в котором отметила «несерьезное» отношение адвоката к выполнению своих обязанностей.;

Сонете Мшшгфов РСФСР отмечались случаи грубого искажения фпктои и неправильной оценки преступных действий осужденных в жалобах адвокатов²⁴.

По делу Д., осужденного за (покушение на убийство жены, адвокат Волгоградской коллегии К. писал в жалобе: «Эти действия являются малозначительными и ввиду отсутствия в них вредных последствий не представляют в настоящее время большой общественной опасности»).

В практике часты случаи наличия существенных противоречий между жалобой адвоката, поданной в интересах осужденного, и жалобой, составленной самим осужденным.

Эти противоречия, несомненно усложняющие работу кассационной инстанции, объясняются чаще всего недостаточной добросовестностью адвоката, не считающего нужным встретиться со своим подзащитным после оглашения приговора для обсуждения оснований кассационного обжалования.

Согласно Инструкции о порядке оплаты юридической помощи и установившейся практике, адвокат, осуществлявший защиту в суде первой инстанции, при наличии к тому оснований обязан составить кассационную жалобу на приговор без дополнительной оплаты и независимо от того, примет ли он по этому делу поручение на выступление в суде кассационной инстанции. Другими словами, право адвоката обжаловать приговор в кассационном порядке (ст. 325 УПК РСФСР) является одновременно и его обязанностью, если он сам и его подзащитный считают приговор неправильным, незаконным.

Судебная практика последних лет не знает примеров ущемления (Судом этого права адвоката-защитника, и, несмотря на это, довольно часты случаи непринесения жалобы защитником на явно необоснованный приговор.

Анализируя упомянутые уголовные дела на 145 обвиняемых, в отношении которых имело место оправдание или прекращение дела, мы видели, что во многих случаях адвокаты жалоб не подавали и осужденные *сами* добивались пересмотра незаконных приговоров.

Президиум Владимирской коллегии в своем обзоре работы адвокатов по уголовным делам в 1968 г. выделяет (раздел, посвященный необоснованному отказу адвокатов от кассационного обжалования).

Ограничимся приведением одного только примера из этого весьма насыщенного раздела.

За избяние О. к ответственности по ст. 206 ч. II УК РСФСР был привлечен М. Обвинение в суде не подтвердилось, однако суд вместо вынесения оправдательного приговора вменил М. в нарушение ст. 254 УПК РСФСР другой, ранее не фигурировавший эпизод, — совершение оскорбительных действий в отношении С.

Этот эпизод квалифицировался по ст. 206 ч. I УК РСФСР, и М. был осужден к году исправительных работ с освобождением от наказания по амнистии.»

²⁴ Материалы совещания были опубликованы в журнале «Советская юстиция», (Ш69, № 24).

Адвокат Р., защищавший М., не обжаловал приговор, незаконность которого не вызывала сомнения.

Судебная ошибка была исправлена по протесту прокурора в порядке надзора*

Вопрос о непринесении адвокатами кассационных жалоб в тех случаях, когда осужденный считает приговор неправильным, так или иначе затрагивается в обобщениях президиумов многих областных коллегий.

Речь, следовательно, идет о распространенном явлении, заслуживающем пристального внимания.

«...Эти адвокаты, — справедливо указывает президиум Владимирской коллегии, — оставляют по существу своих подзащитных без защиты; такие адвокаты не выполняют свой основной профессиональный долг — защищать».

При проведении исследования было выявлено значительное количество кассационных жалоб, *необоснованно отклоненных* судами второй инстанции.

Если исходить из данных общесоюзной судебной статистики, то можно отметить, что в среднем в порядке надзора исправляется почти такое же количество судебных ошибок, как и в кассационном порядке.

Президиумы многих коллегий адвокатов, используя свои локальные материалы, отмечают недостатки кассационной практики, справедливо усматривая в этом обстоятельство, снижающее эффективность жалоб защитников. Одна из причин недостаточно объективного отношения к жалобам, как отмечается, кроется в сложившейся до создания МЮ СССР системе отношений между членами судебных коллегий областного (краевого) суда и народными судьями.

Роль защитника в исправлении судебных ошибок находится также в тесной зависимости от решения следующих двух вопросов: о законодательном установлении случаев обязательного участия защитника в суде второй инстанции и от правильного разрешения спора о праве адвоката подать жалобу на приговор вопреки воле осужденного, спора важного в теоретическом отношении и находящегося в тесной связи с проблемой адвокатской этики.

Выше было показано, что далеко не все кассационные жалобы адвокаты поддерживают путем личного участия в их рассмотрении в суде второй инстанции.

В значительной мере это объясняется тем, что институту советской кассации неизвестны случаи обязательного участия защитника при рассмотрении уголовных дел по жалобам и протестам²⁵, тогда как на предшествующих стадиях (предварительное следствие, судебное разбирательство) удельный вес защи-

Исключение составляют дела о невменяемых и лицах, заболевших душевной болезнью после совершения преступлений (ст. 406 УПК РСФСР). Однако кассационная практика по таким делам весьма ограничена.

ты но назначению следователя и суда составляет до 35% от всех случаев участия защитника.

В юридической литературе неоднократно предпринимались попытки обосновать целесообразность введения случаев обязательного участия защитника в суде кассационной инстанции^{26*} Эти попытки заслуживают серьезного внимания. Действительно, несовершеннолетний или лицо, не владеющее языком, на котором ведется судопроизводство, или осужденный к смертной казни не в меньшей степени нуждаются в помощи защитника после вынесения приговора, чем на предшествующих стадиях, если приговор вызывает сомнения в законности и обоснованности.

В особенностях кассационного производства нельзя усмотреть достаточных оснований для иного решения вопроса об обеспечении права на защиту, чем на предшествующих стадиях судопроизводства. Более того, как справедливо указывает А. Л. Цыпкин, трудности обеспечения явки осужденного, содержащегося под стражей, настоятельно диктуют необходимость участия в кассации его защитника. Представляется, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г., признавая целесообразным дальнейшее расширение участия защитника в уголовном судопроизводстве, создает благоприятные предпосылки и для решения поставленного выше вопроса.

Практически это должно было бы означать, что решение судьи или суда в распорядительном заседании о назначении защитника (ст. 228 и п. 2—6 ст. 49 УПК РСФСР) не прекращает своего действия с вынесением приговора, а обязательно и для защитника и для суда кассационной инстанции, если осужденный (оправданный) и его защитник находят основание для обжалования приговора. Такой порядок обеспечения права обвиняемого на защиту создал бы благоприятные условия и для расширения случаев участия защитника в кассации и для выявления и устранения судебных ошибок.

Для кассационной практики адвокатов, как оказалось, имеет важное значение правильное решение вопроса о праве адвоката подать жалобу вопреки воле осужденного.

Процессуальное законодательство не содержит прямого ответа на этот вопрос, хотя актуальность его очевидна: от того или иного ответа в известной мере зависит вклад адвокатуры в исправление судебных ошибок и в еще большей степени — характер взаимоотношений, складывающихся между адвокатом и подзащитным.

А. Л. Цыпкин. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965, стр. 42—43;
И. Д. Перлов. Кассационное производство в советском уголовном процессе, М» 1968, стр. 93—95.

Этот вопрос ставят и пытаются решить президиумы Новосибирской, Омской, Калужской, Ленинградской и некоторых других областных коллегий.

Президиум Калужской областной коллегии в обзоре качества работы адвокатов отмечает:

«Председатель Ульяновского райнарсуда возвратил жалобу адвокату Р., указав, что осужденный от обжалования приговора отказался. Адвокат Р. смирился с отказом в приеме жалобы, действия народного суда не обжаловал».

Здесь явно слышится упрек в адрес адвоката. Справедлив ли этот упрек?

Президиум Новосибирской коллегии адвокатов разделяет мнение, что защитник вправе обжаловать приговор вопреки воле осужденного. Более того, осужденный якобы не может снять с рассмотрения кассационную жалобу защитника.

Здесь мы видим последовательное проявление точки зрения о безграничной процессуальной самостоятельности защитника, никак не связанного волей подзащитного ни в выборе позиции, ни в совершении важнейших процессуальных действий, определяющих движение дела.

Эта крайняя точка зрения, превращая право обвиняемого пользоваться услугами защитника в его обязанность, находит известную поддержку и в теоретических исследованиях, и в практических комментариях.

Так, в Комментарий к УПК РСФСР 1960 г., изданном Ленинградским университетом (1962 г.) в п. 7 ст. 333 говорится: «Отзвать жалобу или протест может, по общему правилу, только то лицо, которое обжаловало (опротестовало) приговор, и только до начала судебного заседания. Исключением является право вышестоящего прокурора отзвать протест, принесенный нижестоящим прокурором».

О других исключениях авторы Комментария не упоминают. И. Д. Перлов, исходя из посылки «адвокат — самостоятельный участник процесса», приходит к утверждению, на наш взгляд, неправильному и несколько противоречивому: адвокат вправе подать кассационную жалобу вопреки воле осужденного (оправданного); осужденный (оправданный) не может отзвать кассационную жалобу защитника, однако может, в силу ст. 50 УПК РСФСР, отказаться от защитника в любой момент, в том числе и в суде второй инстанции, и это автоматически приведет к тому, что жалоба защитника не будет рассматриваться.

«Другими словами, осужденный или оправданный может добиться устранения рассмотрения жалобы путем устранения защитника,— пишет И. Д. Перлов.— Для защитника безразлично, будет ли отозвана его жалоба или осужденный (оправданный) откажется от защитника. В первом случае жалоба будет возвращена осужденному или оправданному (хотя они ее

и им подавали), и не останется никаких следов, свидетельствующих о позиции, занятой защитником»²⁷.

Итак, И. Д. Перлов искусственно создает весьма сложную ситуацию: для того чтобы оградить себя от услуг защитника, обвиняемый должен совершить процессуальные действия, в частности обратиться к суду второй инстанции с заявлением о том, что он отказывается от защитника и просит поданную защитником жалобу не рассматривать. Осужденный (оправданный), следовательно, должен быть настолько грамотен, чтобы уметь написать такое заявление; он должен помнить о своем праве на отказ от защитника; он должен быть осведомлен о том, что жалоба защитником подана, и пр.

Ради чего же такие сложности, превращающие важную процессуальную гарантию права на защиту в ее противоположность?

«Если к адвокату-защитнику будут предъявлены претензии по поводу того, что он не обжаловал приговор, когда в этом была необходимость, он всегда сможет доказать, что жалоба им была принесена, но не была рассмотрена, так как после ее подачи подсудимый отказался от защитника»²⁸.

Другими словами, процессуальным действием защитника преследуется отнюдь не процессуальный интерес!

Как же следует разрешить этот спорный вопрос?

Несомненно то, что проблема «отзыва» жалобы защитника осужденным (оправданным) является производной от основной, главной проблемы допустимости подачи жалобы защитником вопреки воле подзащитного,

Несомненно и то, что сторонники полной самостоятельности защитника при обжаловании приговора имеют определенную опору в действующем законодательстве, упоминающем в числе субъектов кассационного обжалования наряду с подсудимым и его защитника (ст. 44 Основ уголовного судопроизводства, ст. 325 УПК РСФСР).

Однако процессуальный закон, предоставляя защитнику право обжалования приговора, *не регулирует его взаимоотношений с подзащитным*. В законе не сказано, что защитник подает жалобу *независимо* от согласия подзащитного.

Между тем отношения защитника с подзащитным, как и с другими участниками процесса, в той части, в какой они не регулируются законом, должны регулироваться нормами профессиональной этики.

Профессиональная этика адвоката-защитника требует установления с обвиняемым отношений взаимного доверия. Без до-

Я. Д. Перлов. Кассационное производство в советском уголовном процессе, стр. 113—114.

И. Д. Перлов. Кассационное производство в советском уголовном процессе, стр. 131—132.

верия обвиняемого защитник не может участвовать в процессе. Именно из этого этического правила вытекает, как мы полагаем, и право обвиняемого выбрать защитника по своему усмотрению, и его право отказаться как от избранного, так и от назначенного защитника.

Отсюда же вытекает и недопустимость совершения защитником процессуальных действий вопреки четко выраженной воле обвиняемого²⁹.

Если адвокат подал кассационную жалобу без ведома подзащитного, чего, как мы полагаем, не должно быть, он обязан *сам отозвать ее* по требованию осужденного (оправданного).

Упомянутого выше адвоката Р. следует упрекать не в том, что он «смирился с отказом суда в приеме его жалобы, а в том, что он, подавая жалобу, не согласовал своих действий с осужденным.

Может возникнуть вопрос: целесообразно ли ограничивать инициативу адвоката в обжаловании явно незаконного или явно несправедливого приговора, не противоречит ли это интересам правосудия.

Если исходить из того, что профессиональный и этический долг адвоката обязывает его всесторонне обсудить с осужденным или оправданным перспективы обжалования, основания для подачи жалобы и мотивы отказа подзащитного от обжалования, то поставленный вопрос легко разрешается.

Ведь обычными мотивами отказа осужденного от обжалования являются следующие: боязнь поворота к худшему; неверие в правосудие и, следовательно, уверенность в бесполезности подачи жалобы; неправильная правовая оценка собственных действий, преувеличение их общественной опасности; нежелание нести расходы по обжалованию.

Боязнь поворота к худшему может быть обоснованной и необоснованной. Необоснованные опасения адвокат может легко рассеять, разъяснив осужденному компетенцию кассационного суда.

Обоснованные опасения (например — боязнь обращения дела к доследованию, при котором могут быть вскрыты другие эпизоды преступных действий. Обычно это имеет место при делящихся преступлениях) должны быть правильно оценены адвокатом и заставить его воздержаться от обжалования.

Во всех остальных перечисленных нами случаях осужденный не станет *запрещать* адвокату обжаловать приговор и тем более — добиваться оставления жалобы адвоката без рассмотрения.

Исключение составляют, как было указано выше, дела несовершеннолетних и лиц, страдающих определенными физическими и психическими недостатками. По этим делам адвокат пользуется свободой выбора позиции и свободой совершения процессуальных действий в пределах, конечно, компетенции защиты.

Вес >то приводит нас к подтверждению важного общего вывода, изложенного ранее: теория безграничной процессуальной самостоятельности адвоката противоречит самой идее защиты, ибо она приводит к отрыву защиты от ее базы, к созданию конфликта между защитником и подзащитным, что не может быть оправдано ни с точки зрения функции защиты, ни, с этической точки зрения. Что же касается случаев непринесения жалобы защитником при расхождении его позиции с приговором, то их надлежит оценивать с учетом отношения осужденного к приговору.

§ 5. Роль защитника в пересмотре приговоров, вступивших в законную силу

Несмотря на очевидную ограниченность прав и возможностей защитника в стадии надзорного производства, нельзя не признать, что роль его в исправлении судебных ошибок после вступления приговора в законную силу существенна.

По 29 областям РСФСР во втором полугодии 1968 г. адвокатами составлено жалоб в порядке надзора 23% к числу дел, служивших предметом кассационного рассмотрения, или 47,7% к числу отклоненных кассационных жалоб адвокатов.

В 1970 г. эти данные выглядели следующим образом.

Составлено жалоб в порядке надзора в 4 раза меньше, чем кассационных. По отношению к числу отклоненных кассационных жалоб жалобы в порядке надзора в 1970 г. составили 36% (против 47,7% (в 1968 г.), а в 1972 г.—33%. По СССР в целом в 1972 г. адвокаты составили 31,5% жалоб в порядке надзора к числу отклоненных кассационных жалоб.

Совершенно очевидно, что динамика анализируемого явления за 4 года является неблагоприятной. Она свидетельствует о некотором снижении активности адвокатов в стадии надзорного производства, о недостаточной последовательности в отстаивании позиции.

Мы не склонны объяснять эту тенденцию какими-либо принципиальными сдвигами в кассационной или надзорной практике или факторами психологического порядка (разочарованность, неверие в успех и т. п.).

Причина, как и во многих других случаях, может быть значительно проще — она может крыться в колебаниях загруженности адвокатов. Известно, что при резком сокращении практики адвокатов по уголовным делам (периоды широких амнистий, влекущих прекращение значительного числа уголовных дел производством) резко возрастал объем иной правовой помощи адвокатов населению и предприятиям. Надзорная практика для адвокатов — не самая соблазнительная практика и с моральной, и с материальной точек зрения. Количество состав-

ленных жалоб в порядке надзора зависит не только от обращений клиентуры, но и от активности и заинтересованности самих адвокатов, которые могут стимулировать, а могут и расхолаживать жалобщиков, подобно тому, как общее количество случаев приглашения обвиняемыми адвокатов на предварительном следствии зависит в значительной мере от отношения следователя к адвокатам.

Результаты рассмотрения жалоб в порядке надзора, составленных адвокатами, см. в табл. 20.

Таблица 20

Группа	Результат обжалования	% к числу поданных жалоб	
		1968 г. (II полугодие)	1970 г. (I полугодие)
1-я	Жалобы удовлетворены полностью	10,2	11,3
2-я	Жалобы удовлетворены частично	9,8	
3-я	Жалобы отклонены	77,5	77
4-я	Результат рассмотрения неизвестен	2,5	1,5

Если объединить группы 1 и 2 табл. 20 (полное и частичное удовлетворение жалоб), то можно утверждать, что адвокат достигает успеха в надзорной инстанции лишь в одном случае из пяти — результат несколько худший, чем в кассации, которой удовлетворяется приблизительно каждая четвертая жалоба³⁰.

Результаты рассмотрения жалоб в порядке надзора за ряд лет (удовлетворены полностью или частично) таковы (в %):

1968 г. 1969 г. 1970 г. 1972 г.
20 23 21,5 15

Таким образом, можно отметить тенденции: некоторое сокращение количества жалоб и увеличение процента их отклонения.

Участие адвокатов в исправлении судебных ошибок после вступления приговора в законную силу³¹ «ограничивается составлением жалоб. Адвокаты излагают доводы жалоб на личном

В целом по РСФСР за 1968 г. было удовлетворено (полностью или частично) 22% жалоб адвокатов, а в первом полугодии 1969 г.—24%. В ряде союзных республик этот процент более высок: в Туркменской и Казахской ССР—38,3%, в Литовской ССР—31,5%, в Армянской ССР—37,2%, в Узбекской ССР—39,6%. В среднем по СССР он составляет 25% (Г. З. Анашкин. Адвокат: права и проблемы).

В данной главе не рассматривается деятельность защитника в стадии возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку в этом порядке пересматриваются лишь единичные приговоры³².

приеме лицу, уполномоченному опротестовать приговор, а также и психических случаях участвуют в обсуждении протеста на заседании суда надзорной инстанции.

Выборочные исследования показывают, что адвокаты лично излагают доводы своей жалобы на приеме в 36,5% случаев. Непосредственное участие адвоката в работе суда надзорной инстанции крайне ограничено: оно составляет в РСФСР 1,03% случаев к числу жалоб, составленных адвокатами, или 2,8% к числу жалоб, поданных ими на личном приеме³².

Поскольку случаи выступления адвоката в судебно-надзорной инстанции редки, а его устный доклад на личном приеме имеет значение, как правило, только для решения вопроса об истребовании уголовного дела, а не для обоснования протеста и тем более не для обоснования постановления, принимаемого по протесту, эффективность деятельности защитника по исправлению судебных ошибок в надзоре всецело в сущности зависит от качества и обоснованности составленной им жалобы.

Закон не предъявляет каких-либо требований к форме и содержанию этого документа. Более того, этот документ не служит непосредственным поводом к пересмотру приговора. Не меняет положения и косвенное упоминание о нем в УПК: «В случае, если лицо, истребовавшее дело, не обнаружило в нем оснований для принесения протеста, оно сообщает об этом лицу, учреждению или организации, по ходатайству которых дело было истребовано для проверки...»³³ (курсив наш.— Авт.).

Несмотря на все это, мы разделяем точку зрения тех процессуалистов, которые предъявляют определенные требования к форме и содержанию жалоб в порядке надзора, составленных адвокатом³⁴.

В советской адвокатуре давно и прочно установилось определенное отношение и к форме, и к содержанию жалоб в порядке надзора: это должен быть четко изложенный, глубоко аргументированный документ, способный убедить в необходимости истребования дела для отмены или изменения приговора.

В нашу задачу не входит рассмотрение методики подготовки

Возможность участия защитника в заседании суда, рассматривающего дело в порядке надзора, допускают ст. 377 УПК РСФСР и ст. 345 УПК Эстонской ССР. УПК большинства остальных республик пошли по пути текстуального воспроизведения указания ст. 48 Основ уголовного судопроизводства о том, что «в необходимых случаях суд вправе вызвать в судебное заседание осужденного». Защитник при этом не упоминается. Ст. 376 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик.

Убедительными, на наш взгляд, являются высказывавшиеся в литературе предложения о необходимости процессуального регламентирования порядка приема и рассмотрения жалоб в надзорных органах, которые в сущности обычно являются поводом к опротестованию приговора. В. Б. Алексеев. Установить процессуальный порядок рассмотрения жалоб в судебных органах.— «Советская юстиция», 1968, № 3, стр. 15.

и приемов составления жалобы в порядке надзора³⁵, мы остановимся лишь на наиболее существенных недостатках жалоб, а также на некоторых иных неправовых и правовых факторах, снижающих роль адвоката в стадии надзорного пересмотра приговоров.

Чаще всего недостатками жалоб в порядке надзора, как и кассационных жалоб, являются слабая аргументированность позиции, отсутствие конкретных ссылок на материалы дела, подтверждающие доводы жалобы, низкий уровень правовой культуры этих документов.

Принцип публичности, действующий в уголовном судопроизводстве, обязывает соответствующих должностных лиц суда и прокуратуры опротестовать незаконный или необоснованный приговор. Однако нередко требуются значительные усилия и настойчивость со стороны осужденного и его адвоката для того, чтобы побудить должностное лицо к принесению протеста.

В большинстве справок коллегий адвокатов отмечается, что президиумы областных, городских и равных им судов очень часто необоснованно отказывают адвокатам в проверке законности приговоров, но удовлетворяют протесты руководителей вышестоящих судебно-прокурорских органов по тем же делам, с изложением тех же доводов, которые приводились в жалобах адвокатов.

Вот типичный пример, который мог бы быть взят из практики любого адвоката. К., защищаясь от нападения своего зятя А., вооруженного патроном, «выстрелил в него два раза из ружья. Потерпевший скончался. Народный суд признал К. виновным по ст. 103 УК РСФСР. Кассационная жалоба адвоката, в которой ставился вопрос о переквалификации действий К. на ст. 105 УК РСФСР, была отклонена.

Председатель Тульского областного суда и прокурор области оставили жалобу адвоката в порядке надзора без удовлетворения. После изложения адвокатом доводов жалобы на личном приеме в прокуратуре РСФСР дело К. было истребовано, и заместитель прокурора РСФСР принес протест в Президиум Тульского областного суда.

Президиум Тульского областного суда 21 октября 1968 г. удовлетворил протест заместителя прокурора РСФСР: переквалифицировал действия К. на ст. 105 УК РСФСР, снизил ему наказание до отбытого срока и освободил его из-под стражи.

Не являются исключением случаи, когда осужденный и адвокат добиваются положительного результата много лет, пройдя по несколько раз все надзорные инстанции.

Президиум Московской областной коллегии адвокатов, отмечая ограниченность объема работы адвокатов в стадии надзора, указывает причины этого явления (материалы отдела Адвокатуры Юридической комиссии при Совете Министров РСФСР):

См. по этому поводу: А. М. Левин, П. А. Огнев, В. Л. Россельс. Защитник в советском суде. М., 1960, стр. 324—301; Г. П. Саркисянц. Участие защитника в кассационной, надзорной инстанциях и при исполнении приговора. Ташкент, 1966, стр. 98—122; Г. А. Гинзбург, А. Г. Поляк, В. А. Самсонов. Советский адвокат. М., 1968, стр. 171—180.

^П.МуvТiйhi случаи, когда адвокаты под тем или иным предлогом уклоняются от составления надзорных жалоб по делам, которые они вели в суде первой или второй инстанции и которые были разрешены, по их мнению, неправильно.

Одной из причин этого служат трудоемкость надзорных поручений и невысокая их оплата. Не способствуют расширению этого вида юридической помощи установленные надзорными инстанциями бюрократического характера правила доклада надзорных жалоб. Значительное число надзорных жалоб докладывается адвокатами на личном приеме лицам, не имеющим права принесения протеста в порядке надзора. Это весьма часто влечет необоснованные отказы, и лишь после того, как адвокат сумеет попасть к руководству надзорной инстанции, дело получает надлежащее разрешение. Ответы надзорных инстанций, как правило, немотивированы; заключение лиц, проверявших дела, хранятся в тайне, и адвокат не знает действительной причины отказа. А иногда причина эта неосновательна, и адвокату достаточно было бы разъяснить проверяющему его заблуждение, чтобы дело получило правильное разрешение. В заседаниях надзорных инстанций адвокаты участия не принимают. Судебная процедура этих заседаний не выработана, не закреплена в законе и носит подчас «домашний» характер».

На недостатки процессуального регламента судебно-надзорной деятельности справедливо указывают президиумы многих коллегий адвокатов. Эти недостатки существенно ограничивают право осужденного (оправданного) на защиту при пересмотре приговоров, вступивших в законную силу.

Выше мы отмечали крайне незначительное число случаев участия адвокатов РСФСР в заседаниях надзорной инстанции.

Президиум Ленинградской областной коллегии адвокатов сообщает по этому поводу следующее: «Во втором полугодии 1968 г. только один раз адвокат принимал участие в заседании надзорной инстанции.

Президиум считает, что личное участие адвоката в надзорной инстанции в первую очередь по делам, которые были истребованы по жалобам адвокатов, будет содействовать интересам правосудия.

Однако нам неизвестны случаи, когда бы суд по своей инициативе использовал это право при разрешении дела в порядке надзора. Вместе с тем и сами адвокаты крайне редко обращаются с просьбой о допуске их в надзорную инстанцию» Объясняется это во многом тем, что при подаче жалобы в порядке надзора заявление адвоката о допуске его в надзорную инстанцию преждевременно. Протесты же в порядке надзора не во всех случаях высылаются адвокату, подавшему жалобу, а о дне слушания дела в надзорной инстанции адвокат вообще не ставится в известность.

Следовало бы признать обязательным:

а) указывать в протестах в порядке надзора, по чьей жалобе истребовано дело; б) высылать копию протеста адвокату, по жалобе которого дело было истребовано; в) извещать адвоката о времени рассмотрения дела надзорной инстанцией».

К этим бесспорным соображениям следует добавить, что копия протеста должна вручаться осужденному (оправданному) и его защитнику в обязательном порядке и тогда, когда протест приносит не по их инициативе, не в интересах осужденного (оправданного).

Осужденный (оправданный) и защитник, явившиеся в суд надзорной инстанции, должны быть допущены к участию в рассмотрении протеста.

Совершенствование процессуального законодательства в этом направлении означало бы дальнейшую демократизацию порядка пересмотра вступивших в законную силу приговоров и повышение вклада адвокатуры в дело исправления судебных ошибок.

§ 6. Общие итоги изучения эффективности судебной защиты

Анализ собранных эмпирических материалов позволил увидеть реальное положение защитника и результаты его деятельности. Вместе с тем в целом картина остается слишком сложной для однозначных выводов, в силу чего целесообразно суммировать итоги исследования путем опущения деталей, некоторого округления и усреднения полученных данных, сведения их в единый показатель — коэффициент эффективности.

Показатели эффективности, перечень которых приведен в начале главы и в соответствии с которым разрабатывалась методика эмпирического исследования, далеко не однородны с точки зрения информативной нагрузки.

Те из них, которые характеризуют объем оказываемой адвокатом правовой помощи на различных стадиях процесса и его активность (количество, проведенных дел, количество заявленных ходатайств и поданных жалоб, количество случаев личного участия в поддержании поданных жалоб и ходатайств и пр.), в изолированном виде ничего не говорят об эффективности деятельности: участие в процессе может быть и с нулевым и даже с отрицательным эффектом, равно как и активность может давать различные плоды.

Но эти показатели необходимы для общих выводов и оценки эффективности, ибо они говорят о масштабах явления.

Показатели, характеризующие результаты заявленных ходатайств, поданных жалоб, занятых позиций, — свидетельствуют о качестве работы, это — качественно-количественные показатели. Принятое нами допущение состоит в том, что презюмируется удовлетворение лишь обоснованных (необходимых) хода-

тайпи п отклонение необоснованных (надуманных, не имеющих птчеипя для дела), что, следовательно, удовлетворенные хпд.тгпнства положительно влияют на всесторонность, объекшпность и полноту исследования дела.

Разумеется, на практике это не всегда так, но статистическая закономерность должна быть именно такой, ибо в целом судебнo-следственная практика характеризуется высоким уровнем качества и соблюдения законности.

Если бы мы допустили противоположную презумпцию, мы не только погрешили бы против здравого смысла и закономерностей практики, мы вынуждены были бы прибегать к методу экспертных оценок применительно к каждому единичному факту. А это невозможно из-за огромного объема работы и очень сомнительно в плане надежности оценок: нет гарантии, что, заменив одних экспертов (следователей и судей, оценивавших ходатайства и жалобы адвокатов) другими, мы получили бы более объективный результат.

Наконец, необходимо отметить, что в собранном материале есть и избыточная информация, не имеющая значения для определения коэффициента эффективности, хотя и важная для* менее общих выводов. Речь идет о разбивке ходатайств, жалоб, позиций по характеру. Едва ли можно утверждать, что ходатайство о вызове дополнительного свидетеля менее существенно, чем ходатайство об изменении квалификации действий и т. д. В итоговой оценке это несущественно; важно другое — было ли оно отклонено или удовлетворено, т. е. имело ли оно положительное значение для решения коренных процессуальных задач или нет.

В дальнейших расчетах мы использовали следующие усредненные данные.

1. Если за 100 принять общую сумму дел, проведенных адвокатами на каждой стадии процесса, то объем их участия в уголовном судопроизводстве будет выглядеть так: на предварительном следствии — по 27% дел; в стадии предания суду — по 0,007%; в стадии судебного разбирательства — 60,8%; в кассационных инстанциях — 12,1%; в надзорных инстанциях — 0,04%.

Количественно-качественные показатели эффективности защиты для различных стадий выглядят следующим образом: в стадии предания суду защитником было заявлено четыре ходатайства на 1000 дел; личное участие защитника в распорядительных заседаниях к числу заявленных ходатайств составило 0,08% (из них было удовлетворено полностью 45% и частично 14%).

В стадии судебного разбирательства заслушано дел с участием адвокатов в судах первой инстанции от числа поступивших — 78%; заявлено ходатайств к числу дел, заслушанных с их участием, — 31%; из числа заявленных ходатайств судом

было удовлетворено полностью или частично 75%; позиция адвоката совпала с приговором (полностью или частично) в 63% случаев.

Работа адвоката в кассационной инстанции характеризуется следующими данными: процент кассационных жалоб, составленных адвокатами (к общему числу поданных) — 96%; обжалуется приговоров при полном несовпадении их с позицией адвокатов — 85%; с участием адвокатов суды второй инстанции слушали 52,4% дел; удовлетворено кассационных жалоб частично или полностью) — 25%.

Участие адвоката в надзорных инстанциях выглядит следующим образом: составляется ими жалоб в порядке надзора к числу кассационных — 25%, составляется жалоб в порядке надзора к числу отклоненных кассационных жалоб — 37%; докладывается жалоб на личном приеме (к числу составленных жалоб) — 40,5%; личное участие в заседаниях надзорных инстанций (к числу жалоб) — 1%; удовлетворено жалоб (полностью или частично) — 20%.

2. Показатели, характеризующие деятельность защитника, можно свести в формулу коэффициента эффективности, обобщенно характеризующего результаты защиты применительно к отдельным процессуальным стадиям и к процессу в целом.

При разработке формулы коэффициента эффективности³⁶ учитывались такие требования, как размерность вводимых показателей, сопоставимость коэффициентов для различных стадий процесса, полнота коэффициента, предполагающая использование максимально возможного числа показателей, всесторонне характеризующих работу защитника.

Расчеты проводились в нескольких вариантах с использованием двух различных формул.

Делалась также попытка ввести весовые коэффициенты для различных видов деятельности адвокатов, с тем чтобы сделать их сопоставимыми.

Все варианты расчетов дри хотя и не совпадающие, но весьма сходные результаты с точки зрения соотношения эффективности защиты на различных стадиях. Эти соотношения не противоречат предварительно зафиксированным интуитивным экспертным оценкам.

Здесь мы ограничимся приведением простейшей формулы расчета коэффициента эффективности (K_3) для стадии судебного разбирательства.

$$K_3 = \frac{JL}{D} \cdot \frac{X_y}{X} \cdot \frac{B_1 + B_2}{B}$$

Эта часть работы выполнялась автором совместно с сотрудниками лаборатории математического обеспечения Всесоюзного института Прокуратуры СССР В. А. Лев адским и А. В. Гуриновым.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫШЕСТОЯЩИХ СУДОВ
ПО ИСПРАВЛЕНИЮ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

где: d — количество дел, заслушанных с участием адвокатов и опгледуемый период; X — количество заявленных ходатайств; X_y — количество удовлетворенных ходатайств; D — общее количество дел, рассмотренных судом в тот же период; B — количество выступлений адвоката в суде первой инстанции; B_{y_1} — позиции адвоката, совпавшие с приговором суда; B_{y_2} — позиции адвоката, совпавшие с приговором суда частично.

Для других процессуальных стадий формула изменялась путем введения соответствующих показателей (жалобы на действия следователя, кассационные и надзорные жалобы и т. д.).

Получены следующие значения коэффициента эффективности защиты для различных стадий процесса: предварительное следствие — 0,10, предание суду — 0,03, судебное разбирательство — 0,75, кассация — 0,28, надзор — 0,10.

Общий коэффициент эффективности для всех стадий (K_0) выводится по формуле

где E_{K_0} — сумма коэффициентов эффективности пяти изученных стадий.

Его средняя величина при нескольких вариантах исчисления оказалась равной 0,64.

Следует иметь в виду, что приводимые *здесь* формулы и выведенные с их помощью коэффициенты отражают действительное положение дел весьма приближенно, ибо они не учитывают многих важных факторов, влияющих на эффективность защиты, — таких, как искусство допроса, тактические приемы, психологический эффект участия защитника в процессуальных действиях, и т. п. — т. е. факторов, пока не поддающихся формализации. Но это не исключает важного практического значения приведенной методики для совершенствования статистики адвокатуры и ее математической обработки.

Кроме того, значение коэффициентов эффективности в том, что с их помощью можно сравнивать эффективность защиты на различных процессуальных стадиях и математически обоснованно ставить вопрос об улучшении работы на тех стадиях, где защита обеспечена наименее удовлетворительно. Кроме того, появляется возможность сопоставить эффективность уголовно-процессуальной деятельности адвокатов различных областей и республик. А это в свою очередь обеспечивает научный подход к планированию деятельности отделов адвокатуры министерств юстиции по проведению проверок коллегий адвокатов; по организации учебы и стажирования, распределению молодых специалистов и т. д. Наконец, это дает возможность президиумам коллегий адвокатов не ограничиваться перечнем удачных и неудачных примеров, а сопоставлять результаты деятельности на различные годы с математической определенностью.

§ 1.-Задачи вышестоящих судов'то (исправлению
судебных ошибок

Кассационное и надзорное производство, активно формируя судебную практику и оказывая важное влияние на эффективность осуществления правосудия в суде первой инстанции, обеспечивают обнаружение и исправление подавляющего большинства судебных ошибок, вынесение законных и обоснованных приговоров.

Проверяя достижение объективной истины судом первой инстанции, вышестоящие суды активно участвуют в ее установлении. Их деятельность по устранению ошибок является в то же время надежной гарантией прав и законных интересов участников процесса.

Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов (1970 г.) разрешен вопрос о полном отделении функции организационного руководства судами от осуществления правосудия.

Вышестоящие суды, освобожденные в настоящее время от несвойственных им функций организационно-распорядительного характера, сосредоточили усилия на судебной работе по пересмотру уголовных и гражданских дел.

Эффективность институтов пересмотра приговоров в кассационном и надзорном порядке определяется прежде всего своевременным обнаружением и устранением ими возможно большего количества судебных ошибок, а следовательно, и укреплением законности в деятельности судов первой инстанции.

Количество отмененных и измененных приговоров из года в год сокращается не потому, что вышестоящие суды снижают уровень требований к приговору. Здесь более сложная зависимость: повышение требовательности вышестоящих судов приводит к улучшению качества отправления правосудия в суде первой инстанции и именно поэтому сокращается процент отмены и изменения приговоров*.

* Эта зависимость более подробно рассмотрена при объяснении динамики судебных ошибок (гл. IV).

И ШД8 1969 г. из числа обжалованных и опротестованных приговоров оставлено без изменений 87,3%, а в 1950 г. — лишь 71/1%. В абсолютных цифрах количество отмененных приговоров в 1968-1969 гг. по сравнению с 1950 г. уменьшилось почти в 10 раз, а за 1962—1972 гг. количество дел, по которым в порядке надзора отменены приговоры, уменьшилось на 60%².

Из 2400 судей, охваченных в 1968 г. выборочным исследованием, представительным по СССР, 745 человек, или 31%, вообще не имели в течение года измененных приговоров и 1323 человек, или 55,1%, не имели в течение года отмененных приговоров ни в кассационном, ни в надзорном порядке. «В 1968 г. в УССР не имели отмены приговоров 6 областных судов; в 1969 г.— 10 областных судов. По данным выборочных исследований за 1973 г. без отмены и изменений приговоров работали 782 судьи из 1883, или 42,66%.

В 1972 г. в РСФСР 75% судей не имели отмены приговоров.

Это свидетельствует о возможностях значительного улучшения работы судебных органов в условиях повышения требований к соблюдению действующего закона в судах первой инстанции со стороны вышестоящих судов.

Создание достаточно сложной системы процессуальных средств контроля и исправления судебных ошибок в виде кассационного и надзорного производства, а также возобновления и пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам, объясняется рядом объективных факторов.

Нормы уголовного процесса, к сожалению, обладают не абсолютной, а относительной эффективностью. Как бы ни была высока степень последней, она не может обеспечить, чтобы применение закона всегда дало стопроцентный положительный результат, поскольку он зависит не только от эффективности самих норм, но и от правильного их применения судом.

Если эффективность процессуальных норм и носит относительный характер, то это лишь определяет необходимость создания действенной и надежной системы процессуальных институтов, призванных обнаружить и устранить судебные ошибки. Эта система состоит из кассационного и надзорного пересмотра приговоров, а также возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, т. е. стадий процесса, рассчитанных в принципе на исправление всех допущенных судами ошибок. Исключения представляют случаи пересмотра в порядке судебного надзора обвинительного приговора, определения и постановления суда по мотивам мягкости наказания или необходимости применения к осужденному закона о более тяжком преступлении, а

Г. Аиашкин. Судебный приговор—важнейший акт социалистического правосудия.— «Социалистическая законность», 1969, № 11, стр. 9—10; см. также: *Л. А. Смоленцев.* На страже социалистической законности.— «Верхинный Суд СССР». М., 1974, стр. 105.

также оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении дела. Пересмотр этих судебных решений в порядке надзора допускается лишь в течение года по вступлении их в законную силу. Однако здесь речь идет не о невозможности обнаружить судебную ошибку, а о недопустимости «поворота к худшему» для оправданного (осужденного) спустя длительное время после вынесения приговора³.

На практике, однако, обеспечить абсолютную надежность процессуального закона при его применении судом первой инстанции практически столь трудно, что и процессуальная теория не ставит перед собой такой задачи. Именно потому, что суды первой инстанции допускают ошибки, теоретически и практически оправдано существование системы их обнаружения и исправления. Эта проблема вообще не возникала бы, обладай наше знание абсолютной возможностью не допустить ошибок.

Распространявшаяся долгое время формула «нет причин судебных ошибок, поэтому и самих ошибок не должно быть», не могла причинить ничего, кроме вреда, и при рассмотрении вопросов, относящихся непосредственно к уголовно-процессуальной деятельности вышестоящих судов. Она делала непонятым само их существование.

Подмена правильного тезиса о том, что у судей нет «права» на судебную ошибку, бездоказательным и догматическим положением, что судебная ошибка по своей природе чужда советскому уголовному судопроизводству и именно поэтому не может в нем существовать,— привела к тому, что судебные ошибки и их причины не подвергались долгое время самостоятельным научным исследованиям.

Вопросы кассационного и надзорного производств, в свою очередь, также рассматривались вне связи с анализом причин судебных ошибок и их характера. Поэтому гарантии предотвращения и устранения судебных ошибок зачастую оказывались недостаточными. Появление фактических и юридических ошибок в судебной деятельности — объективная реальность, подтверждаемая всем опытом судопроизводства. Именно это вызывает постановку и рассмотрение вопросов о повышении эффективности работы вышестоящих судов.

Рассматривая вопросы о судебных ошибках и их причинах, необходимо перенести центр тяжести на те конкретные, мероприятия, которые мы «можем провести уже сейчас, сегодня, и которые, будучи направлены на устранение судебных ошибок,

Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев и Д. П. Котов справедливо критикуют как противоречащие не только процессуальным, но и нравственным принципам предложения предоставить право суду второй инстанции исправлять ошибки в сторону, не только благоприятную для осужденного, но и невыгодную для него (*Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов.* Судебная этика. Воронеж, 1970, стр. 145).

оказывает действительное влияние, © частности, на улучшение работы кассационных и надзорных инстанций.

И поэтому, говоря об ошибках в судебной деятельности как объективной реальности, необходимо одновременно иметь в виду, что закон создает гарантии их выявления и устранения.

Кассационное и надзорное производства в советском уголовном процессе, не вытекая исторически из ранее существовавших форм проверочных производств — апелляции и кассации, — представляют собой качественно новые, свойственные лишь нашему процессу, институты, основной задачей которых является, во-первых, обнаружение любой судебной ошибки, допущенной судом первой инстанции и, во-вторых, контроль за правильностью решения, принимаемого вышестоящим судом в процессе проверки законности и обоснованности судебных актов, принятых судом первой инстанции.

Недостатки и упущения, возникающие на каком-либо одном этапе контрольной — кассационной и надзорной — деятельности судов, должны быть выявлены и могут быть устранены на другом этапе этой деятельности⁴.

Всякое рассмотрение вопросов эффективности исправления ошибок в советском уголовном процессе возможно при оценке кассационной и надзорной стадий как двух самостоятельных, но, по сути дела, тесно связанных институтов.

Уголовно-процессуальная деятельность кассационных и надзорных инстанций должна рассматриваться в двух аспектах.

Во-первых, эта деятельность является средством обнаружения и исправления судебных ошибок.

Участники процесса могут активно добиваться пересмотра любого неправильного, с их точки зрения, решения суда в кассационном порядке. Свобода обжалования и опротестования решений не ограничивается при этом никакими формальностями,

⁴ Важно понимать, что те или иные преимущества кассационной по сравнению с надзорной системой обжалования и опротестования приговоров могут одновременно сами по себе рассматриваться и как недостатки, если эти недостатки не нейтрализуются свойствами другой, дополняющей системы. Так, правильно указывает Ски К. '(Model postępowania rewizyjnego w polskim procesie karnym. «Państwo i prawo», 1968, 23, 8-9, s. 293—302), что кассационной системе можно прежде всего сделать следующий упрек: отдавая в руки сторон определение границ, в которых дело может рассматриваться в высшей инстанции, эта система делает невозможным полный и всесторонний контроль правильности решений нижней инстанции. Решение высшей инстанции, которое зависит не только от фактического и правового материала дела, но в значительной степени и от умения, старательности и добросовестности лица, составляющего обжалование, в результате этого часто бывает неполноценным. Перед лицом явных дефектов обжалования суд высшей инстанции, скованный границами или даже претензиями обжалования, иногда оставался бессильным и не мог исправить неправильное решение. Свободная же от этих недостатков надзорная инстанция не может быть столь же быстрым средством исправления судебных ошибок и не обладает многими возможностями кассационной.

которые следует соблюдать стороне, чтобы ее жалоба (протест) были пригодны для перенесения дела в кассационную инстанцию. В любом случае подачи кассационной жалобы следует автоматический перенос дела на рассмотрение в кассационный суд.

Производство в надзорной инстанции имеет то достоинство, что публично-правовой порядок его возбуждения дает возможность устранения судебной ошибки, независимо от того, пойдет ли это на пользу или во вред осужденному (оправданному) (с установленными в законе ограничениями).

Во-вторых, важно превентивное (в смысле предотвращения судебных ошибок) значение этой деятельности, ее положительное влияние на суды первой инстанции.

Как первый, так и второй аспект уголовно-процессуальной деятельности вышестоящих судов определяют их эффективность.

Однако каковы критерии этой эффективности?

§ 2. Эффективность деятельности вышестоящих судов по исправлению судебных ошибок

Критерии эффективности можно представить в виде единой и достаточно сложной системы данных о результатах работы вышестоящих судов, влиянии, которое они оказывают на деятельность судов первой инстанции.

Указанные критерии взаимосвязаны и характеризуются рядом количественных параметров.

Упущения в деятельности вышестоящих судов снижают уровень судопроизводства при рассмотрении дел в судах первой инстанции. Поэтому деятельность вышестоящих судов является фактором, прямо влияющим на достижение целей правосудия⁵. С учетом изложенного, оценка эффективности уголовно-процессуальной деятельности вышестоящих судов должна основываться на всесторонних и объективных данных о положении дел в судах (включая суды первой инстанции), в частности, о количестве измененных и отмененных приговоров. Постоянное совершенствование работы судов первой инстанции, в свою очередь, в порядке «обратной связи» оказывает влияние на повышение уровня работы кассационных и надзорных инстанций.

Качество работы вышестоящих судов зависит, наряду с другими влияющими на уровень их работы факторами, от объема работы этих судов по проверке и пересмотру дел в пересчете на одного сотрудника (служебная нагрузка). Оценивая эффективность работы вышестоящих судов, надо принимать во внимание показатели качества работы судов первой инстанции, а также показатели, отражающие уровень судебной работы самих

⁵ О целях правосудия и критериях его эффективности см. гл. I.

кассационных и надзорных инстанций, законность и обоснованность выносимых ими определений и постановлений⁶.

Наиболее общим показателем эффективности деятельности вышестоящих судов является неуклонное снижение количества судебных ошибок, т. е. повышение эффективности деятельности судов первой инстанции. Однако на практике этот вопрос, даже в плане обычного анализа статистических показателей, оказывается более сложным. В Литовской ССР, например, показатели отмены и изменения приговоров в кассационном порядке несколько выше, чем во многих других республиках. Так, в 1956 г. по СССР в целом отменено в кассационном порядке 1,7% всех вынесенных приговоров, а в Литовской ССР — 3,4%. Изменение по СССР — 4,8%, в Литовской ССР — 7,8%. В первом полугодии 1966 г. в среднем по СССР было отменено 1,6% и изменено 3,4%, в Литовской ССР соответственно 2 и 5,7%. Такое же соответствие сохранилось в 1967 и 1968 гг. В 1968 г. в Литовской ССР отменено и изменено 23,9%, а в 1969 г. — 20,1% всех обжалованных и опротестованных приговоров, т. е. гораздо больше, чем по СССР.

Значит ли это, что в Литовской ССР суды первой инстанции больше, чем в других союзных республиках, допускают судебных ошибок или что кассационная инстанция работает в этой республике более эффективно? По статистике, на первый взгляд, судебных ошибок в Литовской ССР явно больше. Но учитывая результаты не только кассационной, а также и надзорной практики, которая в Литовской ССР имеет меньший удельный вес, чем в других союзных республиках, и которую необходимо иметь в виду, оказывается, что уровень работы судов первой инстанции в этой республике не является более низким, но эффективность работы вышестоящего суда по устранению ошибок в кассационном порядке — выше.

Это означает, что как для вывода о качестве работы судов первой инстанции, так и для вывода об уровне работы самих вышестоящих судов недостаточны данные, характеризующие только деятельность кассационных или, изолированно, надзорных инстанций. Необходимо эти показатели рассматривать одновременно, в их соотношении и динамике.

Соотношение кассационной и надзорной практики вышестоящих судов само по себе является одним из объективных критериев, характеризующих эффективность их деятельности,

Кассационный порядок пересмотра приговоров представляет наибольшие возможности и гарантии для своевременного реаги-

Уголовный процесс *т* как наука* и как регламентированная законом практическая деятельность не может не быть в курсе специфических особенностей важнейших показателей, характеризующих с количественной и качественной сторон работу судебных органов. Такие показатели с большей или меньшей точностью пытались установить отдельные авторы («ЛСовоеткий уголовный процесс». Общая часть. М., 1973, стр. 27).

рования вышестоящих судов на недостатки и упущения судов первой инстанции. Пересмотр приговора по кассационной жалобе и протесту, как правило, может гораздо раньше обеспечить исправление — судебной ошибки.

Выборочное исследование показало, что в кассационном порядке отменяется 31,8% приговоров по делам, по которым с момента допущения судебной ошибки до момента ее исправления проходит один месяц, 19,9% приговоров по делам, где этот срок равен двум и 10,1% — трем месяцам.

Сроки исправления судебных ошибок в порядке надзора продолжительнее, однако не в такой мере, в какой это представляется на первый взгляд.

В 1968 г., по данным органов прокуратуры, в целом по стране 78,6% приговоров пересмотрено в порядке надзора в течение года с момента рассмотрения дела в суде первой инстанции, в том числе 60,4% в течение 6 месяцев.

В 1972 г. половина пересмотренных решений, по данным МЮ СССР, была вынесена в том же году; остальные, как правило, в предшествующие один-два года.

Однако следует все же иметь в виду, что около 13% приговоров и определений пересматриваются в порядке надзора по истечении более 2 лет с дня их вынесения.

Подавляющее большинство ошибок, связанных с вынесением необоснованных оправдательных приговоров, исправляется в кассационном порядке⁷. Только около 5% таких ошибок исправлено в срок свыше 8 месяцев; 81,8% оправдательных приговоров (из числа исправляемых в порядке надзора) отменено в порядке надзора в срок до 6 месяцев.

Практика показывает, что многие судебные решения и после кассационного рассмотрения дела исправляются в надзорном порядке, что указывает на недостаточную эффективность кассации.

В среднем за последние 10 лет в надзорном порядке отменяется и изменяется до 10% кассационных определений (в лицах), вынесенных в отношении приговоров и определений народных судов, и до 12—13% кассационных определений, вынесенных в отношении приговоров и определений областных и равных им судов⁸.

Оставление в силе приговора, который подлежал отмене,—

⁷ См. гл. III, IV.

⁸ При этом немало судебных ошибок допускалось и надзорными инстанциями. Из числа лиц, например, в отношении которых по Молдавской ССР надзорные протесты были удовлетворены во второй половине 60-х годов, 110% (1965 г.), 10% (1966 г.), 10% (1967 г.) составили лица, дела которых ранее рассматривались в надзорном порядке. Очевидно, проблема эффективности деятельности вышестоящих судов складывается из анализа уголовно-процессуальной деятельности всех звеньев системы исправления судебных ошибок.

ахми распространенная ошибка как кассационных, так и надзорных инстанций на протяжении последних лет.

Как уже отмечалось <в нашей юридической литературе, на основе проведенных по настоящей теме исследований⁹, кассационные инстанции в среднем отменяют только 60% от всех приговоров, признанных незаконными или необоснованными; остальные 40% таких приговоров отменяются в надзорном порядке.

В некоторых союзных республиках в порядке надзора отменяется большинство незаконных и необоснованных приговоров¹⁰.

Если иметь в виду, что ошибка, установленная при пересмотре приговора в надзорном порядке, довольно часто свидетельствует и об ошибке, допущенной судом кассационной инстанции¹¹, то следует признать, что кассационные инстанции допускают в процентном отношении гораздо больше ошибок, чем суды первой инстанции. На протяжении последних лет, например, в Молдавской ССР в отношении 32—40% лиц, в отношении которых приговоры были отменены и изменены в порядке надзора, кассационные инстанции судебные ошибки не выявили, хотя кассационное разбирательство имело место. Аналогичное положение было и в других союзных республиках¹².

Из числа дел, рассмотренных всеми народными судами, протесты по которым были удовлетворены впоследствии в порядке надзора, предметами кассационного рассмотрения было: 1960 г.—64,8%; 1961 г.—35,4; 1962 г.—50,1; 1963 г.—51,8; 1964 г.—57; 1965 г.—52; 1966 г.—47,7; 1967 г.—50,7; 1968 г.—49,7; 1969 г.—53% дел (данные по СССР).

В 1970—1973 гг. таким предметом также была почти половина указанных дел.

Эти данные подтверждают, что надзорный пересмотр является весьма существенной гарантией устранения судебных ошибок. Нельзя игнорировать сложившееся на практике положение, когда до 35—40% ошибок, допущенных судами первой инстанции, исправляется не в кассационном порядке, а при пересмотре приговоров надзорными инстанциями. И хотя соотноше-

⁹ Г. З. Анашкин, И. Л. Петрухин. Эффективность правосудия и проблема судебных ошибок.—«Советское государство и право», 1968, № 8, стр. 67; см. также: А. Бойков. Изучение причин судебных ошибок.—«Социалистическая законность», 1968, № 8, стр. 41.

¹⁰ См. гл. IV, § 1.

¹¹ За исключением случаев отмены приговора без предшествующего кассационного рассмотрения дела.

¹² Необходимо принять во внимание и ошибки иного рода, не находящие пока отражения в государственной статистике. Достаточно репрезентативные данные проведенных в 1968 г. выборочных исследований свидетельствуют, что в практике каждого 20-го судьи были случаи, когда определения или постановления вышестоящих судов об отмене приговоров, вынесенных под его председательством, были впоследствии признаны неправильными и отменены вышестоящими судебными органами.

ние между количеством судебных ошибок, исправляемых в кассационном и надзорном порядке, в последние годы изменяется в пользу кассации, что следует расценивать как положительную тенденцию¹³, однако надзорный порядок пересмотра по-прежнему не стал «исключительным».

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 2 от 21 января 1974 г. «О практике пересмотра в порядке судебного надзора приговоров, определений и постановлений судов по уголовным делам» обратил внимание на эту, зачастую ложно понимаемую, «исключительность» надзорного производства, необоснованно иногда истолковываемую как особенность данной стадии, влекущую ограниченные возможности *целя* исправления допущенных ошибок, и на то, что пересмотр в порядке судебного надзора приговоров, определений и постановлений по уголовным делам имеет важное значение в осуществлении задач советского уголовного судопроизводства и в укреплении социалистической законности. В постановлении при этом подчеркивается, что именно такой пересмотр является одной из гарантий исправления судебных ошибок, обеспечения правильного и единообразного применения законов, способствует наиболее полному достижению целей социалистического правосудия¹⁴.

После 1965 г. в стране наблюдается тенденция к повышению активности кассационного производства за счет надзорного. Если взять количество рассмотренных дел в кассационных и надзорных инстанциях в 1965 г. за 100%, то соответственно в кассационном порядке в 1970 г. рассмотрено 119,7%, в 1972 г.—111,0 а в 1973 г.—111,5% дел, а в надзорном — 69,9; 67,3 и 63,7%.

Однако такое значительное, казалось бы, снижение общего числа дел, рассматриваемых в надзорных инстанциях, не привело еще к значительному снижению исправляемых в этих инстанциях судебных ошибок.

В принципе кассационный порядок должен обеспечивать исправление *всех* (или, по крайней мере, подавляющего большинства) ошибок, допущенных судами первой инстанции. Основания для такого утверждения дает ст. 44 Основ уголовного судопроизводства, предусматривающая обязанность прокурора опротестовать в кассационном порядке *каждый* незаконный или необоснованный приговор. И если это действительно ошибочный приговор, вышестоящий суд обязан отменить (изменить) его. Поскольку на практике значительная часть судебных ошибок

Прав А. Ибрагимов, обращающий внимание в своих полемических замечаниях о роли судебного надзора на то, что главным звеном в многоступенчатой «системе проверки судебных решений является кассационная инстанция и, бесспорно, «лучше раньше, чем позже исправить судебную ошибку...» но, «все-таки лучше позже, чем никогда!» («Литературная газета», 2)I августа 1974 г.).

«Советская юстиция», 1974, № 6, стр. 29.

в порядке надзора, следует признать, что эффективней и, кассационной стадии процесса недостаточна. Задача [шдюрных инстанций не ограничена исправлением ошибок, допущенных кассационными судами, или ошибок, которые не «могли быть исправлены ими за отсутствием предусмотренных законом оснований»¹⁵. Только около 73 вынесенных приговоров обжалуются и опротестовываются в кассационном порядке. По остальным делам судебные ошибки могут быть устранены вышестоящим судом лишь в порядке надзора. Мы уже обратили внимание на то, что почти 7г дел, приговоры по которым отменяются и изменяются в надзорном порядке, в кассационном порядке не рассматривались. Значение уголовно-процессуальной деятельности надзорных инстанций, их место в общей системе исправления судебных ошибок, основываясь на этих данных, трудно переоценить.

Как уже отмечалось в гл. IV и X, можно выделить две группы союзных республик: в одной из них большинство судебных ошибок исправляется в кассационном порядке (например, Литовская, Эстонская, Молдавская ССР), в другой же преобладает надзорный порядок исправления судебных ошибок (например, Грузинская, Азербайджанская ССР). Нельзя говорить об эффективной работе *кассационных инстанций* в республиках, краях и областях, где удельный вес надзорного пересмотра уголовных дел значительно выше, чем удельный вес кассационного пересмотра.

Конечно, эффективность деятельности кассационных инстанций не определяется только соотношением приговоров, отмененных и измененных в кассационном и надзорном порядке.

Нельзя не иметь в виду, что рассмотрение дел в кассационных инстанциях находится в связи с обжалованием и опротестованием и, следовательно, количество ошибок, исправленных кассационными инстанциями, зависит от эффективности уголовно-процессуальной деятельности сторон по обжалованию и опротестованию приговоров.

Почти 7г всех ошибок, устраненных в надзорном порядке по делам, по которым не было кассационного производства,

Следует иметь в виду, что в соответствии со ст. 46 Основ приговор может быть отменен в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении либо за мягкостью наказания лишь в случаях, когда по этим основаниям принесен протест прокурором или подана жалоба потерпевшим. Оправдательный приговор может быть отменен в кассационном порядке в «соответствии со ст. 47 Основ. Кроме того, в соответствии со ст. 44 Основ приговоры Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик обжалованию и опротестованию в кассационном порядке вообще не подлежат. Нельзя не учитывать, что в соответствии с законом не могут быть обжалованы в кассационном порядке определения суда о возвращении дела для дополнительного расследования и многие другие определения судов первой инстанции. Исправление допущенных и них ошибок возможно только в порядке надзора.

свидетельствует и о недостатках прокурорского надзора за законностью приговоров, вынесенных судами первой инстанции.

Оценка эффективности деятельности кассационных судов неразрывно связана с разрешением вопросов об отмене приговоров по делам, которые сначала рассматривались в кассационном, а затем в надзорном порядке¹⁶.

Эффективность работы вышестоящих судов снижало в прошлом слияние их функций по отправлению правосудия с функцией судебного управления. В частности, члены вышестоящего суда, рассматривавшие дела в кассационном порядке, были призваны одновременно следить за состоянием судебной работы в своей зоне, ревизовать деятельность нижестоящих судов.

Это не могло не оказывать отрицательного влияния на судебную практику, поскольку члены вышестоящих судов, ответственные за «зоны», не были в достаточной мере заинтересованы в исправлении возможно большего числа судебных ошибок¹⁷.

Заинтересованность членов кассационных инстанций в стабильности приговоров влекла перенесение центра тяжести в работе по исправлению судебных ошибок на надзорные инстанции (цифровые данные приводились выше).

Сошлемся на такой пример. Народный суд Кабульского района Молдавской ССР осудил за кражу и хулиганство Ф., Т. и др. Поскольку суд крайне поверхностно исследовал доказательства и допустил ряд процессуальных нарушений, республиканская прокуратура в кассационной инстанции дала заключение об отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Молдавской ССР не согласилась с этим заключением и оставила приговор без изменения. В то же время Коллегия вынесла особое определение, в котором указала, что приговор был поставлен на «непроверенных материалах дела». Приговор сразу же был отменен в надзорном порядке¹⁸.

Указанные соображения в известной мере подтверждались данными статистики и проведенных социологических исследований, из которых следует, что надзорные инстанции принимают более решительные меры к исправлению судебных ошибок, дают более резкую оценку допущенным нарушениям закона.

По материалам анкетирования (1968 г.) почти половина приговоров отменена в порядке надзора за отсутствием в деянии состава преступления.

Как отмечалось ранее, в 1968 г. 78,6% приговоров пересмотрено © порядке надзора в течение года с момента рассмот-

В целом по стране примерно ³/₄ дел, по которым приговоры и определения судов первой инстанции до их пересмотра в порядке надзора рассматривались в кассационной инстанции, о чем уже говорилось выше. См. гл. V.

Архив прокуратуры СССР за 1969 г. Конечно, действия суда, оставившего приговор без изменения и вынесшего одновременно особое определение о его неправильности, противоречат и судебной этике, и процессуальной функции судей (Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. Судебная этика, стр. 146).

ршие дела в суде первой инстанции, в том числе 60,4% — в течение 6 месяцев. Эти показатели можно оценить как положительные, поскольку они указывают на довольно быстрое исправление судебных ошибок в порядке надзора. В то же время в них отражена и указанная выше отрицательная тенденция, а именно: осознанное или неосознанное стремление перенести исправление судебных ошибок в надзорную стадию процесса, показатели которой не отражались непосредственно на оценке качества работы судов первой инстанции. Это стремление вполне можно было объяснить и имевшим место в прошлом слиянием функций отправления правосудия и судебного управления, когда «зональные» судьи кассационных инстанций не были вполне заинтересованы в исправлении возможно большего количества ошибок, допущенных судьями «зоны».

Поэтому, подводя итоги некоторым исследованиям авторского коллектива, Г. З. Анашкин и И. Л. Петрухин указывали на то обстоятельство, что цифры отмены и изменения приговоров неполно отражают действительное положение дел и что, хотя этими цифрами и широко пользуются для оценки работы судов, в них не получила отражение отмена приговоров в надзорном порядке (до 40% всех отмененных приговоров)¹⁹.

Статистика отмены и изменения приговоров может не дать полного представления об эффективности кассационных и надзорных инстанций, так как статистические данные о судебных ошибках могут «выравниваться» путем повышения или снижения предъявляемых в данный момент требований кассационных и надзорных инстанций не только к качеству судебного приговора, но и субъективному, в определенном смысле, разрешению вопроса о том, в какой судебной инстанции должна быть исправлена конкретная судебная ошибка. Поскольку кассационные инстанции до воссоздания органов судебного управления (1970 г.) несли определенную ответственность за качество работы народных судов, отдельные ошибки могли быть «пропущены», могло появиться стремление исправить их не в кассационном, а в надзорном порядке²⁰.

Не случайно в процессе проведенного анкетирования судебных работников они по собственной инициативе, в пределах беспрограммного опроса²¹, высказали ряд соображений, направленных на совершенствование руководства судебной системой и устранение указанных явлений. Несмотря на то, что специаль-

¹⁹ Г. З. Анашкин, И. Л. Петрухин. Указ. соч., стр. 64—65.

²⁰ А. Носенко. Кассационная практика в новых условиях организационного руководства судами, — «Советская юстиция», 1972, № 8, стр. 215.

²¹ Используя этот способ выявления и фиксирования общественного мнения, мы полагали, что свободный выбор со стороны анкетированного предмета и формы высказывания без заранее сформулированной «узкой» программы дает большие возможности для выражения мнения опрошиваемого.

ного вопроса об этом анкеты не содержали, около 1/2 судей, высказывавших по собственной инициативе соображения о совершенствовании судебной системы, предложили воссоздать Министерство юстиции и таким образом отделить функцию судебного управления от функции отправления правосудия.

Положительное решение вопроса о полном отделении функции судебного управления от осуществления правосудия, конечно, меняет положение. Вышестоящие суды, освобожденные от несвойственных им функций организационно-распорядительного характера, сосредоточили усилия судебных работников непосредственно на разбирательстве уголовных и гражданских дел, кассационной и надзорной работе.

Является ли критерием эффективности работы вышестоящих судов состояние преступности? В гл. I этот вопрос был рассмотрен применительно к осуществлению правосудия в целом.

В частности, со ссылкой на постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 августа 1966 г. «Об улучшении деятельности судебных органов по борьбе с преступностью», где содержалось требование «не допускать оценки деятельности судебных органов..., без учета фактического состояния преступности в отдельных районах, городах, областях...»²² утверждалось, что повышение качества судебной работы, безусловно, оказывает положительное влияние на преступность, действуя в сторону ее сокращения. Несомненно, что качество всей судебной работы в значительной мере зависит от уровня работы кассационных и надзорных инстанций, ее эффективности.

• Поэтому эффективная деятельность кассационных и надзорных инстанций вносит свой «вклад» в общую функцию правосудия, направленную на сокращение и устранение преступности. Однако несмотря на существенность этого вклада, он может оказаться и зачастую оказывается все же менее существенным, чем влияние на преступность факторов, не связанных с правосудием (социально-экономических, политических, культурно-воспитательных и др.). Поэтому может возникнуть (и уже не раз возникала) ситуация, когда, несмотря на улучшение деятельности кассационных и надзорных инстанций, преступность растет или, наоборот, несмотря на временное ухудшение этой деятельности, преступность снижается. Следовательно, состояние преступности, взятое изолированно, само по себе, не может быть критерием оценки качества работы вышестоящих судов, особенно в масштабе района, города, области.

Важно иметь в виду, что весьма часто так называемые «общие показатели» эффективности работы судебной системы в целом по стране заслоняют собой существенные отличия, которые имеются в работе тех или иных звеньев этой системы.

В частности, представляется необходимым дифференциро-

вать критерии эффективности судов первой, второй и надзорной инстанций, хотя они (критерии) и очень тесно между собой связаны.

• Представляется также важной дифференциация судебных ошибок, выявленных вышестоящими судами по отдельным видам преступлений. В Литовской ССР, например, обобщением кассационной практики (1966 г.) установлено, что наиболее распространенными судебными ошибками, обнаруженными кассационным судом, являлись ошибки, допускаемые по делам о хищениях государственного и общественного имущества, — 15,3%, умышленных тяжких и менее тяжких телесных повреждениях — 12%, хулиганстве — 9,2%, преступлениях против личной собственности граждан — 8,2%. При оценке эффективности уголовно-процессуальной деятельности Верховного суда республики, разработке мероприятий по совершенствованию его деятельности и усилению влияния на складывающуюся судебную практику это было принято во внимание.

Проведенный нами анализ структуры видов преступлений, приговоры по которым отменены вышестоящими судами в 1967 г., показывает, что этими преступлениями по последнему отмененному приговору были: хищения государственного имущества — 16,5% дел, хищения личной собственности — 8,2% дел, убийства — 3,8% дел, изнасилования — 2,7% дел, хулиганство — 29,8% дел.

Изучение практики свидетельствует о наличии таких случаев, когда окончательное решение по делу, в том числе о его прекращении, должно было быть принято в самом вышестоящем суде, однако суд необоснованно возвратил дело на доследование.

Вместо активного и целенаправленного вмешательства вышестоящего суда в судебную практику в этих случаях имеет место своеобразное уклонение вышестоящего суда от принятия решения по делу.

Вышестоящие суды как бы предоставляют возможность органам расследования и прокуратуре самим прекратить дело после передачи его на доследование, хотя уже в заседании вышестоящего суда видно, что совершение обвиняемым преступления не доказано, и дело должно быть прекращено²³.

С другой стороны, практика знает случаи, когда вместо отмены приговора с прекращением дела в отношении лица, длительное время и без достаточных оснований отбывающего наказание, вышестоящие суды изменяют приговор, снижая такому лицу наказание до «фактически отбытого». Тем самым искусственно занижается количество наиболее опасных судебных ошибок, исправляемых путем отмены приговоров, и нарушаются

П. />. Алексеев. Прекращение дел, направленных вышестоящими судами на понос расследование.— «Социалистическая законность», 1970, № 3, «*»р. : и .

права граждан, которые вместо полной реабилитации подвергаются лишь меньшему наказанию.

Полученные и уже приведенные ранее данные свидетельствуют, что в значительном количестве случаев при повторном рассмотрении дела судами первой инстанции выносились такие же по своему характеру решения, как и при первом рассмотрении дела²⁴.

Однако на оценку эффективности деятельности вышестоящих судов, отменивших то или иное решение, не влияет судьба повторного разрешения дела, если только само по себе определение или постановление вышестоящего суда не ставится под сомнение и не отменяется²⁵.

При наличии безусловных кассационных оснований приговоры иногда отменяются не в кассационном, а в надзорном порядке.

Так, в Таджикской ССР кассационная инстанция оставила в силе приговор в отношении Ц., не подписанный одним из народных заседателей. Приговор, не был опротестован прокурором в кассационном порядке и был отменен только в порядке надзора.

Верховный суд Эстонской ССР оставил в силе приговор по делу Л. при рассмотрении дела в кассационном порядке. Л. был осужден по ст. 128 УК Эст. ССР к 2 годам лишения свободы, несмотря на то, что указанная статья вообще не предусматривает лишения свободы в качестве меры наказания. Эта ошибка также устранена лишь надзорной инстанцией.

Возникает также вопрос, какие ошибки — связанные с необоснованным оправданием или осуждением — чаще исправляются в кассационном или надзорном порядке?

Если общее количество всех лиц, в отношении которых по данным анкетирования были допущены судебные ошибки, связанные с необоснованным осуждением и оправданием, принять за 100%, то в кассационном порядке отменены обвинительные приговоры в отношении 83,6% и в порядке надзора в отношении 15,9% лиц (0,5% пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам). Оправдательные же приговоры отменены в кассационном порядке в отношении 86,6% и в порядке надзора — в отношении 13,4% оправданных.

Следовательно, в кассационном и надзорном порядке отменяется примерно равное (в процентах) количество приговоров в отношении как осужденных, так и оправданных. Между тем кассационный порядок сравнительно с надзорным, казалось бы, дает основание для большей отмены оправдательных приговоров, поскольку предполагается, что установленные законом сроки исправления ошибок не в пользу осужденного должны так или иначе ограничивать количество исправленных в порядке надзора ошибок, связанных с вынесением оправдательных при-

²⁴ См. гл. III.

²⁵ В данном случае имеет значение, что отмененный приговор не был основан на достаточной совокупности доказательств (см. гл. II).

митр,»!! '»то явление обусловлено также тем, что подавляющее большинство приговоров исправляется в срок до года (по истечении того срока оправдательный приговор не может быть пересмотрен в порядке надзора).

Оставление в силе подлежащего отмене или изменению приговора суда первой инстанции, равно как необоснованная отмена или изменение законного и обоснованного приговора, является наиболее серьезными по своим последствиям судебными ошибками, допускаемыми вышестоящими судами, которые не только искажают смысл и назначение всей уголовно-процессуальной деятельности контрольных инстанций, но и сказываются на осуществлении правосудия в целом.

В надзорном порядке, наряду с отменой или изменением приговоров судов первой инстанции, отменяется или изменяется значительное количество кассационных определений. Нельзя не отметить также значительную отмену и надзорных постановлений судов. Например, из числа лиц, в отношении которых в Молдавской ССР надзорные протесты были удовлетворены, 10% (1965 г.), 14% (1966 г.) и 10% (1967 г.) составляли лица, в отношении которых дела ранее рассматривались в надзорном порядке. На неудовлетворительную и недостаточную эффективную работу вышестоящих судов неоднократно обращалось внимание в ряде руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Пленумов (президиумов) верховных судов союзных республик, принятых специально по этим вопросам.

Так, в протокольном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 20 июля 1965 г. «О выполнении верховными судами союзных республик постановления Пленума Верховного Суда от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» отмечалось, что суды, рассматривающие дела в кассационном и надзорном порядке, не предъявляют еще должной требовательности к всестороннему исследованию судами первой инстанции доказательств и их правильной оценке, сами допускают ошибки в оценке доказательств, квалификации преступлений, нарушают нормы уголовно-процессуального законодательства.

Кассационные определения нередко составляются небрежно, в них поверхностно излагаются обстоятельства дела, не исследуются надлежащим образом доводы жалобы и протесты, слабо аргументируются принятые решения.

Эти недостатки и нарушения закона приводят к тому, что многие дела после их рассмотрения в кассационных инстанциях пересматриваются в порядке судебного надзора (иногда не один раз). Недостатки и ошибки в работе вышестоящих судов, отмеченные Верховным Судом СССР, подробно анализируются верховными судами союзных республик (см. постановление Пленума Верховного суда Узбекской ССР № 2 от 27 марта 1969 г. «О работе судебной коллегии по уголовным делам Верховного

суда Узбекской ССР», постановление Пленума Верховного суда Грузинской ССР № 2 от 19 марта 1969 г. «О работе судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР за 1968 г.» и др.).

Как мы видим, вопросы качества работы вышестоящих судов не остаются без внимания.

Однако нельзя не вспомнить в связи с этим, что еще 17 августа 1935 г. в директивном письме Верховного Суда СССР № 41 «Об улучшении качества работы кассационных и надзорных инстанций» отмечались многие из недостатков, которые и теперь встречаются в работе кассационных и надзорных инстанций (конечно, не в таком количестве и не в столь грубых формах). В частности, из этого документа видно, что кассационные и надзорные определения составлялись обычно кратко, недостаточно мотивированно, а иногда и вовсе не мотивировались. Отсутствие или недостаточная мотивировка принимаемых решений, указывал Верховный Суд, понижает ответственность за выносимые определения и способствует формальному отношению к разрешению дел. Кроме того, такая практика противоречит принципам советского суда, поскольку подавший жалобу должен и имеет право знать мотивы, послужившие поводом к отклонению такой жалобы.

Отсутствие или неполнота мотивировки определения об отмене приговоров затрудняет работу судов первой инстанции, которым дело направлено на новое рассмотрение, поскольку они лишаются возможности понять, в чем сущность недостатков приговора и что именно должно быть исправлено.

Верховный Суд СССР в указанном документе обращал внимание и на то обстоятельство, что дела недостаточно глубоко изучаются членами-докладчиками, которые зачастую ограничиваются только рассмотрением приговоров и материалов судебного следствия и не анализируют материалы предварительного расследования.

Как на недостаток работы кассационных и надзорных инстанций указывалось на длительные сроки пересмотра в них судебных решений.

Кассационными инстанциями часто не соблюдался установленный порядок рассмотрения дел. В судебных заседаниях дела рассматривались «келейно». В этом Верховный Суд видел нарушение принципов гласности и публичности процесса.

Были отмечены случаи, когда определения выносились не сразу же ш рассмотрении дела, а после рассмотрения ряда дел или же на другой день, что приводило к составлению определений, не соответствующих фактически решениям, принятым кассационными и надзорными инстанциями.

Верховный Суд указал, наконец, как на совершенно недопустимые и «граничащие с преступными» действия, когда

один и* членов кассационного состава по ознакомлении с делом составляет по нему определение, которое механически подписывается другими членами кассационного состава без тщательного обсуждения дела²⁶.

Анализ постановлений Пленума Верховного Суда СССР последних лет, в которых указывается на недостаточную мотивировку определений и постановлений вышестоящих судов, показывает, что несмотря на регулярное обсуждение этого вопроса и в настоящее время имеются многочисленные случаи, когда содержание указанных определений и постановлений не отвечает требованиям закона, когда в них не отражаются доводы кассационных жалоб и не приводятся мотивы, которые бы эти доводы опровергали. Серьезным недостатком в работе кассационных инстанций продолжает оставаться наличие нередких случаев, когда в принимаемых ими определениях искажается содержание кассационной жалобы или допускаются другие неточности.

Бывают случаи, когда в кассационных определениях не приводятся возражения жалобщиков против приговора и ответа на них не дается. Иногда при изменении приговора в определении не приводятся достаточно убедительные доводы в пользу таких изменений, нет анализа отдельных доказательств, положенных судом первой инстанции в обоснование приговора.

Практика вынесения немотивированных определений не прекращается. Вместо аргументированных ответов на доводы жалобы, в них многие годы продолжают встречаться такие совершенно недопустимые формулировки, как «доводы жалобы не заслуживают внимания», приговор «соответствует материалам дела» и т. п. Значение актов судебного надзора снижается уже потому, что они довольно часто не содержат указаний, какой закон нарушен судом первой инстанции. Даже в практике верховных судов союзных республик до настоящего времени встречаются случаи, когда в определениях не указывается статья уголовно-процессуального закона, которая предусматривает конкретное основание отмены или изменения приговора.

Однако если вопрос о законности и обоснованности приговора суда первой инстанции рассматривается теорией советского уголовного процесса и законодателем в тесной связи с необходимостью его мотивировки²⁷, то вопрос о мотивированности

²⁶ Приводя столь подробно содержание директивного письма Верховного Суда СССР 1936 г., мы, конечно, опустили анализ тех ошибок и недостатков, которые в результате неуклонного повышения эффективности советского правосудия полностью или в значительной мере устранены. Недостаточная эффективность тех или иных указаний в целом, конечно, несколько не снижает огромного значения руководящих разъяснений и указаний Верховного Суда СССР, являющихся важным средством укрепления социалистической законности («Верховный Суд СССР». М., 1974, с*тр. 141—174).

²⁷ См., например: П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве, М., 1961, стр. 136.

постановлений вышестоящих судов не только не решен законом, но и в теории рассматривается недостаточно.

Обобщение практики работы кассационных инстанций свидетельствует о том, что они продолжают нередко оставлять без внимания нарушения, допущенные во время расследования дела либо при его рассмотрении в суде первой инстанции.

Имеют место случаи неправильного разрешения вопроса о наличии оснований для отмены или изменения приговора; допускаются ошибки при установлении таких оснований; в определениях указываются не все основания, по которым приговор отменен или изменен.

Довольно часто, отменяя приговоры по протестам прокуроров и соглашаясь по существу с изложенными в них доводами, вышестоящие суды механически переносят формулировки протестов в свое определение (постановление).

Несмотря на четкое определение законом (ст. 353 УПК и соответствующие статьи УПК других союзных республик) пределов и обязательности указаний, которые могут быть даны вышестоящими судами при отмене приговоров, на практике можно встретить такие определения вышестоящего суда, в которых предпрещается вывод суда первой инстанции при повторном рассмотрении дела, подчеркивается преимущество одних доказательств перед другими или содержатся иные указания, ограничивающие независимость судей первой инстанции.

Все эти недостатки отражены в многочисленных обзорах, обобщениях судебной практики и других документах Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик.

Нетрудно убедиться, что определенное количество недостатков, имевших место ранее, повторяется, и это, естественно, ведет к повторению одних и тех же указаний, разъяснений, директив. Вместо устранения причин, по которым указания в полной мере не выполняются, вышестоящие судебные инстанции часто по многу раз вынуждены обращаться к одному и тому же вопросу.

Следует указать две основные причины этого явления. Одна состоит в наблюдавшейся ранее недооценке значения неправовых факторов, влияющих на эффективность судопроизводства (уровень культуры и правосознания судей, народных заседателей, всех граждан, система подготовки судебных кадров, стимулирование труда судей и т. д.)²⁸. Так, судоустройственные (ор-

На наличие в практике случаев вынесения недостаточно мотивированных постановлений (определений) надзорными инстанциями обращено внимание в постановлении № 2 Пленума Верховного Суда СССР «О практике пересмотра в порядке судебного надзора приговоров, определений и постановлений судов по уголовным делам» от 21 января 1974 г. («Советская юстиция», 1974, № 6, стр. 29).

См. схему факторов, влияющих на эффективность правосудия, в гл. I, §11

рамн.iiiiiiiue) условия, исключают постороннее воздействие па судей, могут сыграть свою роль в судопроизводстве только и том случае, если они будут в полной мере обеспечены ⁹⁰целым рядом гарантий ^.

Вторая причина — недостаточность правовых гарантий эффективности деятельности вышестоящих судов, наличие в уголовно-процессуальной регламентации этой деятельности ряда пробелов и упущений.

Поэтому в следующем параграфе мы считали возможным сформулировать ряд предложений, направленных на создание более надежной системы исправления судебных ошибок в кассационном и особенно в надзорном порядке (последний регламентирован явно недостаточно).

Конечно, нельзя все предложения о повышении эффективности уголовно-процессуальной деятельности в тех или иных стадиях процесса сводить к предложениям о совершенствовании закона, его изменении. Основным способом повышения эффективности деятельности вышестоящих судов, должно быть строгое соблюдение действующего закона, использование заложенных в нем возможностей. Однако нельзя и противопоставлять одно другому. Повышение эффективности вышестоящих судов зависит как от полного использования возможностей действующего закона, так и от его совершенствования.

§ 3. Пути повышения эффективности деятельности вышестоящих судов по исправлению судебных ошибок

Различная оценка ряда предложений, направленных на повышение эффективности работы судов, разное отношение к преимуществам или недостаткам порядка рассмотрения дел в вышестоящих судах часто вызывает практической невозможностью апробировать процессуальные новеллы, как они представляются исследователю. Поэтому для определения эффективности предложений, имеющих целью повысить качество судопроизводства (в том числе в кассационных и надзорных инстанциях) приобретают важное значение методы исторического анализа принципов и институтов уголовного процесса и методы сравнительного анализа уголовно-процессуального права и результатов его применения в различных социалистических странах, а также разных союзных республик Советского Союза. Рассматривая состояние кассационного и надзорного производства в целом, можно в определенных пределах сравнивать эффективность различных вариантов решения, поскольку

^ Д. Рахтное. Независимость судей в советском уголовном процессе. М., 1972, стр. 81—136.

законодательство союзных республик и сложившаяся на его основе судебная практика дает основания для такого сравнения.

Различные решения процессуальных вопросов следует анализировать и во времени, и в процессе развития соответствующих правовых институтов. Теоретические построения в области права вообще и уголовно-процессуального права, в частности, должны основываться на изучении развития права и конкретных фактов, указывающих на степень эффективности права, его норм и институтов.

Помня указания В. И. Ленина о том, что «самое надежное в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³⁰, мы должны постоянно иметь в виду, что если без исторического подхода не может быть полного научного понимания явлений общественной жизни, то не может быть такого понимания и в области правовых наук.

И дело, конечно, не только в том интересе, который вызывает само по себе изучение истории нашего процесса, его институтов. Практическое значение изучения исторической эволюции правовых норм и институтов состоит прежде всего в том, что это связано с оценкой их эффективности и позволяет правильно оценить предложения, направленные на совершенствование законодательства и практики его применения.

Это позволяет максимально устранять и возможность волюнтаристического решения тех или иных проблем. Нельзя впадать и в другую крайность, подменяя творческое начало в законодательной деятельности простым повторением уже пройденного, некритическим и малоэффективным восстановлением забытых и отвергнутых практикой норм и институтов. В настоящее время мы еще сталкиваемся с такого рода предложениями (например, о сокращении числа надзорных инстанций, ликвидации президиумов судов), основанными всего лишь на том, что раньше «так было».

Исходя из вышеуказанных соображений методического характера, мы хотели бы в дальнейшем ограничиться рассмотрением двух самостоятельных проблем, правильное разрешение которых дает возможность существенно повысить эффективность

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 67.

Пути дальнейшего совершенствования деятельности Верховного Суда СССР и других судов страны намечены в постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 15 сентября 1972 г. по отчету Верховного Суда СССР и в речи Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного «Об избрании Верховного Суда СССР» от 20 сентября 1972 г.

работы вышестоящих судов, добиться обнаружения и исправления и, возможно, большего числа судебных ошибок.

Первая из них — проблема эффективности средств обжалования в стадии надзорного производства, расширения процессуальных гарантий достижения истины и охраны прав граждан в этой стадии процесса.

Вторая проблема — внесение в деятельность кассационных и надзорных инстанций так называемых «элементов апелляции».

1. В настоящее время процессуальным законом не регламентированы многие вопросы, связанные с рассмотрением жалоб в вышестоящих судах. Особенно это относится к жалобам на приговоры, вступившие в законную силу. Процессуальные условия и порядок рассмотрения жалоб в кассационном и надзорном производстве значительно отличаются друг от друга.

Не является ли это фактором, снижающим эффективность работы по исправлению судебных ошибок?

При рассмотрении жалоб в порядке надзора, истребовании по ним дел и принесении протестов многое зависит от субъективного усмотрения должностных лиц. Это подтверждается рядом сведений о результатах пересмотра дел в кассационном и надзорном порядке.

По данным анкетирования по так называемым «групповым» делам, в отношении 2—5 осужденных, кассационные инстанции отменили 18,4% приговоров (от всех ими отмененных), а надзорные лишь 11,6% (данные нашего исследования). Такое соотношение объясняется явным или скрытым нежеланием заниматься пересмотром больших, трудных, групповых дел в надзорной стадии процесса, где пересмотр приговора связан не с жалобой, неизбежно возбуждающей производство по делу (кассация), а с принесением протеста в порядке надзора, где существует значительно большая степень усмотрения должностных лиц в вопросе «быть или не быть» пересмотру приговора.

Одним из способов нейтрализации этого отрицательного явления служила бы более развернутая регламентация законом процессуального порядка рассмотрения надзорных жалоб.

В действующем законе недостаточно четко решен вопрос не только о рассмотрении так называемых «надзорных жалоб», но и о начале, основаниях и пределах надзорного производства по делу, в котором они рассматриваются, не определен круг лиц, правомочных разрешать жалобы (ходатайства) о пересмотре приговоров, определений и постановлений суда, не определен порядок подачи самих жалоб, порядок и сроки их рассмотрения. Имеют важное значение вопросы процессуального оформления жалоб.

Принято считать, что деятельность должностных лиц надзорных инстанций по разрешению жалоб вообще находится вне пределов процесса. Так, например, авторы пособия «Протест

прокурора по уголовным делам» (М., 1966, стр. 3) пишут, что надзорное производство начинается только при наличии протеста. Это неправильно, так как при таком подходе рассмотрение жалоб на судебные решения, равно как и истребование уголовных дел, их проверка, составление тех или иных документов, фиксирующих результат рассмотрения жалобы и проверки дела, остаются процессуально неупорядоченными. Надзорные жалобы, по нашему мнению, нужно рассматривать как повод и основание для возбуждения надзорного производства по делу. Следует установить, что производство по самой жалобе начинается с момента поступления этой жалобы в надзорную инстанцию или соответствующий орган прокурорского надзора и заканчивается или истребованием дела, или вынесением постановления о прекращении надзорного производства по жалобе. В случае принесения протеста надзорное производство оканчивается, естественно, после рассмотрения протеста соответствующим судом. Любая поступившая в судебные и прокурорские органы жалоба, если она достаточно обоснована и признана убедительной, должна повлечь за собой истребование дела и внесение, в случае установления необходимых оснований, надзорного протеста. Однако вряд ли правильно, если жалоба лица, не являвшегося участником процесса (его родственником) и не имеющего личного процессуального интереса, должна автоматически влечь за собой возбуждение процессуально регламентированной процедуры ее рассмотрения, которая была предложена выше.

Важным представляется вопрос и о том, кто и в каком порядке уполномочен рассматривать жалобы. В настоящее время закон не определяет круг лиц, которые могут принимать решения в результате рассмотрения надзорных жалоб. Законом определены лишь лица, которые имеют право приносить протесты. Прежде всего в связи с этим необходимо отметить, что такое положение, когда решения об отказе в опротестовании судебного приговора, вступившего в законную силу, и оставлении жалобы без удовлетворения принимаются лицами, не имеющими право на принесение протеста, — является ненормальным. Если право на принесение протеста не может быть передано лицом, обладающим таким правом, иному лицу, то и право на отказ в опротестовании судебного решения не может быть передано тем должностным лицам, которые лишь предварительно оценивают законность и обоснованность приговоров, но не имеют права их опротестовывать. Равным образом нельзя признать нормальным, когда лицо, не имеющее права по закону принять решение об истребовании дела, отказывает жалобщику © его просьбе. Отказать в истребовании дела может только должностное лицо, имеющее на это право.

К чему приводит нарушение этого, казалось бы ясного, положения, видно на следующем примере.

Д. и Т. признаны судом виновными в убийстве приемкой дочери Т. В качестве доказательств, подтверждающих их виновность в этом преступлении, судом оценены следующие факты: 1) дочь осужденной Т. Зинаида, работавшая буфетчицей на ст. Бригадирская, исчезла; 2) в реке Иловой, близ деревни Решетнишово, обнаружен труп женщины; 3) в доме Т. на стене обнаружено пятно крови; 4) пятнадцатилетняя сестра исчезнувшей показала, что она являлась очевидцем ее убийства.

Трудно объяснить причины допущенной по этому делу ошибки. В результате самого элементарного сопоставления имеющихся фактов и проверки каждого из них было ясно, что обнаруженный труп женщины не являлся трупом исчезнувшей Зинаиды, пятно крови образовалось от раздавленного насекомого, а недостоверность показаний сестры исчезнувшей вполне могла быть установлена на основе ее же объяснений, которые она давала в процессе рассмотрения дела в судебном заседании, отказываясь от ранее данных показаний как ложных.

В результате только внимательного отношения к многочисленным заявлениям осужденного А., что исчезнувшая жива и на имя ее родственников от нее поступают письма, ошибка могла бы и не быть допущена, в крайнем случае, могла быть исправлена при проверке дела в порядке надзора.

Однако многочисленные жалобы осужденного рассматривались на протяжении целого ряда лет одними и теми же прокурорами, неоднократно принимавшими одни и те же решения.

«...Мои жалобы прошли все инстанции...— писал осужденный. — Пишу... 80-ю по счету. Она также попадает в те органы, на которые жалуешься. Спрашивается, какой же выход из создавшегося положения? Или смириться с судьбой и невинно отбывать наказание, или продолжать бесплодную переписку с органами суда и прокуратуры?...»

Только через десять лет, когда осужденный А. отбыл наказание и лично разыскал Т. Зинаиду, в убийстве которой он был обвинен, дело было прекращено.

Могут сказать, что количество поступающих жалоб делает невозможным рассмотрение каждой из них лицом, имеющим право на принятие протеста, так как круг таких лиц весьма ограничен. Однако нам представляется, что только таким лицом может быть утверждено принятое по жалобе решение. Именно в связи с этим и следует четко определять права и обязанности всех лиц, уполномоченных на проверку и рассмотрение жалоб, их взаимоотношения с лицами, имеющими право потребовать дела и приносить протесты в порядке надзора.

Установление в процессуальном законе порядка, в соответствии с которым решение об отказе в опротестовании приговора могло бы приниматься только лицами, уполномоченными на принятие протеста, должно быть, по нашему мнению, связано с ограничением возможности в течение определенного срока и по тем же основаниям обращаться с повторными ходатайствами в ту же инстанцию, в которой было принято решение об отказе в удовлетворении жалобы. Есть ли вообще смысл обращаться с одними и теми же заявлениями и ходатайствами в адрес лиц, уже принявших решение по этим заявлениям и ходатайствам? Любое производство должно быть гарантировано от повторного возбуждения. Это относится и к

надзорному производству, если процессуальный порядок рассмотрения жалоб будет регламентирован³¹.

Представляется целесообразным установить порядок обжалования постановления о прекращении надзорного производства. Такое постановление могло бы быть обжаловано в вышестоящий суд или вышестоящему прокурору в зависимости от того, каким органом оно вынесено.

В настоящее время существует различная практика оформления решений, принятых в результате рассмотрения надзорных жалоб. Представляется, что постановление о прекращении надзорного производства, каким бы органом оно не было вынесено, должно быть мотивировано. Оно должно стать процессуальным документом, приобщаемым к материалам дела. Это повысит ответственность лиц, принимающих решения по жалобам, и позволит вышестоящим органам учесть их доводы.

Необходимо создать гарантии объективного рассмотрения надзорных жалоб лицами, не заинтересованными в исходе дела, распространив на них процессуальные правила об отводах.

Закон не регламентирует правила составления надзорных жалоб. Конечно, невозможность обоснования жалобы или недостаточность такого обоснования не может быть связана с неблагоприятными последствиями для жалобщика. Любая жалоба должна быть рассмотрена. Однако нельзя не признать, что недостаточное обоснование жалобы может повлечь опасность, что такая жалоба будет неправильно понята, не вызовет необходимого вмешательства и не позволит вскрыть судебную ошибку. Поэтому обоснование жалобы адвокатом — его правовая обязанность³².

Многие жалобы поступают сразу в вышестоящие надзорные инстанции, минуя нижестоящие, что затрудняет их проверку и правильное разрешение.

³¹ Редколлегия данной монографии не может присоединиться к этому предложению автора, поскольку оно ведет к ограничению возможностей для обжалования приговоров в порядке надзора. Автор не учитывает, что при поступлении повторных надзорных жалоб в один и тот же орган существует возможность поручать их рассмотрение разным должностным лицам. Следует также иметь в виду, что в каждом таком органе существуют несколько должностных лиц, имеющих право на принятие надзорного протеста. Если одно из них отклонило жалобу осужденного (другого лица), не истребовало дело и не принесло протест, то это еще не значит, что другие поступят таким же образом.

На иной, правильной, на наш взгляд, точке зрения стоит П. Я. Трубников (*П. Я. Трубников. Пересмотр решений в порядке судебного надзора*, М., 1974, стр. 78).

³² В отношении осужденных и иных лиц установление такой правовой обязанности невозможно, поскольку они не осведомлены в достаточной мере о порядке составления юридических документов. Иное означало бы «урезывание» гарантий прав личности, сокращение возможностей для исправления судебных ошибок в порядке надзора,

Пшо. в Декрете Совета Народных Комиссаров от 30 декабря НИ!) г. «Об устранении волокиты», подписанном В. И. Лениным, указывалось: «Минуя высшее учреждение, которому непосредственно подчинено учреждение или должностное лицо, действия которого обжалуются, и принося жалобу прямо в центр, граждане также создают волокиту, вместо того, чтобы содействовать ее устранению, так как центр должен, соблюдая закон и интересы государства, навести справки на местах и, таким образом, задержать рассмотрение жалобы»³³.

Необходимо разъяснять гражданам эти положения. Однако вряд ли возможно юридически обязать их подавать жалобы «по инстанции».

2. Специфика оценки доказательств в вышестоящих судах заключается, с одной стороны, в том, что судьи не воспринимают непосредственно показания обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, ограничены в возможностях восприятия и исследования заключения эксперта и других средств доказывания.

С другой стороны, в предмет оценки в вышестоящем суде включается ряд новых сведений, которые не были предметом оценки суда первой, а иногда кассационной и надзорной инстанций. Указанные сведения, оцениваемые вышестоящим судом, содержатся в доводах жалобы, протестах, новых материалах. К дополнительным данным, оцениваемым при пересмотре судебных решений в кассационном и надзорном порядке, можно отнести также личные объяснения осужденного или оправданного, полученные при пересмотре судебного решения, доводы их представителей, письменные объяснения и заключения, поданные при рассмотрении дела в вышестоящем суде участниками уголовно-процессуальной деятельности. Оценка совокупности указанных сведений дала бы возможность вышестоящему суду сделать наиболее обоснованные выводы, если бы он мог непосредственно воспринимать и непосредственно исследовать эти сведения.

Таким образом, речь идет о введении некоторых элементов апелляции в деятельность наших вышестоящих судов.

Советский уголовно-процессуальный закон отказался от апелляционного и кассационного пересмотра приговоров в их чистом виде с первых же дней организации советского суда. Сложив в понятия советской кассации и советского надзорного производства качественно иное содержание.

В отличие от буржуазного уголовного процесса, где различают «чистую» кассацию (пересмотр дела лишь по формальным правовым основаниям) и «чистую» апелляцию (новое рассмотрение дела по существу в вышестоящем суде с правом вынесения нового, иногда более строгого приговора), в советском уголовном процессе и кассация, и надзор — такие формы пе-

³³ О' РСФСР, 1020, № 1—2, стр. у.

ресмотра уголовных дел, которые позволяют проверить как законность, так и обоснованность приговоров. Однако проверка эта осуществляется в основном по письменным материалам дела. Если бы удалось несколько расширить возможность непосредственного исследования доказательств в вышестоящих судах, не доводя дело до восстановления «чистой» апелляции, то это, на наш взгляд, позволило бы вышестоящим судам более тщательно исследовать обстоятельства дела и вскрывать большее количество судебных ошибок. Мнение подавляющего большинства процессуалистов сводилось к тому, что отказ от апелляции как института, не свойственного нашему порядку пересмотра приговоров, имеет глубоко принципиальное значение, так как ее допущение неизбежно затягивало бы процесс, усложняя производство по делу³⁴.

Представляются явно преувеличенными утверждения о том, что все черты апелляции неприемлемы для советского уголовного процесса, несвойственны ему. В оценке указанного института иногда преобладает полемика чисто терминологического характера.

Было бы неправильным считать, что апелляция как институт проверки законности и обоснованности судебных решений всегда вызывала к себе отрицательное отношение советских юристов. «Аргументом против допущения апелляции обычно приводят то,— отмечал Н. В. Крыленко,— что вторая инстанция неспособна так правильно рассмотреть дело в порядке бумажного производства, как можно рассмотреть его в порядке непосредственного производства первой инстанции. Однако это только аргумент за то, чтобы вторую инстанцию построить иначе, но не аргумент против самой апелляции»³⁵.

Конечно, если считать, что сущность апелляции как формы обжалования приговоров суда первой инстанции состоит в том, что вышестоящий суд по жалобе стороны должен пересмотреть дело в таком порядке, как оно рассматривалось первый раз в суде первой инстанции, с вызовом и допросом свидетелей, допрошенных при первом рассмотрении дела, с представлением и повторным исследованием всех без исключения доказательств по делу, в том числе и доказательств, которые не были предметом рассмотрения суда первой инстанции, то, учитывая характер кассационного производства в нашем процессе, вряд

М. В. Кожевников. Обжалование и опротестование приговоров. Под редакцией И. Т. Голяков а. М., 1939, стр. 7—9; *М. М. Гродзинский.* Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 14—15.

Я. В. Крыленко. О философских выступлениях т. Солнца на тему о революционной законности, о старом и новом праве и его практических до этому поводу соображениях.— «Известия ЦИК», 8 декабря 1925 г.; *Я. В. Крыленко, В. И. Яхонтов.* Статьи о революционной законности. М., 1926; *Я. В. Крыленко.* Суд и право в СССР. М., 1927, стр. 61/—62.

ми ст, необходимость говорить *о замене этого производства 'пи'лящей. Вопрос ставится лишь о расширении начала непосредственности в деятельности вышестоящих судов³⁶.

Поскольку признается право и обязанность суда, рассматривающего дело в порядке надзора, входить в оценку доказательств, положенных в основу приговора, то нужно внимательно отнестись к предложениям не только о вызове в надзорную инстанцию осужденного или оправданного либо их защитников, но и о регламентации процессуальным законом права вызывать и допрашивать при рассмотрении дела в порядке надзора эксперта, потерпевших, свидетелей. Это в полной мере относится и к кассационному пересмотру приговоров. И действительно, если кассационная или надзорная инстанция имеют возможность наиболее глубоко проверить дело на основе непосредственного исследования тех или иных доказательств, то не следует отказываться от такой возможности.

Прав Г. П. Саркисянц, который, не ставя вопрос о замене кассационного (надзорного) производства апелляционным, высказывается за расширение прав этих инстанций с введением в них некоторых элементов апелляционного характера и обращает внимание на то обстоятельство, что на практике многие дела возвращаются на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства или доследование для производства несложных судебнo-следственных действий с целью уточнения степени участия обвиняемого в преступлении, его личности и т. д. Все это осуществимо, пишет Г. П. Саркисянц, при рассмотрении дела в суде второй инстанции. Возвращение таких дел для производства указанных действий ведет к ненужной волоките, а порой и к утрате отдельных доказательств³⁷.

Скажем больше. Можно ли признать целесообразным отмену приговора в связи с необходимостью, например, пересмотреть вид режима в НТК, определенный судом первой инстанции, в сторону большей его строгости. Имеют место случаи, когда протесты в связи с неправильно назначенным осужденному режимом не вносятся ввиду «нецелесообразности» отмены приговора и повторного рассмотрения дела в суде первой инстанции. Следует обратить внимание на то, что пересмотр приговоров в суде второй инстанции, а затем, соответственно, в суде первой инстанции по этому основанию занимает большое место в надзорной деятельности не только судебных органов, но и органов прокурорского надзора. Так, в Литовской ССР в 1966—1967 гг. протесты в связи с неправильно определенным режимом по своему удельному весу превышали протесты прокуроров, внесен-

³⁶ Полсс подробно об этом см.: В. Б. Алексеев. Оценка доказательств в стадии надзорного производства. М., 1971, стр. 65—73.

³⁷ /./ (Саркисянц. Участие защитника в кассационной, надзорной инстанциях и при исполнении приговора. Ташкент, 1965, стр. 82.

ных в порядке надзора по вопросам квалификации преступлений, мягкости или суровости наказания, необоснованного осуждения и -необоснованного оправдания. Некоторые судебные ошибки при определенных условиях могли бы исправляться самим вышестоящим судом без отмены приговоров. Может возникнуть вопрос о недопустимости рассмотрения отдельных из указанных случаев в суде второй инстанции, поскольку такое рассмотрение нарушало бы права осужденных, однако представляется возможным введение в процедуру рассмотрения дел в вышестоящих судах таких элементов, которые гарантировали бы соблюдение прав и законных интересов осужденного — его вызов, участие защитника, согласие (в определенных случаях) «а пересмотр приговора в вышестоящем суде со стороны заинтересованных в рассмотрении дела участников процесса, непосредственное исследование ряда доказательств вышестоящим судом.

Говоря о необходимости внесения элементов апелляции в деятельность вышестоящих судов, следует иметь в виду лишь такие элементы, которые смогли бы восполнить и уточнить доказательственный материал, исследованный в суде первой инстанции. Центр тяжести разрешения дел в советском уголовном процессе должен оставаться в суде первой инстанции³⁸.

³⁸ Уголовный процесс ряда социалистических стран допускает апелляционное производство или вводит отдельные его элементы («Уголовный процесс зарубежных социалистических государств Европы». М., 1967, стр. 295—196; «Уголовный и уголовно-процессуальные кодексы ГДР». Под ред. М. А. Гельфера. М, 1(971).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования, результаты которых были изложены, — только начало большой и сложной работы, научной и практической, по изучению путей повышения эффективности социалистического правосудия. Далеко не исчерпав тему, мы постарались затронуть ряд важных вопросов качества осуществления правосудия по уголовным делам на современном этапе, сделав, однако, упор на недостатки и изъяны, ибо лишь их устранение позволит еще более поднять уровень судебной работы.

Необходимо, чтобы такого рода исследования стали плановыми мероприятиями, систематически осуществляемыми по единой программе в центре и на местах самими государственными органами (судами, учреждениями Министерства юстиции, прокуратурой) при активном участии ученых-юристов, социологов, психологов, математиков и др.

Факторы, влияющие на эффективность правосудия, которые в нашей работе исследованы далеко не полностью, станут и уже являются предметом интенсивной разработки. Эта разработка должна быть длительной, постоянной, дающей представление о тенденциях и динамике развития.

Такая работа, несомненно, потребует создания всесоюзного, а в крупных союзных республиках — и республиканских центров правовой информации. Это позволит создать единую информационную систему, охватывающую всю совокупность сведений, поступающих из судов, прокуратуры, органов министерства юстиции, МВД, КГБ и научных юридических учреждений, разумеется, при сохранении существующих статистических и аналитических подразделений в рамках юридических ведомств, судебных органов и прокуратуры.

В нашей работе не подвергались специальному изучению уголовно-правовые ошибки судов. Несомненно, что эта проблема заслуживает особого рассмотрения.

Выводы и предложения, вытекающие из проведенных нами исследований, сделаны в соответствующих главах работы.

Исследование еще раз подтвердило, что процесс укрепления социалистической законности является закономерностью развития социалистического правосудия, что судами проводится огромная работа по усилению борьбы с преступностью, по охране прав граждан, что общее количество судебных ошибок в

СССР неуклонно снижается. Эта тенденция прослеживается за ряд лет и является стабильной,

Однако даже единичные судебные ошибки причиняют вред государству, обществу и отдельным гражданам. Условие устранения судебных ошибок — выявление и ликвидация их причин, связанных с состоянием различных факторов, влияющих, с одной стороны, на право, а с другой, на судей и народных заседателей.

С этих позиций в работе сделана попытка рассмотреть проблему эффективности дальнейшего совершенствования деятельности органов социалистического правосудия.

Авторский коллектив выражает признательность работникам Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, Управления общих судов Министерства юстиции СССР, председателям верховных судов союзных республик, судьям областных, краевых судов, всем учреждениям, научным и практическим работникам, а также студентам-юристам, чьи соображения, советы, пожелания и непосредственное участие в исследованиях оказали большую помощь в подготовке этой работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Обоснование репрезентативности данных анкетирования при сборании информации, послужившей фактической основой исследования причин судебных ошибок, диктует необходимость объяснений нескольких направлений выборки. Они различны применительно к двум разработанным и распространявшимся видам анкет.

Анкета № 1 на отмененный приговор заполнялась по результатам работы судей по рассмотрению уголовных дел за два года — 1967 и 1968. Она была распространена в следующих союзных республиках:

1967 г.	1968 г.
РСФСР	РСФСР
Украинская ССР	Азербайджанская ССР
Молдавская ССР	Грузинская ССР
Киргизская ССР	Казахская ССР
Таджикская ССР	Латвийская ССР
Армянская ССР	Туркменская ССР
Эстонская ССР	Узбекская ССР
Узбекская ССР	

Такая география распространения дает возможность для логического обоснования выборки, во-первых, потому, что за два года анкетирования охвачены все союзные республики (по РСФСР в первый и второй годы анкеты распространялись в разных областях и краях); во-вторых, потому, что в пределах одного года анкетирования представлены центральные, западные, среднеазиатские, закавказские и прибалтийские республики СССР.

Достаточность фиксируемых в анкете № 1 оснований отмены приговоров для распространения результатов ее обобщения на причины отмены по всем основаниям (включая и уголовно-правовые: мягкость наказания и изменение квалификации) обосновывается количественным и качественным значением уголовно-процессуальных оснований отмены, связана с понятием судебной ошибки в целом и с аспектом, избранным при изучении судебных ошибок в данной работе (см. гл. I).

Количественное обоснование достаточности выборки дел, изучавшихся с помощью анкеты № 1, также разная ланова

1. Проведенное исследование применительно к указанным в анкете № 1 основаниям в пределах одного года и в каждой конкретной республике или области можно считать сплошным, так как анкеты № 1 заполнялись на все приговоры, отмененные по указанным основаниям.

2. Достаточность выборки может быть обоснована соотношением изученных с помощью анкет отмененных приговоров с генеральной совокупностью таковых по СССР за один год.

Количество лиц, в отношении которых были отменены приговоры, по наиболее широким анкетам в 1967 г. и в 1968 г., составляет от всех лиц в каждом указанном году, приговоры в отношении которых отменялись по прочувленным основаниям, соответственно 8 и 7,51%.

3. Наряду с логическим и чисто количественным обоснованием выборки возможно и синтезирование того и другого, в данном случае оно позволяет считать, что выборка превышает даже выведенный раньше процент для каждого года». Действительно, для анкетирования были выбраны два года, не отличающиеся друг от друга какими-либо существенными изменениями в объективных условиях судопроизводства — за это время не принимались новые законодательные акты, регулирующие судопроизводство, не проводились выборы народных судей, не менялись условия деятельности суда, как это было, например, в 1966 или 1970 г. Это позволяет рассматривать всю совокупность изученных приговоров за 1967 и 1968 гг. в соотношении со среднегодовой отменой за эти два года по всему Советскому Союзу при допущении, что при сходных условиях деятельности судов за этот период анкетный материал может быть принят как характеризующий один (из этих двух годов) год работы. Тогда можно считать выборку равной 15,5%.

4. Достаточность выборки, а также возможность сопоставлять данные всего массива анкет со среднегодовой отменой по процессуальным основаниям подтверждаются тем, что результаты анкетирования за 1967 г. подобны тем, которые получены в 1968 г. по значению основных показателей как в первичных, так и во вторичных группировках (см. в соответствующих главах работы).

Анкета № 2 заполнялась судьями по результатам их работы за год. География ее распространения такая же, как и у анкеты № 1.

В 1967 г. анкету № 2 заполнили 2400 судей, в 1968 г. — 703 судьи. В отношении анкеты № 2 еще более применим принцип, по которому ее распространенное количество за два года может рассматриваться как единый массив, поскольку большая часть показателей характеризует не конкретное рассмотрение уголовного дела, а общие стабильные для 1967—1968 гг. условия работы в судах.

Кроме того, и число опрошенных анкету № 2 судей равно почти 73 от всех судей по СССР, что в сочетании с широкой географией рассылки анкеты обеспечивает несомненную возможность распространения результатов анкетирования на всех судей Советского Союза.

Это подтверждается и совпадением в процентных отношениях результатов обработки анкеты № 2 со статистическими данными по СССР по ряду показателей, одинаково присутствующих и в государственных статистических формах, и в анкете № 2. (Например, данные о стаже работы судей, об их образовании, об отмене приговоров по различным основаниям.)

Кроме того, результаты анкетирования судей по анкете № 2 нашли дополнительное подтверждение уже и после выборов судей 1970 г., а именно при проведении аналогичного анкетирования в 1973 г., на основании которого собран материал по семи союзным республикам и девяти краям, областям и автономным республикам, входящим в РСФСР. Всего в 1973 г. опрошено 1833 народных судьи, что составляет больше 20% судей СССР. Данные этого последнего специального анкетирования по основным вопросам совпали с исследованиями предыдущих лет.

Исходя из вышеизложенного можно признать, что полученные в результате выборочных исследований данные по различным аспектам деятельности судебных органов характеризуют достаточно полно изучаемые стороны деятельности судов по всему Советскому Союзу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел третий

ОШИБКИ СУДОВ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Глава VII. Психологические истоки судебных ошибок и внутреннее убеждение судей	3
§ 1. Эволюция психологической науки для изучения причин судебных ошибок	3
§ 2. Психологическая направленность процессуальной (регламентации) на предупреждение судебных ошибок	7
§ 3. Психическая установка, психические состояния и общая активность личности как факторы, влияющие на судебные ошибки	11
§ 4. Роль судебной психологии в изучении причин судебных ошибок и их предупреждении	27
§ 5. Социально-психологические факторы при формировании внутреннего убеждения судей	38
§ 6. Независимость судей — гарантия вынесения законного приговора на основе внутреннего убеждения	52
Глава VIII. Неполнота исследования обстоятельств дела, несоответствие им выводов суда и существенные нарушения процессуального закона	63
§ 1. Виды, общие причины и распространенность ошибок, связанных с неполнотой исследования и необоснованностью выводов суда	63
§ 2. Некритическое отношение суда к выводам органов расследования и государственного обвинения	81
§ 3. Мнимые доказательства при вынесении ошибочных приговоров	89
§ 4. Характер необоснованных завершающих решений суда	97
§ 6. Существенные нарушения процессуального закона	106
Глава IX. Ошибки суда в оценке отдельных видов доказательств	119
§ 1. Ошибки суда в оценке показаний обвиняемых и подозреваемых	119
§ 2. Ошибки суда в оценке показаний свидетелей и потерпевших	138
§ 3. Ошибки суда в проведении экспертизы, оценке заключений экспертов и вещественных доказательств	151
§ 4. Ошибки суда в оценке результатов опознания, следственного (судебного) эксперимента и проверки показаний на месте	170

Раздел четвертый

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ, АДВОКАТУРЫ И ВЫШЕСТОЯЩИХ СУДОВ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ИСПРАВЛЕНИИ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Глава X. Эффективность деятельности прокурора по предотвращению и исправлению судебных ошибок	185
§ 1. Критерии эффективности прокурорского надзора в суде и его роль в предотвращении и исправлении судебных ошибок	185
§ 2. Эффективность деятельности прокурора по предотвращению и исправлению судебных ошибок в суде первой инстанции и при кассационном обжаловании приговоров	190
§ 3. Эффективность деятельности прокурора по исправлению судебных ошибок в кассационных и надзорных инстанциях	201
Глава XI. Эффективность деятельности адвоката-защитника по предотвращению и исправлению судебных ошибок	216
§ 1. Понятие эффективности деятельности защитника и критерии ее оценки	216
§ 2. Эффективность деятельности защитника в стадии предания суду	219
§ 3. Эффективность деятельности защитника в стадии судебного разбирательства	226
§ 4. Эффективность деятельности защитника в кассационной инстанции	243
§ 5. Роль защитника в пересмотре приговоров, вступивших в законную силу	256
§ 6. Общие итоги изучения эффективности судебной защиты	261
Глава XII. Эффективность деятельности вышестоящих судов по исправлению судебных ошибок	265
§ 1. Задачи вышестоящих судов по исправлению судебных ошибок	266
§ 2. Эффективность деятельности вышестоящих судов по исправлению судебных ошибок	269
§ 3. Пути повышения эффективности деятельности вышестоящих судов по исправлению судебных ошибок	284
Заключение	294
Приложение	296

Эффективность правосудия и проблема
устранения судебных ошибок
Утверждена Институтом государства
и права Академии наук СССР

Редактор Я. М. Дмитриева

Художественный редактор *Т. И. Поленова*

Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Корректоры: Е. А. Васильева и Е. А. Гольденштейн

Сдано в набор 21/IV 1975 г. Подписано к печати 12/VIII 1975 г. Формат бумаги 60X90/1₅.
Бумага № 1. Печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 21,1. Зак. 1926. Тир. 1500 экз. Цена 1 р., 57 к.,
Тула, Тип. изд-ва «Коммунар», ул. Ф. Энгельса, 150.